Корнелия Функе

Чернильное сердце

Annotation

Отец Мегги обладает чудесным даром: когда он читает книгу вслух, её герои оживают. Однако взамен под обложку попадает кто-нибудь из окружающих. Да и в книгах бывают не только добрые персонажи.

- Корнелия ФУНКЕ
  - НОЧНОЙ НЕЗНАКОМЕЦ
  - ТАЙНЫ
  - НА ЮГ
  - Дом, полный книг
  - ВСЕГО ЛИШЬ КАРТИНКА
  - ОГОНЬ И ЗВЁЗДЫ
  - ЧТО СКРЫВАЕТ НОЧЬ
  - ОДНА
  - ПОДМЕНА
  - ЛОГОВО ЛЬВА
  - ТРУС
  - ЕЩЁ ДАЛЬШЕ НА ЮГ
  - ДЕРЕВНЯ КАПРИКОРНА
  - ВЫПОЛНЕННОЕ ПОРУЧЕНИЕ
  - РАДОСТЬ И БЕДА
  - В ТУ ПОРУ
  - ПРЕДАТЕЛЬ, КОТОРОГО ПРЕДАЛИ
  - ВОЛШЕБНЫЙ ЯЗЫК
  - НЕЯСНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
  - ЗМЕИ И ШИПЫ
  - БАСТА
  - В БЕЗОПАСНОСТИ
  - НОЧЬ, ПОЛНАЯ СЛОВ
  - ФЕНОЛИО
  - НЕПРАВИЛЬНЫЙ КОНЕЦ
  - ПРЕДЧУВСТВИЕ
  - ВСЕГО ЛИШЬ ИДЕЯ

    - ДОМА
    - ХОРОШЕЕ МЕСТО, ЧТОБЫ ОСТАТЬСЯ
    - БОЛТЛИВЫЙ ПИППО
    - НА ЛЕСИСТЫХ ХОЛМАХ
    - ВОЗВРАЩЕНИЕ
    - СЛУЖАНКА КАПРИКОРНА
    - ТАЙНЫ
    - РАЗЛИЧНЫЕ ЦЕЛИ
    - В ДОМЕ КАПРИКОРНА
    - ЛЕГКОМЫСЛИЕ
    - ТИХИЕ СЛОВА
    - НАКАЗАНИЕ ДЛЯ ПРЕДАТЕЛЕЙ
    - ЧЁРНЫЙ КОНЬ НОЧИ
    - ФАРИД
    - МЕХ НА КАРНИЗЕ
    - ТЁМНОЕ МЕСТО
    - РАССКАЗ ФАРИДА
    - ВЫДУМКИ ДЛЯ БАСТЫ
    - РАЗБУЖЕННЫЕ СРЕДИ НОЧИ
    - В ОДИНОЧЕСТВЕ
    - СОРОКА
    - ГОРДОСТЬ БАСТЫ И ХИТРОСТЬ САЖЕРУКА
    - ЭЛИНОР НЕ ПОВЕЗЛО
    - В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ
    - ХРУПКОЕ СОЗДАНИЕ
    - ПРАВИЛЬНЫЕ СЛОВА
    - ОГОНЬ
    - ПРЕДАТЕЛЬСТВО, БОЛТЛИВОСТЬ И ГЛУПОСТЬ
    - ПРИЗРАК
    - ВСЕГО ЛИШЬ ЗАБРОШЕННАЯ ДЕРЕВНЯ
    - ТОСКА ПО ДОМУ
    - ДОМОЙ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4

- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12

Корнелия ФУНКЕ
ЧЕРНИЛЬНОЕ СЕРДЦЕ

Анне, которая отложила в сторону даже «Властелина Колец», чтобы прочесть эту книгу. (Можно ли ожидать от дочери большего?) И Элинор, которая одолжила мне своё имя, хотя я использовала его не для королевы эльфов.

Шло, шло.

Шло слово, шло, шло через ночь, хотело светиться, хотело светиться.

Пепел. Пепел, пепел.

Ночь.

Пауль Целан. Узоведение

НОЧНОЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Лунный свет заполнял глаза деревянной лошадки, равно как и глаза мышки, когда Толли затаскивал её под подушку, чтобы получше разглядеть. Тикали часы, и ему казалось, что в тишине он слышит топоток крохотных голых ножек по полу, хихиканье, перешептыванье и звук, похожий на шелест страниц какой-то большой книжки.

Л. М. Бостон. Детииз Грин-Ноу

В ту ночь шёл дождь, моросящий, шепчущий дождь. Даже через много лет, стоило лишь закрыть глаза, Мегги слышала, как он словно пальцами постукивает по стеклу. Где-то в темноте лаяла собака, а Мегги всё вертелась с боку на бок и никак не могла заснуть.

Под подушкой лежала книга, которую она читала. Переплёт прижимался к уху, как будто манил девочку на спрятанные под ним страницы.

— Это, наверно, очень удобно — подкладывать под голову что-нибудь твёрдое, — сказал отец, когда впервые обнаружил книгу у неё под подушкой. — Признайся, она нашёптывает тебе по ночам свои истории?

— Иногда, — ответила Мегги, — но это только для детей.

В ответ Мо ущипнул её за нос. Мо. Мегги ещё никогда не называла отца иначе.

В ту ночь, когда всё началось и многое навсегда изменилось, под подушкой лежала одна из любимых книг Мегги. Раз дождь не давал ей спать, девочка села на кровати, протёрла глаза, прогоняя усталость, и вытащила из-под подушки книгу. Когда она раскрыла её, страницы многообещающе зашелестели. Мегги заметила, что каждая книга раскрывалась со своим особенным шелестом — в зависимости от того, знаешь ты, о чём эта книга, или нет. Теперь нужен был свет. В ящике своего ночного столика Мегги спрятала коробок спичек. Мо запретил ей зажигать ночью свечи. Он не любил огня.

«Огонь пожирает книги», — говорил он, но ведь Мегги было уже двенадцать, а значит, она могла уследить за парой свечей.

Она любила читать при их свете. На подоконнике стояли три свечи в подсвечниках. Только она поднесла горящую спичку к чёрному фитильку, как услышала снаружи шаги. Испугавшись, она задула спичку (спустя много лет она помнила этот момент во всех подробностях), встала на колени перед мокрым от дождя стеклом и выглянула наружу. Темнота посерела из-за дождя, и незнакомец показался в ней просто тенью. Лишь его лицо как будто светилось. Мокрые волосы прилипли ко лбу. Дождевая вода струилась по его одежде, но он этого не замечал — стоял неподвижно, скрестив руки на груди, словно хотел немного согреться, и разглядывал дом.

«Надо разбудить Мо!» — подумала Мегги, но даже не пошевелилась.

Сердце её колотилось, однако она продолжала смотреть в окно, словно незнакомец заразил её своей неподвижностью. Внезапно он повернул голову, и Мегги показалось, что они встретились взглядом. Она так быстро соскочила с кровати, что раскрытая книга упала на пол. Босиком она выбежала в тёмный коридор. В старом доме было прохладно, хотя стоял уже конец мая.

В комнате Мо ещё горел свет. Он часто читал допоздна. Именно от него Мегги унаследовала любовь к книгам. Когда по ночам ей снились страшные сны, она убегала спать к Мо, и ничто не убаюкивало её лучше ровного дыхания отца и шороха переворачиваемых страниц. Ничто так хорошо не прогоняло кошмары, как шелест книжной бумаги.

Но незнакомец перед домом — это не ночной сон.

Книга, которую читал Мо, была в светло-голубом переплёте. Мегги запомнила и это. Какие же мелочи остаются в голове!

— Мо, во дворе кто-то стоит!

Отец поднял голову и посмотрел отсутствующим взглядом — он всегда смотрел так, когда его отрывали от чтения. Каждый раз это длилось всего несколько мгновений, пока он не возвращался из сложного мира букв.

— Кто-то стоит? Ты уверена?

— Да, и смотрит на дом. Мо отложил книгу.

— Что ты читала перед сном? «Доктор Джекил и мистер Хайд»?

— Прошу тебя, Мо! Пойдём, — наморщила лоб Мегги.

Он не верил ей, но всё равно пошёл. Мегги так отчаянно тащила его за собой, что в коридоре он споткнулся о стопку книг. Обо что же ещё он мог споткнуться? Книжные стопки были везде. Книги не только стояли на полках, как у всех людей, — они лежали под столами, на стульях, в углах комнат. Книги были даже на кухне и в туалете, на телевизоре и в платяном шкафу; маленькие и большие стопки, толстые, тонкие, старые, новые… Книги. Их раскрытые страницы манили Мегги за завтраком, прогоняли скуку пасмурных дней, а иногда они с отцом о книги просто спотыкались.

— Вон там он стоит, — шептала Мегги, ведя Мо в свою комнату.

— А лицо у него волосатое? Тогда это может быть оборотень.

— Прекрати! — серьёзно сказала она, хотя его шутки прогоняли страх. Она уже и сама почти не верила в незнакомца под дождём… пока снова не присела на корточки возле окна. — Вон! Видишь? — шёпотом спросила Мегги.

Мо посмотрел сквозь непрерывно стекающие по стеклу струи дождя, но ничего не ответил.

— Ты ведь говорил, что к нам никогда не залезет грабитель, потому что у нас нечего красть, — прошептала Мегги.

— Это не грабитель, — ответил Мо, а когда он отошёл от окна, лицо его было очень серьёзным.

Сердце девочки забилось ещё сильнее.

— Иди в постель, — сказал он, — это ко мне.

И прежде чем Мегги успела спросить его, что, во имя всего святого, это за гость, который приходит ночью, Мо уже вышел из комнаты. Она побежала за отцом, взволнованная, а в коридоре услышала, как он снимает цепочку на входной двери. Очутившись в прихожей, она увидела, что отец уже стоит в проёме открытой двери.

В дом ворвалась ночь, тёмная, сырая, а шум дождя был угрожающе громким.

— Сажерук! — крикнул Мо в темноту. — Это ты? Сажерук? Что за имя? Мегги не могла вспомнить, слышала ли она уже однажды это имя, но звучало оно знакомо, словно какое-то далёкое воспоминание, которое всё никак не могло принять чёткие очертания.

Сначала снаружи было тихо. Слышен был лишь шёпот моросящего дождя, словно у ночи вдруг появился голос. Но потом раздались шаги, и из темноты появился тот самый незнакомец. Длинное пальто, мокрое от дождя, прилипло к его ногам, а когда он вышел на свет, Мегги на секунду показалось, что из рюкзака за его спиной, будто принюхиваясь, высунулась маленькая мохнатая головка и тут же быстро спряталась обратно.

Ночной гость вытер рукавом лицо и протянул Мо руку.

— Как дела, Волшебный Язык? Давно здесь? — спросил он.

— Очень давно. — Мо нерешительно пожал протянутую руку. При этом он смотрел куда-то мимо гостя, словно ожидая, что из темноты появится кто-нибудь ещё. — Заходи, а то, чего доброго, заболеешь. Мегги говорит, ты давно там стоишь.

— Мегги? Ах да, конечно…

Сажерук вошёл в дом. Он внимательно изучал Мегги, которая от смущения не знала, куда девать глаза. В конце концов она тоже стала смотреть на незнакомца.

— Она выросла, — сказал он.

— Ты помнишь её?

— Разумеется.

Мегги заметила, что Мо запер дверь на два оборота.

— Сколько ей сейчас? — Сажерук улыбнулся девочке.

Странная у него была улыбка — то ли надменная, то ли снисходительная, а может быть, гость просто смущался — Мегги не поняла, поэтому не улыбнулась в ответ.

— Двенадцать, — ответил Мо.

— Двенадцать? Боже мой!

Незнакомец убрал со лба мокрые волосы. Они доставали ему почти до плеч. Мегги стало интересно, какого же они цвета, когда сухие. Щетина вокруг узких губ была рыжая, как шерсть у бездомной кошки, для которой Мегги иногда ставила перед дверью блюдечко с молоком. На щеках щетина была редкой, словно у юноши. Она не прикрывала три бледных шрама, отчего казалось, будто его лицо однажды разбили, а потом снова склеили из кусочков.

— Двенадцать лет, — повторил он. — Ну конечно. Тогда ей было… три года, кажется?

Мо кивнул.

— Пойдём, я дам тебе, во что переодеться. — Казалось, Мо старался поскорее увести незнакомца от дочери. — А ты, — сказал он ей через плечо, — иди спать.

Не добавив больше ни слова, он закрыл за собой дверь в мастерскую.

Мегги стояла и тёрла холодные ноги одна о другую. «А ты иди спать»… Иногда Мо поздно вечером приносил ей в кровать пакетик орешков. Бывало, после ужина он носился за ней по всему дому, пока она, вдоволь насмеявшись, не оказывалась у себя в комнате. А порой он так уставал, что просто лежал на диване, а Мегги варила ему кофе, прежде чем лечь в постель. Но никогда ещё он не отправлял её спать так, как сейчас.

Какое-то предчувствие, похожее на страх, зародилось в её сердце, словно вместе с этим незнакомцем, чьё имя было таким странным и очень знакомым, в их жизнь ворвалось что-то ужасное. Она так жалела, что испугалась и позвала Мо. Лучше бы этот незнакомец остался на улице, пока бы его не смыло дождём.

Дверь в мастерскую открылась, и девочка вздрогнула.

— Ты всё ещё тут? — удивился Мо. — Иди спать, Мегги.

На его переносице залегла морщинка, которая появлялась только тогда, когда он был чем-то сильно встревожен, а смотрел он сквозь неё, точно его мысли были совершенно о другом. Тревожное предчувствие в сердце Мегги росло и росло.

— Прогони его, Мо! — сказала она, когда Мо привёл её в комнату. — Он мне не нравится.

Мо остановился в дверях.

— Когда ты завтра проснёшься, его уже не будет. Честное слово.

— Честное-честное? Ты не скрещиваешь пальцы? — Мегги посмотрела ему в глаза — она всегда замечала, если Мо лукавил, как бы он ни старался это скрыть.

— Не скрещиваю.

В доказательство он показал руки. Потом он закрыл за собой дверь, хотя знал, что Мегги этого не любила. Девочка прижалась к двери. Она услышала, как кто-то гремел посудой.

«Ага, Рыжая Борода захотел горячего чаю. Надеюсь, он подхватит воспаление лёгких», — подумала Мегги. Он не должен умереть от этого сразу, как мама её учительницы по английскому. Она услышала,

как закипел чайник, как Мо поставил на поднос чашки и пошёл в мастерскую.

Когда он закрыл дверь, Мегги предусмотрительно подождала пару секунд, хоть это было и нелегко, а затем снова выскользнула в коридор.

На двери мастерской висела маленькая медная табличка. Мегги знала наизусть то, что было на ней написано. По этим старинным заострённым буквам она училась читать, когда ей было пять лет:

Некоторыми книгами надо наслаждаться, другие — проглатывать; и лишь немногие нужно жевать, а затем хорошо переваривать.

В пять лет ей приходилось забираться на ящик, чтобы разобрать эти буквы. Слово «жевать» она тогда понимала буквально и с отвращением спрашивала отца, зачем он повесил на дверь высказывание какого-то осквернителя книг.

Затем она узнала, что всё это значило, но сейчас её совершенно не интересовали слова на табличке. Она хотела понять другие слова — тихие, почти неразборчивые, которыми обменивались двое за этой дверью.

— Ты не должен его недооценивать! — услышала она голос незнакомца.

Его голос был так не похож на голос Мо. Да и ни один другой голос не был на него похож. Мо словно рисовал своим голосом картины в воздухе.

— Он всё сделает, чтобы заполучить это! — снова услышала она голос Сажерука. — Не сомневайся, он из-под земли тебя достанет!

— Я никогда ему этого не отдам. — Это был уже Мо.

— Но так или иначе он её получит! Говорю же тебе: они взяли твой след.

— И уже не в первый раз! До сих пор мне всегда удавалось от них уйти.

— Да? И как долго это ещё будет, по-твоему, продолжаться? А как же твоя дочь? Только не говори, что ей очень нравится постоянно переезжать с места на место. Поверь, я знаю, о чём говорю: они скоро будут здесь.

За дверью стало тихо. Мегги задержала дыхание, боясь, что её услышат.

Затем снова заговорил отец — нерешительно, как будто слова давались ему с трудом.

— И что… и что я, по-твоему, должен делать?

— Пойдём со мной. Я отведу тебя к ним!

Кто-то из собеседников постучал ложкой по чашке. Обычные звуки казались в тишине очень громкими.

— Ты ведь знаешь, Каприкорн высокого мнения о твоих талантах, и он, несомненно, обрадуется, если ты сам принесёшь ему это. Тот новенький, которого он взял на смену тебе, совсем ничего не умеет.

Каприкорн… Ещё одно странное имя. Гость с трудом его выговорил, как будто это слово могло прокусить ему язык. Мегги пошевелила окоченевшими пальцами. Холод пронизывал её до костей, и она не понимала, о чём говорят двое мужчин, но старалась запомнить каждое слово.

В мастерской снова стало тихо.

— Не знаю… — сказал наконец Мо. Голос его был таким усталым, что у Мегги сжалось сердце. — Я должен подумать. Как ты считаешь, когда его люди будут здесь?

— Скоро! — Слово упало в тишине как камень.

— Скоро… — как эхо, повторил Мо. — Хорошо. Тогда я решу до завтра. У тебя есть где переночевать?

— Найдётся. С этим у меня никогда не было проблем. — Сажерук засмеялся, но смех этот был совсем не весёлым. — Но я бы хотел знать, что ты решишь. Ты не против, если я зайду завтра? Днём.

— Конечно. В полвторого я забираю Мегги из школы, а потом приходи.

Мегги услышала, как отодвинулся стул, и быстро побежала обратно в комнату. Едва она успела притворить за собой дверь, как открылась дверь в мастерскую. Натянув одеяло до подбородка, Мегги лежала и слушала, как отец прощался с гостем.

— Спасибо за предупреждение, — донёсся до неё голос Мо.

Послышались шаги — тихие, нерешительные, словно гость медлил, потому что сказал ещё не всё.

Наконец он ушёл, а дождь продолжал барабанить по окну мокрыми пальцами.

Когда Мо вошёл в её комнату, Мегги быстро зажмурила глаза и постаралась дышать ровно, как будто она крепко спала.

Но Мо был не глуп. Иногда он был даже чертовски умён.

— Мегги, вытащи ногу из-под одеяла, — сказал он.

Девочка неохотно выставила наружу всё ещё холодную ступню и положила её в тёплую руку отца.

— Так я и знал: ты шпионила. Хоть раз ты можешь меня послушаться?

Отец со вздохом накрыл её ногу тёплым одеялом. Он сел на кровать, потёр руками уставшее лицо и посмотрел в окно. У него были чёрные, как шерсть крота, волосы. А белокурые волосы Мегги достались ей от мамы, которую она знала только по выцветшим фотографиям. «Радуйся, что ты больше похожа на неё, чем на меня, — говорил Мо. — Моя голова плохо бы смотрелась на твоих плечах». Но Мегги очень хотела быть похожей на него, ведь на свете не было другого лица, которое бы она так любила.

— Я всё равно ничего не поняла из того, что вы говорили, — пробормотала она.

— Хорошо.

Мо смотрел в окно, словно Сажерук всё ещё стоял во дворе. Затем он встал и направился к двери.

— Попытайся немного поспать, — сказал он. Но Мегги совсем не хотела спать.

— Сажерук. Что это за имя? И почему он называет тебя Волшебным Языком? — спросила она, но Мо не ответил. — А тот, что ищет тебя… я слышала. Каприкорн. Кто это?

— Уж его-то тебе совсем не нужно знать, — ответил отец, не оборачиваясь. — Я думал, ты ничего не поймёшь. До завтра, Мегги.

На этот раз он оставил дверь открытой. Свет из коридора падал на её кровать. Он смешивался с ночной темнотой, проникавшей сквозь окно. Мегги лежала и ждала, пока темнота не исчезнет совсем и не заберёт с собой тревожное предчувствие в её душе.

Лишь много позже она поняла, что все беды начались не этой ночью.

ТАЙНЫ

— Ну а что делать этим детям, если у них нет книжек со всякими историями? — спросил Нафтали.

На что Реб Цебулун ответил:

— Им нужно примириться с этим. Книжки с историями — это ведь не хлеб. Можно и без них прожить.

— Лично я прожить без них не смогу, — возразил Нафтали.

И. Б. Зингер. Нафтали-сказочник и его конь Сус

Мегги проснулась ещё до рассвета. Полог ночи над полями стал заметно светлее, как будто полинял под дождём. На часах было почти пять, и Мегги хотела уже повернуться на другой бок, чтобы поспать ещё, как вдруг почувствовала, что в комнате кто-то есть. Испугавшись, она вскочила и увидела Мо — он стоял возле её шкафа.

— Доброе утро, — сказал он, складывая в чемодан её любимый свитер. — Прости, я знаю, ещё очень рано, но нам придётся уехать. Хочешь, я сварю на завтрак какао?

Мегги сонно кивнула. В саду пели птицы, как будто они проснулись уже несколько часов назад.

Мо положил в чемодан ещё какие-то вещи, закрыл его и понёс к двери.

— Надень что-нибудь тёплое, — сказал он, — на улице холодно.

— Куда мы? — спросила Мегги, но отец уже вышел из комнаты.

Она растерянно посмотрела в окно, словно ожидая снова увидеть там незнакомца, но во дворе лишь прыгал дрозд по мокрым камням. Мегги надела брюки и поплелась на кухню. В коридоре стояли два чемодана, сумка и ящик с инструментами Мо.

Отец сидел за столом и делал бутерброды в дорогу. Он попытался улыбнуться, но Мегги заметила, что отец чем-то встревожен.

— Мо, мы не можем уехать, — сказала она. — Каникулы начнутся только через неделю.

— Ну и что? Разве тебе впервой приходится бросать учёбу, когда я получаю заказ?

Он был прав. Это происходило довольно часто: если какому-нибудь букинисту, коллекционеру или библиотеке нужен был переплётчик, Мо приглашали очистить несколько старых книг от пыли и плесени или заново их переплести. Мегги считала, что слово «переплётчик» не совсем подходило к профессии отца, поэтому пару лет назад она смастерила на его дверь табличку с надписью: «Мортимер Фолхарт, книжный врач». И этот врач никогда не выезжал к своим пациентам без дочери. Так было и будет всегда, что бы там ни говорили учителя в школе.

— Как насчёт ветрянки? Или я уже говорил об этом учителям?

— В прошлый раз. Когда мы ездили к этому типу с библиями. — Мегги пристально посмотрела на отца. — Мо, нам надо ехать из-за… вчерашней ночи?

На секунду ей показалось, что Мо сейчас всё расскажет. Но он лишь покачал головой.

— Нет, конечно, — ответил он и положил бутерброды в пластиковую коробочку. — У твоей мамы была тётя. Тётя Элинор. Однажды мы ездили к ней, но ты тогда была совсем маленькой. Она уже давно просит, чтобы я привёл в порядок её книги. Она живёт у озера на севере Италии — постоянно забываю его название, но там очень красиво. Это примерно в шести-семи часах езды отсюда.

Пока отец говорил это, он не поднимал глаз на Мегги.

«Но почему именно сейчас?» — хотела спросить она, но промолчала. Она не спросила и о том, помнит ли он о сегодняшней встрече. Она очень боялась ответов на эти вопросы и того, что Мо ещё раз её обманет.

— Она такая же смешная, как и другие? — поинтересовалась девочка.

Они с Мо уже ездили к некоторым родственникам. И по отцовской, и по материнской линии их было очень много, и Мегги казалось, что жили они по всей Европе.

— Пожалуй, она немного смешная, — улыбнулся Мо, — но ты с ней подружишься. У Элинор чудесные книги.

— И долго мы у неё пробудем?

— Возможно, дольше, чем обычно.

Мегги отпила какао. Оно было таким горячим, что обожгло ей губы, поэтому она быстро прижала к ним холодный нож.

Мо отодвинул стул.

— Мне надо собрать кое-что в мастерской, — сказал он. — Я быстро. Ты, наверное, не выспалась, зато потом сможешь вздремнуть в автобусе.

Мегги кивнула и посмотрела в окно. Утро было серым. Над полями висел туман, и Мегги почудилось, что ночные тени притаились за деревьями.

— Упакуй еду и возьми с собой книги, — крикнул Мо из коридора.

Будто Мегги и сама бы не догадалась. Когда-то отец сколотил хорошенький сундучок для книг, которые она непременно брала во все поездки, долгие и не очень. «Приятно иметь в чужом месте свои книги», — говорил Мо. Сам он всегда возил с собой по крайней мере дюжину книг.

Мо покрыл сундук красным лаком, как любимый цветок девочки — мак. Маковые коробочки можно было засушить между книжными страницами, а пестик оставлял след в форме звёздочки, если его прижать к коже. На крышке Мо написал красивой вязью: «Сундук для драгоценностей Мегги», а внутри обил его блестящей чёрной тафтой. Правда, материал был не очень-то виден из-за большого количества книжек. С каждой новой поездкой книг в сундучке прибавлялось.

«Если ты берёшь с собой книгу, — сказал Мо, когда положил в её сундук первую книжку, — происходит странная вещь: книга начинает собирать твои воспоминания. Стоит лишь открыть её потом, и ты сразу переносишься туда, где читал эти страницы. Пробежал глазами первые слова — и перед тобой оживают знакомые картины, ты чувствуешь запахи, вкус мороженого, которое ел во время чтения… Поверь, книги волшебные, ведь ничто так хорошо не удерживает воспоминания, как их страницы».

Возможно, Мо был прав. Только Мегги брала с собой книги отнюдь не из-за того, о чём говорил отец. Они были для неё домом в чужом месте, внутренним голосом, друзьями, с которыми не

поссоришься, умными, сильными, смелыми, прошедшими огонь, воду и медные трубы. Книги веселили, когда ей было грустно, прогоняли скуку, а Мо тем временем кроил материалы, заново сшивал страницы, которые изрядно потрепали годы и множество пальцев.

Некоторые книги она всегда возила с собой, другие оставались дома, потому что не подходили для этой поездки или же были предназначены для чего-то другого, пока ещё неизвестного.

Мегги провела рукой по округлым корешкам книг. Что же выбрать на этот раз? Какие книги помогут побороть страх, что пробрался в их дом прошлой ночью? Может, истории про ложь? Мо обманул её. Обманул, хотя знал, что Мегги всегда замечала ложь. «Пиноккио», — подумала Мегги. Нет. Слишком жутко и грустно. Нужно что-нибудь весёлое, чтобы отогнать от себя даже самые плохие мысли. Может, про ведьм? Точно, про лысых ведьм, которые превращают детей в мышек, и про Одиссея с его циклопом и волшебницей, обратившей воинов в свиней. Вряд ли её поездка будет опаснее путешествия Одиссея. Или всё-таки опаснее?

Слева лежали две книжки с картинками. По ним Мегги училась читать, тогда ей было пять лет. На страницах до сих пор были видны следы от её маленького указательного пальчика, которым она водила по строкам. На самом дне сундука хранились книги, сделанные самой Мегги. Она целыми днями вырезала и клеила, и рисовала картинки, а Мо должен был ставить под ними подписи, например: «Ангел со счастливым лицом. От Меги для Мо». Своё имя она писала сама. Она всегда писала его с одним «г», когда была маленькой. Мегги посмотрела на корявые буквы и положила книги обратно в сундук. Переплести их, конечно же, помогал Мо. Переплёты Мо сделал из разноцветной бумаги и подарил Мегги специальную печатку с её именем и изображением единорога, которую она ставила на первых страницах, иногда чёрным цветом, иногда красным — как ей нравилось. Но Мо никогда не читал ей книги вслух. Ни разу.

Он подбрасывал её высоко в воздух, носил на плечах или учил, как из перьев дрозда сделать закладку. Но он никогда не читал ей. Ни разу, ни слова, сколько бы она ни клала ему на колени книгу. Поэтому Мегги пришлось самой учиться разбирать эти чёрные значки, открывать для себя этот волшебный мир…

Мегги выпрямилась.

В сундуке ещё оставалось немного места. А вдруг у Мо есть какая-нибудь толстая, особенно интересная книга, которую она могла бы взять с собой?..

Дверь в мастерскую оказалась закрыта.

— Мо!

Мегги нажала на ручку. Длинный рабочий стол был абсолютно чистым: ни печаток, ни ножей. Мо уже всё упаковал. Выходит, он ей не врал?

Мегги вошла в комнату и огляделась. Дверь в «золотую каморку» была приоткрыта. Вообще-то, это была обычная кладовка, но Мегги окрестила её так из-за тех ценных вещей, которые хранил там отец: тончайшая кожа, мраморная бумага, печатки, при помощи которых можно было оставлять золотое тиснение на мягкой коже… Мегги просунула голову в кладовку и увидела Мо — он заворачивал в бумагу какую-то книгу. Книга была не очень большой и толстой. Потрёпанный матово-зелёный корешок. Больше ей ничего разглядеть не удалось, потому что Мо поспешно спрятал книгу за спину.

— Что ты здесь делаешь? — возмутился он.

— Я… — Несколько секунд Мегги не могла вымолвить ни слова — таким мрачным было лицо отца. — Я просто хотела узнать, нет ли у тебя ещё какой-нибудь книги для меня… Те, что в моей комнате, я уже все прочитала… и…

Мо провёл рукой по лицу.

— Ну конечно! Что-нибудь обязательно найду, — сказал он, но в глазах его было написано: «Иди, Мегги, уходи отсюда». А за спиной шуршала обёрточная бумага. — Я зайду к тебе, а пока мне нужно ещё кое-что упаковать.

Скоро он и правда принёс ей три книги, но той, которую он прятал, среди них не было.

Спустя час они вынесли свои вещи во двор. На улице Мегги поёжилась. Утро было холодное, такое же холодное, как дождь прошлой ночью, а бледное солнце висело в пасмурном небе, словно забытая кем-то шапка.

Они жили здесь уже ровно год. Мегги нравился вид, открывавшийся на холмы, ласточкины гнёзда под крышей,

пересохший колодец, в котором было так темно, что казалось, он вёл к самому центру земли. Дом со всеми его пустыми комнатами, где обитали огромные пауки, представлялся ей чересчур большим, но плата за него их устраивала, к тому же здесь было достаточно места для книг и мастерской. Рядом с домом был хлев и сарай, в котором можно было держать несколько коров или лошадь, но сейчас там стоял их старенький автобус.

— Их нужно доить, — сказал Мо, когда Мегги предложила завести коров. — Рано-рано утром. Да ещё и каждый день.

— Тогда, может, лошадь? — спрашивала она. — Даже у Пеппи Длинный чулок была лошадь. И без всякого сарая.

Мегги хватило бы и нескольких кур или козы, но ведь их тоже надо кормить каждый день, а они с отцом часто куда-нибудь уезжали. Поэтому у Мегги осталась только рыжая кошка, которая навещала их, когда ей надоедало бегать от соседских собак. Сосед у них был всего один — ворчливый старый крестьянин. Иногда его собаки так отвратительно выли, что Мегги приходилось затыкать уши. До ближайшей деревни, где находилась школа и жили две подружки Мегги, можно было за двадцать минут доехать на велосипеде, но отец обычно отвозил её туда на машине, потому что просёлочная дорога пролегала среди полей да тёмных лесов.

— Солнце моё, ты туда кирпичей, что ли, наложила? — спросил Мо, когда выносил во двор её сундучок с книгами.

— Но ты же сам говоришь, что книги должны быть тяжёлыми, ведь в них заключён целый мир, — ответила она, отчего отец улыбнулся — в первый раз за всё утро.

Автобус, напоминавший в этом заброшенном сарае какого-то полосатого зверя, был для Мегги дороже всех домов, где им с отцом доводилось жить. Нигде ей не спалось так сладко, как в кровати, которую отец соорудил для неё в автобусе. Ещё в нём был стол, крохотная кухня и скамейка с откидной крышкой, где во множестве хранились разные путеводители, карты и потрёпанные блокноты.

Мегги любила этот автобус, но сегодня ей совсем не хотелось в него забираться. Когда Мо вернулся к дому, чтобы запереть дверь, Мегги вдруг показалось, что она сюда больше никогда не вернётся, что это путешествие будет не похожим на все остальные, что они будут

ехать всё дальше и дальше, словно убегая от чего-то неизвестного. Или от того, о чём ей не хотел говорить отец.

— На юг! — скомандовал Мо, когда сел за руль.

И они тронулись, ни с кем не попрощавшись, ранним утром, которое всё ещё пахло дождём.

Но у ворот их уже поджидал ночной гость.

НА ЮГ

— За Дремучим Лесом — Белый Свет, а это уже ни тебя, ни меня не касается. Я там никогда не был и никогда не буду, и ты там никогда не будешь, если в тебе есть хоть капелька здравого смысла.

К. Грэм. Ветер в ивах

(перевод И. Токмаковой)

Должно быть, он давно уже стоял возле каменной ограды. Сто и даже больше раз Мегги ходила по этой стене с закрытыми глазами, чтобы отчётливее представить себе тигра, который метался у подножия, наблюдая за ней своими жёлтыми, как янтарь, глазами.

Теперь там притаился Сажерук. Одного взгляда на него девочке хватило, чтобы сердце бешено заколотилось. Он вышел из тени так внезапно, что Мо чуть было его не задавил. На нём был только свитер, поэтому он обхватил себя руками, чтобы согреться. Его пальто, вероятно, было всё ещё мокрым, а волосы уже высохли, и теперь рыжие пряди падали на исполосованное шрамами лицо.

Мо еле слышно выругался, заглушил двигатель и вылез из автобуса. Сажерук растянул губы в странной улыбке и прислонился к стене.

— Куда же ты собрался, Волшебный Язык? — спросил он. — Мы разве не договаривались? Однажды ты меня уже обманул, помнишь?

— Ты знаешь, почему я тороплюсь, — ответил Мо. — То же самое было и в прошлый раз.

Он стоял возле двери автобуса и был очень напряжён, как будто ждал, когда Сажерук уйдёт с дороги.

Но гость вёл себя так, словно ничего не замечал.

— Могу я спросить, куда ты направляешься? В последний раз мне пришлось разыскивать тебя четыре года. Люди Каприкорна чуть было не нашли тебя раньше.

Когда он поднял глаза на Мегги, она враждебно на него посмотрела.

— Каприкорн на севере, — сказал Мо после недолгой паузы. — Значит, мы поедем на юг. Если он не разбил свой лагерь где-нибудь ещё.

Сажерук посмотрел на дорогу. В выбоинах поблёскивала дождевая вода.

— Нет! Он всё ещё на севере. По крайней мере, так говорят, а если ты всё-таки решил отправиться на юг и не отдавать ему то, что он ищет, тогда и я туда поеду. Видит Бог, не хочу быть тем, от кого люди Каприкорна узнают плохие новости. Если бы вы меня подбросили… Я уже готов ехать!

Две сумки, которые он извлёк из-за стены, выглядели так, словно уже дюжину раз объехали с ним вокруг света. Кроме них, у него оказался ещё рюкзак.

Мегги плотно сжала губы.

«Нет, Мо, — подумала она, — мы не возьмём его с собой!» Но достаточно было лишь взглянуть на отца, чтобы стало ясно: его ответ будет другим.

— Поехали! — сказал Сажерук. — А то, что я скажу людям Каприкорна, когда они меня схватят?

Он был похож на собаку, которую выгнали на улицу, и хотя Мегги пыталась разглядеть в нём что-нибудь отталкивающее, ей это не удавалось. Но всё равно она не хотела брать его с собой. Выражение её лица было тому доказательством, но ни один из мужчин не обратил на неё внимания.

— Пойми, я не смогу долго скрывать от них, что видел тебя, — продолжал Сажерук. — И кроме того… — он запнулся, — кроме того, ты виноват передо мной, не забыл?

Мо кивнул. Мегги видела, как его рука ещё крепче ухватилась за дверь автобуса.

— Согласен, я виноват, — сказал отец.

На лице ночного гостя отразилось облегчение. Он быстро вскинул рюкзак на плечо, подхватил сумки и направился к автобусу.

— Постойте! — крикнула вдруг Мегги, когда Мо пошёл ему навстречу, чтобы помочь донести сумки. — Если он едет с нами, тогда я хочу знать, от кого мы бежим. Кто такой этот Каприкорн?

Мо обернулся.

— Мегги, — начал он хорошо знакомым ей тоном, — не будь такой глупенькой. Ну, перестань.

Девочка открыла дверь и выпрыгнула из автобуса.

— Мегги, чёрт возьми! Залезай обратно. Нам пора ехать!

— Залезу, если ты мне расскажешь.

Мо подошёл к ней, но Мегги вывернулась у него из рук и побежала через ворота на улицу.

— Почему ты мне не отвечаешь? — кричала она.

Улица была такой пустынной, словно они остались одни на всём свете. Лёгкий ветерок коснулся её лица и зашелестел в листьях липы. Затянутое тучами небо, похоже, и не собиралось светлеть.

— Я хочу знать, что происходит! — продолжала кричать Мегги. — Хочу знать, почему мы встали в пять утра, почему мне не надо идти в школу. Хочу знать, вернёмся ли мы сюда и кто такой Каприкорн.

Когда она произнесла это имя, Мо быстро огляделся, как будто тот, кого, по-видимому, так боялись оба мужчины, мог внезапно появиться из-за сарая, как совсем недавно появился Сажерук. Но двор был пуст, а Мегги слишком разозлилась, чтобы бояться того, о ком ничего не знала, кроме имени.

— Ты ведь всегда мне всё рассказывал! Всегда! Но Мо молчал.

— У каждого есть свои тайны, — сказал он наконец. — А теперь садись в автобус. Нам пора.

Сажерук с сомнением посмотрел сначала на Мо, потом перевёл взгляд на Мегги.

— Разве ты ей ничего не рассказал? — спросил он тихо.

Мо покачал головой.

— Но ведь что-нибудь ты должен ей сказать. Опасно, если она не будет ничего знать. В конце концов, она уже не маленькая.

— Но ведь, если она узнает, это тоже опасно. Тем более что это ничего не меняет.

Мегги всё ещё стояла на улице.

— Я слышу, о чём вы там говорите! — крикнула она. — Что опасно? Я не войду в автобус, пока не узнаю!

Но отец молчал. Сажерук, немного поколебавшись, поставил сумки на землю.

— Ладно, — сказал он. — Тогда я расскажу ей о Каприкорне.

Он медленно подошёл к Мегги. Девочка невольно попятилась.

— Ты с ним уже встречалась, — сказал он. — Давно, ты была тогда совсем крохой. — Он показал рукой на уровне своих колен. — Как же объяснить тебе, кто он такой? Если ты увидишь, как кошка терзает птенца, ты наверняка заплачешь, правда? Или попытаешься спасти его. А Каприкорн может специально скормить птичку кошке, только чтобы посмотреть, как она рвёт жертву когтями, а вопли и трепыхание малютки для него сладки, как мёд.

Мегги снова отступила на шаг, но Сажерук подошёл ещё ближе.

— Не думаю, что тебе доставляет радость пугать людей до дрожи в коленях, — продолжал он. — А ему это нравится. Вероятно, ты не стала бы любыми средствами добиваться того, что захочешь. А Каприкорн именно так и поступает. И, к сожалению, у твоего отца есть то, что ему нужно.

Мегги глянула на отца, но он по-прежнему молчал.

— Каприкорн не реставрирует книги, как твой отец. Но одно ему удаётся превосходно — внушать страх. В этом ему нет равных. Это его ремесло. Хотя, думаю, сам он не ведает, каково это, когда страх сковывает тебя по рукам и ногам. Зато он прекрасно знает, как вызвать этот страх, как заставить его проникнуть в дома, в кровати, сердца и головы. Его люди разносят страх, словно чёрные вести, засовывают его под двери и в почтовые ящики, развешивают на воротах и стенах, пока страх не начинает распространяться сам, тихо и быстро, как чума. — Сажерук стоял теперь совсем рядом с Мегги. — У Каприкорна много людей, — продолжал он. — Некоторые поступили к нему на службу ещё детьми, так что, если он прикажет отрезать тебе ухо или нос, они, не раздумывая, сделают это. Люди Каприкорна одеваются во всё чёрное, словно грачи, только их хозяин носит белоснежную рубашку под чёрной курткой. И если ты когда-нибудь встретишь одного из этих молодцов, постарайся стать очень маленькой и незаметной. Понимаешь?

Мегги кивнула. У неё перехватило дыхание, а сердце бешено колотилось.

— Понятно, почему твой отец не рассказывал тебе о Каприкорне. Я бы тоже предпочёл рассказывать своим детям о более милых людях.

— Но ведь я знаю, что на свете живут не только милые люди!

Голос девочки дрожал от злости. А может быть, и от страха тоже.

— Да? И откуда же? — На его лице вновь появилась эта загадочная улыбка, грустная и одновременно надменная. — Тебе уже приходилось иметь дело с настоящим злодеем?

— Я читала про них.

— Ну конечно. Ведь это одно и то же, — засмеялся Сажерук.

Его усмешка обжигала, как крапива. Он наклонился к Мегги и посмотрел ей в глаза.

— Хорошо бы они остались для тебя только в книгах, — произнёс он тихо.

Мо поставил сумки Сажерука в конце автобуса.

— Надеюсь, у тебя там нет ничего, что будет летать у нас над головой, — сказал Мо, пока тот устраивался за сиденьем Мегги. — При твоём ремесле это было бы не удивительно.

Но не успела Мегги поинтересоваться, что же это за ремесло, как Сажерук открыл рюкзак и осторожно достал оттуда заспанного зверька.

— Раз уж наше совместное путешествие обещает быть долгим, я бы хотел познакомить твою дочь кое с кем, — сказал он Мо.

Зверёк был чуть меньше кролика, с пушистым хвостом, который прижимался к груди Сажерука, как меховой воротник. Он вцепился когтями в рукав хозяина и рассматривал Мегги блестящими, словно пуговки, глазами, а когда он зевнул, обнажился ряд очень острых зубов.

— Это Гвин, — сказал Сажерук. — Если хочешь, можешь почесать ему за ушами. Он сейчас очень сонный, поэтому не укусит.

— А вообще он кусается? — спросила она.

— Во всяком случае, — сказал Мо, садясь за руль, — я бы на твоём месте держал от него руки подальше.

Но Мегги при виде любого животного тут же хотелось погладить его, даже если у него были острые зубы.

— Это куница или что-то вроде того, да? — спросила она, осторожно проводя кончиками пальцев по шёрстке зверька.

— Да, из этого рода.

Сажерук достал из кармана штанов сухарик и сунул его зверьку в рот. Мегги гладила его по голове, пока он жевал, как вдруг

почувствовала под шерстью что-то твёрдое — маленькие рожки, прямо за ушами.

— У куниц есть рога? — спросила она удивлённо, отдёрнув руку.

Сажерук подмигнул ей и запустил зверька обратно в рюкзак.

— У этого есть, — сказал он.

Мегги смущённо наблюдала, как он застёгивает рюкзак. Казалось, она всё ещё чувствовала пальцами маленькие рожки Гвина.

— Мо, ты знал, что у куниц есть рога? — спросила она.

— Да он приклеил их этому маленькому кусачему чертёнку. Для своих представлений.

— Что ещё за представления?

Мегги вопросительно посмотрела сначала на отца, потом на Сажерука, но Мо лишь завёл мотор, а Сажерук стянул свои сапоги, которые, похоже, повидали не меньше его сумок, а затем с глубоким вздохом растянулся на кровати Мо.

— Ни слова больше, Волшебный Язык, — сказал он, прежде чем закрыть глаза. — Я ведь не рассказываю о твоих секретах, а ты вот болтаешь о моих. Тем более для этого сначала должно стемнеть.

Мегги ещё целый час ломала голову над тем, что бы это могло означать. Но ещё больше её занимал другой вопрос.

— Мо, — спросила она, когда Сажерук захрапел, — чего хочет от тебя этот… Каприкорн? — Она понизила голос, произнеся это имя, словно так оно звучало менее зловеще.

— Книгу, — ответил Мо, не отрывая взгляда от дороги.

— Книгу? Ну почему ты не отдашь её?

— Так не пойдёт. Скоро я всё тебе объясню, но только не сейчас. Ладно?

Девочка уставилась в окно. Всё вокруг было чужим: дома, улицы, поля. Даже деревья и небо выглядели чужими, но Мегги к этому привыкла. Ещё никогда и нигде она не чувствовала себя по-настоящему дома. Её домом был Мо, его книги и этот автобус, который перевозил их с одного чужого места на другое.

— А у этой тёти, к которой мы едем, есть дети? — спросила Мегги, когда они ехали по длинному, бесконечному туннелю.

— Нет, — ответил Мо, — и, боюсь, она их вообще не очень любит. Но уверен, ты с ней подружишься.

Мегги вздохнула. Она помнила некоторых своих теть, ни с одной из которых так и не подружилась.

Холмы превратились в горы, склоны по обеим сторонам дороги становились всё круче, а некоторые дома казались теперь не просто чужими, но и какими-то странными. Мегги попыталась убить время, считая туннели, но, когда темнота девятого из них поглотила автобус, она заснула. Ей снились куницы в чёрных куртках и книга, завёрнутая в коричневую бумагу.

Дом, полный книг

— Мой сад — это мой сад, — сказал Великан, — и каждому должно быть ясно, и уж, конечно, никому, кроме самого себя, я не позволю здесь играть.

О. Уайльд. Великан-эгоист

(перевод Т. Озёрской)

Мегги проснулась оттого, что стало очень тихо. Мотор, под монотонный шум которого она заснула, теперь молчал, а водительское кресло было пусто. Она не сразу вспомнила, почему спит не в своей кровати. Лобовое стекло было усеяно пятнами разбившихся о него бабочек. Автобус стоял возле железных ворот, зловеще поблёскивавших своими острыми пиками. Ворота целиком состояли из таких пик, которые словно ждали, чтобы кто-нибудь попытался перебраться через них, зацепился и долго беспомощно барахтался в воздухе. Девочка вспомнила одну из своих любимых книг о Великане-эгоисте, который не пускал в свой сад детей. Именно такими она и представляла себе ворота в его сад.

Мо и Сажерук стояли на улице. Мегги вышла из автобуса и побежала к ним. Справа от дороги поросший деревьями склон круто спускался к берегу большого озера. Холмы на другой его стороне возвышались как будто из воды. Вода в озере была почти чёрной, потому что по небу уже разливался вечер, отражаясь в волнах. В домиках на берегу зажигались первые огоньки, похожие на светлячков или упавшие звёзды.

— Красиво, правда? — Мо положил руку на плечо Мегги. — Ты ведь любишь истории про разбойников? Видишь вон там развалины замка? Когда-то в замке обитала банда разбойников. Надо спросить об этом Элинор. Она всё знает об озере.

Мегги лишь кивнула. От усталости голова кружилась, но на лице Мо впервые за всю поездку не было видно и тени волнения.

— А где она живёт? — спросила Мегги, зевая. — Надеюсь, не за этими воротами.

— Именно за ними. Выглядит не очень гостеприимно, правда? — Мо засмеялся. — Элинор гордится своими воротами. Она захотела иметь такие, когда увидела их в одной книге.

— Про сад Великана-эгоиста? — пробормотала Мегги, всматриваясь сквозь решётку.

— Нет, думаю, это из другой книги, хотя Элинор могла бы подойти и эта история.

По обеим сторонам от ворот тянулась высокая живая изгородь, густые заросли которой не позволяли разглядеть, что за ними происходит. Да и сквозь прутья решётки ничего не было видно, кроме развесистых кустов рододендрона и исчезавшей в них дорожки, усыпанной гравием.

— Похоже, у тебя богатые родственники, — шепнул Мегги на ухо Сажерук.

— Да уж, Элинор богата, — согласился Мо и оттащил Мегги от ворот. — Но она может плохо кончить, потому что все свои деньги тратит на книги. Думаю, она бы отдала душу дьяволу за какую-нибудь стоящую книгу, — сказал отец и толкнул тяжёлые ворота.

— Что ты делаешь? — воскликнула Мегги. — Мы ведь не можем просто так войти.

Рядом с воротами висела табличка, и, хотя ветки заслоняли некоторые буквы, можно было прочитать:

«ЧАСТНЫЕ ВЛАДЕНИЯ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН».

Звучало и правда не очень дружелюбно.

— Не волнуйся, — рассмеялся Мо и толкнул ворота ещё раз. — Единственное место, которое здесь под сигнализацией, — это библиотека. Элинор всё равно, кто входит в ворота. Боязливой её не назовёшь, да и заходят к ней не слишком часто.

— А собаки? — Сажерук озабоченно вглядывался в глубь сада. — Такие ворота обычно охраняют как минимум три здоровых, злых пса.

Но Мо лишь покачал головой.

— Элинор ненавидит собак, — сказал он, возвращаясь к автобусу. — Садитесь.

Мегги владения тётушки напоминали скорее лес, чем сад. Сразу за воротами дорога свернула в сторону, затем начала подниматься вверх, а вскоре и вовсе затерялась среди елей и каштанов. Их ветви так густо переплелись, что образовали своеобразный туннель. Мегги уже стало казаться, что он никогда не кончится, как вдруг заросли расступились и автобус выехал на площадку, усыпанную гравием и окружённую аккуратными клумбами с розами.

Перед домом, который был больше, чем школа, где в последний год училась Мегги, стоял серый «Комби». Девочка попыталась сосчитать окна, но скоро отказалась от этой затеи. Дом был великолепен, хоть выглядел почти столь же недружелюбно, как и железные ворота. Может, это просто жёлтый цвет казался таким грязным в вечернем свете. А зелёные ставни были закрыты лишь потому, что ночь притаилась за ближайшими холмами. Возможно. Но Мегги готова была поспорить, что и днём эти ставни редко открывались. Тёмная деревянная дверь походила на искривлённый рот, и Мегги непроизвольно взяла Мо за руку, когда они подошли ближе.

Сажерук робко шёл следом, перекинув через плечо потёртый рюкзак, в котором всё ещё спал Гвин. Когда Мо с Мегги поднялись на крыльцо, он остановился в нескольких шагах позади них и с ужасом переводил взгляд с одних закрытых ставень на другие, очевидно опасаясь, что хозяйка подглядывала за ними из какого-нибудь окна.

Возле входной двери было зарешечённое окно, единственное не закрытое ставнями. А под ним висела ещё одна табличка:

«ЕСЛИ ВЫ СОБИРАЕТЕСЬ ОТНИМАТЬ У МЕНЯ ВРЕМЯ РАЗНЫМИ ГЛУПОСТЯМИ, ЛУЧШЕ СРАЗУ УХОДИТЕ».

Мегги озадаченно посмотрела на отца, но он лишь ободряюще кивнул ей и позвонил.

Звук разнёсся по всему дому, а потом какое-то время ничего не происходило. Лишь сорока вспорхнула с кустов рододендрона, росших вокруг дома, и несколько толстых воробьёв продолжали клевать гравий

в поисках насекомых. Мегги бросила им крошки, завалявшиеся у неё в кармане после какого-то пикника, и тут дверь внезапно распахнулась.

Женщина, появившаяся на пороге, была значительно старше Мо, хотя Мегги не очень хорошо определяла возраст взрослых. Лицо её напоминало морду бульдога, но, может быть, она была просто чем-то недовольна. На ней был серый свитер, чёрная юбка, нитка жемчуга на короткой шее и войлочные туфли на ногах — Мегги и Мо надевали похожие, когда были на экскурсии в старинном замке. Седые волосы Элинор зачесала наверх, хотя несколько прядей выбились из пучка, как будто причёска делалась в спешке. В общем, выглядела она так, словно не слишком много внимания уделяла своему внешнему виду.

— Боже мой, Мортимер! Вот это сюрприз! — воскликнула она, не тратя время на приветствия. — Как тебя сюда занесло? — Голос у неё оказался грубым, хотя по лицу было видно, что она рада встрече.

— Привет, Элинор, — сказал Мо и положил руку на плечо дочери. — Ты помнишь Мегги? Как видишь, она уже выросла.

Элинор раздражённо посмотрела на девочку.

— Вижу, — сказала она. — Но ведь это естественно, что она выросла. А насколько мне помнится, в последние несколько лет я не видела ни тебя, ни твою дочь. Чем же обязана твоему приезду? Неужели ты наконец займёшься моими бедными книгами?

— Да, — кивнул Мо. — Библиотека отменила один из заказов. Ты же знаешь, у библиотек всегда нет денег.

Мегги с беспокойством смотрела на отца. Она не знала, что он умел так невозмутимо лгать.

— И в спешке, — продолжал Мо, — мне ничего не оставалось, как взять Мегги с собой. Я знаю, ты не любишь детей, но Мегги не запихивает в книги мармелад и не вырывает страницы, чтобы заворачивать в них дохлых лягушек.

Элинор что-то проворчала и принялась рассматривать Мегги, будто проверяя, действительно ли она соответствует тому, что сказал Мо.

— Когда ты привозил её в прошлый раз, мне очень хотелось запереть её в хлеву: девочка была невыносима, — холодно заметила Элинор. Потом она ещё раз оглядела Мегги с головы до ног, как опасного зверя, которого нужно было впустить в дом.

Мегги почувствовала, что сейчас закипит от злобы. Она хотела домой или в автобус — всё равно куда, лишь бы не оставаться в доме этой омерзительной тётки, которая продолжала пялиться на неё своими круглыми глазами.

Затем взгляд Элинор переместился на Сажерука, всё ещё одиноко стоявшего на дорожке.

— А этот? — спросила она Мо. — Я его знаю?

— Это Сажерук, мой… друг.

Одна лишь Мегги заметила волнение отца.

— Ему нужно на юг, но, может быть, ты позволишь переночевать ему в одной из твоих бесчисленных комнат?

— Только если его имя не говорит о том, как он обращается с книгами, — сказала Элинор, скрестив руки на груди. — Иначе ему придётся довольствоваться чуланом, потому что книг стало так много, что ими заполнены почти все комнаты для гостей.

— И сколько же у вас книг? — спросила Мегги. Она сама выросла среди книжных стопок, но всё равно не могла представить, что за окнами этого огромного дома находятся одни лишь книги.

Элинор взглянула на девочку, не скрывая презрения.

— Сколько? Думаешь, я их считаю на манер пуговиц или горошин? Много, очень много. Возможно, в каждой комнате стоит больше книг, чем ты прочитаешь за всю жизнь. А некоторые из них такие ценные, что я без колебания пристрелю тебя, если ты до них дотронешься. Но ведь папа сказал, ты умная девочка, а значит, не будешь этого делать?

Мегги ничего не ответила. Вместо этого она представила, как поднимается на носочки и три раза плюёт этой ведьме в лицо.

— Ты совсем не изменилась, Элинор, — рассмеялся Мо. — Язык острый, как нож для бумаги. Только предупреждаю: если застрелишь Мегги, я то же самое сделаю с твоими книгами.

Губы Элинор скривились в некоем подобии улыбки.

— Хороший ответ, — сказала она, отходя в сторону. — Похоже, ты тоже не сильно изменился. Проходите. Я покажу тебе книги, которым нужна твоя помощь. Ну и ещё кое-какие.

Мегги всегда думала, что у Мо ужасно много книг. Но когда она вошла в дом тёти Элинор, то поняла, что ошибалась.

Ни одной стопки, как у них дома. Каждой книге отведено своё место. Только там, где у всех были обои, картины или просто голые стены, у Элинор стояли книжные полки. В прихожей полки были белые и возвышались до самого потолка. В следующей комнате — чёрные, как плитка на полу, такие же стояли и в коридоре.

— Вот эти, — сказала Элинор, показывая рукой на корешки книг, — скопились здесь за долгие годы. Они не очень-то ценные, а некоторые даже весьма посредственные. И если кто-нибудь не удержится и возьмёт одну, — тётушка, посмотрела на Мегги, — ничего плохого не случится. Главное, чтобы в них не оставались какие-нибудь вкусные закладки и книги возвращались потом на своё место. Хочешь верь, хочешь нет, — обратилась она к Мо, — но в последней книге, которую я купила, — прекрасное издание девятнадцатого века, — оказался высушенный кусок салями вместо закладки.

Мегги захихикала, за что была удостоена строгого взгляда Элинор.

— Ничего смешного, юная леди! Порой даже бесценные книги уничтожались лишь потому, что какой-нибудь дурак рыботорговец вырывал из них странички, чтобы заворачивать рыбу. А сколько книг погибло в Средние века, когда из переплётов делали подошвы для обуви, а страницами топили печи! — После таких воспоминаний, даже несмотря на то, что всё уже давно в прошлом, Элинор судорожно вздохнула. — Оставим это, — с трудом сказала она. — Иначе я начну сильно волноваться, а у меня и так высокое давление.

Она остановилась перед какой-то дверью. На белом дереве был изображён якорь и обвившийся вокруг него дельфин.

— Это знак одного известного книгопечатника, — объяснила Элинор и провела пальцем по кончику носа дельфина. — В самый раз для входа в библиотеку, правда?

— Я знаю, — сказала Мегги. — Альдус Манутиус. Он жил в Венеции. Он печатал такие большие книги, что они еле помещались в сумки заказчиков.

— Правда? — наморщила лоб Элинор. — А я этого не знала. Во всяком случае, я являюсь счастливой обладательницей одной из книг, напечатанной им в тысяча пятьсот третьем году.

— Вы имеете в виду, напечатанной в его мастерской? — поправила её Мегги.

— Ну конечно, именно это я и хотела сказать. — Элинор откашлялась и так посмотрела на Мо, как будто он один был виноват в столь глубоких познаниях своей дочери. Затем она взялась за дверную ручку. — В эту дверь, — сказала она, нажимая на ручку с предельной осторожностью, — ещё никогда не входил ни один ребёнок. Но так как твой отец привил тебе уважение к книгам, я сделаю исключение. Правда, только при условии, что ты не будешь подходить к полкам ближе чем на три шага. Согласна?

Сначала Мегги хотела отказаться. Её так и подмывало сказать Элинор, что ей нет дела до всех этих книг. Но любопытство взяло верх. Ей даже померещилось, что она уже слышит шелест страниц через приоткрытую дверь. Тысячи неведомых историй, тысячи дверей в заветные миры. Всё это было для Мегги сильнее гордости.

— Согласна, — буркнула она и скрестила руки за спиной, потому что они так и чесались от любопытства.

— Умная девочка, — сказала Элинор таким тоном, что Мегги едва не пожалела, что согласилась.

А затем они вошли в святая святых тёти Элинор.

— Ты здесь всё отремонтировала? — спросил Мо. Он сказал ещё что-то, но Мегги уже не слышала.

Она уставилась на книги. Полки пахли свежим деревом. Стеллажи доходили до самого потолка, на котором, словно звёзды, светились маленькие лампочки. Возле полок стояли узкие приставные лестницы на колёсиках, готовые вознести любознательного читателя на свою вершину. Была тут и витрина со старинными книгами. Их страницы с чудесными рисунками так и влекли к себе. Мегги не удержалась и шагнула к витрине. Хорошо, что Элинор стояла к ней спиной. Девочка всё ниже и ниже склонялась над стеклом, пока не уткнулась в него носом.

Буквы были увиты острыми листьями. Маленькая красная голова дракона изрыгала кровь на страницу. Рыцарь на белой лошади смотрел на Мегги так, будто был нарисован только вчера. Рядом были изображены юноша и девушка, вероятно — сразу после венчания. И мужчина в ярко-красной шляпе, враждебно взиравший на обоих.

— И это называется три шага?

Мегги испуганно обернулась, но Элинор, казалось, совсем не рассердилась.

— Искусство книжных иллюстраций, — сказала она. — Раньше читать могли лишь богатые, поэтому для бедных в книгах рисовались картинки, чтобы они тоже могли понять. Конечно же, о развлечениях для бедных тогда никто и не думал. Они должны были работать, а не наслаждаться жизнью и рассматривать картинки. Это удел богатых. Но тем не менее бедных обучали. В основном по хорошо известным историям из Библии. Книги эти лежали в церквах, и каждый день страницу переворачивали, чтобы люди могли увидеть новую картинку.

— А эта книга? — спросила Мегги.

— Думаю, эта лежала не в церкви, — ответила Элинор. — Скорее всего, она принадлежала какому-нибудь богачу. Кстати, ей почти шестьсот лет. — В голосе Элинор слышалась гордость. — Сколько людей погибло из-за этой книги! К счастью, я заплатила за неё не жизнью, а деньгами.

После этих слов она обернулась и смерила Сажерука, тихо следовавшего за ними, словно кошка на охоте, подозрительным взглядом. На секунду Мегги показалось, что Элинор отправит его обратно в коридор, но он, заложив руки за спину, разглядывал книжные полки с таким восхищением, что Элинор лишь вздохнула и снова повернулась к Мо.

Он стоял с ветхой книгой в руках, корешок её болтался на нескольких нитках. Мо держал книгу осторожно, как птицу со сломанным крылом.

— Ну что? — спросила Элинор. — Сможешь её спасти? Знаю, она в ужасном состоянии, да и остальные, честно говоря, не в лучшем, но…

— Всё это можно исправить. — Мо отложил книгу в сторону и принялся листать другую. — Но, думаю, работы здесь минимум на две недели. Если только не понадобятся дополнительные материалы и работа не затянется. Ты готова так долго терпеть нас в своём доме?

— Конечно, — кивнула Элинор, хотя Мегги успела заметить, каким взглядом она смерила при этом Сажерука.

Он стоял у двери, поглощённый рассматриванием книг, и тем не менее Мегги почему-то была уверена, что от него не ускользнуло ни единого слова.

На кухне у Элинор книг не было, зато там был прекрасный ужин, накрытый на столе, который, по заверениям тётушки, когда-то украшал

рабочий кабинет одного итальянского собора. Мегги в этом сомневалась. Насколько она знала, монахи в монастырях работали за столами с наклонной поверхностью, но эту мысль она предпочла не произносить вслух. Вместо этого она взяла ещё ломтик хлеба и задалась вопросом, съедобный ли у тётушки сыр. Тут отец что-то шепнул Элинор. Её глаза округлились, из чего Мегги сделала вывод, что речь могла идти только о книге. Она тут же вспомнила недавнюю картину: упаковочная бумага, зелёный корешок книги и злой голос Мо.

Сидевший рядом с ней Сажерук незаметно сунул кусочек ветчины в свой рюкзак — ужин для Гвина. Мегги увидела, как из рюкзака высунулся круглый носик, — зверёк принюхивался, не достанется ли ему ещё чего-нибудь вкусненького. Перехватив взгляд Мегги, Сажерук улыбнулся и угостил Гвина вторым кусочком ветчины. В разговоре Мо и Элинор он участия не принимал, и Мегги была уверена, что эти двое о чём-то тайно договариваются.

Вскоре Мо поднялся из-за стола и вышел. Мегги спросила тётю, где в доме туалет, и поспешила вслед за ним.

Слежка за Мо не доставляла ей удовольствия. Она не помнила, чтобы когда-нибудь делала подобное, разве что в ту ночь, когда в их доме появился Сажерук. Ну и ещё разочек — Мегги тогда не терпелось узнать, кто приносит подарки, Дед Мороз или Мо. Ей было стыдно следить за отцом, но он сам в этом виноват. Зачем было прятать от неё книгу? А теперь он, видимо, хотел передать её Элинор — книгу, которую Мегги так никогда и не увидит. Ведь именно из-за того, что Мо столь поспешно спрятал книгу за спину, ей не давала покоя эта тайна. Она даже пыталась найти книгу в папиной сумке, пока они ещё не сели в автобус, но её там не оказалось.

Надо во что бы то ни стало увидеть её, пока книга не затерялась на одной из многочисленных полок Элинор. Интересно, чем же она так дорога Мо, раз он притащил её сюда?..

В холле Мо быстро обернулся, а потом вышел на улицу. Мегги вовремя успела спрятаться за сундук, пахнувший шариками от моли и лавандой. Она решила оставаться в своём укрытии, пока отец не вернётся, — во дворе он легко мог её заметить. Время тянулось очень медленно, как бывает всякий раз, когда, затаив дыхание, чего-то ждёшь. Казалось, книги наблюдали за ней со своих полок, но они

молчали, словно чувствовали, что Мегги сейчас могла думать лишь об одной-единственной книге.

Наконец Мо вернулся, держа в руках коричневый свёрток. «Скорее всего, он где-нибудь её спрячет, — подумала Мегги. — А где это можно сделать надёжнее, как не среди тысяч других книг? Точно. Мо оставит её здесь, а потом мы вернёмся домой. Но мне просто необходимо взглянуть на неё, прежде чем она окажется на одной из полок, к которым мне нельзя подходить ближе, чем на три шага».

Мо прошёл так близко от неё, что Мегги могла до него дотронуться, но ничего не заметил. «Мегги, не смотри на меня так, — говорил он иногда, — ты опять читаешь мои мысли!» Сейчас лицо его было задумчивым, как будто он сомневался, правильно ли делать то, что он задумал. Она медленно досчитала до трёх, а потом двинулась за ним следом. Несколько раз отец внезапно останавливался, и Мегги чуть было не врезалась ему в спину. Шёл Мо совсем не на кухню, а прямиком к библиотеке. Не обернувшись, он открыл дверь со знаком венецианского книгопечатника, а потом тихо затворил её за собой.

Мегги осталась одна в окружении молчаливых книг, спрашивая себя, не войти ли ей следом. Может быть, попросить Мо просто показать ей книгу? Он, наверно, сильно разозлится. Она собралась с духом и уже хотела войти в библиотеку, как вдруг услышала шаги — быстрые, решительные, нетерпеливые шаги. Это могла быть только Элинор. Что делать?

Мегги открыла ближайшую дверь и проскользнула внутрь. Кровать, шкаф, фотографии в серебряных рамках, стопка книг на ночном столике, на ковре раскрытый каталог с изображениями старинных книг. Она очутилась в спальне Элинор. Мегги прильнула к двери, а когда услышала, что дверь библиотеки закрылась, на цыпочках вышла в коридор. Возле библиотеки она замешкалась, и тут чья-то рука легла ей на плечо, а вторая закрыла рот.

— Это я, — шепнул ей на ухо Сажерук. — Тихо, ты ведь не хочешь, чтобы нас услышали?

Мегги кивнула, и Сажерук медленно убрал руку.

— Твой отец хочет отдать книгу этой ведьме, верно? — тихо спросил он. — Он взял её из автобуса, да? Скажи, он ведь привёз её сюда?

Мегги оттолкнула его.

— Не знаю, — прошипела она. — И вообще, какое вам дело?

— Какое мне дело? — тихо засмеялся Сажерук. — Может, когда-нибудь я расскажу тебе об этом, а пока я лишь хочу знать, видела ли ты книгу.

Мегги покачала головой. Она не знала, зачем соврала ему. Может, только из-за того, что он слишком сильно сдавил ей рот рукой.

— Послушай меня! — Он внимательно посмотрел ей в глаза. Его шрамы казались полосками белой краски, которые кто-то нарисовал ему на щеках — две полоски на левой, а третья, более длинная, на правой — от уха до носа. — Каприкорн убьёт твоего отца, если не получит книгу. Убьёт, понимаешь? Я не рассказывал тебе, какой он? Если ему что-то надо, он обязательно своего добьётся. Глупо думать, что здесь вы в безопасности.

— Мо так и не думает!

Сажерук выпрямился и посмотрел на дверь библиотеки.

— Знаю, — сказал он. — В том-то и проблема. Именно поэтому, — он положил ей руки на плечи, — тебе придётся сейчас зайти туда и узнать, что они делают с книгой. Договорились?

Мегги хотела возразить, но Сажерук уже открыл дверь и подтолкнул её в библиотеку.

ВСЕГО ЛИШЬ КАРТИНКА

В руках того, кто вздумает украсть книгу или задержать её возвращение, превратится она в смертоносную змею, Самого его хватит удар и поразит все члены тела его. Громким голосом станет он молить о пощаде, но мучения прекратятся только вместе с жизнью его. Книжные черви будут глодать его останки, подобно никогда не умирающему червю тления. А когда он предстанет на суд истинный, поглотит его на веки вечные адский огонь.

Надпись на стене библиотеки монастыря Сап-Педро в Барселоне, приводимая Альберто Мангелем

Они распаковали книгу — Мегги заметила обёрточную бумагу на стуле. Никто не услышал, как она вошла. Элинор склонилась над пюпитром для чтения, а отец стоял рядом. Оба повернулись спиной к двери.

— Невероятно. Я думала, больше не осталось ни одного экземпляра, — говорила Элинор. — Об этой книге ходили самые разные слухи. Букинист, у которого я постоянно покупаю редкие издания, рассказывал, что несколько лет назад у него украли три экземпляра, притом чуть ли не в один день. Примерно такую же историю я слышала от двух других торговцев.

— Действительно странно, — сказал Мо, хотя по голосу Мегги поняла, что удивление это было притворным. — Может, это и правда. Хотя, даже если бы эта книга и не была редкой, для меня она всё равно очень дорога, поэтому я хочу быть уверен, что она какое-то время побудет в надёжном месте. Потом я её заберу.

— У меня каждая книга в безопасности, — ответила Элинор. — Ты ведь знаешь. Они для меня как дети. Мои чернильные детки, которых я люблю и лелею. Я защищаю их от солнечного света, вытираю с них пыль, охраняю от голодных книжных червей и грязных

пальцев. Эта книга займёт у меня достойное место, где её никто не найдёт, пока ты не попросишь её обратно. Гостей в своей библиотеке я не люблю. Они оставляют в моих бедных книгах следы грязных пальцев или ломтики сыра. А кроме того, как ты знаешь, у меня надёжная сигнализация.

— Это успокаивает. — В голосе Мо послышалось облегчение. — Спасибо тебе, Элинор! Огромное спасибо! А если в ближайшее время кто-нибудь постучится к тебе и спросит про книгу, сделай вид, будто ты ничего о ней не знаешь, хорошо?

— Разумеется. Чего не сделаешь для хорошего переплётчика! Кроме того, ты муж моей племянницы. Знаешь, а я скучаю по ней иногда. Думаю, и ты тоже. А вот твоя дочь, по-моему, неплохо себя без неё чувствует, да?

— Она ничего не помнит, — сказал Мо тихо.

— Может, это и к лучшему. Иногда радует, что наша память не так хорошо хранит воспоминания, как книги. Без них мы бы вообще ничего не помнили. Забыли бы Троянскую войну, Колумба, Марко Поло, Шекспира, всех сумасшедших королей и богов… — Элинор обернулась и замерла.

— Я что-то не слышала, как ты постучала, — сказала она так строго, что Мегги понадобилось призвать всё своё мужество, чтобы не повернуться и не выскочить обратно в коридор.

— Ты давно тут стоишь? — спросил Мо. Мегги подняла голову повыше.

— Значит, ей можно смотреть на книгу, а от меня ты её прячешь! — сказала она. Лучшая защита — это нападение. — Ты ещё никогда не прятал от меня книг! Что же в ней такого особенного? Я ослепну, если посмотрю? Она откусит мне пальцы? Что за секреты она скрывает, которые мне нельзя знать?

— Есть очень важные причины, почему я тебе её не показываю, — ответил Мо.

Он был очень бледен. Не говоря больше ни слова, он подошёл к дочери и хотел вывести её за дверь, но Мегги вырвалась.

— Какая упрямая! — сказала Элинор. — Мне она начинает нравиться. Помнится, её мать в детстве была такой же. Подойди сюда. — Она поманила Мегги к себе. — Убедись сама, что в этой

книге для тебя нет ничего интересного. Своим глазам всегда больше веришь. Или твой отец против?

Элинор вопросительно посмотрела на Мо.

Мо по-прежнему сомневался и растерянно качал головой.

Книга лежала открытой на пюпитре. Казалось, она была не очень старой. Мегги знала, как должна выглядеть действительно старая книга. В мастерской отца она видела книги, страницы которых были мягкие, как шкура леопарда, и почти такие же жёлтые. Переплёт одного фолианта был изъеден древесными червями до маленьких дырочек. Мо пришлось вынимать книгу из переплёта, заново аккуратно прошивать страницы и, как он говорил, наряжать их в новую одежду. Одежда эта могла быть кожаной или холщовой, с рельефным рисунком, который Мо наносил специальными печатками, а иногда он даже делал этот рисунок позолочённым.

Переплёт таинственной книги был обтянут холстом, матово-зелёным, как ивовый лист. Края слегка обтрепались, а страницы оставались ещё такими светлыми, что каждая буква была чётко видна. Между раскрытыми страницами лежала узенькая красная закладка. На правой странице была картинка. Женщины в роскошных платьях, огнеглотатели, акробаты и кто-то похожий на короля. Мегги перелистнула дальше. Картинок оказалось немного, но первая буква каждой главы сама была картинкой. На одних сидели животные, другие были увиты растениями, а буква Б вообще горела пламенем. Языки пламени выглядели так реально, что Мегги даже провела по ним пальцем, словно проверяя, не горячие ли они. Следующая глава начиналась с буквы К. Она была изображена в виде воина, на вытянутой руке которого сидел зверёк с пушистым хвостом. «Как он выскользнул из города, никто не заметил…» — успела прочитать Мегги, прежде чем Элинор захлопнула книгу у неё перед носом.

— Думаю, достаточно, — сказала она и зажала книгу под мышкой. — Твой отец попросил меня спрятать её, чем я сейчас и займусь.

Мо взял Мегги за руку. На этот раз она не сопротивлялась.

— Забудь об этой книге, Мегги, — шепнул он. — Она приносит несчастье. Я достану тебе сотни других книг.

Девочка кивнула, но, прежде чем Мо закрыл за ними дверь, она ещё раз взглянула на Элинор. Тётушка смотрела на книгу с такой

нежностью, как, бывало, смотрел на Мегги отец, когда по вечерам закутывал её в одеяло. Дверь закрылась.

— Куда она её спрячет? — спросила Мегги, когда они шли по коридору.

— Для таких случаев у Элинор найдётся пара укромных местечек, — уклончиво ответил Мо. — Но, как и все тайники, эти тоже секретные. Давай я отведу тебя в твою комнату. — Он старался говорить спокойно, но ему это плохо удавалось. — Комната похожа на дорогой гостиничный номер. Да что там — даже лучше!

— Интересно, — пробормотала Мегги и обернулась.

Сажерук куда-то запропастился. Где же он? Ей срочно нужно было у него кое-что спросить. Она не могла больше ни о чём думать, когда Мо показывал её комнату и говорил, что, как только он закончит работу, они вернутся домой. Мегги кивала и делала вид, будто слушает, но на самом деле думала о том, что хотела узнать у Сажерука. Вопрос готов был сорваться у неё с губ. Казалось, Мо даже мог его заметить.

Когда Мо ушёл, чтобы забрать вещи из автобуса, Мегги побежала на кухню, но Сажерука не было и там. Она заглянула в комнату Элинор и во многие другие двери, но его и след простыл. В конце концов Мегги устала искать. Мо долго не возвращался, Элинор заперлась в своей спальне. Мегги вернулась к себе и легла на кровать. Кровать была чересчур большой, и она чувствовала себя на ней совсем крошечной, потерянной, словно карлик. «Как Алиса в Стране Чудес», — подумала она и провела рукой по пёстрому одеялу. Комната ей нравилась. Тут было много книг и картин. Был даже камин, хотя выглядел он так, словно им никто не пользовался уже сто лет. Мегги спустила ноги с кровати и подошла к окну. На улице уже давно стемнело, а когда она открыла ставни, в лицо ей подуло холодным ветерком. Единственное, что можно было различить в темноте, — это площадка перед домом, слабо освещённая фонарём. Рядом с машиной Элинор стоял полосатый автобус Мо, похожий на зебру, непонятно как очутившуюся в конюшне. Он нарисовал эти полоски после того, как подарил Мегги «Книгу джунглей». Мегги думала о доме, из которого им пришлось уехать, о школе, о своём месте за партой, которое сегодня осталось пустым. Скучала ли она по всему этому?

Ложась спать, она не стала закрывать окно. Мо поставил её сундучок с книгами возле кровати. Она достала книгу и попыталась устроиться среди знакомых слов, но у неё ничего не получалось. Мыслями она постоянно возвращалась к той книге, вспоминала большие пёстрые буквы-картинки, историю которых она не знала, потому что у книги не было времени поведать её.

«Надо найти Сажерука», — сквозь сон подумала Мегги. Но тут книга выскользнула у неё из рук, и она заснула.

Наутро её разбудило солнце. Воздух был всё ещё холодным, но небо очистилось от туч, и где-то вдали между деревьями поблёскивало озеро. Комната, в которую Элинор поселила Мегги, находилась на втором этаже. Мо был от неё через две двери, а Сажерук, должно быть, спал в каморке на чердаке. Мегги побывала там вчера, когда в поисках этого странного человека обегала весь дом. В каморке, кроме узкой кровати да книжных полок, громоздившихся до потолка, ничего больше не было.

Когда Мегги вышла к завтраку, Мо с Элинор уже сидели за столом, не хватало лишь Сажерука.

— А он уже позавтракал, — язвительно заметила Элинор. — Вместе с каким-то острозубым зверьком, который сидел прямо на столе и шипел на меня. Пришлось объяснить вашему другу, что единственное животное, которое я могу терпеть на своём столе, это муха; после чего они оба исчезли.

— А зачем он тебе? — спросил Мо.

— Да ничего такого… Просто хотела кое-что спросить. — Мегги быстро съела ломтик хлеба, проглотила немного отвратительного какао, которое сварила Элинор, и выбежала на улицу.

Она нашла его за домом, на лужайке, где рядом с гипсовым ангелочком стоял шезлонг. Гвина видно не было. В кустах рододендрона щебетали птицы, а Сажерук, не замечая ничего вокруг себя, жонглировал. Мегги попыталась сосчитать разноцветные мячики: четыре, шесть, восемь. Он так быстро жонглировал ими, что у девочки закружилась голова. Он стоял на одной ноге и подбрасывал мячики в воздух небрежно, словно ему даже не нужно было смотреть на них. Лишь увидев Мегги, он уронил один мячик, и мячик покатился прямо к её ногам.

Она подняла его и бросила ему обратно.

— Как это у вас получается? — спросила она. — Восхитительно.

Сажерук с улыбкой поклонился.

— Я зарабатываю этим на хлеб. Правда, не только этим.

— А чем ещё?

— Выступаю на ярмарках и праздниках. На детских днях рождения. Ты когда-нибудь была на ярмарках, где словно бы переносишься в Средневековье?

Мегги кивнула. Она была там однажды с Мо. На ярмарке продавались такие странные вещи, как будто они появились не просто из другого времени, а совсем из другого мира. Мо купил ей банку, украшенную разноцветными камнями, в которой была золотистая рыба с открытым ртом, а в пустом животе этой рыбы — шарик. Если потрясти банку, она звенела, как колокольчик. Воздух там пах свежеиспечённым хлебом, дымом и мокрой одеждой. Мегги видела, как куют мечи, а один раз она спряталась за спиной Мо от какой-то переодетой ведьмы.

Сажерук собрал мячики и положил их в сумку, стоявшую на траве за его спиной. Мегги подошла к ней и заглянула внутрь. Там были бутылки, вата, пакет молока, но, прежде чем она успела разглядеть что-нибудь ещё, Сажерук закрыл сумку.

— Сожалею. Профессиональные секреты, — сказал он. — Твой отец уже отдал Элинор книгу?

Мегги пожала плечами.

— Можешь мне всё рассказать. Я слышал ваш разговор. Он непременно хочет спрятать книгу здесь. Впрочем, что ему остаётся?

Сажерук вздохнул и опустился в шезлонг. Неподалёку на траве лежал рюкзак, а из него торчал пушистый хвост.

— Я видела Гвина, — сказала Мегги.

— Правда? — Сажерук откинулся назад и закрыл глаза. При солнечном свете его волосы казались ещё ярче. — Я тоже. Он спит в рюкзаке.

— Я видела его в книге.

Мегги не спускала взгляда с лица Сажерука, но на нём ничего не отразилось. По его лицу нельзя было читать мысли, как это получалось с Мо. Это лицо было похоже на закрытую книгу, и Мегги казалось, что всякий, кто хотел прочитать её, получал по рукам.

— Гвин сидел на букве, — продолжала она. — На букве К. Я даже видела рожки.

— Правда? — Сажерук не открывал глаз. — А ты не знаешь, на какую из тысячи полок Элинор засунула эту книгу?

Мегги сделала вид, будто не расслышала вопроса.

— Почему Гвин похож на зверя из книги? — спросила она. — Вы и правда приклеили ему рога?

Сажерук открыл глаза и прищурился от солнца.

— Приклеил? — переспросил он, глядя в небо. Солнце скрылось за редкими облаками, бросив на траву некрасивое пятно.

— Твой отец часто тебе читает?

Мегги посмотрела на него с недоверием, затем присела и погладила пушистый хвост Гвина.

— Нет. Но именно он научил меня любить книги, когда мне было всего пять лет.

— Спроси у него, почему он тебе не читает, но только не дай ему заморочить тебя отговорками.

— Почему? — рассердилась Мегги. — Да он просто этого не любит.

Сажерук улыбнулся, немного наклонился и засунул руку в рюкзак.

— Живот полный. Видимо, ночная охота была удачной. Небось разорил очередное гнездо или просто полакомился яйцами и хлебом тёти Элинор.

Хвост Гвина дёргался из стороны в сторону, как у кошки. Мегги с отвращением смотрела на рюкзак. Хорошо, что она не видела мордочку Гвина. Может, на ней запеклась кровь.

Сажерук снова откинулся в шезлонге.

— Хочешь, я покажу тебе вечером, зачем мне бутылки, вата и прочие предметы из сумки? — спросил он, даже не повернувшись к ней. — Только для этого должно быть абсолютно темно. Не боишься выходить ночью из дома?

— Конечно, нет! — обиделась Мегги, хотя ночью она предпочитала сидеть дома. — Но скажите сначала, зачем…

— Скажите? — Сажерук рассмеялся. — Ты ещё назови меня «господин Сажерук». Не люблю я, когда меня на «вы» называют, так что оставь это, ладно?

Мегги закусила губу и кивнула. Он был прав: это «вы» совсем ему не шло.

— Ладно. Так зачем ты приклеил Гвину рога? И что ты знаешь о книге?

Сажерук закинул руки за голову.

— Много всего знаю, — сказал он. — Может, когда-нибудь я расскажу тебе кое-что, а пока давай договоримся. Сегодня в одиннадцать на этом же месте. Согласна?

Мегги посмотрела на крышу дома, где пел дрозд.

— Да, — сказала она. — В одиннадцать. — И побежала обратно в дом.

Элинор предложила устроить мастерскую для Мо рядом с библиотекой. Там находилась маленькая комната, где Элинор хранила книги о животных и растениях (казалось, не было таких книг, которые бы она не собирала). Эти книги теснились на деревянных полках светло-медового цвета. Тут и там были расставлены застеклённые рамки с пришпиленными насекомыми, что сделало тётю ещё менее привлекательной в глазах девочки. Перед единственным окном стоял стол, прекрасный стол с резными ножками, однако он был гораздо меньше, чем стол в мастерской Мо у них дома.

— Ты посмотри только на этот стол! — в сердцах воскликнул Мо, когда Мегги просунула голову в дверь. — На нём разве что коллекцию марок можно разложить, а не книги переплетать. Да и сама комната слишком маленькая. Где ставить пресс, где инструменты? В прошлый раз я работал под крышей, но теперь и там всё завалено книгами.

Мегги провела рукой по корешкам плотно стоящих книг.

— Скажи Элинор, что тебе нужен большой стол. Она осторожно сняла одну книгу и раскрыла её.

На картинке были изображены жуки с рогами, хоботками, а один вообще с носом.

Мегги провела пальцем по бледным картинкам.

— Мо, а почему ты мне никогда не читал? Отец обернулся так внезапно, что Мегги едва не уронила книгу.

— Почему ты спрашиваешь? Ты говорила с Сажеруком? Что он тебе сказал?

— Ничего. Совсем ничего. — Мегги сама не знала, зачем соврала.

Она поставила книгу на место. Ей казалось, что кто-то плетёт вокруг них с Мо невидимую сеть из лжи, которая день ото дня становится всё крепче.

— Мне просто интересно, — сказала она, протягивая руку за другой книгой.

«Мастера маскировки». Звери были похожи на живые ветки или сухие листья.

Мо повернулся к дочери спиной и принялся раскладывать на столе свои инструменты: слева шпатели, затем закруглённый молоток, с помощью которого он придавал форму корешкам книг, острый нож для бумаги…

Обычно за работой Мо что-нибудь насвистывал, но сейчас он молчал. Мегги чувствовала, что мысли его были очень далеко. Но где именно?

Наконец он присел на край стола и посмотрел на неё.

— Я не очень люблю читать вслух, — сказал он таким голосом, словно в мире не было занятия скучнее. — Ты ведь знаешь.

— Но почему? Ты рассказываешь мне разные истории. Ты умеешь говорить на разные голоса, ты смешишь меня…

Мо скрестил на груди руки, словно пытаясь за ними спрятаться.

— Ты мог бы почитать мне «Тома Сойера» или «Откуда у носорога шкура».

Это была одна из любимых книг Мо. Когда она была совсем маленькой, они часто играли в носорогов, и тогда их одежда превращалась в толстую кожу со складками.

— Да, прекрасная книга, — сказал Мо и снова повернулся спиной.

Он взял со стола папку с бумагой для книжных форзацев и принялся перебирать её, думая о чём-то своём. «Каждая книга должна начинаться с такой бумаги, — сказал он однажды. — Лучше, чтобы она была какого-нибудь тёмного цвета, в зависимости от цвета обложки: бордового, тёмно-синего. Поэтому, открывая книгу, ты словно попадаешь в театр: сначала занавес, а раздвинешь его — и начнётся представление».

— Мегги, мне нужно работать, — сказал Мо, не оборачиваясь. — Чем скорее я отреставрирую книги Элинор, тем быстрее мы вернёмся домой.

Мегги поставила книгу обратно на полку.

— А если он не приклеивал ему рога? — спросила она.

— Что?

— Рога Гвина. Если он их не приклеил?

— Приклеил. — Мо придвинул стул к узкому столу. — Кстати, Элинор уехала за продуктами. Если проголодаешься до её возвращения, приготовь себе пончики, договорились?

— Договорились, — пробормотала Мегги.

Некоторое время она думала, стоит ли рассказывать ему об их ночной встрече с Сажеруком, но потом решила этого не делать.

— Как ты думаешь, можно мне взять с собой в комнату несколько книг отсюда? — спросила она вместо этого.

— Ну конечно. Если они только не исчезнут в твоём сундучке.

— Прямо как тот книжный вор, о котором ты мне рассказывал? — Мегги зажала три книги под левой рукой и четыре под правой. — Сколько он там украл? Тридцать тысяч?

— Сорок, — сказал Мо. — Но хозяев этих книг он никогда не убивал.

— Это был испанский монах. Забыла, как его звали. — Мегги подошла к двери и открыла её ногой. — А Сажерук говорит, что Каприкорн убьёт тебя, чтобы завладеть книгой. — Она старалась говорить спокойно. — Это правда?

— Мегги! — Мо обернулся и погрозил ей ножом для бумаги. — Иди полежи на солнце или уткни свой милый носик в книгу, только дай мне работать. И передай Сажеруку, что я порежу его на тонкие ломтики вот этим ножом, если он не прекратит нести ерунду.

— Это не ответ! — сказала Мегги и вышла в коридор.

В своей комнате она разложила книги на огромной кровати и принялась читать о жуках, которые прячутся в пустых раковинах улиток, прямо как люди в заброшенных домах; о плоских, как древесный лист, лягушках и гусеницах с пёстрыми шипами; о белобородых обезьянах, муравьедах и кошках, которые роют землю в поисках сладкого картофеля. Казалось, на земле существует всё, даже такие животные, которых Мегги никогда не могла себе представить.

Только ни в одной из книг она не нашла ничего про рогатых куниц.

ОГОНЬ И ЗВЁЗДЫ

И тогда они появились, ведя за собой дрессированных медведей, собак, коз, обезьян и сурков; они ходили по канатам, выделывали кувырки назад и вперёд, бросали ножи и мечи, оставаясь невредимыми при соприкосновении с остриями и лезвиями, змееобразными языками пламени и разлетающимися камнями; они показывали фокусы с плащами и шляпами, с волшебными кубками и цепями, заставляли кукол драться на шпагах, заливались подобно соловьям, кричали как павлины, свистели косулями, боролись и танцевали под воркованье свирели.

В. Герц. Книга шпильмана

День тянулся очень долго. Отца Мегги видела всего один раз, когда Элинор вернулась и спустя полчаса накормила их спагетти с каким-то соусом из полуфабрикатов.

— Сожалею, но у меня просто не хватает терпения приготовить что-нибудь получше, — сказала она, ставя кастрюли на стол. — Может быть, наш друг со зверьком умеет готовить?

— С этим помочь не могу, — пожал плечами Сажерук.

— Мо умеет, — сказала Мегги, размешивая жидкий соус в тарелке.

— Он должен работать с книгами, а не на кухне, — сказала Элинор. — А вот как насчёт тебя?

Мегги пожала плечами:

— Я умею печь пончики. Но почему вы не пользуетесь кулинарными книгами? У вас ведь всё есть. Это наверняка поможет.

Элинор решила не отвечать.

— Да, кстати, одно ночное правило, — сказала она, прервав затянувшееся молчание. — Я не выношу свечей в своём доме. Огонь меня раздражает. Он очень любит бумагу.

Мегги чуть не поперхнулась. Похоже, её поймали. Конечно же, она захватила из дома пару свечей — они лежали сейчас в комнате на ночном столике, и Элинор наверняка их заметила.

Но Элинор обращалась не к ней, а к Сажеруку, который вертел в руках коробок спичек.

— Надеюсь, вы будете придерживаться этого правила, потому что, по всей видимости, нам придётся провести в вашем обществе ещё одну ночь.

— Если я могу воспользоваться вашим гостеприимством, то завтра утром я уйду, обещаю. — Он всё ещё вертел в руках спички; казалось, взгляд Элинор совсем не волновал его. — По-моему, у кого-то здесь неправильное представление об огне. Он и правда бывает диким зверем, но каждого зверя можно приручить.

Сажерук достал спичку, зажёг её и засунул пламя себе в рот. Когда его губы сомкнулись вокруг огня, Мегги задержала дыхание. Затем он снова открыл рот, вынул погасшую спичку и, улыбаясь, положил её на пустую тарелку.

— Видите, Элинор, он совсем не укусил меня. Приручить огонь проще, чем котёнка.

Элинор лишь поморщила нос, а вот Мегги не могла оторвать изумлённого взгляда от Сажерука.

Мо, казалось, совсем не удивился этому фокусу. Он сурово посмотрел на Сажерука, и тот быстро спрятал коробок в карман.

— Правило насчёт свечей я, конечно, буду соблюдать, — поспешно сказал он. — Не волнуйтесь.

— Хорошо, — кивнула Элинор. — Но это ещё не всё. Если вы сегодня опять исчезнете, то возвращайтесь не слишком поздно. В девять тридцать я включаю сигнализацию.

— Значит, вчера мне повезло. — Сажерук быстро сунул несколько макаронин в рюкзак (незаметно для Элинор, но не для Мегги). — Согласен, я люблю гулять по ночам. Это мне больше по вкусу, мир становится другим. Пустынный, тихий и таинственный. Сегодня я не собирался гулять, но всё равно хочу попросить вас включить сигнализацию попозже.

— И почему же, позвольте спросить?

— Я обещал устроить для юной леди маленькое представление, — он подмигнул Мегги, — а оно начнётся за час до

полуночи.

— Ага! — Элинор вытерла губы салфеткой. — Представление. А нельзя ли перенести его на дневное время? В конце концов, юной леди всего двенадцать лет, и в восемь она должна уже быть в постели.

Мегги сжала губы. С пяти лет она ни разу не ложилась спать в восемь, но объяснять это Элинор она не стала. Она лишь удивилась, как спокойно Сажерук реагировал на враждебный взгляд Элинор.

— Но те фокусы, которые я хотел показать, не будут интересны днём, — сказал он, откинувшись на стуле. — Для этого мне и нужен тёмный покров ночи. Не хотите ли и вы присоединиться? Тогда станет понятно, почему это представление возможно только ночью.

— Соглашайся, Элинор, — сказал Мо. — Тебе понравится. Может, после него ты уже не будешь так опасаться огня.

— Я его не опасаюсь, а просто не люблю, — невозмутимо ответила Элинор.

— А ещё он умеет жонглировать, — добавила Мегги. — Восемью мячиками.

— Одиннадцатью, — поправил её Сажерук. — Но жонглировать можно и днём.

Элинор подцепила макаронину со скатерти и недовольно посмотрела сначала на Мегги, а потом на Мо.

— Ну, ладно. На представление я не пойду, а лягу, как всегда, в кровать с книгой в полдесятого, включив предварительно сигнализацию. Но если Мегги скажет мне точно, во сколько она пойдёт, я отключу её на час. Этого будет достаточно?

— Вполне.

Сажерук так низко поклонился, что коснулся кончиком носа края тарелки.

Мегги улыбнулась. Без пяти одиннадцать она постучалась в комнату Элинор.

— Войдите! — донеслось из-за двери. Заглянув в комнату, Мегги увидела, что Элинор сидит на кровати, склонившись над каталогом толщиной с телефонный справочник.

— Дорого, слишком дорого, тоже дорого, — бормотала она. — Запомни мой совет: никогда не увлекайся тем, на что тебе не хватит денег. Такая страсть будет грызть сердце, как книжный червь. Взять, к примеру, эту книгу… — Она так сильно ткнула пальцем в страницу

каталога, что Мегги удивилась, как в ней не образовалась дырка. — Что за издание, да ещё и в хорошем состоянии! Мечтаю купить его уже пятнадцать лет, но это слишком дорого для меня.

Элинор со вздохом захлопнула каталог, бросила его на ковёр и спустила ноги на пол. К удивлению Мегги, на ней была длинная ночная рубашка в цветочек. В ней тётушка выглядела моложе — как девочка, которая однажды утром проснулась с морщинами на лице.

— Надеюсь, ты не станешь такой же сумасшедшей, как я, — пробормотала Элинор, надевая на ноги толстые носки. — Ведь ни у твоего отца, ни у твоей матери не было ничего подобного. А вот мой отец был так же помешан на книгах, как и я. Больше половины библиотеки досталось мне от него, а что он с этого имел? Книги спасли его от смерти? Наоборот, с ним случился удар во время книжного аукциона. Разве это не смешно?

Мегги не знала, что на это ответить.

— Моя мама? — спросила она. — Вы хорошо её знали?

Элинор фыркнула, словно вопрос был ей неприятен.

— Ну конечно, знала. Ведь твой отец познакомился с ней именно здесь. Разве он тебе не рассказывал?

— Он мало говорит о ней, — покачала головой Мегги.

— Может, так оно и лучше. Зачем бередить старые раны? Ты тоже её не помнишь? Тот знак на двери библиотеки нарисовала она. А теперь идём, иначе ты пропустишь представление.

Мегги пошла за тётей по тёмному коридору. В какой-то момент у неё возникло странное ощущение, что мама сейчас выйдет из какой-нибудь двери и улыбнётся ей. Во всём доме было темно, и несколько раз Мегги ударялась коленом о стул или маленький столик.

— Почему тут так темно? — спросила Мегги, когда Элинор дотронулась до выключателя в холле.

— Потому что я скорее потрачу свои деньги на книги, чем на лишнее электричество, — ответила Элинор и так сердито посмотрела на лампу, будто хотела приказать ей светить немного поэкономнее. Затем она потянулась к металлическому ящичку, спрятанному за толстой пыльной занавеской возле двери. — Надеюсь, ты выключила свет у себя в комнате? — спросили она, открывая ящичек.

— Конечно, — ответила Мегги, хотя это было и не так.

— Отвернись, — сказала Элинор, наморщив лоб. — Боже мой, эти кнопочки!.. Надеюсь, я все правильно нажала. Скажи мне, когда закончится представление. И даже не думай пробраться в библиотеку за какой-нибудь книжкой. Я ведь рядом, а слух у меня лучше, чем у летучей мыши.

Мегги ничего не ответила. Элинор открыла входную дверь и, не говоря ни слова, выпустила её на улицу. Стояла тихая ночь. В воздухе носились незнакомые запахи и раздавалось стрекотание цикад.

— А к моей маме вы относились так же приветливо? — спросила Мегги, когда Элинор уже хотела закрыть за ней дверь.

На какое-то мгновение Элинор смутилась.

— Думаю, да, — сказала она. — Да, так и есть. Она была такой же наглой, как и ты. Ну, удачно тебе посмотреть на Пожирателя Спичек, — добавила Элинор и закрыла дверь.

Мегги бежала по тёмному саду за дом и вдруг услышала музыку. Казалось, этой бодрой и одновременно грустной музыкой в исполнении колокольчиков, труб и барабанов кто-то приветствует её появление.

Мегги не удивилась бы, если бы на лужайке её встречала целая толпа фокусников, но там был один Сажерук.

Он ждал на том же месте, где Мегги нашла его днём. Музыка доносилась из магнитофона, стоявшего на траве возле шезлонга. На краю лужайки Сажерук поставил садовую скамейку для своей зрительницы. Слева и справа от неё в землю были воткнуты горящие факелы. Два факела посередине лужайки отбрасывали причудливые тени. Впечатление было такое, как будто слуги, нанятые специально для представления, заходились в жутком танце.

Сажерук был раздет по пояс, его бледная кожа сливалась со светом луны, что висела над домом Элинор, и казалось, тоже была приглашена на представление.

Завидев Мегги, Сажерук поклонился.

— Пожалуйста, занимай место, милая леди! — крикнул он. — Ждём только тебя.

Мегги уселась на скамейку и огляделась. На шезлонге стояли две тёмные бутылки, которые она видела сегодня в сумке. В левой бутылке что-то светилось, словно Сажерук набрал в неё лунного света. Между

планками шезлонга была воткнута дюжина факелов с белыми ватными головками, а рядом с магнитофоном стояло ведро и пузатая ваза, которая, если Мегги не ошибалась, была взята из прихожей.

На секунду девочка взглянула вверх, на окна дома. В комнате Мо света не было — наверное, он ещё работал в мастерской. А вот этажом выше она увидела в освещённом окне фигуру Элинор. Тётушка тотчас задёрнула занавеску, как будто заметила, что на неё смотрят, но за занавеской всё равно был виден её силуэт.

— Ты слышишь, как тихо вокруг?

Сажерук выключил магнитофон. Тишина мягко, точно ватой, заткнула девочке уши. Лишь потрескивание факелов и стрекот цикад нарушали ночное безмолвие.

Сажерук снова включил музыку.

— Я разговаривал с ветром, — сказал он. — Знаешь, если ветру вздумается поиграть с огнём, даже я не смогу его укротить. Но сегодня он обещал мне вести себя спокойно и не испортить нам представление.

С этими словами он нагнулся за факелом. Затем отпил глоток из бутылки с лунным светом и выплюнул немного в вазу. Окунул факел в ведро, вынул и поднёс к горящему факелу. Огонь вспыхнул так неожиданно, что Мегги вздрогнула. Сажерук поднёс к губам вторую бутылку и набрал полный рот жидкости. Он вдохнул побольше воздуха и выплюнул всё, что было у него во рту, на горящий факел.

Над лужайкой поднялся яркий огненный шар. Он, как живой, пожирал темноту вокруг себя. Шар был таким большим, что Мегги испугалась, не полыхнёт ли сейчас пожар. Но тут Сажерук повернулся на каблуках и выдул ещё один шар. Огонь взвился так высоко, словно хотел поджечь звёзды. Сажерук запалил второй факел и провёл им по голой руке. В эту минуту он был похож на ребёнка, весело играющего со своим котёнком. Огонь коснулся его руки, как живое существо, с которым он подружился и которое теперь разгоняло для своего хозяина мрак ночи. Сажерук подбросил факел высоко вверх, туда, где ещё недавно висел огненный шар, поймал его, зажёг ещё один — и вот он уже жонглировал тремя, четырьмя, пятью факелами. Огонь вертелся вокруг него, танцевал и даже не пытался укусить. Вдруг факелы исчезли, как будто ночь поглотила их, а Сажерук с улыбкой поклонился Мегги, которая за всё время не проронила ни слова.

Она, словно зачарованная, сидела на жёсткой скамейке и, не мигая, смотрела, как Сажерук прикладывает к губам бутылку, а затем снова и снова выплёвывает огонь в чёрное лицо ночи.

Мегги не знала, что отвлекло её внимание от факелов и кружащихся в воздухе искр. Может быть, мы кожей ощущаем зло, как ощущаем тепло или холод; может быть, она краем глаза заметила полоски света, пробивавшиеся сквозь ставни на окне библиотеки.

Ей почудились голоса, мужские голоса, громче, чем музыка. По всему телу разлился страх — такой же тёмный и жуткий, как обступившая их ночь.

Когда она вскочила, Сажерук уронил горящий факел, но быстро затоптал его, не дав огню распространиться по траве, и вслед за Мегги уставился на дом.

Она побежала, под ногами шуршал гравий. Входная дверь была слегка приоткрыта, внутри было темно, а из коридора, ведущего в библиотеку, раздавались голоса.

— Мо! — крикнула она и почувствовала, как страх снова наполняет сердце.

Дверь в библиотеку стояла нараспашку. Мегги кинулась туда, но вдруг сильная рука ухватила её за плечо.

— Тихо, — сказала Элинор и втащила девочку к себе в комнату.

Мегги заметила, как дрожали её пальцы, когда она запирала дверь.

— Не трогайте меня!

Мегги оттолкнула её руку и попыталась повернуть ключ. Она хотела крикнуть, что нужно помочь отцу, но Элинор крепко зажала ей рот. Она была гораздо сильнее девочки.

— Их слишком много, — шёпотом сказала она, пока Мегги силилась укусить её за палец. — Четыре или пять здоровых мужчин, к тому же они вооружены. — Она притянула брыкающуюся Мегги к стене возле кровати. — Ведь уже сто раз собиралась купить чёртов револьвер. Да что там сто — тысячу!

— Ну конечно, она здесь, — услышала Мегги чей-то шершавый, словно кошачий язык, голос. — Может, нам привести из сада твою дочурку — и она нам всё покажет? Или ты сделаешь это сам?

Мегги попыталась ещё раз освободить рот от руки Элинор.

— Да успокойся ты наконец! — зашипела тётушка прямо ей в ухо. — Ты только хуже сделаешь, понимаешь?

— Моя дочь? Что вы о ней знаете? — Это уже был голос Мо.

Мегги всхлипнула. И тут же увидела угрожающе поднятый палец Элинор у себя перед носом.

— Я хотела вызвать полицию, — сказала она, — но телефон не работает.

— Мы знаем всё, что нам нужно. — Голос принадлежал уже кому-то другому. — Итак, где книга?

— Вы её получите. — Мо говорил глухо. — Но я пойду с вами, потому что хочу получить её обратно, когда Каприкорну она больше будет не нужна.

Пойдёт с ними… Что он хочет этим сказать? Он не может просто взять и уйти! Мегги снова рванулась к двери, но Элинор удержала её. Все попытки вывернуться были напрасны: тётушка крепко обхватила её и снова зажала рот рукой.

— Прекрасно. Мы всё равно хотели тебя забрать, — сказал незнакомец. — Ты себе даже не представляешь, как Каприкорн жаждет услышать твой голос. Он верит в твои способности.

— Да, тот, кто работает вместо тебя, ничего не умеет, — добавил другой. — Посмотри на Кокереля.

Мегги услышала шаги.

— Он хромает, а Плосконос выглядит уже лучше, хотя красавцем никогда не числился.

— Не болтай, Баста, у нас не так много времени. А как быть с его дочкой? Возьмём её с собой? — Это был уже другой голос. Казалось, кто-то говорил с зажатым носом.

— Нет! — крикнул Мо. — Она останется здесь, иначе книгу вы не получите!

Один из мужчин рассмеялся:

— Не волнуйся, Волшебный Язык. Конечно же, получим. А вот насчёт твоей дочери Каприкорн нам указаний не давал. Девчонка нас только задержит, а ведь хозяин ждёт не дождётся встречи с тобой. Короче, где книга?

Мегги крепко прижалась ухом к стене. Она услышала шаги, а потом звук отодвигаемого предмета. Элинор затаила дыхание.

— Неплохой тайник, — сказал шершавый голос. — Кокерель, бери и не спускай с неё глаз. После тебя, Волшебный Язык. Вперёд!

Они вышли. Мегги ещё раз попыталась высвободиться из рук Элинор, но безуспешно. Дверь в библиотеку закрылась, шаги стали удаляться, становились всё тише и тише, а потом вообще смолкли. Только тогда Элинор отпустила её.

Мегги рванула дверь и в слезах помчалась в библиотеку. Мо там не было. Книги стояли на своих местах, и лишь в одном ряду зияла чёрная дыра.

— Невероятно! — воскликнула Элинор. — Им действительно нужна была лишь эта книга.

Мегги оттолкнула её и побежала по коридору.

— Подожди! — Элинор пыталась её остановить. Но чего ждать? Ждать, пока увезут отца? Мегги слышала: Элинор бежала следом. Может, руки у неё и были сильнее, но бегала Мегги всё равно лучше. В прихожей всё ещё было темно. Дверь была распахнута, а когда Мегги, затаив дыхание, вышла на улицу, ей в лицо подул прохладный ветер.

— Мо! — крикнула она.

Где-то вдалеке загорелись автомобильные фары и послышался звук мотора. Мегги побежала в ту сторону, споткнулась и расцарапала о гравий колено. Тёплая кровь потекла по ноге, но Мегги этого не замечала. Она всё бежала, всхлипывая, пока не оказалась перед большими железными воротами. Дорога за ними была пуста.

Мо исчез.

ЧТО СКРЫВАЕТ НОЧЬ

Лучше тысяча врагов снаружи дома, чем один внутри.

Арабская пословица

Сажерук прятался за каштаном, когда мимо пронеслась Мегги. Он видел, как она остановилась возле ворот и смотрела на дорогу. Слышал, как она звала отца. Её крики заглушали треск цикад. А потом вдруг всё стихло, и в наступившей тишине посреди ночи застыла маленькая фигурка девочки. Казалось, силы оставили её, и лёгкое дуновение ветерка могло унести её прочь, как сухой лист.

Она стояла у ворот так долго, что Сажерук закрыл глаза, чтобы не видеть её. Но вдруг до него донёсся плач, и лицо его обдало жаром стыда, как огнём, с которым он недавно играл. Он прижался спиной к дереву и ждал, когда Мегги вернётся. Но девочка не шевелилась. Наконец, когда ноги у него совсем онемели, Мегги неловко повернулась, словно марионетка, которую кто-то дёрнул за ниточки, и направилась к дому. Она больше не плакала, а проходя мимо дерева, лишь утёрла рукой глаза. На мгновение Сажерук почувствовал непреодолимое желание утешить её, объяснить, зачем он всё рассказал Каприкорну. Но Мегги прибавила шаг и прошла мимо. Она шла всё быстрее, пока совсем не скрылась за деревьями.

Сажерук вышел из своего укрытия, перекинул за спину рюкзак, взял в руки сумки и двинулся в сторону всё ещё открытых ворот.

Ночь поглотила его.

ОДНА

— Золотце моё, — проговорила наконец бабушка, — а ты не жалеешь, что до конца жизни тебе придётся остаться мышкой?

— Я совсем не думаю об этом, — ответил я. — Разве это важно, кто ты и как выглядишь, пока тебя любят?

Р. Даль. Ведьмы

Когда Мегги вернулась, на ярко освещённом крыльце стояла Элинор. Поверх ночной рубашки она накинула пальто. Ночь была тёплой, но с озера дул холодный ветер. В отчаянии девочка казалась такой потерянной… Элинор вспомнила это чувство — хуже не бывает.

— Они увезли его с собой! — Мегги чуть не задыхалась от бессильной ярости, она поедала тётку ненавидящим взглядом. — Почему вы удержали меня? Мы смогли бы ему помочь! — Она сжала кулаки, словно больше всего на свете хотела побить её.

Элинор могла это понять. Ей самой подчас хотелось поколотить весь мир, но в этом не было смысла, никакого. Оставалась печаль…

— Не говори ерунды, — грубо сказала она. — Как бы у нас это вышло? Они бы и тебя забрали. Понравилось бы это твоему отцу? Нет. Так что нечего болтаться в саду, заходи в дом.

Но девочка не тронулась с места.

— Они отвезут его к Каприкорну! — прошептала она так тихо, что Элинор едва разобрала её слова.

— К кому?

Мегги только покачала головой и провела рукавом по заплаканному лицу.

— Скоро здесь будет полиция, — сказала Элинор. — Я звонила по мобильному телефону твоего отца. Никогда не думала покупать такую вещицу, но теперь, наверно, всё-таки куплю. Грабители мне попросту обрубили кабель!

Мегги не двигалась с места. Она дрожала.

— В любом случае они давно уехали, — сказала она.

— Боже мой, да ничего с ним не случится! Элинор поплотнее запахнулась в пальто. Ветер усиливался. К дождю, несомненно.

— Откуда вы это знаете? — Голос Мегги дрожал от ярости.

«Господи, если бы взглядом можно было убить, — подумала Элинор, — то я бы уже была мертвехонька».

— Да потому, что он сам, по доброй воле, захотел идти с ними! — раздражённо ответила она. — Ты ведь тоже это слышала, разве не так?

Девочка опустила голову. Конечно, слышала.

— Правда, — сказала она. — Он больше тревожился о книге, чем обо мне.

На это Элинор возразить было нечего. Её собственный отец всегда был твёрдо уверен, что о книгах надо заботиться больше, чем о детях. И когда он внезапно умер, ей и двум её сёстрам казалось, будто он просто, как прежде, сидел себе в библиотеке и вытирал пыль со своих книг. Но отец Мегги был не таков.

— Вздор. Конечно же, он тревожился о тебе, — сказала она. — Я не знаю отца, который бы так безумно обожал свою дочь, как твой. — Она протянула Мегги руку. — Я сделаю тебе горячее молоко с мёдом. Кажется, именно это дают глубоко несчастным детям?

Но Мегги даже не заметила протянутую руку. Она внезапно повернулась и побежала. Как будто что-то пришло ей в голову.

— Эй, погоди!

Чертыхнувшись, Элинор натянула садовые туфли и заковыляла следом. Глупышка побежала на задний двор, где огнеглотатель устраивал ей представление. Но лужайка, разумеется, была пуста. Только погасшие факелы ещё торчали из земли.

— Ага, господин Пожиратель Спичек, похоже, исчез, — сказала Элинор. — Во всяком случае, в доме его нет.

— Может быть, он пошёл за ними? — Девочка подошла к одному из потухших факелов и коснулась обугленной головки. — Так и есть! Он увидел, что случилось, и пошёл за ними!

Она безнадёжно посмотрела на Элинор.

— Конечно. Так и было. — Элинор изо всех сил старалась, чтобы её слова не звучали насмешливо. «Как это, по-твоему, он за ними пошёл? Пешком?» — мысленно добавила она.

Но вслух этого не произнесла, а только положила руку на плечо Мегги. «Господи, девчонка до сих пор дрожит!»

— Пойдём, — сказала она. — Скоро здесь будет полиция, а пока что мы действительно ничего не можем поделать. Вот увидишь, через пару дней твой отец найдётся, а вместе с ним, возможно, и твой друг, плюющийся огнём. Но до этого тебе надо как-нибудь уживаться со мной.

Мегги лишь кивнула. Не сопротивляясь, она дала увести себя в дом.

— У меня есть ещё одно условие, — сказала Элинор, когда они стояли перед дверью.

Мегги недоверчиво взглянула на неё.

— Ты не могла бы, пока мы тут одни, не смотреть на меня всё время так, будто хочешь меня отравить? Это выполнимо?

По лицу Мегги скользнула едва заметная улыбка.

— Наверное, да, — сказала она.

Двое полицейских, которые въехали во двор, усыпанный гравием, задали много вопросов, но ни Мегги, ни Элинор не смогли на них ответить. Нет, Элинор этих людей никогда прежде не видела. Нет, денег они не украли и вообще ничего ценного, если не считать одной книги. При этих словах Элинор полицейские насмешливо переглянулись. Рассердившись, та прочла им целую лекцию о ценности редких книг, но это лишь усугубило дело. Когда же Мегги наконец сказала, что её отца обязательно найдут, если разыщут некоего Каприкорна, полицейские посмотрели так, словно девочка всерьёз утверждала, будто её отца похитил злой волк. Потом они уехали. Тогда Элинор отвела Мегги в её комнату. У глупышки в глазах вновь стояли слёзы, а Элинор не имела ни малейшего представления о том, как утешить девочку двенадцати лет. Она сказала только:

— Твоя мать всегда спала в этой комнате. — И это были, наверное, самые неуместные слова, поэтому она быстро добавила: — Если не сможешь заснуть, почитай что-нибудь, — дважды кашлянула и пошла назад к себе через пустой, тёмный дом.

Отчего он вдруг показался ей таким бесконечно огромным и пустым? Долгие четыре года, что она прожила здесь одна, её никогда не беспокоило, что за всеми дверями её встречали одни лишь книги. Как давно это было, когда она вместе с сёстрами играла в этих

комнатах и коридорах в прятки! В то время она всегда старалась бесшумно проскользнуть мимо дверей библиотеки…

Снаружи ветер стучал в ставни. «Господи, я не смогу сомкнуть глаз», — подумала Элинор. А потом она вспомнила о книге, которая ожидала её возле кровати, и со смешанным чувством предвкушения и мук весьма нечистой совести она исчезла в своей спальне.

ПОДМЕНА

Из-за книг душу охватило сильное недомогание. Как же стыдно находиться в зависимости от этой груды бумаги с чувствами уже умерших людей! Не лучше ли, не достойнее ли и приличней оставить весь этот хлам и выйти в мир свободным, раскованным, безграмотным суперменом?

С. Игл. Перевозя библиотеку

Мегги в своей постели в эту ночь так и не уснула. Как только шаги Элинор затихли, она помчалась в комнату Мо.

Он не успел распаковать сумку — та по-прежнему стояла рядом с кроватью. Только его книги уже лежали на ночном столике да ещё надкусанная плитка шоколада. Мо любил шоколад до безумия. Самый занюханный шоколадный Дед Мороз не чувствовал себя при нём в безопасности. Мегги отломила от плитки кусочек и засунула в рот, но вкуса не ощутила. Только вкус беды.

Одеяло Мо оказалось совсем холодным, и подушка хранила запах не отца девочки, а только крахмала и стирального порошка. Мегги сунула под неё руку и нашла фотокарточку. Это был портрет её матери — он всегда лежал у Мо под подушкой. Когда Мегги была маленькой, она думала, что Мо просто однажды придумал ей мать, поскольку считал, будто без матери ей было плохо. Он рассказывал про неё удивительные истории. Потом Мегги всегда спрашивала:

«Она любила меня?»

«Очень».

«Где она?»

«Ей пришлось уехать, когда тебе исполнилось три года».

«Почему?»

«Ей надо было уехать».

«Далеко?»

«Очень далеко».

«Она умерла?»

«Ни в коем случае!»

Мегги привыкла, что на некоторые вопросы Мо давал странные ответы. И уже в десять лет она не верила в то, что он для неё сочинял, — очевидно, мама просто ушла от них. Такое бывает. И пока Мо был с ней, она никогда особенно не тосковала по матери.

Но вот и его не стало.

И она осталась один на один с Элинор и с её ледяными глазами.

Она достала из сумки свитер Мо и прижалась к нему лицом. «Всему виной книга, — вновь и вновь крутилось у неё в голове. — Ну почему, почему он не отдал её Сажеруку?!» Иногда полезно прийти в бешенство, если не знаешь, как побороть боль. Но потом слёзы всё же нахлынули, и Мегги заснула с солоноватым вкусом на губах.

Когда она проснулась — с колотящимся сердцем и волосами, мокрыми от пота, — всё опять вернулось: мужчины в чёрном, голос Мо и пустая дорога. «Я пойду искать его, — решила Мегги. — Да, я так и поступлю». Небо за окном уже зарумянилось. Ещё немного, и взойдёт солнце. Лучше уйти, пока не рассвело.

Куртка Мо висела на стуле у окна, как будто он только что её снял. Мегги достала из неё портмоне: ей могут понадобиться деньги. Потом она прокралась в свою комнату, чтобы собрать вещи, самое необходимое из одежды и фотографию, где она вместе с Мо, чтобы всюду её показывать и спрашивать о нём. Сундук с книгами она, разумеется, взять с собой не могла. Сначала хотела спрятать его под кроватью, но потом решила написать Элинор письмо.

«Дорогая Элинор…» — писала она, хотя на самом деле не считала, что это подходящее обращение, и далее спросила себя, надо ли называть её на «ты» или, как прежде, на «вы».

«Да ладно, тётям говорят „ты“, — подумала она, — кроме того, так проще».

«Я должна отправиться на поиски отца, — писала она дальше. — Не беспокойся…»

«Что ж, Элинор так или иначе беспокоиться не станет».

«И пожалуйста, не говори полицейским, что я ушла, а то они наверняка приведут меня обратно. В сундуке — мои любимые книги. К сожалению, я не могу взять их с собой. Пожалуйста, присмотри за ними, я их заберу, как только найду отца. Спасибо. Мегги.

P. S. Я знаю точно, сколько книг в сундуке».

Последнее предложение она тут же зачеркнула, ведь оно только разозлит Элинор, и кто знает, что тогда будет с книгами? Чего доброго, она их ещё продаст. Ведь Мо снабдил каждую из них необычайно красивым переплётом. Ни одна не была переплетена в кожу — Мегги не хотела при чтении представлять себе, что для её книг стянули кожу с какого-нибудь телёнка или со свиньи. К счастью, Мо это понимал. Как-то он рассказывал Мегги, что много столетий назад переплёты для особо ценных книг делали из кожи неродившихся телят. «Charta virginea non nata» — сладкозвучное название для ужасной вещи. «И в этих книгах, — говорил Мо, — было так много слов о любви, добре и милосердии».

Пока Мегги собирала сумку, она всячески старалась не рассуждать, поскольку знала, что все рассуждения кончатся вопросом: где, собственно говоря, она будет его искать? Вновь и вновь она гнала от себя эту мысль, но всё же её руки стали двигаться медленнее. И вот наконец она стояла около набитой доверху сумки, невольно прислушиваясь к тихому и беспощадному внутреннему голосу: «Ну и где же ты собралась искать, Мегги? Ты пойдёшь по улице налево или направо? Даже этого ты не знаешь. Как ты думаешь, далеко ли ты уйдёшь, пока тебя не задержит полиция? Двенадцатилетнюю девочку с огромной сумкой в руках и с нелепой историей об исчезнувшем отце и о том, что нет никакой матери, которой можно тебя отдать…»

Мегги зажала уши руками, но разве это поможет заглушить насмешливый голос у неё в голове? Какое-то время она так и стояла. Затем помотала головой, пока этот голос наконец не умолк, и поволокла собранную сумку в коридор. Сумка была тяжёлой, слишком тяжёлой. Мегги снова открыла её и побросала всё обратно в комнату. Оставила только один свитер, одну книгу (уж хотя бы одна-то книга была ей нужна), фотографию и портмоне. Теперь она сможет нести сумку, каким бы дальним ни был путь.

Она тихо спустилась по лестнице, держа в одной руке сумку, а в другой записку. Утреннее солнце уже пробивалось сквозь щели в ставнях, но в большом доме было так тихо, словно спали даже книги на полках. Только из-за двери в комнату Элинор доносился негромкий храп. Сначала Мегги хотела подсунуть записку под дверь, но та не пролезала. Она немного поколебалась, а затем надавила на дверную ручку. В спальне Элинор было светло, несмотря на закрытые ставни.

Рядом с кроватью горела лампа — очевидно, Элинор заснула за чтением. Она лежала на спине с чуть приоткрытым ртом и услаждала своим храпом гипсовых ангелов на потолке. К груди она прижимала книгу. Мегги сразу узнала её.

— Откуда она у тебя? — закричала Мегги и потянула книгу из рук Элинор, тяжёлых со сна. — Это книга моего отца!

Элинор мгновенно очнулась, как будто Мегги плеснула ей кипятком в лицо.

— Ты её украла! — кричала Мегги, вне себя от ярости. — Это ты позвала этих разбойников! Да! Точно! Ты и твой Каприкорн, вы с ним заодно! Ты велела увести моего отца, и кто знает, что ты сделала с бедным Сажеруком! Ты хотела взять эту книгу себе, с самого начала! Я видела, как ты на неё смотрела, — будто она живая! Она, быть может, миллион стоит, а то и два или три!

Элинор сидела на постели, рассматривала цветочки на своей ночной рубашке и не издавала ни звука. Она заговорила, только когда у Мегги перехватило дыхание.

— Ты всё сказала? — спросила она. — Или ты будешь вопить, пока не рухнешь замертво? — Её голос звучал, как всегда, грубо, но слышалось в нём и нечто иное — нечистая совесть.

— Я всё скажу полиции! — выдохнула Мегги. — Я скажу им, что ты украла книгу, и пусть они спросят тебя, где теперь мой отец.

— Я… спасла… тебя… и эту… книгу!

Элинор спустила ноги с кровати, подошла к окну и отодвинула ставни.

— Ах, вот как! А что будет с Мо? — Голос Мегги снова окреп. — Они ведь скоро узнают, что он дал им не ту книгу! Ты будешь виновата, если они что-нибудь с ним сделают! Сажерук сказал: «Каприкорн его убьёт, если не получит книгу». Он убьёт его!

Элинор высунула голову в окно и глотнула побольше воздуха. Потом обернулась.

— Ерунда! — сказала она сердито. — Ты слишком много значения придаёшь болтовне Пожирателя Спичек. И ты начиталась скверных приключенческих историй. Убить твоего отца! Господи, да он же не секретный агент или что-то в этом роде! Он реставрирует старые книги. Эта профессия не связана с угрозой для жизни. Я просто хотела посмотреть книгу в спокойной обстановке. Только поэтому я её

подменила. Откуда мне было знать, что посреди ночи явятся какие-то тёмные личности, чтобы забрать её и твоего отца вместе с ней? Мне он рассказывал только, что из-за этой книжки его преследует какой-то сумасшедший коллекционер. Откуда я могла знать, что этот коллекционер не остановится ни перед кражей со взломом, ни перед похищением людей? Даже мне такое не пришло бы в голову. Ну разве что ради одной-двух книг на свете…

— Но так говорил Сажерук. Он говорил, что Каприкорн убьёт его!

Мегги крепко обхватила книгу, как будто только так могла предотвратить новую беду. Ей вдруг показалось, будто она опять слышит голос Сажерука.

— А вопли и трепыхание малютки, — прошептала она, — для него сладки, как мёд.

— Что? О ком это ты снова? — Элинор села на край кровати и усадила Мегги рядом с собой. — Сейчас ты расскажешь мне всё, что знаешь об этом деле. Выкладывай!

Мегги открыла книгу. Она полистала страницы, пока не нашла заглавную букву К, на которой сидел зверёк, так похожий на Гвина.

— Мегги! Эй! Я тебя спрашиваю! — Элинор грубо потрясла её за плечи. — О ком ты только что говорила?

— Каприкорн… — Мегги едва прошептала это имя — казалось, оно притягивало опасность каждой своей буквой.

— Каприкорн. И что дальше? Это имя я от тебя уже пару раз слышала. Но, бес его дери, кто же он такой?

Мегги захлопнула книгу, провела пальцем по обложке и рассмотрела её со всех сторон.

— Здесь нет названия, — пробормотала она.

— Нет. Ни на обложке, ни внутри. — Элинор встала и подошла к платяному шкафу. — Есть много книг, название которых сразу не узнаешь. В конце концов, это новомодный обычай — писать его на переплёте. Ещё когда книги переплетали так, что корешок изгибался внутрь, название в лучшем случае писали на срезе страниц, а как правило, его можно было узнать, только раскрыв книгу. Лишь когда переплётчики научились делать выпуклые корешки, название перекочевало туда.

— Да, я знаю! — нетерпеливо сказала Мегги. — Но это не старинная книга. Я знаю, как выглядят старинные книги.

Элинор бросила на неё насмешливый взгляд.

— Ах да, извини! Я забыла, что ты настоящий эксперт! Но ты права: эта книга не совсем старинная. Она издана всего тридцать восемь лет назад. Поистине смехотворный возраст для книги! — Элинор исчезла за открытой дверцей шкафа. — И всё-таки название у неё, разумеется, есть: «Чернильное сердце». Я полагаю, твой отец специально переплёл её так, чтобы по обложке не догадались, что это за книга. Даже внутри, на первой странице, ты не найдёшь названия, и если ты внимательно приглядишься, то поймёшь: он просто изъял эту страницу.

Ночная рубашка Элинор упала на ковёр, и Мегги увидела, как её голые ноги не спеша влезают в колготки.

— Нам надо ещё раз сходить в полицию, — сказала она.

— Зачем? — Элинор кинула свитер на дверцу шкафа. — Что ты им расскажешь? Ты что, не видела, как те двое вчера глазели на нас? — Элинор стала передразнивать голоса полицейских: — «Ах да, как там было дело-то, госпожа Лоредан? Кто-то ворвался к вам в дом после того, как вы любезно отключили сигнализацию. И тогда эти взломщики — ну ловкачи прямо! — стащили одну-единственную книгу, хотя в вашей библиотеке есть книги стоимостью в несколько миллионов, и забрали отца этой девочки, хотя он и сам вызвался сопровождать их! Ну да. Очень интересно. И эти люди работали на человека, называющего себя Каприкорн. Кажется, это имя означает „Козерог“?» Боже мой, девочка…

Элинор снова появилась из-за дверцы шкафа. На ней была безобразная клетчатая юбка и свитер карамельного цвета, в котором она казалась бледной, как дрожжевое тесто.

— Все, кто живёт у этого озера, считают меня сумасшедшей, и, если мы опять обратимся с нашей историей в полицию, повсюду заговорят, что теперь-то Элинор Лоредан окончательно свихнулась. А это лишний раз доказывает, что страсть к книгам — нездоровая страсть.

— Ты одеваешься как старая бабка, — сказала Мегги.

Элинор посмотрела на неё сверху вниз.

— Вообще-то, комментарии насчёт моей внешности нежелательны. А потом, я могла бы быть твоей бабкой. Если бы чуть-чуть постаралась.

— Ты когда-нибудь была замужем?

— Нет. Никогда не понимала, зачем это нужно. И будь добра, перестань спрашивать о моей личной жизни. Разве отец не научил тебя, что это нехорошо?

Мегги молчала. Она сама не знала, почему задавала такие вопросы.

— Она очень ценная? Или…

— «Чернильное сердце»? — Элинор взяла книгу из рук Мегги, провела пальцем по переплёту и отдала ей. — Я думаю, да. Хотя в каталогах и списках редких книг ни одного экземпляра ты не найдёшь. Я между тем кое-что про неё разузнала. Некоторые коллекционеры предложили бы твоему отцу очень-очень много денег, если бы пошли слухи, что он обладает, возможно, единственным экземпляром. В конце концов, эта книга должна быть не только редкой, но и хорошей. Я ничего на этот счёт сказать не могу. Вчера ночью я не одолела и десяти страниц. Как только там появилась первая фея, я сразу же уснула. Истории про фей, гномов и всё такое прочее мне никогда не были особенно по душе. Хотя я не отказалась бы наблюдать парочку таких историй в моём саду.

Элинор ещё раз зашла за дверцу шкафа — наверное, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Похоже, замечание Мегги насчёт одежды задело её.

— Да, я думаю, книга очень ценная, — повторила она задумчиво. — Хотя со временем о ней почти забыли. Похоже, никто уже не помнит, о чём там речь, и вряд ли хоть кто-то её читал. Даже в библиотеках её не найти. Но время от времени появляются слухи, будто ни одного экземпляра нет потому, что все, какие остались, были украдены. Возможно, всё это вздор. Исчезают не только животные и растения. С книгами это тоже бывает. К сожалению, это случается не так уж и редко. Наверное, можно сто домов, таких, как вот этот, до самой крыши наполнить книгами, которые бесследно исчезли. Насколько я знаю, автор ещё жив, но, похоже, он ничего не делает для того, чтобы его книгу переиздали.

Мне это кажется странным. В конце концов, всякая история пишется для того, чтобы её прочли, разве не так? Что ж, возможно, эта история ему самому уже разонравилась. Или же она так плохо

продавалась, что не нашлось издательства, которое захотело бы её вновь напечатать. Откуда мне знать?

— И всё-таки я думаю, её украли не только потому, что она ценная, — пробормотала Мегги.

— Ах, не поэтому? — Элинор расхохоталась. — Боже мой, ты истинная дочь своего отца. Мортимер тоже не мог себе представить, чтобы люди делали нечто предосудительное из-за денег, только потому, что для него самого они особой ценности не имеют. Ты представляешь себе, сколько может стоить одна-единственная книга?

Мегги сердито посмотрела на неё:

— Да, представляю. И всё же я думаю, что дело не в этом.

— А я думаю, именно в этом. И Шерлок Холмс подумал бы то же самое. Ты любишь читать книги? Ведь это так здорово! Особенно в дождливые дни.

Элинор натянула туфли. У этой грузной женщины были на удивление маленькие ступни.

— Может быть, в ней есть какая-то тайна? — пробормотала Мегги.

Она задумчиво стала чертить пальцем по страницам, густо усеянным буквами.

— А-а, ты имеешь в виду всякие там невидимые послания, написанные лимонным соком, или карту местонахождения сокровищ, замаскированную под одну из картинок.

В голосе Элинор звучала такая насмешка, что Мегги ужасно захотелось свернуть её короткую шею.

— Почему бы и нет? — Она снова захлопнула книгу и зажала её под мышкой. — Почему они увезли Мо? Ведь можно было взять только книгу.

Элинор пожала плечами.

«Ну как же! Она не хочет признаться, что просто не задумывалась об этом, — с презрением подумала Мегги. — Она хочет быть всегда правой».

Элинор посмотрела на неё, словно услышав её мысли.

— Знаешь что? Почитай-ка ты эту книгу, — сказала она. — Может быть, ты найдёшь там что-нибудь, что не относится к сюжету. Тут — парочка лишних слов, там — парочка лишних букв… И вот тебе, пожалуйста, тайное послание! Указание, где найти сокровища… Кто

знает, сколько пройдёт времени, пока не вернётся твой отец, а тебе ведь всё равно придётся как-то убить время.

Мегги не успела ничего на это ответить: Элинор уже нагнулась, чтобы поднять листок бумаги, лежавший на ковре около кровати. Это было прощальное письмо Мегги — видимо, она уронила его, когда обнаружила книгу в руках Элинор.

— Это ещё что такое? — спросила тётушка, пренебрежительно пробежав глазами по строчкам. — Ты хотела отправиться на поиски отца? Где, скажи на милость, ты собралась его искать? Вот уж не думала, что ты настолько спятила!

Мегги прижала к себе «Чернильное сердце».

— А кто же ещё должен его искать? — сказала она. Её губы дрожали, она ничего не могла с ними поделать.

— Ну, если так, то давай искать вместе, — сердито отозвалась Элинор. — Но сначала подождём: вдруг он вернётся? Или ты думаешь, он будет рад, когда явится и узнает, что ты ушла искать его в огромном, бескрайнем мире?

Мегги покачала головой. Ковёр Элинор расплылся у неё перед глазами, и по её щеке скатилась слеза.

— Ну что ж, вот и договорились, — проворчала Элинор, протягивая ей носовой платок. — Вытри нос и давай наконец позавтракаем.

Она не выпускала Мегги из дома, пока та не съела хлеб, который застревал у неё в горле, и, пересилив себя, не выпила стакан молока.

— Завтрак — самое главное в суточном распорядке питания, — провозгласила Элинор, намазывая себе уже третий бутерброд. — А кроме того, я не хочу, чтобы ты рассказала отцу, когда он вернётся, будто я морила тебя голодом. Ну, ты помнишь… как ту козу из сказки.

Ответ, уже готовый сорваться с языка, Мегги проглотила вместе с последним куском хлеба и, схватив книгу, выбежала в сад.

ЛОГОВО ЛЬВА

Послушайте. (Взрослых прошу этот абзац не читать.) Я не говорю, что у этой книги плохой конец. Я уже в самом начале сказал, что это моя любимая книга. Только вот сейчас в ней начинаются всякие пакости.

У. Голдман. Принцесса-невеста

Мегги села на скамейку за домом, там, где торчали погасшие факелы Сажерука. Никогда ещё она так долго не колебалась, прежде чем открыть книгу. Мало ли что таится на её страницах?

Это было совершенно новое чувство. Никогда прежде она не боялась того, что ей поведает книга, — наоборот, она, как правило, так жаждала погрузиться в ещё незнакомый, неизведанный мир, что приступала к чтению в самый неподходящий момент. Частенько и она, и Мо читали прямо во время завтрака, и не раз получалось так, что он слишком поздно отвозил её в школу. Порой Мегги читала книгу под партой, на автобусных остановках, в гостях у родственников, а поздними вечерами — в постели, пока Мо не стаскивал одеяло и не грозился убрать из её комнаты все книги, чтобы она как следует выспалась. Конечно, он никогда бы ничего подобного не сделал и знал, что она это знает, однако после таких предостережений она всё же в девять часов засовывала свою книгу под подушку, чтобы та шептала ей своё продолжение во сне, а Мо и впрямь чувствовал бы себя хорошим отцом.

Но эту книгу она бы никогда не положила под подушку — она боялась того, что книга могла ей нашептать. Все несчастья последних трёх дней, казалось, слетели с её страниц, и, может быть, это была ещё только бледная тень того, что поджидало Мегги при чтении.

Тем не менее Мегги должна была углубиться в эту книгу. Не было другого способа искать Мо. Элинор права: просто отправляться куда-то на поиски не имеет смысла. Ей надо найти следы Мо между букв «Чернильного сердца».

Но едва она открыла первую страницу, как услышала за спиной чьи-то шаги.

— Если ты и дальше будешь сидеть на палящем солнце, тебя хватит солнечный удар, — произнёс знакомый голос.

Мегги вздрогнула и обернулась. К ней склонился Сажерук. Разумеется, он, как всегда, улыбался.

— Ага, вот так сюрприз! — сказал он, заглядывая ей через плечо в раскрытую книгу на её коленях. — Значит, она здесь. Она у тебя!

Мегги в растерянности разглядывала его исполосованное шрамами лицо. Как он мог вот так стоять рядом и делать вид, будто ничего не случилось?

— Где ты был? — набросилась она на него. — Они не забрали тебя? И где Мо? Куда они его увезли?

Язык плохо слушался её, слова путались.

Но Сажерук не торопился с ответом. Он внимательно осмотрел окрестные кусты, как будто никогда ещё таких не видел. Он был в пальто, хотя день был тёплый, такой тёплый, что на его лбу выступили маленькие блестящие капельки пота.

— Нет, меня они не забрали, — сказал он наконец и вновь повернулся лицом к Мегги. — Но я видел, как они увезли твоего отца. Я побежал за ними прямо через кустарник. Порой мне казалось, что я сломаю себе шею на этом треклятом крутом склоне, но я успел выбежать вниз, к воротам, и увидеть, что они повезли его в южном направлении. Конечно же, я их сразу узнал. Каприкорн послал своих лучших людей. Даже Баста был среди них.

Мегги смотрела ему прямо в рот, будто старалась поскорее вырвать слова из его губ.

— И что же? Ты знаешь, куда они отвезли Мо? — Её голос дрожал от нетерпения.

— Наверное, в деревню Каприкорна. Но я хотел это знать наверняка, а потому… — Сажерук снял пальто и повесил его на скамейку. — А потому я побежал за ними дальше. Я понимаю, это смешно: на своих двоих бежать за автомобилем, — сказал он, когда Мегги недоверчиво нахмурилась. — Но я был просто вне себя от ярости. Всё оказалось напрасным: и мои предупреждения, и наш приезд сюда… Вскоре мне удалось остановить попутную машину, и она подвезла меня до ближайшей деревни. Там они заправились

бензином — четверо мужчин в чёрном, не очень-то любезных. Они ещё долго не уезжали. И тогда я взял мопед… напрокат… и попытался следовать за ними дальше. Не смотри на меня так, мопед я потом вернул. Скорость у него невелика, но, к счастью, дорога там всё время петляет, и вскоре я опять увидел их далеко внизу, в долине, тогда как сам я мучился на горном серпантине. И тогда я убедился: они везут твоего отца в штаб-квартиру Каприкорна. Не в одно из укрытий к северу отсюда, а прямо в логово льва.

— Логово льва? Где это?

— Примерно… в трёхстах километрах к югу отсюда. — Сажерук сел рядом с ней на скамейку и, прищурясь, смотрел на солнце. — Неподалёку от побережья. — Он снова посмотрел на книгу, которая по-прежнему лежала у Мегги на коленях. — Каприкорн не обрадуется, когда узнает, что его люди привезли ему не ту книгу, — сказал он. — Могу только надеяться, что он не выместит своё разочарование на твоём отце.

— Но Мо вообще не знал, что это не та книга! Элинор тайком подменила её!

Опять подступили проклятые слёзы. Мегги вытерла глаза рукавом.

Сажерук нахмурил брови и пристально смотрел на Мегги, словно не был уверен в том, что она говорит правду.

— Элинор уверяет, что хотела только посмотреть книгу! Она унесла её к себе в спальню. Мо знал тайник, в который Элинор её положила. А поскольку она завёрнута в обёрточную бумагу, отец не заметил, что это другая книга! И люди Каприкорна тоже не проверили!

— Конечно нет, да и зачем? — В голосе Сажерука послышалось презрение. — Они не умеют читать. Им что одна книга, что другая — всего лишь бумага, покрытая какими-то значками. Кроме того, они привыкли, что им отдают всё, что они пожелают.

Голос Мегги сделался пронзительным от страха.

— Отвези меня в эту деревню! Пожалуйста! — Она умоляюще посмотрела на Сажерука. — Я всё объясню Каприкорну. Я дам ему эту книгу, и он отпустит Мо. Да?

Сажерук, щурясь, смотрел на солнце.

— Да, конечно, — сказал он, не глядя на Мегги. — Пожалуй, это единственный выход…

Не успел он ничего добавить, как из дома послышался голос Элинор.

— Эй, кто это там у нас? — крикнула она и высунулась в распахнутое окно.

Бледно-жёлтая занавеска надувалась от ветра, словно в ней запутался какой-то дух.

— Это не Пожиратель ли Спичек?

Мегги вскочила и побежала к ней через лужайку.

— Элинор, он знает, где Мо! — закричала она.

— Ах, вот как? — Элинор опёрлась на подоконник и, прищурившись, смотрела на Сажерука. — А ну-ка, положите книгу! — крикнула она ему. — Мегги, неси её сюда!

Мегги в изумлении обернулась. Сажерук держал «Чернильное сердце» в руках, но, когда Мегги посмотрела на него, он опять быстро положил её на скамейку. Потом он знаком подозвал девочку к себе, злобно косясь в сторону Элинор.

Мегги нерешительно приблизилась.

— Согласен, я отвезу тебя к отцу, даже если это грозит мне бедой, — шепнул он. — Но она, — он незаметно показал на Элинор, — останется здесь, понятно?

Мегги растерянно посмотрела в сторону дома.

— Мне что, гадать, что он там тебе нашептал? — крикнула Элинор через лужайку.

Сажерук бросил на Мегги предостерегающий взгляд, но она этого не заметила.

— Он хочет отвезти меня к Мо! — крикнула она.

— Пожалуйста, пусть он это сделает, — отозвалась Элинор. — Но я поеду с вами! Даже если вы оба не желаете моего общества!

— А мы и не желаем, — шепнул Сажерук, невинно улыбаясь Элинор. — Но кто знает, вдруг нам удастся обменять твоего отца на неё? Каприкорн подыщет занятие ещё для одной служанки. Готовить она, правда, не умеет, но стирать бельё, наверное, сможет. Пусть этому и нельзя научиться по книгам.

Мегги невольно рассмеялась. Хотя по лицу Сажерука было не понятно, шутит он или говорит серьёзно.

ТРУС

Дома! Эти ласковые оклики и осторожные прикосновения, передававшиеся по воздуху, незримые крохотные ручонки, которые тянули и влекли его в совершенно определённом направлении.

К. Грэм. Ветер в ивах

(перевод И. Токмаковой)

Сажерук прокрался в комнату Мегги, только когда вполне убедился, что девочка спит. Дверь она заперла. Конечно же, это велела ей сделать Элинор, потому что она не доверяла ему и потому, что Мегги отказалась отдать ей «Чернильное сердце». Сажерук невольно улыбнулся, вставляя в дверной замок тонкую проволоку. Как всё-таки глупа эта женщина, пусть она и прочитала уйму книг! Она всерьёз думала, будто обычный дверной замок — непреодолимое препятствие?

— Да, возможно, для твоих неуклюжих пальцев, Элинор, так оно и есть, — шептал он, отворяя дверь. — Но мои пальцы любят играть с огнём, и они это сделают ловко и проворно.

Симпатия, которую он чувствовал к дочери Волшебного Языка, была более серьёзным препятствием, и его нечистая совесть уж точно не облегчала дело. Да, Сажерук мучился совестью, проникая в комнату Мегги, хотя ничего плохого делать не собирался. Он пришёл вовсе не затем, чтобы украсть книгу, хотя Каприкорн, конечно, всё ещё мечтал о ней. Добыть книгу и дочку Волшебного Языка в придачу — таково было его новое поручение. Но с этим надо было подождать. Сегодня ночью Сажерук пришёл с другой целью. Сегодня ночью в комнату Мегги его влекла тоска, которая столько лет точила его сердце…

Он в раздумье остановился около кровати и рассматривал спящую девочку. Выдать Каприкорну её отца было несложно, а вот с ней самой дело обстояло иначе. Её лицо напоминало Сажеруку лицо другого человека, хотя на этом детском личике ещё не оставила своих тёмных следов никакая печаль. Странно — когда девочка смотрела на него, он всякий раз чувствовал потребность доказать ей, что она напрасно ему

не доверяет. А недоверие читалось в её глазах всегда, даже когда она улыбалась ему. На отца она смотрела совсем по-другому — как будто тот мог защитить её от всего зла и мрака на свете. Какая глупая, глупая мысль! Никто не смог бы защитить её!

Сажерук провёл рукой по шрамам на своём лице и нахмурился. Прочь все ненужные мысли! Он доставит Каприкорну всё, что ему необходимо: и девочку, и книгу. Но не этой ночью.

Гвин заёрзал на его плече, пытаясь содрать с себя ошейник. Зверёк ненавидел ошейник, ненавидел он и собачью цепь, на которую Сажерук его посадил. Он хотел отправиться на охоту, но хозяин не отпускал. Прошлой ночью куница убежала от него, пока он разговаривал с людьми Каприкорна. Пушистый маленький дьявол до сих пор боялся Басту. Сажерук не мог упрекать его за это.

Мегги спала крепко, глубоким сном, уткнув лицо в серый свитер. Вероятно, это был свитер её отца. Она что-то бормотала во сне. Что именно, Сажерук не понял. Снова в нём проснулась нечистая совесть, но он прогнал обременительное чувство. Оно было ему не нужно — ни сейчас, ни впоследствии. Ему нет дела до девочки, а с её отцом он поквитался. У него не было причин чувствовать себя жалким негодяем со змеиным языком.

Он осмотрелся в тёмной комнате. Куда же она девала книгу? Около кровати Мегги стоял сундук, покрытый красным лаком. Сажерук открыл крышку. Когда он нагнулся, цепь Гвина тихо зазвенела.

Сундук был полон книг, великолепных книг. Сажерук нащупал под пальто фонарик и посветил на них.

— Ишь ты, — пробормотал он, — какие вы красивые! Словно дамы в роскошных нарядах на княжеском балу!

Наверное, Волшебный Язык изготовил для каждой из них новый переплёт, после того как детские пальчики Мегги здорово растрепали старые обложки. Разумеется, вот его фирменный знак: голова единорога. Этот знак красовался на платье каждой книги, и у каждой переплёт был особого цвета. Все цвета радуги встречались в этом сундуке.

Книга, которую искал Сажерук, лежала в самом низу. Среди прочих разряженных знатных особ она в своём матово-зелёном переплёте смотрелась почти как нищенка.

То, что Волшебный Язык подобрал для этой книги такое невзрачное платье, не удивило Сажерука.

Наверно, отец Мегги ненавидел её так же сильно, как сам Сажерук её любил. Он аккуратно достал книгу из-под стопки прочих книг. Прошло почти пять лет с тех пор, как он последний раз держал её в руках. Тогда у неё ещё были картонный переплёт и бумажная суперобложка, надорванная снизу.

Сажерук поднял голову. Мегги вздохнула и перевернулась на другой бок, обратив к нему спящее лицо. Какой несчастной она казалась! Несомненно, ей снился плохой сон. Её губы дрожали, а руки обнимали свитер, как будто она искала в чём-то — нет, в ком-то — опоры. Но в плохих снах ты всегда одинок, безумно одинок. Сажерук вспомнил много разных плохих снов и чуть было не протянул руку, чтобы разбудить Мегги. Что же он за жалкий размазня!

Он повернулся спиной к кровати. С глаз долой — из сердца вон. Потом он раскрыл книгу — торопливо, пока не передумал. Он тяжело дышал. Пролистал первые страницы, стал листать дальше, дальше, дальше… Но с каждой новой страницей его пальцы всё больше медлили, и внезапно он вновь захлопнул книгу. Лунный свет сочился через щели в ставнях. Он не знал, как долго он так простоял, теряясь взглядом в лабиринте букв. Он всё ещё очень плохо умел читать…

— Трус! — прошептал он. — Ох, какой же ты трус, Сажерук! — Он до боли закусил губу — Ну давай же! — шептал он. — Дурак, это, может быть, твой последний шанс. Как только Каприкорн получит книгу, он наверняка и не посмотрит в твою сторону.

Он снова открыл книгу, долистал до середины и опять захлопнул — так громко, что Мегги вздрогнула во сне и спрятала голову под одеяло. Сажерук около кровати неподвижно ждал, пока его дыхание немного успокоится, затем глубоко вздохнул, склонился над сундуком, полным сокровищ, и положил книгу назад, к другим книгам. Он бесшумно закрыл крышку.

— Ты видел? — спросил он куницу. — Я не могу собраться с духом. Не хочешь ли найти себе более храброго хозяина? Подумай.

Гвин тихо тявкнул за его ухом, но если это был ответ, то Сажерук его не понял.

На миг он снова прислушался к спокойному дыханию Мегги, а затем прокрался к двери.

— Что же это значит? — пробормотал он, опять оказавшись в коридоре. — Кто знает, чем это кончится?

Затем он поднялся на чердак, где Элинор отвела ему каморку, и улёгся на узкую кровать, вокруг которой громоздились книжные полки. Но он так и не уснул до самого утра.

ЕЩЁ ДАЛЬШЕ НА ЮГ

В поход, беспечный пешеход,
Уйду, избыв печаль, —
Спешит дорога от ворот
В заманчивую даль,
Свивая тысячу путей
В один, бурливый, как река,
Хотя, куда мне плыть по ней,
Не знаю я пока!

Дж. Р. Р. Толкиен. Властелин Колец

(перевод В. Муравьёва)

На следующее утро после завтрака Элинор развернула на кухонном столе измятую карту дорог.

— Итак, триста километров к югу отсюда, — сказала она, с недоверием глядя на Сажерука. — Что ж, покажите нам, где именно надо искать отца Мегги.

Мегги смотрела на Сажерука, сердце её колотилось. Под его глазами залегли глубокие тени, будто прошлой ночью он очень плохо спал. Он нерешительно подошёл к столу и потёр свой щетинистый подбородок. Затем нагнулся над картой, долго изучал её — казалось, прошла целая вечность — и наконец ткнул в неё пальцем.

— Вот, — сказал он. — Деревня Каприкорна вот здесь.

Элинор встала рядом с ним и глянула на карту.

— Это в Лигурии, — сказала она. — Ага. А как, позвольте спросить, эта деревня называется? Каприкорния? — Она впилась глазами в лицо Сажерука, как будто хотела углубить его шрамы.

— У неё нет названия. — Сажерук встретил взгляд Элинор с нескрываемым отвращением. — Когда-то, вероятно, название у неё было, но оно уже позабыто — с тех пор, как Каприкорн свил там себе гнёздышко. На этой карте вы её не найдёте, и вообще ни на какой. Для всего остального мира эта деревня — всего лишь скопление

развалившихся домишек, к которым ведёт дорога, не заслуживающая названия.

— Гм… — Элинор ещё ниже склонилась над картой. — В этих краях мне не доводилось бывать. Я однажды была в Генуе. Там я купила у одного букиниста превосходный экземпляр «Алисы в Стране Чудес» — в хорошей сохранности и за половину истинной цены. — Она вопросительно посмотрела на Мегги. — Тебе нравится «Алиса в Стране Чудес»?

— Не очень, — сказала Мегги и уставилась на карту.

Элинор покачала головой — какой неразумный ребёнок! — и снова обратилась к Сажеруку:

— А чем этот Каприкорн занимается, кроме того, что ворует книги и похищает отцов? — спросила она. — Насколько я поняла Мегги, вы с ним довольно близко знакомы.

Сажерук опустил голову и провёл пальцем вдоль какой-то реки, голубой лентой извивавшейся по карте на фоне зелёного и бледно-коричневого.

— Да уж, мы родились в одних и тех же краях, — сказал он. — Но больше у нас с ним нет почти ничего общего.

Элинор разглядывала его так настойчиво, словно хотела просверлить ему взглядом дырку во лбу.

— Вот что мне не понятно, — сказала она. — Мортимер хотел спрятать «Чернильное сердце» от Каприкорна в безопасное место. Зачем же тогда он привёз книгу ко мне? Он практически сам прибежал к нему в лапы!

Сажерук пожал плечами:

— Ну… Наверное, он просто считал вашу библиотеку самым надёжным укрытием.

В голове Мегги шевельнулось воспоминание, сначала очень смутное, а затем прошлое вдруг вернулось так отчётливо, словно картинка в книжке. Она увидела, как Сажерук стоит возле их автобуса у ворот дома, и ей почти показалось, что она слышит его голос…

Она испуганно взглянула на него.

— Ты же говорил Мо, что Каприкорн живёт на севере! — сказала она. — Он тебя ещё специально переспросил, и ты сказал, что совершенно в этом уверен!

Сажерук разглядывал свои ногти.

— Ну да… и это, в общем, правда, — сказал он, не глядя ни на Мегги, ни на Элинор. Наконец он поскрёб ногтями по свитеру, как будто хотел удалить безобразное пятно. — Вы мне не доверяете, — сказал он хрипло. — Вы обе мне не доверяете. Я… могу это понять, но я не соврал. У Каприкорна две штаб-квартиры и ещё несколько мелких убежищ — на случай, если в одном из этих мест у него загорится земля под ногами или если кому-то из его людей на время придётся лечь на дно. Как правило, тёплое время года он проводит на севере и только в октябре едет на юг, но в этом году он, очевидно, и лето собрался провести на юге. Почём я знаю? Может быть, на севере у него неприятности с полицией? Может быть, есть какие-то дела на юге, о которых ему надо позаботиться лично? — В его голосе звучала обида, почти как у мальчика, которого несправедливо в чём-то обвинили. — Как бы то ни было, его люди повезли отца Мегги на юг, я видел это своими глазами, а Каприкорн всегда решает важные вопросы, когда он на юге, в этой самой деревне. Там он, как нигде, чувствует себя в безопасности. Там у него никогда не было проблем с полицией, там он может вести себя как маленький король, точно весь мир принадлежит ему. Там он устанавливает законы, строит планы на будущее и может действовать, как ему взбредёт в голову, — об этом позаботятся его люди. Поверьте мне, уж в этом они толк знают.

Сажерук улыбнулся. Это была горькая улыбка. «Ах, если бы вы знали… — казалось, говорила она. — Но вы ведь ничего не знаете. Ничего-то вы не понимаете».

Мегги вновь испытала жуткий страх. Его причиной было не то, что говорил Сажерук, а то, о чём он молчал.

Кажется, Элинор поняла её состояние.

— Господи, да не выражайтесь вы такими загадками! — Её грубый голос заставил страх отступить. — Я вас ещё раз спрашиваю: чем занимается этот Каприкорн? Чем он деньги зарабатывает?

Сажерук скрестил руки на груди.

— От меня вы больше ничего не узнаете. Спросите его самого. Уже то, что я привезу вас в его деревню, может стоить мне головы, а тут ещё я буду играть с огнём и рассказывать вам о делишках Каприкорна. — Он покачал головой. — Нет! Я предупреждал отца Мегги, я советовал ему добровольно отдать Каприкорну книгу, но он меня и слушать не хотел. Если бы я не предупредил его, люди

Каприкорна нашли бы его гораздо раньше. Спросите Мегги! Она слышала, как я его предостерегал! Да, я рассказал ему не всё, что знал. Ну и что? Я стараюсь говорить о Каприкорне как можно меньше; я избегаю даже думать о нём, и будьте уверены: едва вы с ним познакомитесь, вы будете считать точно так же.

Элинор скорчила недовольную гримасу — такое предположение показалось ей слишком нелепым.

— Вероятно, вы мне также не скажете, почему он с таким рвением гоняется за этой книгой. Я угадала? — сказала она, складывая карту. — Он что-то вроде коллекционера?

Сажерук провёл пальцем по краю стола.

— Я скажу только одно: он хочет обладать этой книгой, и поэтому вы должны её отдать. Я сам был свидетелем, как люди Каприкорна четыре ночи подряд стояли перед домом одного человека только потому, что Каприкорну понравилась его собака.

— И он получил эту собаку? — тихо спросила Мегги.

— Естественно. — Сажерук задумчиво посмотрел на неё. — Поверь мне, никто не будет спокойно спать, когда люди Каприкорна стоят перед его дверью и глядят на его окно или окно его детей. Как правило, Каприкорн уже через два дня получает то, что хочет.

— Да ну! — сказала Элинор. — Мою собаку он чёрта с два получил бы.

Сажерук посмотрел на свои ногти и улыбнулся.

— Нечего улыбаться! — крикнула ему Элинор. — Собирай вещи! — сказала она Мегги. — Через час мы выезжаем. Придёт время, и ты получишь назад своего отца. Даже если мне и не хочется отдавать книгу этому Как-там-он-себя-называет. Ненавижу отдавать книги в плохие руки.

Они сели в «Комби» Элинор, хотя Сажерук предложил ехать на автобусе Мо.

— Вздор, на таком драндулете я никогда не ездила, — сказала Элинор и вручила Сажеруку картонную коробку с провизией. — Кроме того, Мортимер запер двери автобуса.

Мегги заметила, что Сажерук хотел что-то ответить, но сдержался.

— А если нам придётся где-нибудь заночевать? — спросил он, поднося коробку с провизией к машине Элинор.

— Господи, об этом не может быть и речи! Не позднее чем завтра утром я предполагаю опять быть здесь. Ненавижу, когда мои книги остаются без присмотра более суток.

Сажерук бросил взгляд на небо, как будто там было куда больше разума, чем в голове Элинор, и вознамерился устроиться на заднем сиденье, но Элинор не пустила его.

— Стоп, стоп, садитесь-ка за руль, — сказала она и сунула ему в руку ключи от машины. — Вы ведь лучше меня знаете, куда надо ехать.

Однако Сажерук вернул ей ключи.

— Я не умею водить машину, — сказал он. — В такой тележке даже сидеть неприятно, не говоря уж о том, чтобы ею управлять.

Элинор снова взяла у него ключи и, качая головой, села за руль сама.

— Странный вы какой-то, — говорила она, пока Мегги усаживалась рядом с водителем. — И мне хотелось бы надеяться, что вы действительно знаете, где находится отец Мегги. Иначе нам придётся сделать вывод, что не только этого самого Каприкорна стоит опасаться.

Пока Элинор заводила мотор, Мегги закрыла своё окошко и оглянулась на автобус Мо. Это было скверное чувство — оставлять его здесь. Хуже, чем просто покинуть дом — этот или любой другой. Каким бы чужим ни был тот или иной город, автобус всегда был для них с Мо кусочком родного дома. Но вот и он уже позади, и ничего привычного не осталось, кроме одежды в её дорожной сумке. Она прихватила также кое-какие вещи для Мо и две свои книги.

— Интересный выбор, — заметила Элинор. — Значит, ты берёшь «Круглый стол короля Артура» и «Фродо и его восемь спутников». Неплохие попутчики. И то и другое — очень длинные истории. Как раз то, что нужно для дальней дороги. Ты их уже читала?

Мегги кивнула.

— Много раз, — пробормотала она и погладила переплёты, прежде чем засунуть книги в сумку. Она даже точно вспомнила тот день, когда Мо переплетал одну из них.

— Да не смотри ты такой букой! — сказала Элинор. — Вот увидишь, наша поездка будет гораздо веселее, чем странствия бедного хоббита, и уж точно намного короче.

Мегги была бы рада, если бы могла разделить её уверенность. Книга — повод к их путешествию — лежала в багажнике, под запасным колесом. Элинор завернула её в целлофановый пакет.

— Сажерук не должен знать, где она, — строго приказала Элинор. — Я до сих пор ему не доверяю.

Но Мегги решила довериться Сажеруку. Она хотела ему доверять. Она должна была ему доверять. Кто ещё мог бы привести их к Мо?

ДЕРЕВНЯ КАПРИКОРНА

Но на последний вопрос Селиг ответил:

— Быть может, он улетел в край по ту сторону тьмы, куда не ступала нога человека и куда не забредал зверь, где небо из меди, а земля из железа, туда, где под шляпками грибов и в прорытых кротами норах гнездятся тёмные силы.

И. Б. Зингер. Нафтали-сказочник и его конь Сус

Солнце уже стояло высоко в безоблачном небе, когда они тронулись в путь. Вскоре в машине Элинор стало так душно, что футболка Мегги, мокрая от пота, прилипла к коже. Элинор открыла своё окошко и пустила по кругу бутылку с водой. Сама она была в вязаной кофте, застёгнутой до подбородка, и порой Мегги спрашивала себя, не расплавилась ли Элинор под кофтой, — в те минуты, когда она не думала о Мо или о Каприкорне.

Сажерук молчаливо сидел на заднем сиденье, и можно было почти забыть о его присутствии. Он посадил Гвина к себе на колени. Куница спала, а Сажерук без устали, непрерывно гладил её по шёрстке. Время от времени Мегги оборачивалась в его сторону. Чаще всего он безучастно глядел в окно, словно смотрел сквозь проплывающие мимо горы и деревья, дома и скалистые склоны. Его взгляд был пуст, мыслями он уносился куда-то далеко, и однажды, когда Мегги обернулась, его исковерканное шрамами лицо было таким печальным, что она быстро отвела глаза.

Ей тоже захотелось, чтобы на её коленях во время долгой-долгой поездки сидел какой-нибудь зверёк. Может быть, ему удалось бы прогнать мрачные мысли, которые упрямо лезли ей в голову. Дорога петляла по горам, которые становились всё выше; временами казалось, что они хотят раздавить её между серыми каменистыми склонами. Но ещё хуже, чем горы, были туннели. Там её подстерегали видения, которые не могло бы спугнуть даже тёплое тельце Гвина. Девочке грезились то призрак Мо в холодной темнице, то призрак

Каприкорна… Мегги знала, что это он, пусть всякий раз у него было другое лицо.

Некоторое время она пробовала читать, но вскоре заметила, что ничего из прочитанного не запоминает. В конце концов она отложила книгу и стала, подобно Сажеруку, смотреть в окно. Элинор выбирала узкие дороги, где было мало машин («А иначе ехать будет слишком скучно», — сказала она). Мегги было всё равно. Она хотела только поскорее доехать. С нетерпением она глядела на горы и деревни, в которых кто-то был у себя дома. Иногда в окнах встречных автомобилей она ловила взгляды незнакомых людей, но они тут же уносились вдаль, будто закрывалась книга, которую ты не успел прочесть. Когда они проезжали через небольшое селение, то увидели, как на обочине дороги какой-то мужчина наклеивал плачущей девочке пластырь на разбитую коленку. Он утешал её, гладил по волосам, и Мегги невольно вспомнила, как Мо не раз врачевал её собственные болячки, как он, чертыхаясь, бегал по всем комнатам в поисках пластыря, и от этого воспоминания у неё опять навернулись слёзы.

— О господи! Да здесь тише, чем в гробницах египетских фараонов, — в какой-то момент сказала Элинор (Мегги заметила, что Господа она поминала довольно часто). — Неужели никто не может сказать что-нибудь вроде «Какой красивый пейзаж!» или «Ах, какой великолепный замок»? В такой мёртвой тишине я через полчаса засну за рулём.

Она всё ещё не расстегнула ни одной пуговицы на своей кофте.

— Я не вижу никаких замков, — пробурчала Мегги. Но очень скоро Элинор показала ей замок.

— Шестнадцатый век, — объявила она, когда на горном склоне появились развалины крепостных стен. — Трагическая история. Запретная любовь, преследования, гибель, сердечные муки…

Среди хранивших свои тайны скал Элинор рассказала о битве, которая состоялась как раз в этом месте более шестисот лет тому назад. («Если покопаться в этих камнях, наверняка можно отыскать кости и покорёженные шлемы».) Казалось, в связи с каждой встречной колокольней она знала какую-нибудь историю. Некоторые были настолько невероятны, что Мегги недоверчиво хмурилась. «Именно так и обстояло дело», — всякий раз говорила Элинор, не спуская глаз с дороги. Похоже, ей особенно по сердцу были жуткие, кровавые

истории о несчастных обезглавленных влюблённых или о князьях, живьём замурованных в стену.

— Конечно, сейчас это являет собой довольно мирное зрелище, — подытожила Элинор, когда Мегги, выслушав один из её рассказов, несколько побледнела. — Но, уверяю тебя, всюду таится какая-нибудь мрачная история. Да уж, несколько столетий назад жизнь была куда увлекательней!

Мегги не понимала, чем же так увлекательна эпоха, когда у людей, если верить Элинор, не было другого выбора, кроме смерти от чумы или от рук шляющихся в округе солдат. Но при виде какой-нибудь сожжённой крепости Элинор от волнения вся покрывалась красными пятнами, и её глаза, обычно холодные, как камень, загорались романтическим блеском. И тогда она рассказывала о воинственных князьях или алчных до золота епископах, наводивших когда-то ужас на горы, через которые сейчас вела эта асфальтированная дорога, и сеяли здесь смерть.

— Дорогая Элинор, вы, очевидно, родились в неподходящей истории, — сказал вдруг Сажерук.

Это были первые слова, какие он произнёс с начала путешествия.

— В неподходящей истории? Вы хотели сказать: в неподходящую эпоху. Да уж, я частенько об этом думала.

— Называйте как хотите, — сказал Сажерук. — В любом случае вы сумеете найти общий язык с Каприкорном. Он тоже любит подобные истории.

— Вы что, издеваетесь? — обиженно спросила Элинор.

Судя по всему, такое сравнение заставило её задуматься, потому что она умолкла почти на целый час, а значит, снова ничто уже не могло отвлечь Мегги от её мрачных мыслей. И опять в каждом туннеле ей являлись кошмары.

Уже стало смеркаться, когда горы отступили и за зелёными холмами вдалеке, словно второе небо, вдруг показалось море. Оно сверкало в лучах низко стоящего солнца, словно кожа красивой змеи. Мегги уже давно не видела моря. Последний раз оно было холодное, шиферно-серое и рябило от ветра. А это море выглядело совсем по-другому.

Мегги стало теплее на сердце при виде моря, но оно то и дело скрывалось за некрасивыми многоэтажными домами. Они теснились

на узкой полоске земли между водой и нависающими холмами. Но кое-где холмы вообще не оставляли домам места, ширились, доходили до самого моря, и его волны лизали их подножие. В лучах заходящего солнца они сами казались волнами, выползшими на берег.

Элинор снова стала рассказывать что-то о римлянах, которые якобы построили извилистую набережную, по которой они сейчас ехали, и о том, как римляне боялись диких обитателей этой узкой полоски земли…

Мегги слушала вполуха. Вдоль набережной росли пальмы с пыльными и колючими кронами. Между ними цвели гигантские агавы с мясистыми листьями, похожие на пауков. Небо позади них окрашивалось в розовый и лимонно-жёлтый цвет, тогда как солнце всё глубже опускалось в море и сверху разливалось нечто тёмно-синее, как вытекшие чернила. Вид был такой красивый, что становилось больно.

Совсем другим Мегги представляла себе место, где обитал Каприкорн. Страх и красота почти несовместимы.

Они проехали через маленькое селение, мимо домов, таких пёстрых, словно их нарисовал ребёнок. Дома были оранжевые, розовые, красные, и особенно много было жёлтых: бледно-жёлтые, коричнево-жёлтые, песчаного цвета, грязно-жёлтые, с зелёными ставнями и красно-коричневыми крышами. Даже сгущавшиеся сумерки не могли отнять у них краски.

— Никакой опасностью здесь как будто и не пахнет, — заметила Мегги, когда мимо снова промелькнул розовый домик.

— Это потому, что ты смотришь всё время налево, — отозвался за её спиной Сажерук. — Всё имеет как светлую, так и тёмную сторону. А ты посмотри направо.

Мегги послушалась его совета. Сначала справа тоже были видны только разноцветные дома. Они подходили вплотную к шоссе, жались друг к другу, словно держались за руки. Но затем дома вдруг кончились, и теперь дорогу обрамляли крутые склоны, в складках которых уже гнездилась ночь. Да, Сажерук был прав: там всё казалось жутким и редкие дома тонули в надвигающейся мгле.

Становилось всё темнее. Ночь на юге наступает быстро, и Мегги была рада, что Элинор ехала по хорошо освещённой набережной. Но наконец Сажерук показал ей дорогу, ведущую прочь от побережья, прочь от моря и разноцветных домов, во тьму.

Дорога всё дальше убегала в холмы, то вверх, то вниз, склоны становились всё круче и круче. Фары высвечивали заросли дрока и дикого винограда; к обочине спускались оливковые деревья, скрюченные, точно старикашки.

Только дважды навстречу им попались другие машины. Время от времени из темноты возникали огни деревень. Но дороги, которые Сажерук показывал Элинор, уводили прочь от любых огней, всё глубже во мрак. Несколько раз свет фар выхватывал остовы разрушенных домов, но Элинор не могла рассказать никаких связанных с ними историй. В этих убогих стенах не жили ни князья, ни епископы в красных плащах, только крестьяне и батраки, чьи истории никто не записывал, и вот они бесследно исчезли под диким тимьяном и буйно разросшимся молочаем.

— Мы случайно не сбились с пути? — спросила Элинор приглушённым голосом, как будто мир вокруг неё был слишком тих, чтобы говорить громко. — Где же в этой глуши может быть деревня? По-моему, мы уже дважды не туда свернули.

Но Сажерук только помотал головой:

— Мы едем как раз правильно. Осталось перевалить через этот холм, и вы увидите дома.

— Ну, может быть, — проворчала Элинор. — Пока что я едва различаю дорогу. Господи, я и не знала, что где-то на свете бывает такая темень. Вы что же, не могли мне сказать, что это так далеко? Я бы хоть заправилась. Не уверена, хватит ли нам бензина, чтобы вернуться назад, к побережью.

— Чья это машина? Моя? — взорвался Сажерук. — Я же говорил, что ничего не понимаю в этих тележках. А теперь посмотрите вперёд. Сейчас будет мост.

Элинор повернула за ближайший поворот и резко нажала на тормоз. Посреди дороги, освещённая двумя строительными лампами, возникла заградительная решётка. Металл был покрыт ржавчиной — похоже, решётка стояла здесь уже много лет.

— Вот, пожалуйста! — воскликнула Элинор и стукнула руками о руль. — Мы не туда заехали. Я же говорила!

— Ну почему же?

Сажерук стащил Гвина с плеча и вылез из машины. Он огляделся, к чему-то прислушиваясь, и побрёл к решётке. Затем он поволок её к

краю дороги.

Мегги чуть не рассмеялась, увидев обескураженное лицо Элинор.

— Этот парень совсем ополоумел? — прошептала тётушка. — Не думает же он, что я в такой темноте поеду по перегороженной дороге?

Тем не менее, когда Сажерук нетерпеливо махнул ей рукой, она завела мотор. Как только машина поравнялась с ним, он перетащил решётку на прежнее место.

— Нечего на меня так смотреть, — сказал он, опять усевшись в машину. — Это заграждение всегда тут стоит. Каприкорн велел его поставить, чтобы отпугнуть незваных гостей. Мало кто решается заехать сюда, большинство людей стараются держаться подальше от историй, которые Каприкорн распространяет в деревне, однако…

— Каких историй? — перебила его Мегги, хотя она, собственно говоря, ничего не желала слушать.

— Ужасных историй. Здешние жители суеверны, как и везде. Самая популярная история — это будто там, за холмом, обитает дьявол собственной персоной.

Мегги сердилась на себя, но не могла отвести глаз от тёмного гребня холма.

— Мо говорит, дьявола придумали люди.

— Что ж, может быть. — Сажерук снова растянул рот в загадочной улыбке. — Но ты хотела узнать, о чём тут рассказывают. Говорят, что мужчин, которые живут в деревне, не может убить ни одна пуля, что они умеют проходить сквозь стены и что каждую ночь они похищают троих мальчиков, которых Каприкорн потом учит грабить, поджигать и убивать.

— Боже мой, кто всё это выдумал? Местные жители или сам Каприкорн?

Элинор низко нагнулась над рулём. Дорога была полна колдобин, и, чтобы избежать аварии, ей приходилось ехать в темпе пешехода.

— И он сам, и местные жители. — Сажерук откинулся на сиденье, а Гвин скрёб зубами по его ногтям. — Каприкорн вознаграждает всякого, кто придумает какую-нибудь новую историю. Единственный, кто не играет в эту игру, — Баста. Он сам такой суеверный, что бежит наутёк при виде всякой чёрной кошки.

Баста… Мегги вспомнила это имя, но, прежде чем она смогла спросить о его обладателе, Сажерук заговорил снова. Очевидно, ему

очень нравилось рассказывать.

— Ах да! Чуть не забыл! Конечно же, у всех, кто живёт в этой проклятой деревне, дурной глаз, даже у женщин.

— Дурной глаз? — удивилась Мегги.

— О да. Взглянет один раз — и ты смертельно болен. А через три дня мертвехонек.

— И кто же этому верит? — пробормотала Мегги.

— Только дураки этому верят. — Элинор снова нажала на тормоз.

Автомобиль скользил по щебёнке. Перед ними был мост, о котором предупреждал Сажерук. Серые камни тускло мерцали в свете фар, и провал впереди казался бездонным.

— Дальше, дальше! — поторапливал Сажерук. — Мост прочный, хоть с виду и не таков.

— Его как будто ещё древние римляне строили, — буркнула Элинор. — Причём для ослов, а не для автомобилей.

Но тем не менее она поехала дальше. Мегги зажмурилась и открыла глаза, лишь когда вновь услышала хруст щебня под колёсами.

— Каприкорн очень ценит этот мост, — тихо сказал Сажерук. — Достаточно одного вооружённого человека, чтобы по нему нельзя было проехать. Но, к счастью, часовой не каждую ночь здесь дежурит.

— Сажерук… — Мегги в нерешительности обернулась к нему, пока машина Элинор с трудом взбиралась на последний холм. — Что мы скажем, если нас спросят, как мы нашли деревню? Наверняка тебе не поздоровится, если Каприкорн узнает, что именно ты показал нам дорогу. Или нет?

— Ты права, — пробормотал Сажерук, не глядя на Мегги. — Но, в конце концов, мы везём ему книгу.

Он поймал Гвина, который вскарабкался на спинку заднего сиденья, схватил его так, чтобы зверёк не мог его цапнуть, и кусочком хлеба заманил в рюкзак. С тех пор как стало темно, куница забеспокоилась. Ей хотелось на охоту.

Они въехали на гребень холма. Мир вокруг них исчез, поглощённый ночью, однако невдалеке в темноте обозначились бледные прямоугольники домов, освещённые окна.

— Вот она, — сказал Сажерук. — Деревня Каприкорна. Или, если вам так больше нравится, деревня дьявола. — Он тихо засмеялся.

Элинор в раздражении обернулась к нему.

— Да перестаньте вы! — гаркнула она. — Кажется, эти сказки доставляют вам удовольствие. Кто знает, может быть, вы сами их выдумали, а этот Каприкорн — всего лишь чудаковатый коллекционер книг.

На это Сажерук ничего не ответил. Он только выглянул в окно, улыбаясь своею странной улыбкой, которую Мегги так хотелось стереть с его губ. И на этот раз она словно говорила: «Какие же вы дурочки!»

Элинор заглушила мотор, и сразу же вокруг установилась такая гробовая тишина, что Мегги едва осмеливалась дышать. Она смотрела вниз на дома. Ей всегда казалось, что освещённые окна в ночи манят к себе, но эти были ещё более устрашающими, чем окрестная тьма.

— А нормальные жители в этой деревне есть? — спросила Элинор. — Безобидные старушки, дети, мужчины, не имеющие отношения к Каприкорну?..

— Нет. Там живёт только Каприкорн со своими подручными, — едва слышно ответил Сажерук, — да ещё женщины, которые им готовят, стирают… или что там ещё им потребуется.

— Что там ещё потребуется… Нет, поразительно! — Элинор с отвращением фыркнула. — Этот Каприкорн мне всё более симпатичен. Ну хорошо, давайте закончим дело. Я хочу поскорее домой, к моим книгам, к приличному освещению и чашке кофе.

— В самом деле? Я-то думал, вы малость стосковались по приключениям.

«Если бы Гвин умел говорить, — подумала Мегги, — у него был бы такой же голос, как у Сажерука».

— Мне больше нравятся приключения при свете солнца, — грубо ответила Элинор. — Господи, как же я ненавижу эти потёмки! А если мы проторчим здесь до зари, то мои книги покроются плесенью, прежде чем Мортимер сможет о них позаботиться. Мегги, сходи и принеси пакет. Ты знаешь, где он.

Мегги кивнула и хотела открыть свою дверь, как вдруг её ослепил яркий свет. Кто-то, чьё лицо разглядеть было невозможно, стоял перед дверцей водителя и светил фонариком внутрь машины. Потом он грубо постучал в стекло.

Элинор от испуга вздрогнула так, что ударилась коленом о руль, но быстро вновь взяла себя в руки. Чертыхнувшись, она потёрла

ушибленную ногу и открыла окно.

— Что это значит? — накинулась она на незнакомца. — Вы хотите испугать нас до смерти? Если шастать тут впотьмах, можно запросто угодить под колёса.

В ответ незнакомец просунул в открытое окно ружейный ствол.

— Здесь частное владение! — сказал он. (Кажется, Мегги узнала шершавый голос, который командовал в библиотеке Элинор в ту роковую ночь.) — И если разъезжать впотьмах по частному владению, можно запросто угодить под пулю!

— Сейчас я всё объясню! — Сажерук перегнулся через плечо Элинор.

— А-а, надо же! Сажерук! — Незнакомец убрал ружьё. — Что это ты заявился сюда среди ночи?

Элинор обернулась и бросила на Сажерука крайне недоверчивый взгляд.

— Вот уж не думала, что вы на короткой ноге с этими… якобы дьяволами! — заключила она.

Но Сажерук уже вылез из машины. Мегги тоже показалось странным, как доверительно он шушукался с незнакомцем. Она в точности помнила всё, что Сажерук рассказывал о молодцах Каприкорна. Как же он мог вот так разговаривать с одним из них? Из того, о чём они говорили, нельзя было разобрать ни слова. Как Мегги ни напрягала слух, она услышала, только, что Сажерук называл незнакомца Бастой.

— Это мне не нравится! — прошептала Элинор. — Посмотри-ка на них. Воркуют друг с другом так, словно наш дружок Пожиратель Спичек здесь у себя дома.

— Может быть, он знает, что с ним ничего не сделают, потому что мы привезли книгу? — тихо сказала Мегги, не спуская глаз с обоих мужчин.

С незнакомцем были две собаки-овчарки. Они обнюхивали Сажерука и, виляя хвостом, тыкались ему мордой в бок.

— Ты видишь? Даже проклятые собаки обращаются с ним как со старым знакомым. А что, если?..

Не успела она закончить, как Баста открыл дверцу водителя.

— А ну, вылезайте! — приказал он.

Элинор нехотя высунула ноги из машины. Мегги тоже вылезла и встала рядом с ней. Сердце у неё готово было выскочить из груди. Она никогда ещё не видела человека с ружьём. Только по телевизору, но не в реальности.

— Слушайте, мне не нравится ваш тон! — напустилась Элинор на Басту. — У нас позади утомительная дорога, и мы приехали в эту глухомань, чтобы кое-что передать вашему шефу, или боссу, или как там он у вас ещё зовётся. Так что ведите себя прилично.

— Откуда она вообще взялась? — спросил Баста и снова повернулся к Сажеруку, который стоял с такой безучастной миной, словно всё происходящее его не касалось.

— Она хозяйка того дома, ты же помнишь… — Сажерук говорил тихо, но Мегги всё поняла. — Я не хотел везти её сюда, но она заупрямилась.

— Могу себе представить! — Баста оглядел Элинор ещё раз, а затем посмотрел на Мегги. — А это, наверное, дочурка Волшебного Языка, да? Что-то она не слишком на него похожа.

— Где мой отец? — спросила Мегги. — Как он себя чувствует?

Это были первые слова, которые она смогла произнести. Её голос звучал хрипло, как будто она давно им не пользовалась.

— О, чувствует он себя замечательно, — ответил Баста, глядя на Сажерука. — Хотя сейчас его можно скорее назвать Свинцовым Языком: что-то он стал неразговорчив.

Мегги закусила губу.

— Мы хотим забрать его, — сказала она тоненьким голосом, хотя изо всех сил старалась говорить по-взрослому. — Мы привезли книгу, но Каприкорн получит её, только если отпустит моего отца.

Баста снова повернулся к Сажеруку.

— Всё же чем-то она мне своего папашу напоминает. Видишь, как она сжимает губы? И этот взгляд… Да, родство несомненно!

Он сказал это шутливым тоном, но от его свирепого взгляда Мегги было не до шуток. У него были резкие, заострённые черты лица и близко посаженные глаза, которые он всё время щурил, словно так лучше видел.

Баста был невелик ростом, с узкими, почти как у мальчика, плечами, и всё же у Мегги перехватило дыхание, когда он сделал шаг в

её сторону. Она никогда ещё ни одного человека так не боялась, и вовсе не из-за ружья в его руках. Что-то в нём было злобное, хищное…

— Мегги, достань пакет из багажника. — Элинор встала между ними, когда Баста попытался схватить девочку. — Там ничего опасного нет, — сказала она сердито. — Только то, из-за чего мы сюда приехали. В ответ Баста оттащил с дороги собак. Те взвыли — так грубо он дёрнул их к себе.

— Мегги, слушай меня! — зашептала Элинор, когда они оставили машину и последовали за Бастой по крутой тропе вверх, к освещённым окнам. — Ты выпустишь книгу из рук только тогда, когда они покажут нам твоего отца, понятно?

Мегги кивнула и крепко прижала целлофановый пакет к груди. За дурочку её Элинор, что ли, держит? С другой стороны, что делать, если Баста попробует отнять книгу силой? Но она предпочла вообще об этом не думать…

Ночь стояла душная. Небо над чёрными холмами было усеяно звёздами. Тропа, по которой их вёл Баста, была каменистой и такой тёмной, что Мегги почти ничего не видела под ногами. Но всякий раз, когда она спотыкалась, рядом была рука, которая подхватывала её, — рука Элинор, идущей с ней бок о бок, или рука Сажерука, который, как тень, бесшумно следовал за ними. Гвин по-прежнему высовывался из его рюкзака, и собаки Басты, принюхиваясь, задирали морды кверху — резкий запах куницы ударял им в нос.

Постепенно освещённые окна становились ближе. Мегги разглядела дома из серого, грубо отёсанного камня, над крышами которых виднелся тёмный силуэт колокольни. Когда они проходили по переулкам, таким узким, что у Мегги спирало дыхание, многие дома казались необитаемыми. Некоторые стояли без крыши, от других остались лишь полуразрушенные стены. В деревне Каприкорна было темно, горело всего несколько фонарей на кирпичных арках над переулками. Наконец они вышли к небольшой площади. С одной стороны высилась колокольня, которую они уже видели издали, а неподалёку от неё, в тесном проулке, стоял большой трёхэтажный дом, не такой обветшалый, как прочие. Площадь была освещена ярче, чем остальная деревня, целых четыре фонаря отбрасывали на мостовую грозные тени.

Баста провёл их прямиком в большой дом. В трёх окнах верхнего этажа горел свет. Был ли Мо там? Мегги прислушалась к себе, будто в ней самой заключался ответ, но в биении своего сердца не смогла распознать ничего, кроме страха. Страха и тревоги.

ВЫПОЛНЕННОЕ ПОРУЧЕНИЕ

— Смысла нет его искать, — проворчал бобр.

— То есть как это? — запротестовала Сьюз. — Он не мог далеко уйти! Нам обязательно нужно найти его! Почему вы думаете, что нет смысла его искать?

— Потому что и так ясно, где он, — ответил бобр. — Вы что, не понимаете? Он ушёл к ней, к Белой Ведьме. Он предал нас!

К. С. Льюис. Король Нарнии

Мегги уже сто раз воображала себе лицо Каприкорна с тех пор, как Сажерук впервые рассказал ей о нём: во время поездки в дом Элинор, когда Мо ещё был рядом с ней, потом, когда она совсем одна лежала в огромной кровати, и, наконец, по дороге сюда. Сто, да что там — тысячу раз она пыталась представить его себе, воскрешая в памяти всех злодеев, какие встречались в любимых книгах и являлись ей в кошмарных снах: капитана Крюка, сухопарого и крючконосого, Долговязого Джона Сильвера, вечно с притворной улыбкой на устах, индейца Джо с ножом и с жирными чёрными волосами…

Но Каприкорн выглядел совсем иначе.

Мегги сбилась со счёта, глядя на двери, мимо которых они проходили, пока наконец Баста не остановился перед одной из них. Но она точно сосчитала мужчин, одетых в чёрное. Их было четверо, они топтались в коридорах со скучающими лицами. Рядом с каждым к стене, покрытой белой известью, было прислонено ружьё. В своих чёрных костюмах они напоминали грачей. Один Баста был в белой рубашке — белоснежной, как сказал бы Сажерук, а к воротнику его куртки, словно предупреждающий знак, был приколот красный цветок.

Таким же красным был и домашний халат Каприкорна. Когда вошли Баста и трое ночных визитёров, он сидел в кресле, а перед ним на коленях стояла женщина и подстригала ему ногти на ногах. Кресло казалось маловато для него — Каприкорн был высок и худощав, словно кожа слишком туго обтягивала его кости. Он был бледен, как

чистый лист бумаги, и носил стриженные ёжиком волосы. Мегги не могла понять, светлые они или седые.

Когда Баста открыл дверь, Каприкорн поднял голову. Его глаза были такие же блёклые, как и лицо, бесцветные, как серебряные монеты. Женщина у его ног тоже мельком взглянула на вошедших и снова нагнулась, чтобы продолжить свою работу.

— Извините, но прибыли долгожданные гости, — доложил Баста. — Я думал, вы пожелаете сразу же поговорить с ними.

Каприкорн откинулся на спинку кресла и бросил короткий взгляд на Сажерука. Затем он уставил свои невыразительные глаза на Мегги. Девочка непроизвольно ещё крепче прижала к груди пакет с книгой. Тогда Каприкорн со значением перевёл взгляд на двери, словно знал, что скрывается за ними. Он подал знак женщине, суетившейся у его ног. Та неохотно выпрямилась и недружелюбно посмотрела на Мегги и Элинор. Она походила на старую сороку — седые волосы, стянутые в строгий пучок, острый нос, совершенно не подходящий к её маленькому, морщинистому лицу. Женщина поклонилась Каприкорну и вышла из комнаты.

Это было просторное помещение. Мебели немного — длинный стол, восемь кресел, шкаф и тяжёлый сервант. Здесь не горело ни одной лампы, только свечи, десятки свечей в тяжёлых серебряных канделябрах. Мегги показалось, что они распространяют по комнате не свет, а тени.

— Где она? — спросил Каприкорн.

Мегги невольно отступила на шаг, когда он поднялся с кресла.

— Только не говори мне, что на сей раз ты привёз мне одну девчонку.

Его голос был выразительнее, чем его лицо. Он был глух и суров, и Мегги возненавидела его с первого же звука.

— Она у неё с собой. В пакете! — ответил Сажерук, прежде чем Мегги успела раскрыть рот.

Пока он говорил, его глаза беспокойно блуждали от одной свечи к другой, как будто его ничто не занимало, кроме их танцующего пламени.

— Её отец в самом деле не знал, что взял не ту книгу. Вот эта его так называемая подруга, — Сажерук указал на Элинор, — подменила книгу без его ведома! Я думаю, она только буквами и питается. Её дом

ломится от книг. Она, несомненно, предпочитает их общество обществу людей. — Слова лихорадочно срывались с его языка, точно он хотел от них отделаться. — Я с самого начала терпеть её не мог, но вы же знаете, каков наш друг Волшебный Язык.

Он всегда слишком хорошо думает о людях. Он доверился бы самому дьяволу, если бы тот ему мило улыбнулся.

Мегги обернулась к Элинор. Тётушка словно язык проглотила. Муки совести отражались на её лице.

Каприкорн только кивал, слушая разъяснения Сажерука. Он потуже затянул пояс халата, сложил руки за спиной и медленно подошёл к Мегги. Девочка постаралась не отпрянуть, твёрдо и бесстрашно глядя в бесцветные глаза, но страх сдавил ей горло. Какая же она трусиха! Она старалась вспомнить какого-нибудь отважного книжного героя, перевоплотиться в него, чтобы почувствовать себя сильнее, выше ростом, бесстрашнее… Почему, пока Каприкорн пристально смотрел на неё, ей вспоминались только те персонажи, которые жутко чего-то боялись? Ведь прежде ей без труда удавалось переноситься в чужие края, влезать в шкуру людей и зверей, существовавших только на бумаге, — так почему же сейчас не получалось? Потому что ей было страшно. «Потому что страх убивает, — как-то раз сказал ей Мо, — и разум, и сердце, и фантазию».

Мо… Где он сейчас? Мегги закусила нижнюю губу, чтобы она не очень дрожала, но была уверена, что Каприкорн видит страх в её глазах. Она пожелала, чтобы сердце у неё окаменело, а лицо улыбалось и не было похоже на лицо ребёнка, у которого похитили отца.

Сейчас Каприкорн стоял прямо перед ней и рассматривал её в упор. Ещё никто никогда не смотрел на неё так. Она почувствовала себя мухой, которая приклеилась к мухоловке и ждёт, пока её прихлопнут.

— Сколько ей лет? — Каприкорн обернулся к Сажеруку, как будто не верил, что Мегги сама знает ответ.

— Двенадцать! — громко сказала она. Говорить дрожащими губами было нелегко. — Мне двенадцать лет. А теперь я хочу узнать, где мой отец.

Каприкорн словно не расслышал её последние слова.

— Двенадцать? — повторил он глухим голосом, который тяжело давил Мегги на уши. — Ещё два-три года, и она похорошеет, тогда её

можно использовать. Только кормить её надо получше.

Он сдавил ей руку своими длинными пальцами. Он носил золотые кольца, на каждой руке по три. Мегги попыталась вырваться, но Каприкорн крепко держал её, пристально разглядывая своими бесцветными глазами. Будто рыбу, которая трепыхается на суше…

— Отпустите девочку!

Впервые Мегги была рада, что голос Элинор мог звучать так грубо. И Каприкорн в самом деле отпустил её руку.

Элинор встала у неё за спиной и положила ей руки на плечи, словно защищая.

— Я не понимаю, что здесь происходит! — закричала она на Каприкорна. — Я не знаю, кто вы такой и что вы со своими вооружёнными подручными вытворяете в этой Богом забытой деревне, да меня это и не волнует. Я приехала сюда, чтобы девочке вернули отца. Мы отдадим вам книгу, которая так важна для вас. Хотя мне очень жаль с ней расставаться, но вы получите её назад, как только отец Мегги будет сидеть в моей машине. А если он по какой-либо причине захочет остаться здесь подольше, то мы хотели бы услышать это от него самого. Каприкорн молча повернулся к ней спиной.

— Зачем ты привёз эту тётку? — спросил он у Сажерука. — Я говорил тебе: привези девчонку и книгу. А что мне с этой делать?

Мегги посмотрела на Сажерука.

«Девчонку и книгу» — эти слова эхом отозвались в её голове. Снова и снова: «Привези девчонку и книгу». Мегги постаралась заглянуть в глаза Сажеруку, но тот уклонился от её взгляда, словно мог об него обжечься. Было больно чувствовать себя такой глупой. Такой ужасно, ужасно глупой.

Сажерук присел на край стола и ладонью загасил одну из свеч — очень осторожно и медленно, словно желал почувствовать боль, мгновенный укус пламени.

— Я уже объяснил Басте: эта разлюбезная Элинор не хотела отпускать девочку со мной одну, и книгу она выложила тоже без большой охоты.

— Ну! Разве я была не права? — Голос Элинор зазвучал так громко, что Мегги вздрогнула. — Нет, Мегги, ты послушай-ка этого двуличного Пожирателя Спичек! Мне надо было позвать полицию, когда он появился снова. Он вернулся только за книгой, только за ней!

«И за мной», — подумала Мегги. «Девчонку и книгу»…

Сажерук делал вид, будто с усердием выщипывает вылезшую нитку на рукаве пальто. Но его пальцы, обычно такие ловкие, дрожали.

— А вы!.. — Элинор ткнула Каприкорна указательным пальцем в грудь.

Баста выступил вперёд, но Каприкорн жестом остановил его.

— Я уже много повидала, что бывает с людьми, когда речь идёт о книгах. У меня самой их порой воровали, и сама я не могу сказать, что все книги, какие стоят на моих полках, попали туда законным путём. Вы знаете, кто-то сказал: «Все собиратели книг — стервятники и охотники». Но, похоже, вы из них самый сумасшедший. Странно, что я не слыхала о вас раньше. Где же ваше собрание? — Она с любопытством оглядела большую комнату. — Я не вижу ни одной книги!

Каприкорн сунул руки в карманы халата и подал знак Басте.

Не успела Мегги опомниться, как тот вырвал пакет у неё из рук. Он раскрыл его, недоверчиво заглянул внутрь, словно предполагал обнаружить там змею или какую-нибудь другую кусачую тварь, а затем достал оттуда книгу.

Каприкорн принял её из рук Басты. Мегги не смогла прочесть на его лице той нежности, с какой разглядывали любую книгу Элинор или Мо. Нет, на лице Каприкорна читалось только отвращение — и облегчение.

— Обе ничего не знают?

Каприкорн небрежно раскрыл книгу, перелистал страницы и вновь захлопнул. «Да, это та самая», — прочла Мегги на его лице. Та самая книга, которую он искал.

— Нет, они ничего не знают. И девочка не в курсе. — Сажерук так напряжённо смотрел в окно, будто там, кроме непроглядной ночи, было видно что-то ещё. — Её отец ничего ей не рассказывал. Да и зачем ему это было надо?

Каприкорн кивнул.

— Отведи обеих на задний двор! — приказал он Басте, который стоял рядом с ним, всё ещё держа пустой пакет в руках.

— Что это значит?.. — начала было Элинор, но Баста уже тащил её и Мегги прочь из комнаты.

— Это значит, что я вас, милые пташки, запру на ночь в одной из наших клеток, — сказал он, неласково подталкивая их ружьём в спину.

— Где мой отец? — крикнула Мегги. Собственный голос оглушительно зазвенел в её ушах. — Ведь теперь книга у вас! Чего вы ещё от него хотите?

Каприкорн не спеша подошёл к свече, которую погасил Сажерук, провёл указательным пальцем по фитилю и посмотрел на сажу, прилипшую к подушечке.

— Что я хочу от твоего отца? — сказал он, не оборачиваясь к Мегги. — Я хочу, чтобы он остался здесь, больше ничего. Похоже, ты не знаешь, каким выдающимся талантом он обладает. До сих пор Волшебный Язык не желал быть у меня на службе, как Баста ни пытался его уговорить. Но сейчас, когда Сажерук привёз тебя, он будет делать то, что я потребую. В этом я полностью уверен.

Мегги попробовала оттолкнуть руки Басты, протянутые к ней, но тот схватил её сзади, точно курицу, которой хотят свернуть шею. Элинор хотела прийти ей на помощь, но Баста лениво направил ей в грудь ружейный ствол и подтолкнул Мегги к двери.

Когда она ещё раз обернулась, то увидела, что Сажерук по-прежнему облокачивался на большой стол. Он смотрел на неё, но на этот раз без улыбки.

«Прости, — казалось, говорили его глаза. — Я должен был это сделать. Потом ты всё поймёшь».

Но Мегги ничего не хотела понимать. И прощать ничего не собиралась.

— Чтоб ты сдох! — закричала она. — Чтоб ты сгорел! Чтоб ты задохнулся в собственном огне!

Баста, смеясь, тащил её к двери.

— Нет, вы только послушайте эту маленькую кошку! — говорил он. — Видно, тебя надо остерегаться.

РАДОСТЬ И БЕДА

Стояла глубокая ночь; Бинго никак не мог уснуть. Лежать было жёстко и неудобно, но он к этому привык. От испачканного одеяла разило невыносимо, но он и с этим свыкся. В его ушах раздавалась песня, и избавиться от неё не получалось. То был победный гимн спирали.

М. де Ларрабейти. Борриблы-2: в лабиринте спирали

Клетки, как их называл Баста, которые Каприкорн уготовил непрошеным гостьям, находились позади церкви, на асфальтированной площадке, где громоздились контейнеры, бочки с мусором и груды строительного хлама. В воздухе стоял лёгкий запах бензина, и, похоже, даже светлячки, бестолково порхавшие в ночной мгле, не понимали, что занесло их в это место. Позади контейнеров и хлама выстроились в ряд полуразваленные дома. Вместо окон в серых стенах зияли пустые дыры. Несколько прогнивших ставен косо висели на своих петлях, и казалось, что первый же порыв ветра сбросит их на землю. Только двери на первых этажах, очевидно, сравнительно недавно покрасили в грязно-коричневый цвет, и на них неумело, точно детской рукой, кистью были выведены номера. На последней двери, насколько Мегги могла разглядеть в темноте, значился номер семь.

Баста подогнал её и Элинор к двери номер четыре. Мегги даже почувствовала облегчение, узнав, что Баста имел в виду не настоящую клетку, хотя дверь в стене, лишённой окон, никак нельзя было назвать гостеприимной.

— Всё это просто смешно! — говорила Элинор, пока Баста отодвигал засов и отворял дверь.

Из дома Каприкорна он взял себе подкрепление в лице худого мальчишки, одетого в чёрное, подобно взрослым помощникам Каприкорна. Ему явно доставляло удовольствие всякий раз направлять ружьё в грудь Элинор, когда она открывала рот. Но он не мог заставить её замолчать.

— Эй, парень, в какие игры вы тут играете? — возмущалась она, не отводя глаз от ружейного дула. — Я слышала, в этих горах всегда привольно жилось разбойникам, но ведь уже двадцать первый век на дворе! Теперь никто не гоняет своих гостей с ружьём, а уж тем более такой желторотый юнец, как ты…

— Насколько я слышал, всё, что творилось прежде, делается и в этом расчудесном столетии, — возразил Баста. — А пацан как раз в том самом возрасте, чтобы пойти к нам в учение. Я-то ещё моложе был.

Он распахнул дверь. Там, внутри, был ещё более кромешный мрак, чем на улице.

Баста втолкнул туда сначала Мегги, затем Элинор и затворил за ними дверь.

Мегги услышала, как повернулся ключ в замке, как Баста что-то сказал, а мальчишка рассмеялся в ответ и как затихли их шаги. Она вытянула руки в стороны, пока кончиками пальцев не нащупала стену. Глаза здесь были бесполезны, как у слепого, она даже не могла понять, где стояла Элинор. Но слышала, как тётушка ругается где-то слева от неё.

— В этой окаянной дыре есть хотя бы выключатель? Чёрт побери, мне кажется, будто я попала в какой-то проклятый, невыносимо скверный приключенческий роман, где плуты носят повязку на глазу и бросают ножи.

Мегги заметила, что Элинор любила браниться. И чем больше волновалась, тем больше бранилась.

— Элинор! — послышался голос откуда-то из темноты.

Радость, ужас, изумление — всё это прозвучало в одном-единственном слове.

Мегги чуть не упала, запутавшись в собственных ногах, — так резко она обернулась.

— Мо?

— Не может быть… Мегги! Как ты сюда попала? — Мо!

Мегги, спотыкаясь, побежала в темноте на голос отца. Чья-то рука схватила её руку, чьи-то пальцы коснулись её лица.

— Наконец-то!

Под потолком загорелась лампочка без абажура, и Элинор с самодовольным видом отдёрнула пальцы от выключателя, покрытого

слоем пыли.

— Электрический свет — воистину сказочное изобретение! — сказала она. — По крайней мере, это явный прогресс по сравнению с другими столетиями, вы не находите?

— Что вы здесь делаете, Элинор? — спросил Мо, прижимая к себе Мегги. — Как ты допустила, что она оказалась здесь?

— Как я допустила?! — Элинор чуть не дала петуха. — Я не собиралась играть роль няньки для твоей дочери. Я знаю, как ухаживать за книгами, но дети — чёрт побери ещё раз! — совсем другое дело. Кроме того, я переживала за тебя!.. Она хотела пойти тебя искать. И что же делает глупая Элинор, вместо того чтобы спокойно сидеть дома? «Не могу же я отпустить девочку одну», — подумала я. Но всё это от моего благородства! Мне пришлось выслушивать гадости, терпеть ружьё, которым трясли у меня перед носом, а теперь ещё и твои упрёки…

— Ладно, ладно!

Мо отодвинул Мегги и оглядел её с головы до ног.

— Со мной всё в порядке, Мо! — сказала Мегги, хотя её голос немного дрожал. — Честное слово!

Мо кивнул и посмотрел на Элинор:

— Вы привезли Каприкорну книгу?

— Разумеется! Ты сам бы её дал ему, если бы я… — Элинор покраснела и посмотрела на свои пыльные туфли.

— … Если бы ты её не подменила, — закончила Мегги.

Она схватила руку Мо и крепко её сжимала. Она не могла поверить, что он опять был с ней, живой и здоровый, если не считать глубокой ссадины на лбу, почти скрытой под тёмными волосами.

— Тебя били? — Она озабоченно провела пальцем по запёкшейся крови.

Мо улыбнулся, хотя на душе у него, конечно же, было тяжело:

— Это пустяки. Со мной тоже всё в порядке. Не волнуйся.

Мегги не сочла это ответом, но больше вопросов не задавала.

— Как вы сюда попали? Каприкорн ещё раз прислал своих людей?

Элинор покачала головой:

— В этом не было необходимости. Всё устроил твой сладкоречивый дружок. Хорошенького змея ты привёл в мой дом! Сначала он предал тебя, а потом, как на блюдечке, поднёс Каприкорну

и книгу, и твою дочь. «Девчонку и книгу». Мы своими ушами слышали от Каприкорна, что именно такое поручение он дал Пожирателю Спичек. И тот его выполнил, к полнейшему удовлетворению шефа.

Мегги положила себе на плечо руку Мо и спрятала голову у него под мышкой.

— Девчонку и книгу? — Мо прижал к себе Мегги. — Конечно. Теперь Каприкорн может быть уверен, что я постараюсь выполнить все его требования.

Он повернулся и побрёл к сваленной в углу куче соломы. Вздохнув, он сел на неё, прислонился затылком к стене и закрыл глаза.

— Что ж, кажется, теперь мы квиты — Сажерук и я, — сказал он. — Хотя мне интересно, как Каприкорн вознаградит его за предательство. То, чего хочет Сажерук, он ему не даст.

— Квиты? Что ты имеешь в виду? — Мегги села рядом с ним на корточки. — А что ты должен сделать для Каприкорна? Чего он от тебя хочет, Мо?

Солома была слишком сырой, мало пригодной, чтобы на ней спать, но всё же лучше, чем голый пол.

Мо помолчал какое-то мгновение, показавшееся вечностью. Он разглядывал голые стены, запертую дверь, грязный пол.

— Придёт время — и я расскажу тебе эту историю, — сказал он наконец. — Хотя я собирался рассказать её тебе не в таком безрадостном месте и только когда ты немного подрастёшь…

— Мне двенадцать лет, Мо!

Почему взрослые думают, что дети скорее мирятся с секретами, чем с правдой? Разве дети не догадываются, какие глупые сказки сочиняют только для того, чтобы не выдавать эти секреты? Лишь много лет спустя, когда у самой Мегги будут дети, она поймёт, что бывает такая правда, которая до краёв переполняет сердце отчаянием, и её не хочется рассказывать никому, тем более своим детям. Особенно когда отчаяние не скрашено ни малейшей надеждой.

— Садись, Элинор, — сказал Мо и подвинулся немного в сторону. — Это довольно длинная история.

Элинор вздохнула и осторожно присела на влажную солому.

— Этого не может быть, — пробормотала она. — Всего этого не может быть…

— Я девять лет убеждаю себя в этом, — сказал Мо и начал свой рассказ.

В ТУ ПОРУ

Он взял в руки книгу.

— Я почитаю тебе. Для настроения.

— А о спорте там есть?

— О фехтовании. Схватках. Пытке. Яде. Истинной любви. Ненависти. Мести. Великанах. Охотниках. Злых людях. Добрых людях. Прекрасных дамах. Змеях. Пауках. Хворях. Смерти. Храбрецах. Трусах. Силачах. Погонях. Избавлениях. Лжи. Правде. Страстях. Чуде.

— Звучит заманчиво, — откликнулся я.

У. Голдман. Принцесса-невеста

— Тебе, Мегги, как раз исполнилось три года, — начал Мо. — Я помню, как мы отмечали твой день рождения. Я подарил тебе книгу с картинками. Ту самую, с морской змеёй, у которой болят зубы и которая обвилась вокруг маяка.

Мегги кивнула. Эта книга до сих пор лежала в её сундуке и уже дважды одевалась в новое платье.

— Мы? — переспросила она.

— Я и твоя мама.

Мегги отдирала от брюк прилипшую солому.

— Уже в ту пору я не мог равнодушно пройти мимо книжного магазина. Дом, в котором мы жили, был невелик — мы называли его обувной коробкой, мышиной норой, мы придумали для него много разных имён, но в тот день я опять купил целый ящик книг в одной букинистической лавке. Элинор, — он бросил взгляд в её сторону и улыбнулся, — некоторые из них пришлись бы весьма по вкусу. Среди них была и книга Каприкорна.

— Он был её владельцем? — Мегги изумлённо поглядела на Мо, но тот покачал головой.

— Нет, дело не в этом, но… Давай по порядку. Твоя мама тяжело вздохнула, когда увидела новые книги, и спросила, куда же мы их

денем, но потом, конечно же, распаковала ящик. В ту пору я по вечерам читал ей что-нибудь вслух.

— Читал вслух?

— Да. Каждый вечер. Твоей маме это нравилось. В тот вечер она выбрала «Чернильное сердце». Она всегда любила занимательные истории, блестящие и мрачные. Она могла перечислить имена всех рыцарей короля Артура, она знала всё про Беовульфа и Гренделя[1], про древних богов и менее древних героев. Она обожала также истории про пиратов, но больше всего ей нравилось, если попадался хотя бы один рыцарь, хотя бы один дракон или, по крайней мере, хотя бы одна фея. Кстати, она всегда принимала сторону драконов. В «Чернильном сердце» ни один дракон не упоминался, зато там было в избытке блеска и мрака, фей и кобольдов… Кобольдов твоя мама тоже очень любила. Брауни, Букка-Бу, Фенодерри, Фолетти — она знала их всех по именам. Итак, мы дали тебе стопку книг с картинками, устроились поудобнее рядом с тобой на ковре, и я начал читать…

Мегги прильнула головой к плечу Мо, уставившись глазами на голую стену. Она увидела на грязно-белом фоне себя, какой она была на старых фотографиях: маленькую, с пухлыми ножками, белокурую (с тех пор её волосы слегка потемнели), листающую крохотными пальчиками большие книги с картинками. Так бывало всегда, когда Мо что-нибудь рассказывал: Мегги видела картины, живые картины.

— История нам нравилась, — продолжал отец. — Она была занимательна, хорошо написана и населена странными существами. Твоя мама любила, когда книга увлекала её в неизведанное, и тот мир, куда её увлекло «Чернильное сердце», был вполне в её вкусе. Порой он становился чересчур мрачным, и всякий раз, когда напряжение возрастало, твоя мама прикладывала палец к губам и я читал тише, хотя мы не сомневались, что ты слишком занята собственными книгами и не прислушиваешься к печальной истории… На улице уже давно стемнело — я помню, словно это было вчера, — стояла осень, и в окно дул ветер. Мы разожгли огонь — в обувной коробке не было центрального отопления, только печка в каждой комнате, — и я начал читать седьмую главу. Вот тут-то оно и случилось…

Мо умолк. Он смотрел перед собой, словно заблудившись в собственных мыслях.

— Что? — прошептала Мегги. — Что случилось, Мо?

— Тут появились они, — сказал он. — Внезапно они очутились перед нами у двери в прихожую, будто они зашли с улицы. Когда они повернулись к нам, послышался шелест, словно кто-то разворачивал лист бумаги. До сих пор у меня на устах их имена: Баста, Сажерук, Каприкорн. Баста держал Сажерука за воротник, как провинившегося щенка.

Уже тогда Каприкорн любил красный цвет в одежде, но он был на девять лет моложе и не такой худой, как сейчас. У него был меч — я ещё ни один меч так близко не видел. У Басты на поясе тоже висел меч и ещё нож, тогда как Сажерук… — Мо покачал головой. — Ну, у него-то при себе ничего не было, кроме рогатой куницы — он показывал с ней разные фокусы и тем зарабатывал себе на жизнь. Я думаю, никто из них троих не понимал, что произошло. Я тоже понял это лишь гораздо позже. От моего голоса они выпали из своей истории наподобие закладки, которую кто-то забыл между страниц. Как они могли осознать это?..

Баста так грубо толкнул Сажерука в спину, что тот упал. Баста хотел уже вытащить свой меч из ножен, но его руки, бледные, как бумага, очевидно, утратили силу. Меч выскользнул из его пальцев и упал на ковёр. Мне показалось, что на лезвии была засохшая кровь, но, возможно, это просто огонь отражался в нём. Каприкорн стоял и озирался. Наверное, у него кружилась голова, он шатался, как дрессированный медведь, долго вертевшийся вокруг своей оси. Может быть, это нас и спасло — по крайней мере, так всегда утверждал Сажерук. Если бы Баста и его господин совсем не лишились сил, они, наверное, убили бы нас. Но они ещё не полностью переселились в этот мир, и я схватил отвратительный меч, лежавший на ковре среди моих книг. Он был тяжёлый, намного тяжелее, чем я думал. Вероятно, я обхватил его как какой-нибудь пылесос или как палку, но, когда Каприкорн, шатаясь, приблизился ко мне, я выставил остриё меча ему навстречу, и он остановился. Я что-то мямлил, пытаясь объяснить, что случилось, хотя сам ничего не понимал, Каприкорн таращился на меня своими водянистыми глазами, а Баста стоял рядом с ним, рукой касаясь своего ножа, и, казалось, только и ждал, когда его господин прикажет перерезать нам глотки.

— А Пожиратель Спичек? — Голос Элинор тоже звучал хрипло.

— Он сидел на ковре, точно оглушённый, и не издавал ни звука. О нём я в тот момент вообще не думал. Если ты возьмёшь корзину, а из неё вдруг выползут две змеи и одна ящерица, то ты в первую очередь обратишь внимание на змей — разве не так?

— А мама? — Мегги смогла выговорить это слово только шёпотом. Она не привыкла произносить его вслух.

Мо посмотрел на неё.

— Её нигде не было видно! Ты по-прежнему стояла на коленях возле своих книг и во все глаза смотрела на чужих вооружённых людей в больших, тяжёлых сапогах. Я безумно испугался за вас, но, к моему облегчению, ни Баста, ни Каприкорн не обращали на тебя ни малейшего внимания.

«Хватит болтать! — сказал наконец Каприкорн, когда я окончательно запутался в собственных словах. — Меня не волнует, каким образом я оказался в этом убогом месте. Сейчас же верни нас обратно, проклятый колдун, или Баста вырежет твой болтливый язык у тебя изо рта».

Эти слова не очень-то успокаивали, да и в первых главах я уже прочёл про обоих достаточно, чтобы уяснить: у Каприкорна слова с делом не расходятся.

Мне стало дурно, в отчаянии я соображал, как же прервать этот кошмарный сон. Я поднял книгу — может быть, надо ещё раз прочесть то же самое место… Я попробовал. Я спотыкался на каждом слове, в то время как Каприкорн неподвижно уставился на меня, а Баста вытаскивал нож из-за пояса. Ничего не происходило. Оба по-прежнему стояли в моём доме и не собирались возвращаться назад, в свою историю. И вдруг мне стало совершенно ясно, что они нас убьют. И я выронил книгу и поднял меч, брошенный мной на ковёр. Баста попробовал опередить меня, но я оказался расторопнее. Мне приходилось держать смертоносную штуковину двумя руками, я до сих пор помню, какой холодной на ощупь была рукоять… Не спрашивай, как мне это удалось, но всё же я сумел оттеснить Басту и Каприкорна в прихожую. При этом какие-то вещи разлетались вдребезги — так рьяно я размахивал мечом. Ты начала плакать, и я хотел обернуться к тебе и сказать, что всё это лишь кошмарное наваждение, но мне стоило огромного труда отбиваться от ножа Басты и меча Каприкорна. «Вот оно и случилось, — вертелось у меня в

голове. — Ты оказался посреди книжной истории, о чём всегда мечтал, и это сущий кошмар». В реальности страх имеет совсем другой вкус, чем когда ты о нём читаешь, Мегги, и роль героя оказалась гораздо менее приятной, чем я думал. Они наверняка убили бы меня, но, к счастью, оба плохо держались на ногах. Каприкорн рычал, его глаза чуть не вылезли на лоб от ярости. Баста бранился, угрожал и глубоко порезал мне плечо, но тут неожиданно входная дверь отворилась, и оба, шатаясь, как пьяные, исчезли в ночи. У меня едва хватило сил закрыть задвижку — так дрожали пальцы. Я прислонился к двери, прислушивался к звукам с улицы, но ничего не слышал, кроме бешеного стука собственного сердца. А потом я услышал в комнате твой плач и тут же вспомнил, что там оставался ещё третий. Спотыкаясь, я пошёл назад, всё ещё с мечом в руках, и там посреди комнаты стоял Сажерук. У него не было оружия, только куница на плече, и, когда я подошёл к нему, он отпрянул с бледным как смерть лицом. Судя по всему, выглядел я ужасно: по руке текла кровь, и я дрожал всем телом — не знаю, от страха или от злости.

«Пожалуйста, — взмолился он, — не убивай меня! У меня с этими двумя нет ничего общего. Я всего лишь фокусник, безобидный огнеглотатель. Я могу тебе это доказать».

И я ответил: «Да, да, конечно, я знаю — ты Сажерук!»

И он почтительно склонился перед всемогущим волшебником, который всё о нём знал и вырвал его из привычного мира, как морковку из грядки. Куница спустилась по его руке вниз, спрыгнула на ковёр и подбежала к тебе. Ты перестала плакать и протянула к ней руки. «Осторожно, он кусается», — сказал Сажерук и прогнал зверька.

Я не обращал на него внимания. Я только вдруг почувствовал, как тихо стало в комнате. Тихо и пусто. Я увидел, что книга лежит на ковре раскрытая, там, где я её уронил, а рядом — подушка, на которой сидела твоя мама. Её нигде не было. Где же она? Я звал её по имени, звал вновь и вновь. Я обежал все комнаты. Но она исчезла…

Элинор сидела с прямой спиной, неподвижно уставившись на Мо.

— Ради Бога, что ты говоришь? — вырвалось у неё. — Ты же рассказывал, что она уехала в какое-то глупое авантюрное путешествие и не вернулась!

Мо прислонился затылком к стене.

— Что-то же мне надо было придумать, Элинор, — сказал он. — Как по-твоему, мог ли я рассказать правду?

Мегги погладила его руку там, где под рубашкой скрывался длинный, бледный шрам.

— Ты говорил, что порезал руку, когда пролезал через разбитое окно.

— Конечно. Правда показалась бы сущим бредом. Разве не так?

Мегги кивнула. Мо прав, она сочла бы это лишь одной из его обычных историй.

— Мама так и не вернулась? — прошептала она, хотя знала ответ.

— Нет, — ответил Мо. — Баста, Каприкорн и Сажерук вышли из книги, а она попала в неё вместе с двумя нашими кошками, которые любили сидеть у неё на коленях, когда я читал вслух. Наверное, для Гвина тоже кто-то внезапно исчез — может быть, паук, или муха, или какая-нибудь птичка, которая как раз в тот момент порхала рядом…

Мо умолк.

Иной раз, когда он сочинял такую удачную историю, что Мегги принимала её за правду, он вдруг начинал хохотать и говорил: «Попалась, Мегги!» Как тогда, в её седьмой день рождения, когда он рассказал ей, будто обнаружил между крокусами парочку фей. Но на сей раз он не шутил.

— После того как я тщетно искал твою мать по всему дому, — продолжил он, — я вернулся в гостиную. Там уже не было ни Сажерука, ни его рогатого друга. Только меч по-прежнему лежал на полу и казался таким реальным, что я решил не сомневаться в своём разуме. Я отнёс тебя в постель, кажется, сказал, что мама уже легла спать, и снова принялся читать вслух «Чернильное сердце». Я всё читал эту проклятую книгу, пока не охрип, а за окном не взошло солнце, но из неё ничего не появлялось — только летучая мышь да парчовая занавеска, которой я впоследствии обшил сундук для твоих книг. В последующие дни и ночи я вновь и вновь пробовал читать вслух, пока не почувствовал резь в глазах, а буквы не заскакали по страницам, как пьяные. Я не ел, не спал, я придумывал для тебя всё новые сказки о том, где сейчас твоя мама, и следил, чтобы ты никогда не заходила в ту комнату, где я читал, — не ровен час, ещё и ты могла бы исчезнуть. За себя я не боялся, у меня почему-то было ощущение, что сам я как чтец защищён от исчезновения между страницами. Я по

сей день не знаю, так ли это. Мо согнал с ладони комара и продолжал: — Я читал громко, пока не перестал слышать собственный голос. Но твоя мама, Мегги, так и не вернулась. Вместо неё на пятый день в моей комнате возник странный маленький человечек, прозрачный, точно из стекла, зато исчез почтальон, который как раз опускал в наш почтовый ящик какие-то письма. На улице я обнаружил его велосипед. Тогда я понял, что ни стены, ни запертые двери не смогут уберечь тебя от исчезновения, — ни тебя, ни кого-то другого. И я решил больше никогда не читать книги вслух. Ни «Чернильное сердце», ни какую-либо иную.

— А что стало со стеклянным человечком? — спросила Мегги.

Мо тяжело вздохнул:

— Он разбился уже несколько дней спустя, когда мимо нашего дома проезжал грузовик. Очевидно, лишь немногим удаётся безболезненно переселиться в другой мир. Мы оба знаем, какое это счастье — нырнуть в книгу и какое-то время жить внутри неё, но расстаться со своей историей и попасть в наш мир — это, как видно, никому не приносит счастья. У Сажерука от этого вообще сердце разбилось.

— У него есть сердце? — с горечью спросила Элинор.

— Если бы не было, ему жилось бы лучше, — ответил Мо. — Прошло больше недели, и вот он вновь постучался в мою дверь. Была ночь — как мы знаем, его любимое время суток. Я как раз паковал вещи. Я счёл за лучшее переехать из этого дома, потому что мне не хотелось опять прогонять Басту и Каприкорна с мечом в руках. Сажерук подтвердил мои опасения. Когда он пришёл, была глубокая ночь, но я всё равно не мог заснуть. — Мо погладил Мегги по волосам. — В ту пору ты тоже плохо спала. Тебе снились страшные сны, как я ни пытался прогнать их своими рассказами. Я собирал инструменты в своей мастерской, и тут послышался стук в дверь, тихий, почти украдкой. Сажерук так же внезапно появился из темноты, как четыре дня назад, когда он дождливой ночью постучался в нашу дверь… Неужели всего четыре дня прошло?.. Так вот, когда он снова появился в ту ночь, он выглядел так, словно очень долго ничего не ел, тощий, как бездомная кошка, с глазами, полными печали. «Перенеси меня назад, — лепетал он. — Верни меня, пожалуйста! Этот мир убьёт меня. Он слишком стремительный, перенаселённый и шумный. Если я

не умру с тоски, то умру с голоду. Я не знаю, чем заработать себе на пропитание. Я здесь совсем ничего не знаю. Я словно рыба без воды». Он никак не хотел поверить, что помочь ему не в моих силах. Он хотел посмотреть книгу, хотел попробовать сам, хотя едва умел читать, но я, конечно же, не мог её отдать. Ведь тогда бы я отдал ему последнее, что мне осталось от твоей мамы. К счастью, я хорошо спрятал книгу. Я разрешил Сажеруку переночевать на моём диване, а когда наутро вошёл к нему, он рылся на книжных полках. В последующие два года он появлялся снова и снова, следовал за нами, куда бы мы ни ехали, пока однажды мне это не надоело и мы с тобой не удрали от него под покровом туманной ночи. С тех пор я его больше не видел. И вот четыре дня назад он нашёл меня.

Мегги посмотрела на отца.

— Тебе его по-прежнему жалко, — сказала она. Мо долго молчал.

— Иногда, — сказал он наконец. Элинор презрительно фыркнула:

— Ты больший безумец, чем я думала. По вине этого ублюдка мы торчим в этой дыре, из-за него нам, может быть, глотки перережут, а тебе его, видите ли, жалко!

Мо пожал плечами и посмотрел на потолок, где вокруг голой лампочки кружились несколько мотыльков.

— Разумеется, Каприкорн пообещал ему, что вернёт его назад, — сказал он. — В отличие от меня, он понял, что за такое обещание Сажерук сделает для него всё. Вернуться в свою историю — единственное, чего он желает. Он даже не спрашивает, будет ли у истории счастливый конец!

— Ну, в реальной жизни то же самое, — с мрачной миной на лице буркнула Элинор. — Здесь тоже не знаешь, чем всё кончится. В нашем случае всё идёт к тому, что конец будет скверный.

Мегги сидела, обхватив колени руками, и рассматривала щели в грязных белых стенах. Она увидела перед собой букву К, на которой затаилась рогатая куница, и ей показалось, что из-за буквы выглядывает её мама. Мама, которую она знала только по выцветшей фотографии, лежавшей у отца под подушкой. Значит, она не бросила его… Как ей живётся в чуждом мире? Вспоминает ли она ещё свою дочь? Тоскует ли по миру, откуда она родом, так же, как Сажерук?

А тоскует ли Каприкорн? Чего он хочет от Мо? Чтобы отец своим чтением вернул его обратно? Что будет, если он поймёт, что Мо

совершенно не представляет, как это сделать? Мегги содрогнулась.

— Каприкорн дал мне понять, что у него есть другой мастер чтения вслух, — продолжал Мо, точно прочитав мысли Мегги. — Баста рассказывал мне о нём. Вероятно, затем, чтобы я осознал: вполне можно обойтись и без меня. Дескать, этот умелец уже смог вызволить из книги ещё каких-то полезных для Каприкорна помощников.

— Ах, вот как? А чего же он тогда от тебя добивается? — Элинор выпрямилась и, кряхтя, потёрла себе то место, на котором сидят. — Я вообще уже ничего не понимаю. Я только надеюсь, что всё это — лишь один из тех снов, после которых просыпаешься с болью в затылке и дурным привкусом во рту.

Мегги сомневалась, что Элинор в самом деле лелеяла такую надежду. Влажная солома вызывала вполне реальные ощущения, также как и холодная стена за спиной. Она вновь прильнула к плечу Мо и закрыла глаза. Она сожалела, что так и не прочла практически ни одной строки из «Чернильного сердца» и ничего не знала про историю, в которой потерялась её мама. Она знала только истории самого Мо. Все эти годы, что они жили одни, он рассказывал ей, почему мамы нет с ними, рассказывал о её приключениях в далёких странах, об ужасных врагах, не позволяющих ей вернуться, и о сундуке с сокровищами, который она собирает для Мегги, всё время подкладывая в него что-то новое, необычайно чудесное, в каждом заколдованном месте.

— Мо, — спросила она, — как ты думаешь, ей хорошо в этой книжке?

Мо долго медлил с ответом.

— Феи ей, конечно же, понравятся, — сказал он наконец, — хотя это капризные маленькие создания. А кобольдов, насколько я знаю твою маму, она будет поить молоком. Да, думаю, они ей тоже понравятся…

— А… что ей не понравится? — Мегги озабоченно посмотрела на него.

Мо колебался.

— Зло, — наконец сказал он. — В этой книге творится множество ужасных вещей, а она так и не узнала, что всё закончится более или менее хорошо. Ведь я не успел прочесть ей книгу до конца… Вот это ей не понравится.

— Наверняка не понравится, — сказала Элинор. — Но откуда ты знаешь, не изменилась ли вообще вся история? Ведь ты же вычитал из неё Каприкорна и его дружка с ножом. Теперь эта парочка измывается над нами.

— И тем не менее они продолжают жить в книге. Я читал её много раз с тех пор, как они из неё вышли, но там по-прежнему говорится обо всех: о Сажеруке, Каприкорне и Басте. Не значит ли это, что всё осталось, как было? Что Каприкорн ещё там, а здесь мы боремся всего лишь с его тенью.

— Для тени он внушает слишком много страха, — сказала Элинор.

— Это верно. — Мо тяжело вздохнул. — Может быть, там всё изменилось. Может быть, за напечатанной историей скрывается другая, намного более обширная, которая изменяется подобно тому, как изменяется наш мир? И буквы разглашают нам об этом ровно столько, сколько можно увидеть в замочную скважину. Может быть, они всего лишь крышка от сосуда, который содержит куда больше, чем мы в состоянии прочесть?

Элинор застонала.

— Боже мой, Мортимер, — сказала она. — Перестань, у меня голова болит.

— Поверь, у меня она тоже болела, когда я начал размышлять об этом, — ответил Мо.

После этого все трое какое-то время молчали, каждый погружённый в свои мысли.

Первой молчание нарушила Элинор, и поначалу казалось, что она говорит сама с собой.

— Господи, — пробормотала она, стягивая туфли со своих ног. — Подумать только, сколько раз я мечтала попасть в одну из моих любимых историй! Выходит, самое лучшее в книгах — это то, что их можно захлопнуть, как только ты этого захочешь.

Со стоном она пошевелила пальцами на ногах и принялась расхаживать по камере. Мегги чуть не прыснула от смеха. Очень смешно было видеть, как Элинор, пошатываясь, шагала на затёкших ногах от стены к двери и обратно, туда-сюда, как заводная игрушка.

— Элинор, ты совсем меня с ума сведёшь! Присядь! — сказал Мо.

— Не буду! — огрызнулась она. — Потому что я схожу с ума, когда сижу.

Мо скривил гримасу и обнял Мегги за плечи.

— Ладно, пусть её бегает, — шепнул он ей. — Когда она протопает километров десять, то свалится. Но тебе надо поспать. Я предоставлю тебе своё лежбище. Оно не так уж и плохо, как кажется на первый взгляд. Если ты крепко закроешь глаза, то можешь представить себе, что ты поросёнок Уилбур[2], который спокойно лежит себе в своём хлеву…

— Или Варт[3], который спит в траве вместе с дикими гусями. — Мегги невольно зевнула.

Сколько раз они с Мо уже играли в эту игру: «Какую книгу ты сейчас вспоминаешь? Ах, вот эту! О ней я уже давненько не думал!» Она устало вытянулась на колючей соломе.

Мо снял с себя свитер и укрыл им Мегги.

— Тем не менее тебе нужно одеяло, — сказал он. — Даже если ты поросёнок или гусь.

— Но ты замёрзнешь. — Ерунда.

— А где вы с Элинор будете спать?

Мегги опять не смогла сдержать зевоту. Только сейчас ей стало ясно, как она устала.

Элинор по-прежнему топала от стены к стене.

— Кто вообще сказал, что надо спать? — воскликнула она. — Мы, разумеется, будем бодрствовать.

— Ладно, — пробормотала Мегги и уткнула нос в свитер Мо.

«Он опять со мной, — подумала она, когда сон уже смыкал ей веки. — Всё остальное не важно». А потом она подумала: «Если бы мне удалось наконец почитать эту книгу!» Но «Чернильное сердце» осталось у Каприкорна, а о нём она думать не хотела, потому что иначе сон к ней никогда не придёт. Никогда…

Она не знала, сколько проспала. Может быть, она проснулась от холода в ногах или от колючей соломы. Но на её наручных часах было четыре. Ничто в помещении без окон не говорило о том, ночь на дворе или день, но Мегги не могла себе представить, будто ночь уже кончилась. Мо и Элинор сидели у двери усталые и озабоченные и разговаривали приглушёнными голосами.

— Да, они по-прежнему считают меня волшебником, — говорил Мо. — Они дали мне это смешное имя — Волшебный Язык. И Каприкорн твёрдо уверен в том, что я могу это сделать ещё раз в любой момент, с любой книгой.

— А ты можешь? — спросила Элинор. — Ты нам не всё рассказал, да?

Мо довольно долго не отвечал.

— Нет, — сказал он наконец. — Потому что я не хочу, чтобы Мегги считала меня кем-то вроде волшебника.

— Значит, уже не раз бывало, что ты… извлекал что-нибудь из книг?

Мо кивнул.

— Я всегда любил читать вслух, ещё мальчиком, и однажды, когда я читал своему другу «Тома Сойера», внезапно на ковре оказалась дохлая кошка, твёрдая, как доска. То, что одновременно пропало несколько мягких игрушек, я обнаружил значительно позже. По-моему, у нас обоих чуть сердце не остановилось. И тогда мы поклялись, что никогда никому не расскажем про кошку, и скрепили нашу клятву кровью, точно Том и Гек. После этого, конечно, я много раз тайком, без свидетелей, пробовал повторить этот опыт, но, похоже, он никогда не удавался по заказу. Казалось, вообще никаких закономерностей не было — ну разве что так случалось только с историями, которые мне действительно нравились. Конечно, я сохранил всё, что они мне дарили, кроме тошнотворного огурца из сказки о Добром великане[4]. Он попросту невыносимо вонял. Когда Мегги была ещё совсем маленькой, кое-что возникало из её книжек с картинками: пёрышко, крошечный башмачок… Мы складывали эти вещицы в сундук с книгами, но не говорили, откуда они взялись. Чего доброго, она бы никогда не взяла книгу в руки — от страха, что из неё выползет гигантская змея, у которой болят зубы, или ещё что-нибудь опасное… Но никогда, Элинор, никогда из книги не появлялись живые существа! Вплоть до той ночи.

Мо посмотрел на свои ладони, как будто увидел там все вещи, которые он своим голосом выманил из книг.

— Почему, если уж так случилось, не появился кто-нибудь симпатичный вроде… слона Бабара?[5] Мегги была бы в восторге.

«О да, я была бы рада», — подумала Мегги. Она вспомнила маленький башмачок и пёрышко. Оно было изумрудно-зелёное, как пёрышки из Полинезии, как у попугая доктора Дулиттла.

— Скажи спасибо и на этом, всё могло обернуться гораздо хуже.

Это было очень похоже на Элинор. Как будто не так уж и плохо сидеть взаперти в разрушенном доме, вдали от мира, в окружении людей в чёрных куртках, с лицами хищных птиц и с ножами за поясом. Но Элинор, очевидно, могла представить себе кое-что и похуже.

— А что, если бы Долговязый Джон Сильвер внезапно очутился в твоей комнате и замахнулся своим смертоносным деревянным костылём? — шептала она. — Я думаю, уж лучше этот Каприкорн… Знаешь что? Когда мы вернёмся домой… я хочу сказать, ко мне домой, я дам тебе какую-нибудь милую книжку, например «Винни-Пуха» или, скажем, «Там, где дикие живут»[6]. Против таких монстриков я, собственно говоря, ничего не имею. Я посажу тебя в своё самое удобное кресло, сварю тебе кофе, и ты будешь читать вслух… Договорились?

Мо тихо рассмеялся, и на какой-то миг его лицо просветлело.

— Нет, Элинор, не буду. Хотя это звучит весьма заманчиво. Но я поклялся больше никогда не читать вслух. Неизвестно, кто исчезнет в следующий раз, и может быть, даже в «Винни-Пухе» есть негодяй, которого мы не заметили. А что будет, если появится сам Пух? Что он будет здесь делать без своих друзей, вдали от родного леса? Его глупое сердце разобьётся, как оно разбилось у Сажерука.

— Ах, да брось ты! — Элинор нетерпеливо махнула рукой. — Сколько раз мне ещё повторять, что у этого подлеца нет сердца! Ну, ладно. Перейдём к следующему вопросу, ответ на который меня очень волнует. — Элинор заговорила ещё тише, и Мегги пришлось сильно напрячься, чтобы расслышать её. — Кем был Каприкорн в той книге? Вероятно, злодеем, пусть, но можно мне узнать о нём побольше?

Да, Мегги тоже хотела бы побольше узнать о Каприкорне, но у Мо вдруг пропало всякое желание рассказывать.

— Чем меньше вы про него узнаете, тем лучше, — сказал он только. И замолчал.

Элинор какое-то время ещё приставала к нему с расспросами, но Мо их словно не слышал. Похоже, ему совсем не хотелось говорить о Каприкорне. Мыслями он был где-то далеко. Мегги видела это по его

лицу. Порой Элинор начинала дремать, скорчившись на холодном полу, как будто хотела согреться собственным теплом. А Мо так и сидел, прислонившись спиной к стене.

Его лицо преследовало Мегги во сне, когда она вновь заснула. Он возник в её сновидении в образе тёмной луны. Он открывал рот, и оттуда выскакивали фигуры — толстые, тонкие, большие, маленькие… Длинной вереницей они уносились прочь. На носу луны, похожая скорее на тень, плясала фигурка женщины. И вдруг луна заулыбалась…

ПРЕДАТЕЛЬ, КОТОРОГО ПРЕДАЛИ

Какое-то особое наслаждение видеть, как огонь пожирает вещи, как они чернеют и меняются… и больше всего ему хочется сделать сейчас то, чем он так часто забавлялся в детстве, — сунуть в огонь прутик с леденцом, пока книги, как голуби, шелестя крыльями-страницами, умирают на крыльце и на лужайке перед домом; они взлетают в огненном вихре, и чёрный от копоти ветер уносит их прочь.

Р. Брэдбери. 451° Фаренгейту

(перевод Т. Шинкарь)

Незадолго до рассвета лампочка, тусклый свет которой помог им пережить эту ночь, стала гаснуть. Мо и Элинор спали прямо у запертой двери, но Мегги лежала в темноте с открытыми глазами и чувствовала, как из холодных стен выползал страх. Она прислушивалась к дыханию Элинор и своего отца и мечтала только о свече — и о книге, которая могла бы этот страх прогнать. Казалось, он витал повсюду — зловещее бестелесное существо, которое словно только и ждало момента, когда погаснет лампочка, и подкрадывалось во тьме, чтобы схватить её своими холодными лапами. Мегги села, вздохнула поглубже и на четвереньках поползла к Мо. Она свернулась калачиком у него под боком, как в раннем детстве, и ждала, когда же утренний свет просочится под дверь.

На рассвете появились двое молодцов Каприкорна. Мо как раз устало поднимался с пола, а Элинор, чертыхаясь, тёрла разболевшуюся спину, и тут они услышали шаги.

Басты среди вошедших не было. Один из мужчин, огромный, как шкаф, выглядел так, словно какой-то великан расплющил ему пальцем лицо. Второй, маленький и тощий, с козлиной бородёнкой на покатом подбородке, постоянно играл своим ружьём и смотрел на них волком, будто хотел застрелить всех троих на месте.

— А ну пошли! Вылезайте! — заорал он, и они, щурясь, выбрались на дневной свет.

Мегги не могла вспомнить наверняка, слышала ли она этот голос в библиотеке Элинор. Там было четверо людей Каприкорна.

Стояло прекрасное тёплое утро. Над деревней Каприкорна поднимался свод безоблачного голубого неба, и в кустах диких роз пели зяблики, как будто, кроме нескольких голодных кошек, ничего опасного на свете не было. Когда они вышли на улицу, Мо сразу взял Мегги за руку. Элинор сперва должна была надеть свои туфли. И когда козлобородый хотел грубо выволочь её наружу, поскольку это удалось ей не сразу, она оттолкнула его руки и обрушила на него поток ругательств. Двое мужчин только расхохотались, и тогда Элинор стиснула зубы и удостоила их угрюмым взглядом.

Молодцы Каприкорна явно торопились. Они повели их обратно, тем же путём, которым Баста прошлой ночью пригнал их сюда. Плосколицый шёл впереди, а козлобородый позади, с ружьём наперевес. При ходьбе он заметно прихрамывал, но время от времени подгонял пленников, точно хотел доказать, что всё равно ходит быстрее, чем они.

Даже днём деревня Каприкорна выглядела необычно заброшенной, и дело тут было не только в пустующих домах, казавшихся в лучах утреннего солнца ещё более унылыми. На улочках не было видно ни души, если не считать нескольких Чёрных Курток, как Мегги про себя прозвала вооружённых мужчин, да тощих парнишек, увязавшихся за ними, словно свора щенят. Дважды Мегги видела спешащих куда-то женщин. Детей, которые играли бы или бежали вслед за мамами, вообще не было видно — только кошки, чёрные, белые, ржаво-рыжие, пятнистые, полосатые, на тёплых мраморных карнизах, дверных порогах и скатах крыш. Между домами в деревне Каприкорна было тихо, всё, казалось, свершалось где-то втайне. Только люди с ружьями ни от кого не таились. Они слонялись без дела от дома к дому, пустословили и любовно поглаживали свои ружья. Перед домами не росли цветы, в отличие от приморских деревень, мимо которых проезжала Мегги. Крыши домов давно обрушились, а в пустых оконных проёмах цвёл кустарник. Некоторые кусты источали запах — такой пьянящий, что у Мегги закружилась голова.

Когда они добрались до площади перед церковью, Мегги решила, что двое мужчин вновь отведут их к дому Каприкорна, но они обогнули его справа и пошли прямиком к большому церковному порталу. Судя по всему, ветры и непогода долго грызли кирпичные стены колокольни. Под остроконечной крышей висел ржавый колокол, и в каком-то метре под ним из занесённого ветром семени росло тщедушное деревце, которое цеплялось ветвями за желтоватые камни.

На портале церкви были нарисованы глаза, узкие красные глаза, а по обе стороны от входа стояли уродливые каменные черти в рост человека и скалили зубы, точно кусачие собаки.

— Добро пожаловать в дом дьявола! Козлобородый глумливо поклонился, прежде чем открыть тяжёлую дверь.

— Брось, Кокерель! — прикрикнул на него плосколицый и трижды плюнул себе под ноги, на пыльную мостовую. — Такие шуточки приносят несчастье.

Но козлобородый только захохотал и погладил одного из каменных чертей по жирному брюху.

— Да что это с тобой, Плосконос? Ты становишься так же несносен, как Баста. Ещё немного — и ты повесишь себе на шею вонючую кроличью лапу.

— Я просто осторожен, — пробурчал Плосконос. — Я слыхал что-то в этом роде…

— Ну да, но кто сочиняет эти истории? Мы же и сочиняем! Дурак ты…

— Некоторые из них рассказывали и до нас.

— Что бы ни случилось, — шепнул Мо своим спутницам, пока конвойные препирались, — говорить буду я. Острый язык здесь может навлечь беду, поверьте мне. Баста быстро выхватит свой нож и пустит его в дело.

— Тут не только у Басты есть нож, Волшебный Язык! — сказал Кокерель и втолкнул Мо в тёмную церковь.

Мегги поспешила за ним.

В церкви было прохладно и сумрачно. Сквозь несколько окошек высоко под потолком проникал утренний свет и рисовал бледные пятна на стенах и колоннах. Когда-то они, наверное, были серыми, как каменные плиты на полу, но теперь все в церкви Каприкорна стало одного цвета. Стены, колонны, даже потолок — всё было красное,

цвета киновари, как сырое мясо или запёкшаяся кровь, и на мгновение Мегги показалось, что они попали в утробу какого-то чудовищного зверя.

В углу при входе стояла статуя ангела. Одно крыло у него отломилось, а на другое кто-то из людей Каприкорна повесил свою чёрную куртку. К голове ангела были приделаны чёртовы рога, вроде тех, какие дети привязывают к волосам, собираясь на карнавал; между ними всё ещё висел нимб святого. Наверное, когда-то этот ангел стоял на каменном постаменте перед первой колонной, но ему пришлось освободить место для другой статуи. Её тонкое скучающее лицо, бледное, как воск, смотрело сверху вниз на Мегги. Создатель этого изваяния не слишком хорошо владел ремеслом — лицо было раскрашено, как у пластмассовой куклы, с неправдоподобно красными губами и голубыми глазами, в которых не было ничего общего с кошмаром бесцветных глаз, какими пристально смотрел на мир настоящий Каприкорн. Но зато статуя была вдвое больше оригинала, и всякому, кто проходил мимо, пришлось бы запрокинуть голову, чтобы рассмотреть её лицо.

— Мо, разве так можно? — тихо спросила Мегги. — Выставлять в церкви самого себя?

— О, это очень древний обычай! — шепнула ей Элинор. — Статуи в церквах редко изображают святых. Ведь большинство святых не могли заплатить скульпторам. В одном соборе…

Кокерель так грубо толкнул её в спину, что она чуть не упала.

— Пошли! — зарычал он. — И в следующий раз извольте кланяться, когда будете проходить мимо него, понятно?

— Кланяться? — Элинор хотела остановиться, но Мо быстро увлёк её дальше.

— Но ведь этот балаган невозможно принимать всерьёз! — сердилась Элинор.

— Если ты сейчас же не уймёшься, — прошептал в ответ Мо, — тебе дадут почувствовать, насколько тут всё серьёзно.

Элинор посмотрела на шрам на его лбу и замолчала.

В церкви Каприкорна не было скамеек, какие Мегги видела в других церквах, — только два деревянных стола с лавками по обе стороны центрального нефа. На них стояли грязные тарелки, кружки с кофейной гущей, деревянные доски с остатками сыра и колбасы, ножи,

пустые хлебницы. Несколько женщин как раз убирали со столов, они едва взглянули, когда мимо проходили Кокерель и Плосконос с тремя пленниками, и тут же продолжили свою работу. Женщины показались Мегги похожими на птиц, вобравших головы в плечи от страха, что их отрубят.

Не было в церкви Каприкорна не только скамеек, но и алтаря. Можно было только догадываться, где он когда-то находился. Зато на вершине лестницы, которая раньше вела к алтарю, стояло кресло, громоздкое, обитое красной тканью, с пышными резными украшениями на ножках и подлокотниках. К нему вели четыре ступеньки. Мегги сама не знала, зачем посчитала их. Они были покрыты чёрным ковром, а на верхней ступени, всего в нескольких шагах от кресла, погружённый в свои мысли, сидел на корточках Сажерук с растрёпанными, по обыкновению, рыжими волосами, и по его вытянутой руке карабкался Гвин.

Когда Мегги, Мо и Элинор проходили по центральному нефу, он ненадолго поднял голову. Гвин залез ему на плечо и обнажил мелкие, острые, как осколки стекла, зубы, будто заметил, с каким отвращением Мегги смотрит на его хозяина. Теперь она всё знала: и почему Сажерук считал этот мир таким стремительным и шумным, и почему он ничего не понимал в автомобилях, и почему часто смотрел так, будто находился где-то совсем в другом месте. Но, в отличие от Мо, она не чувствовала к нему никакого сострадания. Его лицо, обезображенное шрамами, напоминало ей только о том, как он обманул её и завлёк в беду, точно Крысолов из сказки. Он играл с ней, как со своим огнём, как со своими разноцветными мячиками: «Пойдём, Мегги, сюда!.. Мегги, верь мне!.. Мегги…» Больше всего ей хотелось вспрыгнуть на ступеньки и двинуть ему кулаком в губы, в его лживые губы.

Судя по всему, Сажерук угадал эти мысли. Он избегал взглядов Мо и Элинор и сам не смотрел на них. Вместо этого он сунул руку в карман брюк и достал спичечный коробок. Рассеянно вынул спичку, зажёг её, задумчиво посмотрел на пламя и почти ласково потрогал его, опалив пальцы.

Мегги отвернулась. Она не желала его видеть, хотела забыть о его присутствии. Слева от неё, у подножия лестницы стояли две железные бочки, коричневые от ржавчины, а в них горками были сложены светлые, недавно наколотые щепки. И только Мегги спросила себя об

их предназначении, как в церкви вновь гулко загрохотали шаги. По центральному нефу шёл Баста с канистрой бензина в руках. Кокерель и Плосконос, ворча, посторонились, чтобы дать ему дорогу.

— Ага, Грязнорук опять играет со своим лучшим другом? — ухмыльнулся он, поднимаясь по пологим ступенькам.

Сажерук опустил спичку и поднялся.

— Вот тебе ещё одна игрушка. — Баста поставил канистру с бензином к его ногам. — Устрой-ка нам пожар. Ты ведь всегда его боялся, правда?

Баста выбил спички у него из рук.

— Эй, осторожно! — сказал Сажерук. — Это приносит несчастье. Разве ты не знаешь, как легко обидеть огонь?

В какой-то миг Мегги показалось, что Баста его сейчас ударит, и, видимо, это показалось не только ей. Все взгляды были обращены на этих двоих. Но, похоже, что-то хранило Сажерука. Возможно, и в самом деле огонь.

— Тебе повезло, что я только что почистил свой нож, — зашипел Баста. — Но ещё раз разинешь пасть — и я вырежу на твоей мерзкой роже новые изящные узоры. А из твоей куницы я велю сшить себе меховой воротник.

Гвин тихо и угрожающе тявкнул и пристроился на затылке хозяина. Сажерук нагнулся, поднял потухшую спичку и положил назад в коробок.

— Да, это тебе уж точно доставило бы наслаждение, — сказал он, по-прежнему не глядя на Басту. — Зачем мне устраивать пожар?

— Ни за чем. Устрой просто так. О том, что должно сгореть, мы позаботимся сами. Но раздуй огонь большой и ненасытный, а не такой ручной, как тот, с которым ты привык играть.

Сажерук высоко поднял канистру, медленно спустился по ступенькам и направился к ржавым бочкам.

Когда заскрипели тяжёлые деревянные двери, Мегги обернулась — между красными колоннами стоял Каприкорн. Бросив мимоходом взгляд на своё изваяние, он быстро зашагал по проходу. Каприкорн был в красном костюме, красном, как церковные стены, только рубашка и перо на лацкане пиджака были чёрными. Добрых полдюжины его молодцов следовали за ним, точно вороны за попугаем. Отзвук их шагов разносился, казалось, до самого потолка.

Мегги ухватилась за руку Мо.

— Ага, наши гости уже здесь, — сказал Каприкорн, остановившись перед ними. — Хорошо ли спалось, Волшебный Язык?

У него были на удивление мягко изогнутые губы, почти как у женщины. Когда он говорил, то проводил по ним мизинцем, будто хотел их подтянуть. Губы были такие же бесцветные, как и всё его лицо.

— Разве это не любезность с моей стороны — устроить свидание с твоей малышкой ещё прошлым вечером? Сперва я хотел показать её тебе сегодня, как сюрприз, но потом подумал: «Каприкорн, ты, вообще-то, должник этой девочки, раз она добровольно принесла тебе то, что ты так долго искал».

В руке он держал «Чернильное сердце». Мегги увидела, как взгляд Мо словно прилип к этой книге. Каприкорн был высок, но Мо — на несколько сантиметров выше. Очевидно, Каприкорну это не нравилось. Он стоял, вытянувшись в струнку, как будто таким образом мог свести на нет разницу в росте.

— Отпусти Элинор и мою дочь домой, — сказал Мо. — Пусть они уедут, и я прочту тебе всё, что ты хочешь. Но сначала отпусти их.

Что он говорит?! Мегги посмотрела на отца в замешательстве.

— Нет, Мо, я не хочу уезжать!

Но никто не обратил на неё внимания.

— Отпустить? — Каприкорн повернулся к своим людям. — Вы слышали? Почему это я должен делать такую глупость, раз они уже здесь?

Мужчины захохотали. А Каприкорн вновь обратился к Мо:

— Ты так же, как и я, отлично понимаешь: отныне ты будешь делать только то, что я от тебя потребую. Теперь, когда она здесь, ты наверняка не будешь упрямиться и не откажешься продемонстрировать своё искусство.

Мо сжал руку Мегги с такой силой, что ей стало больно.

— А что касается книги, — Каприкорн посмотрел на «Чернильное сердце» так неодобрительно, словно оно кусало его за пальцы, — этой чрезвычайно докучливой, дурацкой и многоречивой книжонки, то могу тебя заверить: впредь я не позволю впутать себя в подобную историю. Все эти ни на что не годные существа, эти порхающие и щебечущие феи… Всюду кишмя кишела живность, воняло дерьмом и шерстью, на

базарной площади под ногами путались кривоногие кобольды, а во время охоты великаны спугивали дичь топотом своих неуклюжих ног. Шепчущие деревья, говорящие пруды… Да там любой камешек был невероятно болтлив! И потом, эта непролазная грязь на дороге до ближайшего, с позволенья сказать, города… Разряженные спесивые мерзавцы князья в своих замках… вонючие крестьяне, такие бедные, что с них нечего было взять… бродяги и нищие, у которых из волос сыпались блохи и вши… Чего мне жалеть о них?

Каприкорн подал знак, и один из его молодцов принёс большую картонную коробку. По тому, как он её нёс, было видно, что коробка, должно быть, очень тяжёлая. Он поставил её на серые каменные плиты перед Каприкорном и облегчённо вздохнул. Каприкорн протянул книгу, которую Мо так долго скрывал от него, стоявшему рядом Кокерелю и открыл коробку. Она была до краёв набита книгами.

— Разыскать все экземпляры стоило воистину огромных усилий, — заявил Каприкорн, вынимая из коробки две книги. — Они по-разному выглядят, но по содержанию одинаковы. То, что история издана на нескольких языках, здорово осложнило нам поиски. В нашем мире это было бы намного проще, не правда ли, Сажерук?

Сажерук ничего не ответил. Он стоял с канистрой бензина в руках, уставившись на коробку. Каприкорн не спеша подошёл к нему и швырнул обе книги в одну из железных бочек.

— Что вы делаете? — Сажерук хотел достать книги, но Баста оттолкнул его.

— Они останутся там, где лежат, — сказал он. Сажерук отступил и спрятал было канистру за спиной, но Баста вырвал её у него из рук.

— Похоже, наш Огнежор сегодня хочет предоставить игры с огнём другим, — сказал он с издёвкой.

Сажерук бросил на него взгляд, полный ненависти. С неподвижным лицом он наблюдал, как люди Каприкорна бросали в бочки книгу за книгой. Более двадцати экземпляров «Чернильного сердца» уже лежало на заготовленных щепках — с растрёпанными страницами, с переплётами, похожими на сломанные крылья…

— Ты знаешь, что в нашем прежнем мире всякий раз приводило меня в бешенство? — спросил Каприкорн, принимая из рук Басты канистру с бензином. — Какого труда стоило добывать огонь! Для тебя-то, конечно, нет, ты умел даже разговаривать с ним. Наверное,

тебя научил этому один из кобольдов, но для нашего брата это было утомительным делом. Постоянно то древесина сырая, то ветер задувает камин… Я знаю, тебя гложет тоска по старым добрым временам, тебе не хватает всех твоих щебечущих, порхающих подружек, но я никогда и слезинки по ним не пролью. Этот мир устроен гораздо лучше, чем тот, которым нам приходилось довольствоваться долгие годы!

Сажерук словно не слышал ни единого слова из того, что говорил ему Каприкорн. Он как заворожённый смотрел на бензин, который лился на книги, источая зловоние. Страницы впитывали его с жадностью, будто приветствуя собственный конец.

— Откуда взялись все эти книги? — пролепетал он. — Ты же уверял меня, что остался всего один экземпляр, у Волшебного Языка…

— Да-да, что-то подобное я тебе рассказывал. — Каприкорн сунул руку в карман. — Ты такой легковерный, Сажерук! Обманывать тебя — одно удовольствие. Меня всегда поражала твоя доверчивость, хоть ты и сам умеешь врать весьма искусно. Но ты охотно веришь в то, во что хочешь верить, вот в чём дело. Ну, а теперь-то можешь не сомневаться: вот это… — он постучал пальцем по стопке книг, пропитанных бензином, — в самом деле последние экземпляры нашей чернильной родины. Басте и всем остальным потребовались годы, чтобы откопать их в замшелых публичных библиотеках и букинистических лавках.

Сажерук смотрел на книги, как умирающий от жажды на последний стакан воды.

— Ты всерьёз собрался их сжечь? — пробормотал он. — Ты ведь обещал, что перенесёшь меня назад, если я достану тебе книгу Волшебного Языка. За это я выдал тебе, где он скрывается, за это я привёл сюда его дочь…

Каприкорн только пожал плечами и взял книгу из рук Кокереля — ту самую, в матово-зелёном переплёте, которую Мегги и Элинор так услужливо ему доставили, из-за которой он велел привезти сюда Мо и ради которой Сажерук их всех предал.

— Я мог бы пообещать тебе и луну с неба, если бы это было мне выгодно, — сказал Каприкорн, со скучающей миной бросая «Чернильное сердце» в стопку его собратьев. — Я люблю давать обещания, особенно такие, которые не могу выполнить.

Затем он вынул из кармана зажигалку. Сажерук хотел броситься на Каприкорна и выбить книгу у него из рук, но тот подал знак Плосконосу.

Плосконос был такой большой и плечистый, что Сажерук смотрелся рядом с ним сущим ребёнком, и именно так он его и схватил — как непослушного ребёнка. Гвин с взъерошенной шерстью спрыгнул с плеча Сажерука, один из людей Каприкорна бросился за ним, когда тот прошмыгнул у него между ног, но куница увильнула и исчезла за красной колонной. Остальные мужчины хохотали над отчаянными попытками Сажерука вырваться из железных лап Плосконоса. Чернокурточнику доставляло большое удовольствие подводить Сажерука к книгам, облитым бензином, так близко, что он чуть не касался их пальцами.

От нескончаемых злодеяний Мегги стало дурно. Мо выступил вперёд, словно хотел прийти на помощь Сажеруку, но Баста преградил ему путь. Вдруг у него в руке мелькнул нож. Лезвие было узкое, блестящее и казалось ужасно острым, когда он приставил его к горлу Мо.

Элинор закричала и обрушила на Басту целый поток ругательств, каких Мегги ещё не слышала. Сама же она не могла тронуться с места. Она просто стояла и смотрела на лезвие возле голой шеи отца.

— Оставь одну для меня, Каприкорн! — воскликнул Мо, и только тут Мегги поняла, что он хотел помочь не Сажеруку — ему было важно спасти книгу. — Я обещаю тебе не произносить вслух ни одного предложения, где встречается твоё имя.

— Оставить книгу для тебя? Ты ума лишился? Если я кому и дал бы её, то тебе — последнему, — ответил Каприкорн. — А вдруг ты однажды не сможешь обуздать свой язык и я вновь окажусь в этой нелепой истории? Нет уж, спасибо.

— Брось! — сказал Мо. — Я не смог бы своим чтением отправить тебя обратно, даже если бы захотел, сколько раз тебе говорить! Спроси Сажерука, я ему это тысячу раз объяснял. Я сам не понимаю, когда и как это происходит, поверьте же мне наконец!

В ответ Каприкорн лишь усмехнулся:

— Мне очень жаль, Волшебный Язык, но я в принципе никому не верю, ты мог бы это давно себе уяснить. Мы все лжём, когда нам это выгодно.

И с этими словами он щёлкнул зажигалкой и поднёс её к одной из книг. От бензина страницы сделались почти прозрачными, похожими на пергамент и сразу же вспыхнули. Даже переплёт, прочный, обтянутый холстом, загорелся вмиг. Ткань почернела в языках пламени.

Когда в огонь упала третья книга, Сажерук так сильно пнул Плосконоса в коленную чашечку, что тот вскрикнул от боли и отпустил его. Проворный, как его куница, Сажерук выскользнул из могучих рук и кинулся к бочкам. Без колебаний он полез руками в пламя, но книга, которую он выхватил, уже полыхала, как факел. Сажерук бросил её на пол и вновь полез в огонь, на сей раз другой рукой, но тут Плосконос опять схватил его за шиворот и чуть не задушил в своих железных объятиях.

— Посмотрите на идиота! — куражился Баста, пока Сажерук с искажённым от боли лицом разглядывал свои пальцы. — Кто-нибудь может объяснить, о чём он так сожалеет? Может быть, о безобразных моховых старушках, которые были от него без ума, когда он жонглировал мячиками на базарной площади? Или о грязных дырах, где он ютился вместе с другими бродягами? Чёрт возьми, да там запах был хуже, чем в рюкзаке, в котором он таскает свою вонючую куницу!

Люди Каприкорна хохотали, в то время как книги распадались в прах. В пустой церкви всё сильнее воняло бензином, от едкого запаха Мегги закашлялась. Мо положил ей руку на плечи, как бы защищая, словно Баста угрожал не ему, а его дочери. Но кто мог защитить его самого?

Элинор испуганно смотрела на его шею, как будто нож Басты оставил на ней кровавый след.

— Эти парни совсем рехнулись, — прошептала она чуть слышно. — Ты ведь знаешь изречение: «Там, где сжигают книги, скоро будут гореть люди». Что, если мы будем на этом дощатом помосте следующими?

Баста резко обернулся, словно расслышал её слова. Он бросил на неё язвительный взгляд и поцеловал лезвие своего ножа. Элинор замолкла, точно язык проглотила.

Каприкорн достал из кармана брюк белоснежный платок и вытер себе руки так тщательно, словно хотел стереть со своих пальцев даже воспоминание о «Чернильном сердце».

— Ладно, с этим наконец-то покончено, — заключил он, бросив последний взгляд на дымящийся пепел. Потом с самодовольным лицом поднялся к креслу, занявшему место алтаря. Глубоко вздохнув, он опустился на красные подушки. — Сажерук, пусть в кухне Мортола полечит тебе руки, — приказал он скучающим тоном. — Без рук ты уж точно ни на что не годишься.

Сажерук долго смотрел на Мо, прежде чем последовал приказу. Нетвёрдым шагом, с опущенной головой он прошёл мимо людей Каприкорна. Путь к дверям казался бесконечно долгим. Когда Сажерук отворил их, на короткое мгновенье в церковь ворвался ослепительно яркий солнечный свет. Потом двери за ним закрылись, и Мегги, Мо и Элинор остались одни с Каприкорном и его людьми, с запахом бензина и горелой бумаги.

— А теперь поговорим о тебе, Волшебный Язык! — сказал Каприкорн и вытянул ноги, обутые в чёрные ботинки. Он удовлетворённо рассматривал сверкающую кожу и стряхнул с неё клочок обугленной бумаги. — Пока что я, Баста и этот горемыка Сажерук были единственным доказательством того, что ты умеешь выманивать из-под маленьких чёрных букв всякие чудеса. Ты сам вроде бы невысокого мнения о своём даре, если верить твоим словам, но я им, как уже сказано, не верю. Напротив, я думаю, что ты великий искусник, и жду не дождусь, когда ты наконец предоставишь новые подтверждения своего искусства. Кокерель! — Его голос звучал раздражённо. — Где Мастер Чтения? Разве я не сказал, чтобы ты привёл его сюда?

Кокерель нервно затеребил козлиную бородку.

— Он как раз занят подбором книг, — промямлил он. — Но сейчас я его приведу. — Торопливо поклонившись, он захромал прочь.

Каприкорн забарабанил костяшками пальцев по подлокотнику.

— Ты, конечно, слышал, что мне пришлось прибегнуть к услугам другого чтеца, пока ты с таким успехом от меня скрывался, — обратился он к Мо. — Я нашёл его пять лет назад, но он ужасный халтурщик. Достаточно посмотреть на лицо Плосконоса…

Плосконос смущённо опустил голову, когда все взгляды обратились в его сторону.

— Хромота Кокереля — тоже его рук дело. А видел бы ты девушек, которых он вычитал для нас! Такие и в страшном сне не

приснятся! Наконец, я велел ему читать вслух только для того, чтобы позабавиться его уродцами, а своих людей я подыскал в этом мире. Почти в каждой деревне есть одинокий мальчик, который любит играть с огнём… — Улыбаясь, он посмотрел на свои ногти, словно кот, проверяющий когти. — Я велел Мастеру Чтения подобрать для тебя подходящие книги. В книгах этот бедняга действительно толк знает, он живёт в них, словно один из тех бледных червей, что питаются бумагой.

— Ну что ж, и кого же я должен извлечь из твоих книг? Парочку чудовищ, парочку нелюдей наподобие вот этих? — Мо кивнул в сторону Басты.

— Ради Бога, не подавай ему такие идеи, — прошептала Элинор, озабоченно взглянув на Каприкорна.

Но тот лишь стряхнул остатки пепла с брюк и улыбнулся.

— Людей у меня достаточно, а что касается чудовищ, то ими мы займёмся, быть может, попозже. Пока же нам вполне хватает собак, которых выдрессировал Баста, и змей, которые водятся в этих местах. В качестве смертельных подарочков они превосходны. Нет, Волшебный Язык, всё, что я хочу сегодня предложить для пробы твоего искусства, — это золото. Я чертовски жаден до денег. Правда, мои люди прилагают большие усилия, чтобы выжать из этого местечка всё, что можно. — При этих словах Каприкорна Баста любовно погладил свой нож. — Но этого слишком мало, чтобы заполучить все чудесные вещи, которые можно купить в вашем бескрайнем мире. В этом мире столько страниц, бесконечно много страниц, и на каждой я намерен с великой радостью написать своё имя!

— А какими буквами ты собираешься писать? — спросил Мо. — Баста будет вырезать их на бумаге своим ножом?

— О, Баста писать не умеет, — невозмутимо ответил Каприкорн. — Никто из моих людей не умеет ни читать, ни писать. Я запретил им это. Только я выучился этому у одной из моих служанок. Будь уверен, я очень даже в состоянии тиснуть свою печать на этом мире. А если надо будет что-нибудь написать, то этим займётся мой Мастер Чтения.

Церковные двери отворились, будто Кокерель только и ждал этих слов. Человек, которого он привёл, втягивал голову в плечи и покорно следовал за Кокерелем, не глядя по сторонам. Он был маленький,

тощий и никак не старше Мо, но горбился, как старичок, и болтал на ходу руками и ногами, словно не знал, что с ними делать. Он был в очках, которые всё время нервно поправлял на ходу, оправа на переносице была обмотана клейкой лентой — видимо, она уже не раз ломалась. Левой рукой он прижимал к груди стопку книг так крепко, будто те хранили его от взглядов, устремлённых на него со всех сторон, и от зловещего места, куда его привели насильно.

Когда оба наконец поравнялись с подножием лестницы, Кокерель толкнул своего спутника локтем в бок, и тот поклонился с такой поспешностью, что две книги выпали из его рук на пол. Он торопливо поднял их и вновь склонился перед Каприкорном.

— Мы уже ждём тебя, Дариус! — сказал Каприкорн. — Надеюсь, ты нашёл то, что я тебе поручил.

— О да, да, — промямлил Дариус, чуть ли не с благоговением глядя на Мо. — Это он?

— Да. Покажи ему книги, которые ты выбрал.

Дариус кивнул и снова отвесил поклон, на этот раз в адрес Мо.

— Всё это — истории, в которых упоминаются большие сокровища, — залепетал он. — Найти их было сложнее, чем я думал. В конце концов… — В его голосе послышался лёгкий, едва уловимый упрёк. — В конце концов, в этой деревне не так много книг. И сколько я ни прошу, новых мне не приносят, а если и приносят, то всякую макулатуру. Я думаю, ты всё же будешь доволен моим выбором.

Он встал перед Мо на колени и стал раскладывать на каменных плитах свои книги в ряд, чтобы Мо смог прочесть все названия.

От первого же у Мегги сжалось сердце. «Остров Сокровищ». «Только не это! — подумала она. — Не надо, Мо». Но Мо уже держал в руке следующую книгу: «Сказки тысячи и одной ночи».

— Я думаю, это то, что надо, — сказал он. — Там обязательно будет много золота. Но ещё раз говорю тебе: я не знаю, что из этого выйдет. Ничего не получается тогда, когда я этого хочу. Я знаю, вы все считаете меня волшебником, но я не волшебник. Волшебство заключено в книгах, и о его механизме я знаю не больше тебя или твоих людей.

Каприкорн откинулся в кресле и выразительно посмотрел на Мо.

— Сколько раз ты будешь мне это рассказывать, Волшебный Язык? — сказал он с тоской в голосе. — Ты можешь повторять это

сколько угодно, я всё равно не поверю. В мире, двери которого мы сегодня окончательно закрыли, я порой имел дело с волшебниками и с колдуньями, и частенько мне приходилось воевать с их упрямством. Баста уже вполне наглядно показал тебе, как мы обычно поступаем с упрямцами. Но в твоём случае такие болезненные методы наверняка не понадобятся, тем более сейчас, когда твоя дочь здесь. — Тут Каприкорн мельком взглянул на Басту.

Мо хотел удержать Мегги, но Баста оказался расторопнее. Он потянул её к себе и схватил сзади за шею.

— С сегодняшнего дня, Волшебный Язык, — продолжал Каприкорн, и его голос по-прежнему звучал так безучастно, будто он говорил о погоде, — Баста будет персональной тенью твоей дочери. Это надёжно убережёт её от змей и кусачих собак, но никак не от Басты, который будет с ней любезен ровно столько, сколько я его об этом попрошу. А это, в свою очередь, зависит от того, насколько я буду доволен твоими услугами. Я понятно выразился?

Мо посмотрел сначала на него, потом на Мегги. Она очень старалась глядеть бесстрашно, чтобы убедить Мо, что ему не о чём тревожиться, ведь лгать-то она умела гораздо лучше, чем он. Но на этот раз он не поверил её лжи. Он знал, что её страх ничуть не меньше того, который она прочла в его глазах.

«Может быть, всё, что здесь происходит, — тоже лишь книжная история? — в отчаянии подумала Мегги. — И сейчас кто-нибудь закроет книгу, потому что она показалась ему слишком страшной и отвратительной, и мы с Мо опять окажемся у себя дома, и я сварю ему кофе». Она изо всех сил зажмурилась, как будто таким способом можно сделать мысль реальностью, но, когда она разомкнула веки, Баста по-прежнему стоял рядом с ней, а Плосконос потирал свой вдавленный нос и глядел на Каприкорна глазами преданной собаки.

— Ладно, — устало сказал Мо в наступившей тишине. — Я буду читать вслух. Но Мегги и Элинор при этом присутствовать не будут.

Мегги точно знала, о чём он только что подумал. О её матери, и о том, кто может исчезнуть на этот раз.

— Чушь! Разумеется, они останутся здесь. — Голос Каприкорна звучал уже не так сдержанно. — И ты начнёшь сейчас же, прежде чем книга в твоих руках рассыплется в прах.

Мо на мгновение закрыл глаза.

— Хорошо, только пусть Баста уберёт свой нож, — сказал он хрипло. — Если он хоть пальцем тронет Мегги или Элинор, то я своим чтением напущу на тебя и на твоих людей чуму!

Кокерель испуганно посмотрел на Мо, и даже по лицу Басты пробежала тень, но Каприкорн только усмехнулся.

— Позволь напомнить тебе, Волшебный Язык, что это заразная болезнь, — сказал он. — И маленьких девочек она тоже не щадит. Так что оставь пустые угрозы и приступай к чтению. Сию минуту. Не сходя с места. И для начала я хочу послушать что-нибудь вот из этой книги.

Он указал на книгу, которую Мо минутой ранее отложил в сторону: «Остров Сокровищ».

ВОЛШЕБНЫЙ ЯЗЫК

Сквайр Трелони, доктор Ливси и другие джентльмены попросили меня написать всё, что я знаю об Острове Сокровищ. Им хочется, чтобы я рассказал всю историю с самого начала до конца, не скрывая никаких подробностей, кроме географического положения острова. Указывать, где лежит этот остров, в настоящее время ещё невозможно, так как и теперь там хранятся сокровища, которых мы не вывезли. И вот в нынешнем, 17.. году я берусь за перо и мысленно возвращаюсь к тому времени, когда у моего отца был трактир «Адмирал Бенбоу», и в этом трактире поселился старый загорелый моряк с сабельным шрамом на щеке.

Р. Л. Стивенсон. Остров Сокровищ

(переводы Чуковского)

Так уж получилось, что в этой церкви Мегги впервые за девять лет услышала, как её отец читает вслух. И даже много лет спустя, едва лишь она раскрывала одну из книг, отрывки из которых он зачитывал в то утро, как ей в нос ударял запах горелой бумаги.

В церкви Каприкорна было прохладно (об этом Мегги тоже вспомнила гораздо позже), хотя, когда Мо начал читать, солнце, наверное, уже взошло высоко и жарко припекало. Скрестив ноги, он уселся прямо там, где стоял, с книгой на коленях и в окружении других книг. И не успел Баста опомниться, как Мегги устроилась на полу рядом с отцом.

— Все на лестницу! — приказал Каприкорн своим людям. — Плосконос! Женщину — туда же. Только Басте оставаться на месте.

Элинор упиралась, но Плосконос без лишних слов схватил её за волосы и потащил, куда сказано. Люди Каприкорна один за другим

расселись на ступеньках, у ног своего повелителя. Элинор сидела между ними, как нахохленный голубь среди стаи хищных воронов.

Кроме неё, таким же потерянным выглядел ещё один человек — тщедушный Мастер Чтения, который занял место в самом конце чёрной шеренги и непрерывно поправлял очки.

Мо раскрыл на коленях книгу и, нахмурившись, принялся её листать, словно искал между страниц золото, которого требовал Каприкорн.

— Кокерель, ты отрежешь язык всякому, кто издаст хотя бы звук, пока Волшебный Язык читает! — сказал Каприкорн.

И Кокерель вытащил из-за пояса нож и окинул взглядом сидящих в ряд людей в чёрном, словно уже выискивал первую жертву. Мёртвая тишина воцарилась в церкви, выкрашенной изнутри в красный цвет. Стало так тихо, что Мегги, казалось, слышала дыхание Басты за своей спиной. Но, возможно, это было дыхание страха.

Люди Каприкорна, судя по их лицам, чувствовали себя тоже довольно неважно. Они таращились на Мо со смесью неприязни и ужаса. А вдруг кто-то из них вот-вот затеряется в книге, которую Мо так нерешительно листал? Говорил ли им Каприкорн, что такое может случиться? А что, если произойдёт то, чего боялся Мо, и исчезнет она сама? Или Элинор?

— Мегги! — прошептал Мо, будто прочитав её мысли. — Держись за меня покрепче, ладно?

Мегги кивнула и одной рукой вцепилась в его свитер. Но поможет ли это?

— Кажется, я нашёл подходящее место, — нарушил тишину Мо.

Он последний раз взглянул на Каприкорна, ещё раз посмотрел на Элинор, откашлялся — и начал.

Всё исчезло: красные стены церкви, лица молодцов Каприкорна и сам Каприкорн в своём кресле. Остался только голос Мо и картины, которые сплетались из слов, как ковёр на ткацком станке. Если бы Мегги могла ещё больше возненавидеть Каприкорна, то она бы сейчас это сделала. Ведь это он виноват, что Мо за все эти годы ни разу не читал ей вслух. Чего только он не мог бы наколдовать для её комнаты своим голосом, придававшим неповторимый вкус каждому слову, а каждому предложению — особую мелодию! Даже Кокерель позабыл

свой нож и языки, которые должен был резать, и внимательно слушал с отсутствующим взглядом. Плосконос с таким восторгом глядел в пространство, будто пиратский корабль с надутыми парусами прямым ходом вплывал в церковное окно. Все молчали.

Не было слышно ни звука, кроме голоса Мо, который пробуждал к жизни буквы и слова.

Только один человек казался невосприимчивым к волшебству. Лицо Каприкорна ничего не выражало, он уставился блёклыми глазами на Мо и ждал, когда же среди сладкозвучия слов раздастся звон монет, стук сундуков из сырого дерева, тяжёлых от золота и серебра.

Мо не заставил его долго ждать. Когда он читал, какое зрелище после череды ужасных приключений предстало в тёмной пещере Джиму Хокинсу, мальчику не намного старше Мегги, это случилось:

«Английские, французские, испанские, португальские монеты, гинеи и луидоры, дублоны и двойные гинеи, муадоры и цехины, монеты с изображениями всех европейских королей за последние сто лет, странные восточные монеты, на которых изображён не то пучок верёвок, не то клок паутины, круглые монеты, квадратные монеты, монеты с дыркой посередине, чтобы их можно было носить на шее, — в этой коллекции были собраны деньги всего мира. Их было больше, чем осенних листьев. От возни с ними у меня ныла спина и болели пальцы»[7].

Служанки ещё сметали со столов последние крошки, как по полированному дереву вдруг покатились монеты. Женщины, спотыкаясь, бросились вон, опрокидывая столы, зажимая себе рот руками, а монеты всё падали к их ногам. Золотые, серебряные, медные, они звякали о каменный пол, собирались под лавками, их кучи становились всё выше и выше. Некоторые докатывались до ступеней лестницы. Молодцы Каприкорна вскакивали, нагибались за сверкающими монетами, которые ударялись об их сапоги, и тут же вновь отдёргивали руки. Никто не осмеливался коснуться заколдованных денег. Ибо каким ещё могло быть золото из бумаги, типографской краски и звука человеческого голоса?

Когда золотой дождь прекратился — в тот самый момент, когда Мо захлопнул книгу, — Мегги увидела, что ко всему этому сверканию и блеску подметалось немного песка. В нём копошилось несколько голубовато мерцающих жуков, желавших поскорее уползти подальше,

а из груды мелких монеток вдруг высунулась головка изумрудно-зелёной ящерки.

Неподвижными глазами она огляделась вокруг. Перед её угловатой пастью танцевал язычок. Баста бросил в неё ножом, словно вместе с ящеркой хотел наколоть на него ужас, охвативший всех, но Мегги окликнула её, и ящерка ускользнула так проворно, что лезвие лишь ударилось острым носом о каменные плиты. Баста подскочил ближе, поднял нож и нацелил его грозное остриё на Мегги.

Но тут со своего кресла поднялся Каприкорн, лицо которого по-прежнему ничего не выражало, словно не произошло ничего, достойного бурного проявления чувств, и снисходительно похлопал в украшенные кольцами ладоши.

— Для начала неплохо, Волшебный Язык! — сказал он. — Смотри-ка, Дариус. Вот так выглядит золото, а вовсе не как ржавый, гнутый металлолом, которого своим чтением добился ты. А теперь ты услышал, как это делается. Надеюсь, ты кое-чему научился — на случай, если твои услуги мне ещё когда-нибудь понадобятся.

Дариус ничего не ответил. Он не сводил с Мо восхищённых глаз, и Мегги не удивилась бы, если бы он сейчас бросился к его ногам. Когда Мо поднялся с пола, он робко приблизился к нему.

Подручные Каприкорна всё ещё стояли как вкопанные и таращились на золото, словно не зная, что с ним произойдёт дальше.

— Что стоите, как коровы на пастбище? — крикнул им Каприкорн. — Подбирайте золото!

— Это было чудесно! — шёпотом сказал Дариус Мо, когда люди Каприкорна, пересиливая себя, начали сгребать монеты в мешки и сундуки. Его глаза за толстыми стёклами блестели, как у ребёнка, получившего наконец долгожданный подарок. — Я уже много раз читал эту книгу, — дрожащим голосом сказал он. — Но никогда ещё не видел всё так отчётливо, как сегодня. И не только видел… я даже чувствовал запах… запах соли и дёгтя и тлетворный дух над проклятым островом…

— «Остров Сокровищ»! Господи, я от страха чуть в штаны не наложила!

Из-за спины Дариуса показалась Элинор и бесцеремонно отодвинула его в сторону. Очевидно, Плосконос забыл про неё.

— «Сейчас он будет здесь, — всё время думала я. — Сейчас здесь появится старый Сильвер и заедет нам своим костылём по шее».

Мо только кивал, но Мегги прочла на его лице облегчение.

— Вот, возьмите, — сказал он Дариусу и сунул ему книгу в руки. — Надеюсь, мне больше не придётся читать из неё. Удачу нельзя призывать слишком часто.

— Ты каждый раз не совсем правильно произносил его имя, — шепнула Мегги.

Мо ласково погладил её по носу.

— Ага, ты заметила! — так же шёпотом ответил он. — Действительно, я думал: может быть, это поможет? Вдруг в таком случае безжалостный старый пират не почувствует, что обращаются именно к нему, и останется на своём месте… Что ты на меня так смотришь?

— А как ты думаешь? — ответила Элинор вместо Мегги. — Почему это вдруг она с таким восторгом смотрит на своего отца? Да потому, что такого чтения ещё никто никогда не слышал — даже если бы и не посыпались эти монеты… Я всё видела своими глазами: и море, и остров, словно могла это всё потрогать, и то же самое творилось с твоей дочерью.

Мо невольно улыбнулся. Он наподдал носком ботинка несколько монет, лежащих на полу. Какой-то чернокурточник поднял их и украдкой запихал себе в карман. При этом он с беспокойством посмотрел на Мо, словно боялся, что тот одним щелчком языка превратит его в лягушку или в жука — вроде того, который всё ещё барахтался в груде золота.

Казалось, только Каприкорна всё произошедшее по-прежнему оставляло равнодушным. Сложив руки на груди, он наблюдал, как его люди подбирают последние монеты.

— Долго ещё вы будете возиться? — крикнул он наконец. — Мелочь пускай себе валяется, а вы опять сядьте. А ты, Волшебный Язык, бери следующую книгу!

— Следующую?! — Голос Элинор чуть не сорвался от возмущения. — Как это понимать? Золота, которое сгребли ваши люди, хватит по меньшей мере на две жизни. Мы сейчас же едем домой!

Она хотела повернуться к выходу, но тут про неё вспомнил Плосконос. Он грубо сцапал её за руку.

Мо поднял глаза на Каприкорна.

Но Баста, зловеще ухмыляясь, положил руку на плечо Мегги.

— Давай-давай, Волшебный Язык! — сказал он. — Ты ведь слышал, что тебе сказано. Осталась ещё целая куча книг.

Мо долго смотрел на Мегги, прежде чем нагнулся и поднял книгу, которую недавно уже держал в руках: «Сказки тысячи и одной ночи».

— Это бескрайняя книга, — пробормотал он, открывая её. — Ты знаешь, Мегги, арабы говорят, что ещё никому не удавалось дочитать её до конца.

Мегги покачала головой и снова села рядом с ним на холодные плиты. Баста предоставил ей свободу действий, но встал вплотную за её спиной. Мегги мало что знала про «Тысячу и одну ночь». Только то, что эта книга состоит из нескольких томов. Экземпляр, который Дариус передал Мо, очевидно, лишь небольшая выборка из неё. Вошли ли туда «Али-Баба и сорок разбойников» и Аладдин со своей лампой? Что будет читать Мо?

На этот раз Мегги прочла на лицах людей Каприкорна два противоречивых чувства: страх перед тем, что Мо вызовет к жизни, и одновременно почти томительное желание, чтобы его голос унёс их отсюда как можно дальше, в такое место, где можно всё позабыть, даже самих себя.

Теперь, когда Мо начал читать, запахло уже не морской солью и ромом. В церкви Каприкорна стало жарко. Мегги почувствовала резь в глазах, и, когда она их потёрла, на костяшках её пальцев остался прилипший песок. Снова люди Каприкорна слушали голос Мо, затаив дыхание, будто окаменев. И снова Каприкорн был единственным, кто словно вовсе не чувствовал волшебства. Только по его глазам можно было догадаться, что и он захвачен чтением. Глаза неотрывно смотрели на Мо, точно змеиные; красный костюм делал их ещё бесцветнее. Каприкорн весь напрягся, как собака, почуявшая добычу.

Но на этот раз Мо разочаровал его. Слова не даровали ему ни сундуков с сокровищами, ни жемчугов, ни сабель, украшенных драгоценными камнями, которые голос Мо заставлял сверкать и переливаться так, что людям Каприкорна казалось, будто их можно

собирать прямо в воздухе. Нечто иное соскользнуло со страниц — некто живой, из плоти и крови.

Вдруг между железными бочками, в которых Каприкорн повелел сжечь книги и которые всё ещё дымились, возник мальчик. Никто, кроме Мегги, не обратил на него внимания. Все остальные с головой окунулись в сказку. Даже Мо не заметил его — так далеко он пребывал, где-то среди песков и самума, пока его глаза на ощупь пробирались сквозь переплетения букв.

Мальчик был, наверное, на три или четыре года старше Мегги. Тюрбан на его голове был грязный, глаза на смуглом лице — тёмные от страха. Он тёр их ладонью, словно хотел смахнуть необычное видение. Мальчик озирался в пустой церкви — вероятно, никогда не видел ничего подобного. Да и где бы он мог видеть? В его истории, конечно же, не было ни церквей с остроконечными шпилями, ни зелёных холмов, которые ожидали его за церковными стенами. Его одежда доходила до загорелых босых ступнёй и отливала голубым, как кусочек неба в сумрачной церкви.

«Что будет, когда они его увидят? — подумала Мегги. — Ведь отнюдь не его хотел лицезреть Каприкорн».

Но Каприкорн уже сам заметил мальчика.

— Стой! — крикнул он так резко, что Мо прервался на полуслове и поднял голову.

Внезапно против своей воли люди Каприкорна возвратились к реальности. Кокерель первым вскочил на ноги.

— Эй, откуда ты взялся? — зарычал он.

Мальчик с неподвижным от страха лицом наклонил голову, огляделся и пустился наутёк, петляя, как заяц. Но далеко он не ушёл — сразу трое мужчин бросились за ним и догнали его у подножия статуи Каприкорна.

Мо положил книгу возле себя на пол и в отчаянии закрыл лицо руками.

— Ой! Фульвио исчез! — крикнул кто-то из людей Каприкорна. — Точно в воздухе растворился!

Все посмотрели на Мо. Снова на их лицах был написан страх, но на этот раз смешанный не с восхищением, а с яростью.

— Ну-ка убери этого парня! — сердито приказал Каприкорн. — С меня уже довольно подобных шуток. И верни мне Фульвио!

Мо отнял руки от лица и встал.

— В стотысячный раз повторяю: я никого не могу вернуть! — воскликнул он. — И если ты мне не веришь, то это не значит, что я лгу! Это не в моих силах. Мне не дано решать, ни кто появится, ни кто исчезнет!

Мегги ухватилась за его руку. Несколько молодцов Каприкорна подошли ближе, двое по-прежнему крепко держали мальчика. Они тянули его за руки, словно хотели разорвать пополам. Мальчик таращился на незнакомые лица широко распахнутыми от страха глазами.

— Все по местам! — крикнул Каприкорн рассерженным мужчинам. (Несколько человек были уже в опасной близости от Мо.) — Что переполошились? Вы разве забыли, как глупо повёл себя Фульвио, выполняя мой последний приказ? Из-за него нам полиция чуть на хвост не села. Так что Волшебный Язык выбрал того, кого надо. Да и кто знает, может быть, в этом парне погибал талантливый поджигатель! И всё-таки я хочу видеть жемчуг, золото, драгоценные камни… Как-никак вокруг них вертится вся история, так подавай их сюда!

Среди его людей поднялся беспокойный ропот. Тем не менее большинство всё же вернулись на лестницу и вновь уселись на стёртые ступени. Только трое всё ещё стояли перед Мо и с ненавистью смотрели на него. Одним из них был Баста.

— Ну ладно! Можно обойтись и без Фульвио! — воскликнул он, не спуская глаз с Мо. — Но кто будет следующим? Кого ещё этот чёртов ведьмак вздумает растворить в воздухе? Я не желаю оказаться в треклятой пустыне и разгуливать в тюрбане до конца своих дней!

Чернокурточники, стоявшие рядом с ним, закивали в знак согласия и посмотрели на Мо так мрачно, что у Мегги чуть не остановилось дыхание.

— Я повторяю ещё раз, Баста. — Голос Каприкорна был угрожающе спокоен. — Пусть он читает дальше! А если у кого-то из вас от этого поджилки трясутся, пусть он лучше выйдет отсюда и поможет женщинам стирать бельё.

Некоторые с тоской посмотрели на двери, но никто не решился уйти. Наконец двое, стоявшие рядом с Бастой, молча присоединились к остальным.

— За Фульвио ты мне ещё ответишь! — тихо прорычал Баста в лицо Мо и опять встал за спиной Мегги.

Ну почему не он растворился в воздухе? Мальчик по-прежнему не издавал ни звука.

— Посадите парня под замок, мы потом разберёмся, сможет ли он нам пригодиться, — приказал Каприкорн.

Мальчик, точно поражённый молнией, даже не сопротивлялся, когда Плосконос потащил его к двери. Он послушно ковылял за ним, как будто ожидая, что вот-вот проснётся. Когда же он поймёт, что у этого сновидения не будет конца?

Дверь за обоими закрылась, и Каприкорн вновь опустился в кресло.

— Читай дальше, Волшебный Язык, — сказал он. — День ещё долгий.

Но Мо посмотрел на книги у своих ног и отрицательно покачал головой.

— Нет! — сказал он. — Ты видел, это произошло вновь. Я устал. Довольствуйся тем, что я доставил тебе с Острова Сокровищ. Эти монеты — целое состояние. Я хочу домой… и никогда больше не видеть твоё лицо.

Его голос осип, словно он прочитал чересчур много нелёгких слов.

Каприкорн какое-то время пренебрежительно смотрел на него. Затем он перевёл взгляд на мешки и сундуки, которые его люди наполнили монетами, будто подсчитывая в уме, как долго их содержимое сможет услаждать его.

— Ты прав, — сказал он наконец. — Мы продолжим завтра. А то, чего доброго, дальше явится какой-нибудь вонючий верблюд или ещё один мальчишка, отощавший от голода.

— Завтра? — Мо сделал шаг в его сторону. — Как это понимать? Будь доволен тем, что есть. Один из твоих молодцев уже исчез. Ты хочешь быть следующим?

— Я согласен рискнуть, — хладнокровно ответил Каприкорн.

Когда он поднялся с кресла и медленно стал спускаться по алтарным ступеням, его молодцы вскочили на ноги. Они стояли, как школьники (хотя некоторые были выше Каприкорна ростом), заложив руки за спину, словно боялись, что сейчас он будет проверять чистоту

их ногтей. Мегги невольно вспомнила слова Басты, как молод он был, когда примкнул к Каприкорну. И она спросила себя: от чего эти взрослые мужчины опустили глаза — от страха или от восхищения?

Каприкорн остановился перед одним из туго набитых мешков.

— Не сомневайся, у меня насчёт тебя ещё много планов, Волшебный Язык, — сказал он, запуская руку в мешок и просеивая монеты сквозь пальцы. — Сегодня была всего лишь проверка. В конце концов, нужно же мне было собственными глазами и ушами убедиться в твоём даре, так ведь? Я в самом деле смогу найти всему этому золоту хорошее применение, но завтра ты добудешь мне из книг кое-что другое.

Он медленно подошёл к коробкам, в которых когда-то лежали книги, ныне превращённые в пепел и горстку горелой бумаги, и пошарил в них руками.

— Сюрприз! — объявил он и с улыбкой поднял над головой одну книгу.

Она выглядела совсем иначе, чем та, которую ему привезли Мегги и Элинор. Книга была в бумажной разноцветной суперобложке, с картинкой, которую Мегги издали не разглядела.

— Да, одна у меня ещё осталась! — подтвердил Каприкорн, довольно глядя в растерянные лица. — Мой, и только мой, персональный экземпляр, можно сказать. И завтра ты, Волшебный Язык, будешь читать мне вслух эту книгу. Как я уже сказал, мне чрезвычайно нравится этот мир, но мне не хватает одного товарища прежних дней, о котором здесь говорится. Твоему заместителю я никогда не позволил бы испробовать на нём своё искусство. Я опасаюсь, как бы он не перенёс сюда моего друга безголовым или одноногим, но теперь со мной ты, великий чтец.

Мо смотрел на книгу в руках Каприкорна, всё ещё не веря своим глазам, словно боялся, что она вот-вот растворится в воздухе.

— Отдохни, Волшебный Язык, — сказал Каприкорн. — Побереги свой драгоценный голос. У тебя будет время отдохнуть, потому что я должен отлучиться, а вернусь только завтра днём… Отведите всех троих к ним на квартиру! — приказал он своим людям. — Дайте им хорошо поесть и несколько одеял на ночь. Ах, да, и пусть Мортола принесёт им чай, этот напиток творит чудеса, если голос устал и

охрип. Ведь ты всегда молился на чай с мёдом, Дариус? — Он вопросительно повернул голову в сторону Мастера Чтения.

Тот только кивнул и сочувственно поглядел на Мо.

— На квартиру?.. Вы имеете в виду застенок, куда прошлой ночью нас засунул этот ваш дружок с ножом? — Лицо Элинор покрылось красными пятнами (Мегги не могла понять, от ужаса или от возмущения.) — То, что вы здесь творите, — это незаконное лишение свободы! Нет, хуже — похищение людей! Да, похищение людей! Вы знаете, сколько лет тюрьмы полагается за это?

— Похищение людей! — Баста словно наслаждался вкусом этих слов. — Хорошо звучит. В самом деле.

Каприкорн только улыбнулся и так посмотрел на Элинор, как будто видел её впервые.

— Баста! — сказал он. — Эта дама может быть нам полезна?

— Понятия не имею.

Баста ухмыльнулся — ни дать ни взять мальчик, которому только что разрешили сломать игрушку.

Элинор побледнела и попятилась, но Кокерель встал у неё на пути и сгрёб её в охапку.

— Что мы обычно делаем с бесполезными вещами, Баста? — тихо спросил Каприкорн.

Баста по-прежнему ухмылялся.

— Прекрати! — гневно крикнул Мо Каприкорну. — Прекрати, или я больше ни слова не прочту!

Каприкорн со скучающей миной повернулся к нему спиной. Баста всё ухмылялся.

Мегги увидела, как Элинор зажала ладонью дрожащие губы. Она тут же встала рядом с ней.

— Моя тётя очень даже может принести вам пользу! Никто лучше неё не разбирается в книгах! — сказала она, сжимая руку Элинор.

Каприкорн обернулся. От его взгляда Мегги содрогнулась, будто кто-то провёл по её спине холодными пальцами. Ресницы у него были белёсые, как паутинки.

— Элинор наверняка знает больше историй про сокровища, чем этот твой тощий Мастер Чтения! — промямлила она. — Это чистая правда!

Элинор сжала пальцы Мегги так крепко, что чуть не раздавила их. Тётушкины пальцы были мокрыми от пота.

— Да, так и есть! — сказала Элинор осипшим голосом. — Я обязательно припомню ещё несколько!

— Так-так. — Каприкорн скривил красивые губы. — Что ж, посмотрим.

Затем он подал знак своим молодцам, и они тычками погнали Элинор, Мегги и Мо перед собой — мимо столов, мимо статуи Каприкорна, мимо красных колонн, к тяжёлой двери, которая, когда её распахнули, жалобно заскрипела.

Церковь отбрасывала длинную тень на площадь между домами. Пахло летом, и солнце светило на безоблачном небе как ни в чём не бывало.

НЕЯСНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Удав положил на минуту свою голову на плечо Маугли.

— Храброе сердце и учтивая речь, — сказал он. — С ними ты далеко пойдёшь в джунглях.

А теперь уходи отсюда скорей вместе с твоими друзьями. Ступай спать, потому что скоро зайдёт луна, а тебе не годится видеть то, что будет.

Р. Киплинг. Маугли

(перевод Н. Дарузес)

Их в самом деле накормили досыта. Около полудня служанка принесла хлеб и оливки, а вечером — вермишель, пахнущую свежим розмарином. Это не могло сократить бесконечно долгие часы. Ещё меньше полный желудок мог прогнать страх перед завтрашним днём. Возможно, это было бы под силу какой-нибудь книге, но о ней не стоило и мечтать. Здесь не было ни одной книги, только стены без окон и запертая дверь. Правда, под потолком висела новая лампочка, так что им не пришлось коротать время в темноте. Мегги вновь и вновь смотрела на щель под дверью, чтобы узнать, не стемнело ли. Она представляла себе, как снаружи греются на солнышке ящерицы. Она видела нескольких на площади перед церковью. Нашла ли та изумрудно-зелёная ящерка, что бегала среди россыпи монет, дорогу на волю? А что случилось с мальчиком? Всякий раз, когда Мегги закрывала глаза, она видела его ошеломлённое лицо.

Она спрашивала себя, не о нём ли сейчас мучительно думал и её отец. С тех пор как их снова заперли в этом сарае, он не сказал почти ни слова. Он ничком упал на солому и повернулся лицом к стене. Элинор разговаривала ничуть не больше него.

— Какая щедрость! — только и пробормотала она, после того как Кокерель запер за ними дверь. — Наш хозяин пожертвовал нам ещё две кучки гнилой соломы.

Потом она уселась в углу, вытянув ноги, и начала мрачно разглядывать сначала свои колени, а потом грязную стену.

— Мо, — спросила Мегги, когда тишина стала просто невыносимой, — как ты думаешь, что они сделают с мальчиком? И что это за приятель, которого Каприкорн хочет перенести сюда из книги?

— Я не знаю, Мегги, — только и ответил он, не оборачиваясь.

И ей пришлось оставить его в покое, соорудить себе соломенную постель рядом с его лежанкой и расхаживать вдоль голых стен. Может быть, за одной из них томился незнакомый мальчик? Она прижалась ухом к стене. Ни один звук не проникал сюда. Кто-то нацарапал на штукатурке своё имя: «Рикардо Бентоне, 19. 5. 1996». Мегги провела по буквам рукой. В стороне, на расстоянии двух ладоней, было написано ещё одно имя, а вот ещё одно. Мегги спросила себя: что стало с ними со всеми, с Рикардо, с Уго, с Бернардо?.. Может быть, ей тоже надо нацарапать своё имя, подумала она, на тот случай, если… Она предусмотрительно не додумала эту мысль до конца.

Позади неё, тяжело вздыхая, растянулась на куче соломы Элинор. Когда Мегги обернулась, тётушка улыбнулась ей.

— Чего только я не отдала бы сейчас за расчёску! — сказала она и пятернёй скинула волосы на лоб. — Никогда не думала, что в подобной ситуации мне больше всего будет не хватать именно расчёски, но это так. Господи, у меня даже ни одной заколки нет… Что ж, буду выглядеть как ведьма или как щётка для мытья посуды, которая знавала и лучшие времена.

— Да ладно, ты и так неплохо выглядишь. Всё равно заколки у тебя вечно выпадали, — сказала Мегги. — По-моему, ты теперь даже помолодела.

— Помолодела? Гм… Ну, если ты так считаешь… — Элинор тщательно осмотрела себя — её мышино-серый свитер был весь в грязи, а на чулках спустились сразу три петли. — То, как ты пришла мне на помощь в церкви, — сказала она и расправила юбку, — было с твоей стороны весьма любезно. У меня ноги стали точно ватные — так мне было страшно! Я просто не знаю, что со мной. Чувствую себя так, будто это не я, а кто-то другой, будто прежняя Элинор уехала домой и оставила меня здесь одну.

Её губы задрожали, и Мегги вдруг показалось, что она сейчас заплачет, но прежняя Элинор, похоже, была всё ещё здесь.

— Да, подтверждается старая истина, — сказала она. — Только в беде познаётся, из какого материала ты сделан. Я всегда думала, что сделана из дуба, но оказалось, что из какого-то другого дерева, податливого, как воск. Стоит какому-нибудь поганцу поиграть ножом перед твоим носом, и уже сыплются щепки…

И как ни старалась Элинор сдержать слёзы, они всё-таки потекли. Она сердито провела ладонью по глазам.

— По-моему, ты держишься молодцом, Элинор. — Мо всё ещё лежал лицом к стене. — Вы обе держитесь молодцами. И я готов собственноручно свернуть себе шею за то, что втравил вас в эту историю.

— Ерунда, здесь если кому-то и надо свернуть шею, то этому Каприкорну, — сказала Элинор. — И Басте. О Господи, вот уж не думала, что когда-нибудь с таким безграничным наслаждением буду расписывать себе убийство человека. Но я уверена, если бы мне удалось схватить этого Басту за горло…

Увидев изумлённые глаза Мегги, она виновато умолкла, но девочка только пожала плечами.

— Мне хочется того же, — пробормотала она и ключом от своего велосипеда стала вырезать на стене букву М. Невероятно, но этот ключ почему-то завалялся у неё в кармане. Как напоминание о какой-то иной жизни…

Элинор ощупала спущенные петли, а Мо перевернулся на спину и стал смотреть в потолок.

— Мне очень жаль, Мегги, — неожиданно сказал он. — Мне так жаль, что я позволил им отнять эту книгу…

Мегги нацарапала на стене большую букву Е.

— Ах, какая разница! — Она отошла на несколько шагов. Две буквы Г в её имени получились как две ущербные П. — Может быть, тебе никогда бы так и не удалось вернуть маму назад.

— Может быть, — пробормотал Мо и снова уставился в потолок.

— Это не твоя вина, Мо, — сказала Мегги. «Главное, ты со мной, — хотелось добавить ей. — Главное, Баста больше не приставит тебе нож к горлу. Я ведь её почти не помню, я знаю её только по фотографиям».

Но она промолчала, потому что знала: Мо всё это не утешит, наоборот, от этих слов он, наверное, загрустил бы ещё больше.

Впервые Мегги поняла, как он тосковал по её матери. И на какое-то безумное мгновение в ней проснулась ревность.

Она нацарапала на штукатурке букву И и уронила ключ.

Снаружи послышались приближающиеся шаги.

Элинор прижала ладонь к губам, и тут шаги остановились. Дверь распахнулась, вошёл Баста. Позади него стояла женщина. Мегги узнала старуху, которую она видела в доме Каприкорна. С угрюмым лицом старуха протиснулась мимо Басты и поставила на пол кружку и термос.

— Будто у меня других дел мало! — проворчала она, перед тем как уйти. — Теперь нам придётся кормить ещё и этих господ. Пусть они хотя бы трудятся, раз уж вам приспичило держать их здесь.

— Скажи это Каприкорну, — сухо ответил Баста.

Он достал нож, подмигнул Элинор и вытер лезвие о куртку. На улице темнело, и его белоснежная рубашка светилась в сгущавшихся сумерках.

— Угощайся чайком, Волшебный Язык, — сказал он, наслаждаясь страхом, написанным на лице Элинор. — Мортола подмешала в него столько мёда, что первый же глоток, возможно, склеит твои губы, но твоё горло наверняка завтра будет как новенькое.

— Что вы сделали с мальчиком? — спросил Мо.

— А-а… Я думаю, он сидит где-то с вами по соседству. Кокерель устроит ему завтра небольшое испытание огнём, и тогда мы узнаем, можно ли его как-нибудь использовать.

Мо привстал с лежанки.

— Испытание огнём? — спросил он, в его голосе одновременно слышались горечь и насмешка. — Ну, ты-то, я думаю, вряд ли бы его выдержал. Ты даже спичек Сажерука боишься.

— Береги свой язык! — зашипел на него Баста. — Ещё одно слово, и я тебе его отрежу, какой бы он ни был драгоценный.

— Нет, этого ты не сделаешь, — сказал Мо и поднялся во весь рост. Он аккуратно наполнил кружку дымящимся чаем.

— Может быть, и не сделаю. — Баста заговорил тише, словно опасался, что их подслушивают. — Но у твоей дочурки тоже есть язык, а уж он-то не такой ценный, как твой.

Мо швырнул в него кружкой с горячим чаем, но Баста так быстро захлопнул дверь, что кружка разбилась об неё вдребезги.

— Желаю приятных сновидений! — крикнул он с улицы и задвинул засов. — Я велю принести тебе новую кружку. А завтра мы опять свидимся.

Когда он ушёл, никто не проронил ни слова.

— Мо, расскажи что-нибудь, — прошептала Мегги после долгого молчания.

— Что ты хочешь услышать? — Он обнял её за плечи.

— Расскажи, как мы оказались в Египте, — попросила она, — как мы ищем сокровища и боремся с пыльными бурями, со скорпионами и с ужасными духами, которые встали из могил, чтобы уберечь свои сокровища.

— Ага, ту самую историю! — сказал Мо. — Кажется, я придумал её на твой восьмой день рождения. Она, насколько я помню, довольно мрачная.

— Да, очень. Но у неё счастливый конец, и мы возвращаемся домой, нагружённые сокровищами.

— Я тоже хочу послушать эту историю, — сказала Элинор дрожащим голосом — вероятно, ей всё ещё мерещился нож Басты.

И вот Мо начал рассказывать, не шелестя страницами, не плутая в бесконечном лабиринте букв.

— Мо, когда ты просто рассказывал, никто из твоих историй не появлялся? — вдруг озабоченно спросила Мегги.

— Нет, — ответил он. — Наверное, для этого нужна типографская краска и чужая голова, сочинившая эту историю.

И он стал рассказывать дальше, а Мегги и Элинор слушали, пока его голос не унёс их далеко-далеко. Они и не заметили, как уснули.

Их разбудил знакомый шорох. Кто-то возился с дверным замком. Мегги почудилось, что за дверью еле слышно бранятся.

— О, нет! — прошептала Элинор, первой вскочив на ноги. — Сейчас они уведут меня. Старуха сумела их убедить! Зачем нас кормить? Тебя-то — понятно зачем, — сказала она, лихорадочно взглянув на Мо. — А зачем кормить меня?

— Отойди к стене, Элинор, — сказал Мо, заслоняя собой Мегги. — Держитесь подальше от двери.

Замок с глухим щелчком открылся, и кто-то приотворил дверь — ровно настолько, чтобы пролезть в неё. Сажерук! Он бросил

озабоченный взгляд на улицу, а затем закрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной.

— Я слышал, тебе это вновь удалось, Волшебный Язык, — сказал он, понизив голос. — Говорят, бедный мальчик до сих пор не издал ни звука. Я не могу его за это осуждать. Поверь мне, это весьма мерзкое чувство, когда вдруг попадаешь в чужую историю.

— Что вам здесь надо? — накинулась на него Элинор.

При виде Сажерука страх разом сошёл с её лица.

— Оставь его, Элинор! — Мо отстранил её и подошёл к Сажеруку. — Как твои руки? — спросил он.

Сажерук пожал плечами.

— Их натёрли какой-то мазью, но кожа до сих пор такая же красная, как огонь, который их лизал.

— Спроси его, что он здесь забыл! — прошипела Элинор. — И если он пришёл рассказать нам, что не имеет отношения к кошмару, в который мы попали, то будь так добр, заткни навсегда его лживую глотку!

Вместо ответа Сажерук бросил им связку ключей.

— Как вы думаете, зачем я здесь? — спросил он и включил свет. — Думаете, легко было стащить у Басты ключи от машины? И вообще-то, куда уместнее сказать мне спасибо. Ну да ладно, это можно сделать и позже. А сейчас вам надо не стоять столбами, а быстренько сматываться. — Он осторожно приоткрыл дверь и прислушался к звукам улицы. — Наверху, на колокольне, есть стража, — прошептал он. — Но часовой наблюдает за холмами, а не за деревней. Собаки спят в своих конурах, а если нам придётся иметь с ними дело, к счастью, они любят меня куда больше, чем Басту.

— А почему это вдруг мы должны вам доверять? — не унималась Элинор. — Что, если за этим опять кроется какая-нибудь дьявольщина?

— Вы должны взять меня с собой! Вот и всё, что за этим кроется! — злобно ответил ей Сажерук. — Мне здесь больше нечего делать! Каприкорн обманул меня. Он обратил ту капельку надежды, которая у меня ещё оставалась, в дым! Он думает, я всё стерплю. По его мнению, Сажерук — всего лишь пёс, которого можно сколько угодно пинать, а тот в ответ не станет кусаться. Но тут он ошибается. Он сжёг книгу — а я уведу у него Волшебного Языка, которого сам же

к нему и привёл. А что касается вас, — он ткнул в грудь Элинор обожжённым пальцем, — вы поедете с нами, потому что у вас есть машина. Из этой деревни пешком не улизнёшь ни от людей Каприкорна, ни от змей, обитающих на окрестных холмах. Но я не умею водить, так что…

— Вот вам пожалуйста, я так и знала. — Элинор уже почти не старалась приглушить свой голос. — Пожиратель Спичек хочет спасти только свою шкуру. Поэтому он нам помогает! Как будто у него совесть чиста. Впрочем, откуда ей у него взяться?

— Мне всё равно, по какой причине он нам помогает, — нетерпеливо перебил её Мо. — Главное, мы вырвемся отсюда. Но мы возьмём с собой ещё одного человека.

— Возьмём с собой? Кого? — Сажерук посмотрел на него в беспокойстве.

— Мальчика. Мальчика, которому я уготовил такую же судьбу, как и тебе, — ответил Мо, уклоняясь от его рук и выскакивая на улицу. — Баста сказал, он сидит где-то неподалёку, а для твоих ловких пальцев никакой замок не препятствие.

— Эти ловкие пальцы я сегодня сжёг, — с досадой зашипел Сажерук. — Ну ладно, как хочешь. Твоё мягкосердечие может стоить нам головы.

Когда Сажерук постучал в дверь под номером пять, за ней послышалось тихое шуршание.

— Похоже, они хотят сохранить ему жизнь! — шептал он, пока возился с замком. — Смертников они запирают в склепе, в подвале церкви. Баста всякий раз бледнеет как полотно, когда Каприкорн посылает его туда, с тех пор как я в шутку рассказал ему, что между каменными гробницами бродят призраки в образе Белых Женщин.

При воспоминании об этом он захихикал, как школьник, которому удалась ловкая проделка. Мегги посмотрела в сторону церкви.

— Они часто кого-нибудь убивают? Сажерук пожал плечами:

— Не так часто, как в былые времена. Но случается.

— Хватит рассказывать ей такие истории! — цыкнул на него Мо.

Они с Элинор не спускали глаз с церкви. Высоко на стене, прямо рядом с колоколом, сидел часовой. Когда Мегги посмотрела наверх, у неё закружилась голова.

— Это не истории, Волшебный Язык, это правда! Ты что, уже не можешь смотреть ей в лицо? Действительно, правда — барышня некрасивая. Глядеть ей в прямо в глаза никто не любит. — Сажерук отступил от двери и поклонился: — Извольте. Замок взломан. Можете забирать мальчишку.

— Заходи ты, — шепнул Мо на ухо Мегги. — Тебя он испугается меньше, чем других.

За дверью было темным-темно, но, зайдя внутрь, Мегги вновь услышала шуршание, словно в соломе шевелился какой-то зверь.

Сажерук просунул руку в приоткрытую дверь и дал ей карманный фонарик. Мегги нажала кнопку, и луч света ударил прямо в смуглое лицо мальчика. Солома, которую ему кинули, оказалась ещё более гнилой, чем та, на которой спала Мегги, но было видно, что мальчик не смыкал глаз с тех пор, как Плосконос запер его здесь. Он крепко обхватил колени, словно только собственные ноги давали ему хоть какую-то опору.

Может быть, он всё ещё ждал, когда закончится страшный сон.

— Пойдём! — тихо позвала Мегги и протянула ему руку. — Мы хотим помочь тебе! Мы увезём тебя отсюда!

Он не шелохнулся. Он сидел, недоверчиво щурясь на неё.

— Мегги, поторопись! — шепнул из-за двери Мо. Мальчик заметил его и пополз назад, пока не упёрся спиной в стену.

— Пожалуйста, — звала Мегги. — Ты должен пойти с нами! Они тут будут делать с тобой ужасные вещи.

Он нерешительно поднялся, не спуская с неё глаз. Он был выше неё ростом, почти на полголовы.

И вдруг мальчик рванулся в открытую дверь. Он оттолкнул Мегги с дороги так грубо, что она упала, но мимо Мо ему проскочить не удалось.

— Эй, парень! — прошептал он. — Успокойся, ладно? Мы действительно хотим тебе помочь, но ты должен делать то, что мы тебе скажем, понятно?

Мальчик со злобой посмотрел на него.

— Вы все дьяволы! — прошептал он. — Дьяволы или демоны!

Выходит, он понимал их язык. А почему бы и нет? Его историю рассказывали на всех языках мира.

Мегги поднялась на ноги и ощупала свою коленку. Ну конечно, она разбила её в кровь о каменный пол.

— Если хочешь увидеть нескольких дьяволов, то оставайся здесь, — прошипела она, бочком протискиваясь мимо мальчика.

Как он от неё шарахнулся! Словно она ведьма. Мо притянул его к себе.

— Видишь часового вон там, наверху? — Он указал на колокольню. — Если он нас заметит, нас всех убьют.

Мальчик посмотрел вверх на часового.

— Ну, пошли же! — тихо позвал Сажерук. — Если парень не хочет идти с нами, пусть остаётся. А вы, все остальные, разуйтесь, — добавил он, глядя на голые ступни мальчика. — А то от вас больше шума, чем от козлиного стада.

Элинор что-то пробрюзжала, но повиновалась. И мальчик пошёл за ними, хоть и неохотно. Сажерук мчался впереди всех, словно хотел убежать от собственной тени. Мегги то и дело спотыкалась — так круто шла под гору улочка, которой он вёл их. Элинор всякий раз чертыхалась, когда её ступни попадали в выбоину на дороге. Между тесно сгрудившимися домами было темно. Казалось, каменные арки соединяли здания только для того, чтобы не дать им обрушиться. Ржавые фонари отбрасывали тени, похожие на призраков. При виде кошек, шнырявших между домами, Мегги вздрагивала.

Но деревня Каприкорна спала. Лишь один-единственный раз они прошли мимо часового, который, покуривая на ходу, свернул в проулок. Где-то на крыше повздорили два кота, и часовой нагнулся в поисках камня, чтобы запустить им в скандалистов.

Этим мгновением воспользовался Сажерук. Мегги была рада, что он велел им снять обувь. Они бесшумно прокрались мимо часового. Он всё ещё стоял спиной к ним, но Мегги решилась вдохнуть воздух, только когда они завернули за следующий угол. Снова она поразилась обилию пустых домов с мёртвыми глазницами окон и полуистлевшими дверьми. Что разрушило эти дома? Только ли время? Жители убежали от Каприкорна или деревня опустела ещё до того, как он со своей бандой свил здесь гнездо? Не что-то ли подобное рассказывал Сажерук?

Сажерук остановился. Предупредительно поднял руку и прижал палец к губам. Они достигли края деревни. Перед ними была

автостоянка. Два фонаря освещали потрескавшийся асфальт. Слева возвышался забор из проволочной сетки.

— За этим забором Каприкорн устроил площадку для праздников и торжеств, — прошептал Сажерук. — Раньше деревенская молодёжь, наверное, гоняла там в футбол, но теперь там проходят дьявольские празднества Каприкорна: огни, водка, несколько выстрелов в воздух, несколько сигнальных ракет, физиономии, раскрашенные в чёрный цвет, — и готов спектакль для всей округи.

Они снова обулись и поспешили за Сажеруком к автостоянке. Мегги всё время оборачивалась на проволочный забор. Дьявольские праздники. Ей казалось, она видит огонь, чёрные лица…

— Быстрее, Мегги! — прошептал Мо, увлекая её за собой.

Где-то во мраке слышался шум воды, и Мегги вспомнила мост, который они переехали по дороге сюда. А что, если сейчас около него дежурит часовой?

На стоянке было несколько автомобилей, машина Элинор тоже стояла здесь, немного в стороне от остальных. Позади, над крышами, высилась колокольня, и уже ничто не хранило их от глаз часового. На таком расстоянии Мегги не могла его разглядеть, но он наверняка по-прежнему сидел там. Сверху они, скорее всего, выглядели как чёрные жуки, которые копошатся на широкой доске. Знать бы, есть ли у часового бинокль.

— Ну давай же, Элинор! — прошептал Мо. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем тётушка открыла дверцу машины.

— Сейчас, сейчас! — рявкнула она. — У меня не такие ловкие пальчики, как у нашего огнелюбивого друга.

Мо обнял Мегги за плечи, озабоченно озираясь вокруг, но никаких признаков жизни, кроме нескольких бродячих кошек, ни на площади, ни между домами заметно не было. Успокоившись, он посадил Мегги на заднее сиденье.

Мальчик замешкался. Он в недоумении смотрел на машину, как на диковинного зверя, о котором не знаешь — настроен ли он добродушно или сию минуту проглотит тебя. Но наконец и мальчик забрался внутрь.

Мегги взглянула на него не слишком дружелюбно и отодвинулась как можно дальше. Её коленка до сих пор болела.

— Где же наш Пожиратель Спичек? — шёпотом спросила Элинор. — Чёрт побери, неужели этот субчик опять исчез?

Мегги первой заметила Сажерука. Он неслышно хлопотал возле других автомобилей.

Элинор впилась обеими руками в баранку, словно боролась с соблазном уехать без него.

— Что ещё затеял этот пройдоха? — шептала она.

Никто не знал, что на это ответить. Сажерук мучительно долго не возвращался, а когда он всё-таки появился, в его руке щёлкнул складной нож.

— Как это понимать? — возмутилась Элинор, когда он плюхнулся на заднее сиденье рядом с мальчиком. — Не вы ли говорили, что нам надо спешить? И зачем вам понадобился нож? Вы что, кого-нибудь там прирезали?

— Я вам не Баста, — огрызнулся Сажерук, пристраивая ноги за сиденьем водителя. — Я у всех машин проколол шины. Из предосторожности.

Он всё ещё сжимал в руке нож. Мегги с беспокойством оглядела его.

— Это нож Басты, — сказала она. Сажерук улыбнулся и спрятал нож в карман.

— Теперь он мой. Я с радостью стащил бы у Басты и его дурацкий амулет, но он даже ночью висит у него на шее, и это было бы чересчур опасно.

Где-то залаяла собака. Мо опустил стекло и в беспокойстве высунул голову.

— Можешь мне не верить, но этот адский шум — всего лишь кваканье жаб, — сказала Элинор.

Но громкий звук, который внезапно раздался в ночи, не был похож не кваканье. Когда Мегги испуганно посмотрела в заднее окно, из запылённого, грязно-белого автофургона, припаркованного на стоянке, вылезал человек. Это был один из молодцов Каприкорна — Мегги уже видела его в церкви. С заспанным лицом он озирался по сторонам.

Пока Элинор заводила мотор, он сорвал со спины ружьё и заковылял к их машине. На какое-то мгновенье Мегги стало его почти жалко — таким огорошенным и сонным он выглядел. Что сделает Каприкорн с часовым, который заснул на посту? Но тут он прицелился

и выстрелил. Голова Мегги резко откинулась за спинку сиденья, потому что Элинор как раз нажала на газ.

— Чёрт вас дери! — заорала она на Сажерука. — Вы что, не заметили этого парня, пока ползали между машинами?

— Нет, не заметил! — крикнул в ответ Сажерук. — А теперь поезжайте. Только не по этой дороге! Вон та, впереди, ведёт к шоссе!

Элинор резко крутанула руль. Рядом с Мегги, съёжившись, сидел мальчик. При каждом выстреле он зажмуривал глаза и зажимал уши руками. Встречались ли в его истории ружья? Наверное, не чаще, чем автомобили. Он и Мегги стукались друг о друга головами — так сильно машину Элинор трясло на каменистой дороге. Когда она, наконец, вывела её на шоссе, лучше не стало.

— Это не та дорога, которой мы приехали! — кричала Элинор.

Деревня Каприкорна нависала над ними, словно крепость. Дома отсюда не казались меньше.

— Да нет, та же самая! Но Баста, когда мы приехали, повстречал нас ближе к деревне.

Сажерук одной рукой цеплялся за сиденье, а другой крепко сжимал свой рюкзак. Оттуда доносилось гневное рычание, и мальчик с ужасом косился на издававший звуки мешок.

Мегги показалось, что они проезжали как раз мимо того места, где их встретил Баста. Она узнала холм, с которого впервые увидела деревню. Потом дома вдруг пропали во мгле, словно деревни Каприкорна никогда не существовало.

На мосту часовых не оказалось, не было их и у ржавой решётки, которая преграждала путь к деревне. Мегги оглядывалась на неё, пока и её не поглотила тьма. «Всё позади, — подумала она. — В самом деле, всё позади».

Ночь была ясной. Ещё никогда Мегги не видела столько звёзд. Небо было натянуто над чёрными холмами как шаль, расшитая крохотными жемчужинами. Казалось, теперь весь мир состоял из холмов, угодливо гнущих спину перед лицом ночи, в нём не было ни людей, ни домов. Не было страха.

Мо обернулся и ласково убрал ей волосы со лба.

— Всё в порядке? — спросил он.

Она кивнула и закрыла глаза. Вдруг ей захотелось только одного — спать. Если позволит её колотящееся сердце.

— Это сон, — монотонно пробубнил кто-то рядом с ней. — Всего лишь сон. Что же ещё?

Мегги повернула голову. Мальчик не смотрел на неё.

— Конечно, это только сон, — повторил он и так энергично тряхнул головой, будто хотел подбодрить самого себя. — Всё кажется фальшивым, ненастоящим, совершенно безумным, как это и бывает во сне, а теперь, — движением головы он показал куда-то вдаль, — теперь мы небось ещё и полетим. Или ночь пролетит мимо нас. Или ещё что-нибудь…

Мегги чуть не улыбнулась.

«Это не сон», — хотелось ей сказать, но она слишком устала, чтобы растолковать ему всю эту запутанную историю. Она взглянула на Сажерука. Тот поглаживал рюкзак, вероятно пытаясь таким образом утихомирить разгневанную куницу.

— Не смотри на меня так, — сказал он, заметив взгляд Мегги. — Я ничего ему объяснять не буду. Пусть лучше этим займётся твой отец. В конце концов, именно он в ответе за его кошмарный сон.

Мо повернулся к мальчику, и было видно, что его мучили угрызения совести.

— Как тебя зовут? — спросил он. — Твоего имени не было в…

Он не договорил. Мальчик недоверчиво взглянул на него и опустил голову.

— Фарид, — глухо ответил он. — Меня зовут Фарид, но я знаю, что разговоры во сне приносят несчастье. Тогда ты не сумеешь выбраться из сновидения…

И вот он крепко сомкнул губы, уставился прямо перед собой, словно избегая смотреть на кого-либо, и замолк. Интересно, были ли у него, в его истории, родители? Мегги не могла вспомнить. Там говорилось только о каком-то безымянном мальчике, состоявшем на службе у банды разбойников.

— Это сон! — вновь прошептал он. — Всего лишь сон. Взойдёт солнце, и он рассеется.

Мо смотрел на него, несчастный и растерянный, как человек, который потрогал птенца и теперь горько сожалеет об этом, потому что взрослые птицы не хотят больше признавать своего детёныша.

«Бедный Мо, — подумала Мегги. — Бедный Фарид». Но ей не давала покоя и другая мысль, которой она немного стыдилась. Эта

мысль впервые посетила её в церкви Каприкорна, когда она увидела, как из-под золотых монет выползает ящерка. «Я тоже хотела бы уметь такое, — шептал её внутренний голос. — Я тоже хотела бы выманить её из книги, потрогать её и вообще оживить все книжные образы, чудесные образы… Хочу, чтобы все герои сошли со страниц и сидели рядом со мной, хочу, чтобы они улыбались мне…»

Вокруг было темно, словно завтра никогда не настанет.

— Буду ехать без остановок! — заявила Элинор. — Буду ехать, пока мы не окажемся перед моим домом.

И тут далеко позади вспыхнули лучи фар, словно пальцы, нащупывающие путь в ночи.

ЗМЕИ И ШИПЫ

Борриблы обернулись и увидели яркий круг белого света, пробивавшегося к тёмному небу. Светились фары автомобиля, что находился на северной стороне моста, той стороне, которую беглецы покинули всего несколько минут назад.

М. де Ларрабейти. Борриблы-2: в лабиринте спирали

Свет фар становился всё ближе, как бы отчаянно Элинор ни давила на газ.

— Может быть, это просто попутная машина, — сказала Мегги, хоть сама понимала, что это было совершенно невероятно.

На ухабистой, полной колдобин дороге, по которой они ехали уже почти целый час, была только одна деревня — и это была деревня Каприкорна. Только оттуда могли выехать их преследователи.

— И что же теперь? — кричала Элинор. От волнения она вела машину зигзагами. — Я не позволю ещё раз запереть себя в этой норе. Нет! Нет! Нет! — При каждом «нет» она лупила ладонью по баранке. — Не вы ли сказали, что прокололи им все шины? — завопила она на Сажерука.

— Проколол! — разъярённо ответил он. — Очевидно, они заранее предусмотрели такой случай. Или вы никогда не слышали о запасных колёсах? Жмите на газ! Скоро будет другая деревня. Тут рукой подать. Если вы до неё дотянете…

— «Если»! Вот именно «если»! — крикнула Элинор и постучала пальцем по бензометру. — Бензина хватит максимум на десять, ну может быть, на двадцать километров.

Но они даже столько не проехали. Вскоре на крутом повороте лопнуло переднее колесо. Элинор едва успела резко рвануть руль в другую сторону и удержать автомобиль на шоссе. Мегги вскрикнула и закрыла лицо руками. В какой-то ужасный миг ей показалось, что сейчас они рухнут вниз с крутого склона, терявшегося во мраке слева от шоссе, но «Комби» заскользил вправо, зацепил крылом невысокий

бордюрный камень вдоль противоположной обочины, испустил последний вздох и остановился под ветвями скального дуба, которые свесились над дорогой, словно хотели коснуться асфальта.

— Ах, чёрт возьми! Вот чёрт возьми! — бранилась Элинор, отстёгивая ремень безопасности. — Все целы?

— Вот почему я никогда не доверял автотранспорту! — буркнул себе под нос Сажерук и распахнул свою дверцу.

Мегги не трогалась с места и дрожала всем телом.

Мо помог ей выйти из машины и озабоченно заглянул ей в глаза.

— С тобой всё в порядке? Мегги кивнула.

Фарид выкарабкался с той же стороны, что и Сажерук. Он по-прежнему думал, что всё это только сон?

Сажерук стоял посреди дороги с рюкзаком за плечами и прислушивался. Издалека в ночи доносился рокот мотора.

— Надо убрать машину с дороги! — сказал он.

— Что?! — Элинор ошарашенно посмотрела на него.

— Мы должны столкнуть её под откос.

— Мою машину? — Элинор чуть не сорвалась на крик.

— Он прав, Элинор, — сказал Мо. — Может быть, таким образом нам удастся пустить их по ложному следу. Мы столкнём машину вниз. Может быть, тогда в темноте они её просто не заметят. Если же заметят, то решат, что мы не вписались в поворот. А мы тем временем взберёмся вверх по склону и спрячемся где-нибудь между деревьями.

В глазах Элинор читалось сомнение.

— Но склон слишком крутой! И как насчёт змей?

— У Басты наверняка уже новый ножик, — сказал Сажерук.

Элинор удостоила его испепеляющим взглядом. Затем она без дальнейших возражений подошла к машине сзади и заглянула в багажник.

— Где же наши вещи? — спросила она. Сажерук насмешливо взглянул на неё:

— Наверное, Баста раздал их людям Каприкорна. Он при любой возможности старается укрепить свой авторитет.

Элинор посмотрела на него так, словно не верила ни одному его слову. Потом она захлопнула крышку багажника, упёрлась в машину руками и начала её толкать.

Все навалились вместе с ней, но ничего у них не вышло.

Сколько они ни поднатуживались и ни толкали машину, она, хоть и скатилась с дороги, не могла соскользнуть вниз с откоса даже на два метра. Потом она застряла, запутавшись металлическим носом в зарослях, — и дальше ни с места. А шум мотора, звучавший так дико в этой безлюдной глуши, угрожающе приближался. Взмокшие от пота, они опять поднялись к шоссе — после того, как Сажерук дал строптивому автомобилю последнего пинка, — перелезли через бордюр, в котором каждому камню на вид было не меньше тысячи лет, и, тяжело дыша, стали карабкаться по косогору. Только бы подальше от дороги! Мо тащил за собой Мегги, а Сажерук помогал Фариду. Элинор приходилось помогать себе самой. Вдоль косогора тянулись ряды невысоких стен — утомительные попытки отвоевать у скудной земли узенькие участки для полей и садов, для чахлых оливковых деревцев, виноградных лоз, для всего, что могло родиться на этой земле. Но деревья давно одичали, и земля была усеяна плодами, которые никто не подбирал, поскольку люди покинули эти места в надежде обрести где-нибудь менее тяжкую жизнь.

— Прячьтесь! — прохрипел Сажерук, прижимаясь вместе с Фаридом к одной из обветшалых стен. — Они уже здесь!

Мо подтащил Мегги к ближайшему дереву. Колючий густой кустарник меж узловатых корней был достаточно высок, чтобы скрыть их.

— А как же змеи? — прошептала Элинор, ковыляя за ними.

— Для них сейчас слишком холодно! — так же шёпотом отозвался Сажерук из своего укрытия. — Неужели вы ничему не научились из ваших премудрых книг?

Элинор была готова сразу же ответить, но Мо ладонью закрыл ей рот. Внизу, как раз под ними, появилась машина. Это был тот самый автофургон, из которого часом ранее вылез заспанный часовой. Не сбавляя скорости, фургон проехал мимо того места, где они сталкивали «Комби» Элинор вниз со склона, и исчез за ближайшим поворотом. Мегги облегчённо вздохнула и хотела высунуть голову из колючих ветвей, но Мо вновь пригнул её к земле.

— Ещё рано, — прошептал он и прислушался. Такой тихой ночи в жизни Мегги ещё не было.

Ей казалось, она слышит дыхание деревьев, травы и самой ночи.

Свет фар вновь появился на склоне другого холма: два световых пальца нащупывали во тьме невидимую дорогу. Но вдруг беглецы застыли как громом поражённые.

— Поворачивают! — прошептала Элинор. — О Боже! Что же будет?

Она хотела выпрямиться во весь рост, но Мо крепко держал её.

— Ты с ума сошла? — прошептал он. — Уже поздно карабкаться выше. Иначе они нас заметят.

Мо был прав. Фургон быстро ехал обратно. Мегги увидела, как он остановился всего в нескольких метрах от того места, где они мучились с машиной Элинор. Она услышала, как распахнулись дверцы, и заметила, что из фургона вылезли двое. Обоих она видела со спины, но когда один из них обернулся, Мегги показалось, что она узнала лицо Басты, хотя на самом деле можно было разглядеть лишь светлое пятно в ночи.

— Вот их машина! — сказал второй. Плосконос? Такой же высокий и широкоплечий.

— Посмотри, может быть, они там, в салоне. Да, это был Баста. Его голос Мегги узнала бы из тысячи других.

Плосконос неуклюже, как медведь, стал спускаться вниз по склону. Мегги слышала, как он проклинает колючки, шипы, тьму и этих треклятых мерзавцев, из-за которых ему приходится шастать здесь среди ночи. Баста по-прежнему стоял на дороге. На его лице обозначились резкие тени, когда он поднёс зажигалку, чтобы запалить сигарету. Белые кольца дыма поднимались кверху, в сторону беглецов, и Мегги почудилось, что она слышит запах курева.

— Их здесь нет! — крикнул Плосконос. — Наверное, они пошли дальше пешком. Чёрт возьми, ты думаешь, надо тащиться за ними?

Баста вышел на обочину и заглянул вниз. Потом он повернулся и стал рассматривать косогор, на котором, съёжившись у Мо под боком, притаилась Мегги.

— Они не могли далеко уйти, — сказал он. — Но в темноте напасть на их след будет сложно.

— Вот именно! — Плосконос с пыхтением вновь поднялся на шоссе. — В конце концов, мы же не какие-нибудь индейцы, так ведь?

Баста ничего не ответил. Он просто стоял, прислушивался и затягивался сигаретой. Потом что-то шепнул Плосконосу. Сердце у

Мегги едва не остановилось.

Плосконос озабоченно оглянулся.

— Нет, давай лучше приведём собак, — услышала Мегги его голос. — Даже если они где-то спрятались, откуда мы знаем, вверх они пошли или вниз?

Баста посмотрел на деревья, потом в долину и растоптал окурок. Затем вернулся к фургону и достал из него два ружья.

— Сначала сходим вниз, — сказал он и бросил Плосконосу одно из ружей. — Толстухе, конечно же, хотелось под горку.

Не говоря больше ни слова, он исчез в темноте. Плосконос с тоской поглядел на фургон и ворча заковылял вслед за Бастой.

Когда оба пропали из виду, Сажерук выпрямился — бесшумно, словно тень, и показал на вершину косогора. Все последовали за ним, сердце у Мегги прыгало чуть ли не до самого горла. Они перебегали от дерева к дереву, от куста к кусту, то и дело оглядываясь. Всякий раз, когда под её башмаком хрустела ветка, Мегги испуганно вздрагивала, но, к счастью, Баста и Плосконос, спускаясь через заросли вниз по склону, тоже создавали немалый шум.

В какой-то момент дорогу стало больше не видно. Однако страх не покидал их: вдруг Баста повернул и сейчас лезет за ними в гору? Но всякий раз, когда беглецы останавливались и прислушивались, они слышали только собственное дыхание.

— Скоро они поймут, что выбрали неверное направление, — нарушил молчание Сажерук. — И тогда они приведут собак. Нам повезло, что они сразу не взяли их с собой. Баста не слишком на них надеется — и правильно делает. Я частенько кормил их сыром, а от сыра чутьё у собак притупляется. Но тем не менее вскоре он съездит за ними, потому что даже Баста не любит возвращаться к Каприкорну с плохими вестями.

— Тогда нам надо идти ещё быстрее! — сказал Мо.

— А куда? — Элинор уже запыхалась. Сажерук оглянулся. Мегги не поняла, с какой целью. Её глаза ничего не могли разглядеть — так было темно.

— Нужно двигаться на юг, — сказал Сажерук. — К побережью. Нам надо к людям, только это может нас спасти. Там, внизу, ночи светлые и никто не верит в дьявола.

Фарид стоял рядом с Мегги и так напряжённо вглядывался в ночь, словно мог своим взглядом призвать утро или найти где-то во тьме людей, о которых говорил Сажерук. Но во тьме не было видно ни огонька, если не считать россыпи мерцавших на небосклоне звёзд, далёких и холодных. Вдруг они показались Мегги глазами предателей, ей почудился их шёпот: «Посмотри, Баста, вон они, там, под нами. Беги, хватай их!»

Они брели дальше, держась друг за другом, стараясь не отставать. Сажерук выпустил Гвина из рюкзака и взял его на цепь, чтобы он бежал впереди. Судя по всему, кунице это не слишком нравилось. То и дело Сажеруку приходилось выдёргивать Гвина из зарослей, прочь от соблазнительных запахов, недоступных человеческому обонянию. Зверёк фыркал, неодобрительно тявкал и кусал свою цепь.

— Чёрт возьми, однажды я споткнусь об эту маленькую бестию, — ругалась Элинор. — Он не может принять во внимание мои израненные ноги? Я знаю одно: как только мы снова окажемся среди людей, я сниму в гостинице лучшую комнату, какую только можно снять за деньги, и положу свои бедные ноги на большую, мягкую подушку.

— У тебя ещё остались деньги? — недоверчиво спросил Мо. — У меня они сразу же всё отобрали.

— О, Баста первым делом выхватил моё портмоне. Но я женщина предусмотрительная. Моя кредитная карта спрятана в надёжном месте.

— Бывают такие места, которые надёжно защищены от Басты? — Сажерук рывком согнал Гвина с дерева.

— Бывают, — ответила Элинор. — Ни один мужчина не рвётся обыскивать старых, толстых женщин. В этом моё преимущество. Некоторым из моих самых ценных книг я обязана…

Она внезапно умолкла и прокашлялась, когда её взгляд упал на Мегги. Но Мегги сделала вид, будто не слышала последнюю фразу Элинор или, по крайней мере, не поняла, о чём говорит тётушка.

— Ты вовсе не такая уж и толстая! И насчёт старости ты тоже преувеличиваешь.

Мамочки, как же у неё болели ноги!..

— О, большое спасибо, солнышко! — сказала Элинор. — Я, наверное, выкуплю тебя у твоего отца, чтобы трижды в день ты

говорила мне такие любезности. Сколько ты хочешь получить за неё, Мо?

— Надо подумать, — ответил Мо. — Три плитки шоколада в день, пойдёт?

Так вот они перешёптывались, продираясь через колючее покрывало холмов. Было совершенно не важно, о чём говорить, потому что все слова, которыми они тихонько обменивались, служили одной цели: отогнать подальше страх и усталость, свинцом наливавшую их ноги. Они шли всё дальше и дальше, в надежде, что Сажерук знает, куда их ведёт. Мегги держалась следом за Мо. Его спина, по крайней мере, давала хоть какую-то защиту от ветвей, унизанных шипами. Шипы то и дело цеплялись за одежду и царапали им лица, словно притаившиеся в темноте злобные животные с острыми, как иглы, когтями.

Наконец они набрели на пешеходную тропу. По обеим её сторонам валялись пустые гильзы — напоминание об охотниках, которые принесли в тишину этого края смерть. Идти по твёрдой, утоптанной земле стало легче, хотя Мегги уже еле волочила ноги от усталости. Когда она, засыпая на ходу, во второй раз споткнулась о пятку Мо, тот посадил её себе на спину и понёс, как он это часто делал раньше, если она не поспевала за его широкими шагами. Тогда он называл её Блошкой, Девочкой-пёрышком или Динь-Динь, в честь феи из «Питера Пэна». Он и сейчас её так иногда называл.

Мегги устало прижалась лицом к его плечу и старалась думать о Питере Пэне, а не о змеях и не о людях с ножами. Но на этот раз её собственная история была слишком реальной, чтобы придуманные истории могли вытеснить её.

Фарид давно уже ничего не говорил. Он старался шагать за Сажеруком. Похоже, ему нравился Гвин. Всякий раз, когда цепь куницы запутывалась, Фарид торопился вызволить зверька, даже если при этом Гвин шипел на него и клацал зубами. Однажды он так цапнул мальчика за большой палец, что потекла кровь.

— Ну что, ты по-прежнему думаешь, что это всего лишь сон? — ехидно спросил Сажерук, пока Фарид вытирал кровь.

Мальчик ответил не сразу. Он продолжал рассматривать свой раненый палец. Потом пососал его и сплюнул.

— А что же ещё это может быть? — спросил он. Сажерук посмотрел на Мо, но тот, казалось, слишком глубоко погрузился в свои мысли и вообще не заметил его взгляда.

— А что, если это просто новая история? — сказал Сажерук.

Фарид засмеялся:

— Новая история? Это мне нравится. Я всегда любил истории.

— Вот как? Ну и как тебе нравится вот эта?

— Многовато колючек, и хотелось бы, чтобы уже рассвело. Но, по крайней мере, мне пока что не приходится работать. А это уже неплохо.

Мегги невольно улыбнулась.

Вдали закричала птица. Гвин остановился и принюхался, задрав морду кверху. Ночь принадлежит разбойникам. Она всегда им принадлежала. У себя дома об этом легко позабыть под охраной искусственного света и крепких стен. Ночь — покровительница охотников, ночью им легче подкрадываться к добыче, которую она поражает слепотой. Мегги вспомнила фразу в одной из её любимых книжек: «Потому что ночью властвуют Клык, Коготь и Лапа». [8]

Она уткнулась лицом в плечо Мо. «Наверное, теперь мне лучше идти своими ногами, — подумала она. — Отец ведь уже так долго меня несёт». Но тут же задремала у него на плече.

БАСТА

Эта тихая роща оглашалась когда-то предсмертными криками. Мне чудилось, что я и сейчас слышу стоны и вопли несчастных.

Р. Л. Стивенсон. Остров Сокровищ

(перевод Н. Чуковского)

Мегги проснулась оттого, что Мо вдруг остановился. Тропа вывела их на гребень холма. Было по-прежнему темно, но ночь побледнела, и вдали уже занималась заря нового утра.

— Нам нужен привал, Сажерук, — услышала Мегги голос Мо. — Мальчик уже шатается, ступням Элинор тоже надо немного отдохнуть, а это место, по-моему, не самое худшее.

— Про какие ступни ты говоришь? — спросила Элинор и со стоном опустилась на землю. — Ты имеешь в виду кровоточащие комки на концах моих ног?

— Да, именно про них, — сказал Мо, вновь поднимая её на ноги. — Но сначала нам надо ещё чуть-чуть пройти. Мы сделаем привал вон там.

Метрах в пятидесяти, на самой вершине холма, между оливковыми деревьями приютился домик, если это можно было назвать домиком. Перед тем как они туда поднялись, Мегги слезла со спины Мо. Стены выглядели так, будто кто-то наскоро бросил несколько камней один на другой, крыша обрушилась, а там, где когда-то была дверь, теперь зияло чёрное отверстие. Мо пришлось низко нагнуться, чтобы протиснуться в него. По полу были разбросаны обломки кровли, в углу валялись пустой мешок, осколки глиняной посудины — возможно, тарелки или миски — и кучка дочиста обглоданных костей. Мо вздохнул:

— Не очень-то уютное местечко, Мегги. Но ты представь, что попала в убежище потерянных мальчишек или…

— … Или в бочку Гекльберри Финна. — Мегги осмотрелась. — По-моему, мне лучше поспать снаружи.

Элинор вошла в хижину. Кажется, ей это убежище тоже не ахти как понравилось.

Мо поцеловал Мегги и снова пошёл к двери.

— Поверь мне, здесь, внутри, безопаснее! — сказал он.

Мегги встревоженно посмотрела ему вслед.

— Куда ты? Тебе ведь тоже надо отдохнуть.

— Да что ты! Я совсем не устал. — По его лицу было видно, что это неправда. — Поспи, ладно? — И вышел из хижины.

Элинор разгребла ногой рухлядь.

— Ложись, — сказала она, сняв кофту и расстелив её на полу. — Мы вместе попробуем устроиться тут поуютнее. Твой отец прав, мы просто представим себе, что находимся где-то совсем в другом месте. Почему, когда читаешь про приключения в книгах, они доставляют куда больше удовольствия? — пробормотала она и растянулась на полу.

Мегги, поколебавшись, улеглась рядом с ней.

— По крайней мере, нет дождя, — решила Элинор, глядя в чёрный проём над головой. — И над нами горят звёзды, пусть они уже малость потускнели. Наверное, дома мне стоило бы проделать в потолке парочку дырок.

Нетерпеливо кивнув, она велела Мегги положить голову на её руку.

— Это чтобы во время сна тебе в уши не заползли пауки, — сказала она и закрыла глаза. — Господи, — слышала Мегги её бормотание, — кажется, мне придётся купить себе пару новых ступнёй. Старые уже не вылечить.

Потом она уснула.

Но Мегги лежала с широко открытыми глазами и прислушивалась к звукам снаружи. Она слышала, как Мо о чём-то тихо разговаривает с Сажеруком, но не могла разобрать, о чём именно. Однажды ей показалось, что они помянули Басту. Мальчик тоже остался на улице. Но он, похоже, не издавал ни звука.

Уже через минуту-другую Элинор захрапела. Но Мегги не могла заснуть, как ни старалась, и наконец тихонько поднялась на ноги и выскользнула из двери. Мо не спал. Он сидел, прислонившись спиной к дереву, и смотрел, как над окрестными холмами утро прогоняет ночь. В нескольких шагах от него сидел Сажерук. Он лишь на миг поднял

голову, когда Мегги вышла из хижины. Может быть, он думал о феях и кобольдах? Рядом с ним лежал Фарид, свернувшись калачиком, точно собака, а у его ног сидел Гвин и что-то с аппетитом грыз. Мегги поспешно отвернулась.

Рассвет вставал над холмами, покоряя одну вершину за другой. Мегги увидела вдалеке дома, рассыпанные по зелёным холмам, точно игрушечные. Где-то за ними должно быть море. Она положила голову на колени Мо и заглянула ему в глаза.

— Здесь они нас не найдут, как ты думаешь? — спросила она.

— Конечно, не найдут, — сказал он, но его лицо не выражало и половины той уверенности, какая была в его голосе.

— Почему ты не спишь рядом с Элинор?

— Она храпит, — пробормотала Мегги.

Мо улыбнулся. Затем он, нахмурившись, вновь посмотрел, туда, где, скрытая ладанником, дроком и высоким бурьяном, протянулась дорога, по которой они сюда приехали.

Сажерук тоже не спускал глаз с дороги. Вид двух мужчин, стоящих на страже, успокоил Мегги, и вскоре она заснула так же глубоко, как Фарид, будто земля перед разрушенной хижиной была усеяна не шипами, а устлана пухом. И когда Мо вдруг потряс её за плечо и зажал ей рот ладонью, она сначала сочла это дурным сном.

Он предостерегающе приложил палец к губам. Мегги услышала шелест травы и лай собак. Мо поднял её на ноги и втолкнул их с Фаридом в оберегающий мрак хижины. Элинор безмятежно храпела. В лучах утреннего солнца она выглядела как юная девушка, но, едва лишь Мо разбудил её, на лице Элинор снова, как и прежде, отразились усталость, тревога, страх.

Мо и Сажерук встали у дверного проёма — один слева, другой справа, прижавшись спиной к стене. В рассветной тишине раздавались мужские голоса. Мегги казалось, что она слышит, как принюхиваются собаки, и ей захотелось раствориться в воздухе, стать невидимой, лишиться запаха. Рядом с ней стоял Фарид с широко распахнутыми глазами. Мегги в первый раз заметила, что они чёрного цвета. Она никогда ещё не видела таких тёмных глаз, с длинными, как у девочки, ресницами.

Элинор прижалась к стене и со всей силы кусала губы от страха. Сажерук подал знак Мо, и не успела Мегги осознать, что они

собрались делать, как оба выскочили наружу. Оливковые деревья, за которыми они притаились, были невысокие, их спутанные ветви свисали до земли, словно не выдерживая бремени собственных листьев. Под ними легко мог спрятаться ребёнок, но надёжно ли они скрывали от посторонних глаз двух взрослых мужчин?

Мегги бдительно всматривалась в дверной проём. Она чуть не задыхалась от биения своего сердца. Солнце поднималось всё выше. Его свет проникал в каждую долину, под каждое дерево, и вдруг Мегги захотелось, чтобы опять вернулась ночь. Мо встал на колени, чтобы его голову не было видно за спутанными ветвями. Сажерук прижался к кривому стволу, и тут в каких-то двадцати шагах от них появился Баста. Продираясь сквозь чертополох и высокую траву, он поднимался по склону.

— Они давно уже внизу, в долине, — услышала Мегги чьё-то недовольное ворчание.

И в следующее мгновение рядом с Бастой возник Плосконос. С ними были два страховидных пса.

Мегги видела, как их широкие морды, принюхиваясь, продираются сквозь траву.

— С двумя детьми и с толстухой? — Баста покачал головой и осмотрелся.

Фарид глянул поверх головы Мегги и отскочил как ужаленный, завидев мужчин в чёрных куртках.

— Баста? — беззвучно прошлёпали губы Элинор. Мегги кивнула, и Элинор, и без того бледная, стала совсем как полотно.

— Чёрт возьми, Баста, сколько ты ещё собрался тут шастать? — Голос Плосконоса разносился далеко в тишине, царившей над холмами. — Скоро проснутся змеи, а я жрать хочу. Давай просто скажем, что они вместе с машиной сорвались в пропасть. Мы ещё подтолкнём эту тачку, и никто не узнает, что мы немножко соврали! Может быть, змеи так и так их прикончат. А если нет, то они заблудятся, сдохнут с голоду, или от солнечного удара, или ещё от чего-нибудь. В любом случае мы их больше не увидим.

— Он давал им сыр! — Баста разъярённо дёрнул псов к себе. — Проклятый Огнежор кормил их сыром, чтобы испортить им нюх. Но меня никто и слушать не желал! Не удивительно, что они всякий раз визжат от радости, когда видят его гнусную рожу.

— Ты их слишком много бьёшь! — пробурчал Плосконос. — Вот они и халтурят. Собаки не любят, когда их колотят.

— Чушь. Собак надо бить, не то они тебя покусают. Они потому и любят Огнежора, что он такой же, как они сами, — скулит, брешет и кусается.

— Один из псов залёг в траве и стал лизать себе лапы. Баста в ярости пнул его ногой и рывком заставил подняться.

— Ты можешь возвращаться назад, в деревню! — заорал он на Плосконоса. — Но я поймаю этого Огнежора и отрежу ему все пальцы, один за другим. Посмотрим, так ли ловко он потом станет управляться со своими мячиками. Я всегда говорил, что ему нельзя доверять, но босс считал его игры с огнём такими забавными…

— Ну ладно, ладно. Теперь-то я знаю, что ты никогда терпеть его не мог. — В голосе Плосконоса послышалась тоска. — Но, может быть, он не имеет никакого отношения к исчезновению остальных. Ты же помнишь, он всегда уходил и приходил, когда ему заблагорассудится. Может быть, завтра он опять явится как ни в чём не бывало.

— Да, этого от него можно ожидать, — прорычал Баста и пошёл дальше.

С каждым шагом он был всё ближе к деревьям, за которыми прятались Мо и Сажерук.

— А ключи от толстухиной машины, значит, вычитал из-под моей подушки Волшебный Язык, так? Нет уж. На этот раз никакие отговорки ему не помогут. Потому что он стащил ещё кое-что из моих личных вещей.

Сажерук непроизвольно потрогал свой пояс, словно боялся, что нож Басты может позвать своего хозяина. Один из псов принюхался, поднял голову и потянул Басту к деревьям.

— Он взял след! — Баста понизил голос, хриплый от волнения. — Глупая скотина в самом деле что-то унюхала!

Ещё, быть может, десять, а то и меньше шагов, и он окажется между деревьями. Что же делать? Что же им теперь делать?

Плосконос с недоверчивой миной топал вслед за Бастой.

— Может быть, они почуяли кабана, — услышала Мегги его голос. — Этих бестий надо сторониться: сшибут с ног — и каюк. Ой,

чёрт! По-моему, там змея, чёрная гадина. Кажется, у тебя в машине есть противоядие, да?

Он остановился как вкопанный и не двигался с места, только внимательно смотрел себе под ноги. Баста не оглядывался. Он шёл за что-то почуявшим псом. Всего пара шагов, и Мо, протянув руку, мог бы дотронуться до врага. Баста снял с плеча ружьё, остановился и прислушался. Псы потянули влево и с лаем запрыгали перед одним деревом.

На ветвях сидел Гвин.

— Что я говорил! — крикнул Плосконос. — Они унюхали куницу! Эти твари так воняют, что даже я мог бы их почуять.

— Это не простая куница! — прошипел Баста. — Ты что, не узнаешь?

Он обернулся к разрушенной хижине, однако больше пока никого видно не было.

Этим воспользовался Мо: он выскочил из-за дерева, схватил Басту и попытался вырвать ружьё у него из рук.

— Хватайте! Хватайте его, проклятые шавки! — зарычал Баста, и, похоже, на этот раз собаки, скалящие жёлтые зубы, были готовы ему повиноваться.

Мегги не успела прийти к отцу на помощь — Элинор крепко держала девочку и, как тогда, в своём доме, не позволила ей вырваться.

Но на этот раз помощь подоспела вовремя. Не успели ещё собаки вцепиться в Мо, а Сажерук был уже тут как тут. Когда он сцапал их за ошейники, Мегги подумала, что псы сейчас разорвут его, но вместо этого собаки стали лизать ему руки, прыгать перед ним, как перед старинным другом, и чуть не опрокинули его от радости. В то же время Мо рукой зажимал Басте рот, чтобы он не мог окликнуть псов.

Но оставался ещё Плосконос. К счастью, соображал он не слишком быстро. Это их спасло — тот краткий миг, пока он просто стоял столбом и таращился на Басту, извивавшегося в руках Мо.

Сажерук оттащил псов к ближайшему дереву. Он как раз обматывал их поводки вокруг корявого ствола, когда Плосконос очнулся от оцепенения.

— Пусти его! — заревел он и направил на Мо ружьё.

Сажерук еле слышно ругнулся и отпустил псов, но ещё быстрее, чем он, оказался камень, брошенный Фаридом. Он угодил Плосконосу

прямо в середину лба — совсем маленький камешек. Но огромный детина рухнул на траву, как срубленное дерево.

— Убери от меня псов! — крикнул Мо, в то время как Баста всё ещё пытался пустить в ход ружьё.

Один пёс вцепился в рукав Мо — дай-то Бог, чтобы всего лишь в рукав…

Мегги вырвалась из рук Элинор и, подбежав к чудищу, схватилась за шипованный ошейник. Пёс не отпускал Мо, как Мегги ни оттаскивала его. На рукаве Мо выступила кровь, а ствол Бастиного ружья оказался чуть ли не у головы девочки.

Сажерук постарался отозвать псов, и сначала они его послушались. По крайней мере, они отстали от Мо, но в этот миг Басте удалось вырваться.

— Фас! — завопил он, и псы, рыча, в замешательстве застыли на месте, не зная, кого слушаться — Басту или Сажерука. — Чёртовы шавки! — вопил Баста, направляя дуло в грудь Мо.

Но в это время Элинор приставила к его голове ружьё Плосконоса. Её руки дрожали, лицо покрылось красными пятнами, как всегда, когда она волновалась, но было видно, что она полна решимости действовать.

— Брось ружьё! — потребовала она дрожащим голосом. — И не вздумай сказать собакам ничего лишнего! Я, наверное, никогда ещё не держала в руках оружие, но уж нажать на курок как-нибудь сумею.

— Сидеть! — приказал псам Сажерук.

Собаки нерешительно посмотрели на Басту, но, поскольку тот молчал, улеглись в траву и позволили Сажеруку привязать их к ближайшему дереву.

По рукаву Мо текла кровь. При виде этого Мегги почувствовала тошноту.

Сажерук перевязал рану красным шёлковым платком, который впитывал кровь, и её не стало видно.

— Рана не так страшна, как кажется, — успокоил он Мегги, когда она на подгибающихся ногах приблизилась к отцу.

— В твоём рюкзаке найдётся что-нибудь, чем его можно связать? — спросил Мо и кивнул головой в сторону Плосконоса, который по-прежнему лежал без сознания.

— Человека с ножом тоже надо хорошенько упаковать! — сказала Элинор.

Баста смотрел на неё глазами, полными ненависти.

— Нечего на меня таращиться! — крикнула она и приставила дуло к его груди. — Таким оружием можно принести больше вреда, чем ножом, и, уж будь уверен, оно наводит меня на весьма злые мысли.

Баста презрительно скривил губы, но не сводил глаз с указательного пальца Элинор, который лежал на спусковом крючке.

В рюкзаке Сажерука нашлась верёвка, не очень толстая, но прочная.

— Для двоих её не хватит, — огорчился Сажерук.

— Вы хотите их связать? Зачем? — спросил Фарид. — Почему вы их не убиваете? Ведь именно это они собирались с нами сделать!

Мегги изумлённо посмотрела на него, а Баста расхохотался.

— Ишь ты! — съязвил он. — Этот парень мог бы нам пригодиться! Но кто сказал, что мы хотели вас убить? Каприкорну вы нужны живыми. Мертвецы не умеют читать.

— Вот как? Не ты ли грозился отрезать мне пальцы? — спросил Сажерук, опутывая верёвкой ноги Плосконоса.

Баста пожал плечами:

— С каких пор от этого умирают?

На это Элинор так сильно ткнула его стволом ружья под рёбра, что он чуть не упал навзничь.

— Вы слышали? По-моему, мальчишка прав. Наверное, этих молодцев действительно надо застрелить.

Но они этого, конечно же, не сделали. В мешке Плосконоса нашлась ещё одна верёвка, и Сажерук с явным наслаждением принялся связывать Басту. В этом ему помогал Фарид — судя по всему, в связывании он кое-что понимал.

Они отнесли обоих пленников в разрушенную хижину.

— Очень любезно с нашей стороны, не правда ли? Поначалу змеи вас не тронут, — говорил Сажерук, когда они проносили в узкую дверь Басту. — Однако к полудню здесь, разумеется, станет жарко. Но вас, может быть, к этому времени кто-нибудь найдёт. Собак мы отпустим. Если они умные, то в деревню не вернутся. Но собаки редко бывают умными, и, таким образом, к вечеру вас будут искать всей бандой.

К тому времени, как Плосконос очухался, он уже лежал рядом с Бастой под дырявой крышей. Верзила бешено вращал глазами, лицо его побагровело, но он не мог издать ни звука, так же как и Баста, потому что Фарид заткнул им рты кляпами, и вновь весьма профессионально.

— Минуточку, — сказал Сажерук, прежде чем они бросили обоих на произвол судьбы. — Осталось исполнить мою давнишнюю мечту.

И, к ужасу Мегги, он вытащил из-за пояса нож Басты и подошёл к пленникам.

— Что ты делаешь? — спросил Мо и преградил ему дорогу.

Очевидно, он подумал то же, что и Мегги, но Сажерук только рассмеялся.

— Не беспокойтесь, я не собираюсь вырезать у него на лице такой же узор, каким он разукрасил моё, — сказал он. — Я хочу только немножко попугать его.

И вот он уже нагнулся и одним движением перерезал кожаную ленту, которую Баста носил на шее.

К ней был подвешен небольшой мешочек, перевязанный красной тесёмкой. Сажерук склонился над Бастой и помахал мешочком над его лицом.

— Я забираю твоё счастье, Баста! — тихо сказал он, выпрямившись. — Теперь ничто не убережёт тебя от дурного глаза, от духов и демонов, от проклятий, чёрных кошек и от всего остального, чего ты так боишься.

Баста попробовал пнуть его связанными ногами, но Сажерук без труда увернулся.

— Прощай навсегда, Баста! — сказал он. — А если наши пути всё же пересекутся, то у меня теперь есть вот это. — Он повязал кожаную ленту себе на шею. — Наверняка там внутри прядь твоих волос, да? Ах, нет? Наверное, мне всё-таки стоит одну прядь у тебя срезать. Разве это не чревато кошмарными последствиями, если сжечь чужие волосы в огне?

— Довольно! — сказал Мо и оттащил его от пленников. — Давай-ка поскорее двигать отсюда. Кто знает, когда Каприкорн хватится этих двоих. Кстати, я тебе рассказывал, что он сжёг не все книги? Один экземпляр «Чернильного сердца» ещё существует.

Сажерук остановился так резко, будто его укусила змея.

— По-моему, я должен был тебе это сказать. — Мо задумчиво посмотрел на него. — Даже если это подтолкнёт тебя к сумасбродным затеям.

Сажерук только кивнул. И молча пошёл дальше.

— Почему бы нам не взять машину этих бандитов? — предложила Элинор, когда они вернулись на тропу, которая привела их сюда. — Они наверняка оставили её на дороге.

— Слишком опасно, — сказал Сажерук. — Неизвестно, кто поджидает нас внизу. Кроме того, мы дольше будем идти обратно, чем до ближайшего селения. И потом, найти такую машину очень легко. Вы хотите, чтобы Каприкорн напал на наш след?

Элинор вздохнула.

— Да это так, мысли вслух, — пробормотала она и стала массировать свои больные лодыжки.

Они шли всё той же тропой, потому что в высокой траве уже зашевелились змеи. Одна из них узкой чёрной лентой выползла перед ними на песчаную тропу, и Сажерук, подсунув под чешуйчатое тело палку, отбросил её назад, в колючие заросли. Мегги думала, что змеи гораздо больше, однако Элинор уверила её, что самые маленькие как раз самые опасные. Элинор прихрамывала, но старалась изо всех сил, чтобы не задерживать остальных. Мо тоже шёл медленнее, чем обычно. Он пытался не подавать виду, но собачий укус сильно беспокоил его.

Мегги шла бок о бок с отцом, всё время поглядывая на красный платок, которым Сажерук перевязал его рану. Когда они добрались до асфальтированной дороги, им навстречу проехал грузовик, он вёз ржавые газовые баллоны. Они слишком устали, чтобы прятаться. Кроме того, грузовик ведь шёл не со стороны деревни Каприкорна… Мегги заметила, с каким удивлением посмотрел на них шофёр, проезжая мимо. Они, наверное, производили диковинное впечатление в своей грязной одежде, мокрой от пота и изодранной о колючий кустарник.

Вскоре они поравнялись с первыми домами. Выкрашенные яркими красками, с цветочными клумбами у крылечек, дома всё гуще усеивали склоны. Путники достигли предместья большого города. Мегги увидела многоэтажные здания, пальмы с запылёнными

листьями и совсем неожиданно — море, пока ещё очень далёкое, посеребрённое солнцем.

— Господи, надеюсь, в какой-нибудь банк нас всё-таки пустят, — сказала Элинор. — У нас такой вид, будто на нас напали разбойники.

— А ведь так оно и было, — сказал Мо. — Разве нет?

В БЕЗОПАСНОСТИ

Но дни шли за днями, и с каждым днём мальчики понемногу забывали о тяготевшей над ними угрозе.

Марк Твен. Приключения Тома Сойера

(перевод Н. Дарузес)

В банк Элинор пустили, несмотря на её изодранные чулки. Но сначала она зашла в первое же придорожное кафе и уединилась в женском туалете. Мегги так никогда и не узнала, где именно она обычно прятала ценные вещи, но когда Элинор вернулась, лицо у неё было вымыто, волосы уже не так ужасно всклокочены, а высоко над головой она держала золотистую кредитную карточку. Потом она заказала всем завтрак.

Это казалось невероятным — вдруг очутиться в кафе, завтракать и наблюдать совершенно обычных людей, которые шли на работу, по магазинам или просто мирно беседовали. Мегги едва могла поверить, что всего две ночи и один день провела в деревне Каприкорна и что будничная суета на улице в это время ни на миг не прекращалась.

И всё-таки кое-что изменилось. С тех пор как Мегги увидела, как Баста приставил свой нож к горлу Мо, ей казалось, будто на поверхности мира появилось пятно, безобразное тёмно-коричневое пятно, которое с вонью и треском разрасталось вширь.

Даже у самых безобидных вещей вдруг обнаружилась отвратительная тень. Какая-то женщина улыбнулась Мегги — и после этого остановилась перед витриной мясной лавки. Какой-то дядька так нетерпеливо тащил за собой ребёнка, что тот споткнулся и с плачем потёр ушибленную коленку. А почему вот у этого на поясе так топорщится куртка? Может быть, он носит под ней нож, подобно Басте?

Мирная жизнь казалась какой-то не настоящей. Бегство в ночи и кошмарные часы, проведённые в разрушенной хижине,

представлялись Мегги более реальными, чем лимонад, который пододвинула ей Элинор.

Фарид не притронулся к своему стакану. Один раз он понюхал его золотистое содержимое, сделал глоток, а потом только смотрел в окно. Он долго не мог понять, на ком или на чём остановить взгляд. Его голова двигалась туда-сюда, как будто он наблюдал невидимую игру, правила которой были для него непостижимы.

После завтрака Элинор навела у буфетной стойки справки о лучшей гостинице в городе. Пока она оплачивала счёт по своей кредитной карте, а Мегги и Мо облизывались на всякие лакомства, выставленные под стеклом прилавка, Сажерук и Фарид куда-то исчезли. Элинор это очень встревожило, но Мо успокоил её.

— Сажерука не соблазнишь койкой в гостинице. Он не любит крыши над головой и всегда ходил особыми путями. Может быть, он удалился лишь для того, чтобы встать на ближайшем углу и устроить представление для туристов. Уверен, к Каприкорну он в любом случае не вернётся.

— А Фарид? — Мегги не могла поверить, что мальчик увязался за Сажеруком.

Но Мо только пожал плечами:

— Он всё время не отходил от него ни на шаг. Правда, я не знаю, в Сажеруке ли тут дело или в Гвине…

Большая гостиница, которую Элинор порекомендовали в кафе, находилась на площади, невдалеке от главной улицы, вдоль которой росли пальмы и располагались магазины. Элинор сняла две комнаты на верхнем этаже; с балконов было видно море. У входа их встретил нелепо одетый человек, который, хоть и удивился отсутствию багажа у новых постояльцев, словно не заметил их грязной одежды и приветливо улыбался. Постели были такие мягкие и белые, что Мегги сразу же зарылась лицом в подушку. Чувство нереальности происходящего тем не менее не покидало её. Какая-то частица её по-прежнему оставалась в деревне Каприкорна, ковыляла среди колючих кустов и трепетала в развалинах при виде приближавшегося Басты. Похоже, нечто подобное чувствовал и Мо. Всякий раз, когда она смотрела на него, взгляд его был отсутствующим, и вместо облегчения, которое вроде бы они должны были испытывать после

всего пережитого, она читала на его лице печаль и задумчивость, и это пугало её.

— Надеюсь, ты не собираешься туда возвращаться? — спросила она однажды, заметив на его лице такое выражение.

Она слишком хорошо знала Мо.

— Нет, не беспокойся! — ответил он и погладил её по волосам.

Но она ему не поверила.

Кажется, Элинор опасалась того же, что и Мегги. Несколько раз она с серьёзной миной принималась что-то втолковывать Мо — в гостиничном коридоре, у дверей своей комнаты, за завтраком, за обедом — и сразу же умолкала, как только подходила Мегги. Не кто иной, как Элинор вызвала врача, который занялся рукой Мо, хотя сам он считал, что рана пустяковая. И именно она купила ему новую одежду — правда, с помощью Мегги (Мо она сказала: «Если я сама тебе что-нибудь выберу, ты всё равно это никогда не наденешь».) Кроме того, она много говорила по телефону. Она постоянно куда-то звонила и обегала все книжные лавки города. И вот на третий день, за завтраком, она вдруг объявила, что едет домой.

— Ступни у меня больше не болят. Я умираю от тоски по моим книгам. И если я увижу ещё хоть одного туриста в плавках, то просто закричу, — сказала она Мо. — Я уже взяла напрокат машину. Но перед отъездом хочу дать тебе вот это!

С этими словами она положила на стол листок бумаги. На нём размашистым почерком Элинор были написаны имя и адрес.

— Я знаю тебя, Мортимер! — сказала она. — Я знаю, что «Чернильное сердце» не выходит у тебя из головы. Поэтому я достала для тебя адрес Фенолио. Поверь, это было непросто, но, в конце концов, вполне вероятно, что у него найдётся ещё несколько экземпляров. Обещай мне, что ты съездишь к нему — он живёт недалеко отсюда, — и тогда ты навсегда выкинешь из головы книгу, оставшуюся в той проклятой деревне.

Мо уставился на адрес, словно хотел выучить его наизусть, а затем сунул записку в недавно купленный кошелёк.

— Ты права, этот визит действительно необходим, — сказал он. — Большое спасибо, Элинор!

Казалось, он немножко повеселел.

Мегги не поняла ни слова. Ясно было лишь одно: она не ошиблась. Мо по-прежнему думал о «Чернильном сердце», он не мог смириться с утратой этой книги.

— Фенолио? Кто это такой? — спросила она дрожащим голосом. — Какой-нибудь книготорговец?

Это имя показалось ей знакомым, но она не помнила, где могла его слышать.

Мо не ответил. Он неподвижно глядел в окно.

— Мо, давай поедем вместе с Элинор! — сказала Мегги. — Пожалуйста!

Было так здорово ходить по утрам на море, и ей нравились разноцветные дома, но тем не менее она хотела поскорей уехать отсюда. Всякий раз, когда она видела холмы, высившиеся над городом, её сердце билось чаще, и вновь и вновь в уличной толпе ей мерещились лица Басты или Плосконоса. Ей хотелось домой или хотя бы к Элинор. Она хотела посмотреть, как Мо оденет книги Элинор в новое платье, как своими печатками он вдавит ломкую позолоту в кожу, выберет бумагу для форзацев, будет помешивать клей, туго затянет пресс… Она хотела, чтобы всё было так же, как до той самой ночи, когда появился Сажерук.

Но Мо покачал головой:

— Сначала я должен навестить этого человека, Мегги. Потом мы непременно поедем к Элинор. Самое позднее — послезавтра.

Мегги уставилась в свою тарелку. Что за невероятные вещи можно заказать на завтрак в дорогой гостинице!.. Но у неё уже не было аппетита поедать свежие вафли с клубникой.

— Хорошо, тогда я жду вас через два дня. Дай мне честное слово, Мортимер! — В словах Элинор слышалась нескрываемая тревога. — Ты приедешь, даже если твой визит к Фенолио окажется безрезультатным. Обещай мне!

Мо вымученно улыбнулся:

— Честное благородное слово!

Элинор вздохнула с облегчением и принялась уписывать круассан, который всё это время ожидал её на тарелке.

— Не спрашивай, что мне пришлось сделать, чтобы достать этот адрес! — с полным ртом сказала она. — Этот человек действительно

живёт недалеко отсюда, на машине можно доехать за час. Странно, что они с Каприкорном живут так близко друг от друга, правда?

— Да, странно, — пробормотал Мо и выглянул в окно.

Пальмы в саду гостиницы покачивались на ветру.

— Действие почти во всех его книгах происходит в этой местности, — продолжала Элинор. — Но, насколько я знаю, он долго жил за границей и лишь несколько лет назад вернулся сюда.

Она подала знак официантке, и та налила ей вторую чашку кофе.

Но когда официантка спросила, что ещё принести для Мегги, та покачала головой.

— Мо, я больше не хочу здесь оставаться, — тихо сказала она. — Я хочу домой. Или хотя бы к Элинор.

Мо отхлебнул кофе. Он всё ещё морщился, когда приходилось двигать левой рукой.

— Мы завтра же нанесём этот визит, Мегги, — сказал он. — Ты же слышала, это недалеко. И не позднее чем послезавтра вечером ты снова будешь спать в огромной кровати Элинор, в которой мог бы уместиться целый школьный класс.

Он хотел, чтобы она улыбнулась, но Мегги было не до шуток. Она рассматривала клубнику в своей тарелке. Какая она красная!

— Элинор, мне придётся взять напрокат машину, — сказал Мо. — Ты не можешь одолжить мне денег? Отдам, как только мы вернёмся к тебе.

Элинор кивнула и бросила долгий взгляд на Мегги.

— Знаешь что, Мортимер? — сказала она. — Я думаю, лучше сейчас не говорить с твоей дочерью о книгах. Я помню это ощущение. Всякий раз, когда мой отец так углублялся в какую-нибудь книгу, что переставал нас замечать, мне очень хотелось порезать её ножницами. А теперь? Теперь я такая же чокнутая, как и он. Не странно ли? Ну ладно! — Она сложила салфетку и отодвинула свой стул. — Я пошла собирать вещи, а ты расскажешь своей дочке, кто такой Фенолио.

Потом она ушла. И Мегги с Мо остались за столом одни. Он заказал себе ещё чашку кофе, хотя обычно больше одной никогда не пил.

— Как насчёт клубники? — спросил он. — Ты больше не хочешь?

Мегги покачала головой.

Мо вздохнул и взял одну ягоду.

— Фенолио — это человек, который написал «Чернильное сердце», — сказал он. — Может быть, у него осталось ещё несколько экземпляров. Это даже весьма вероятно.

— Да что ты! — жёстко возразила Мегги. — Каприкорн наверняка уже давно их украл! Он украл все, ты же сам видел!

Но Мо покачал головой.

— Скорее всего, о Фенолио он вообще не подумал. Понимаешь, с писателями дело обстоит вообще очень странно. Большинство людей не могут себе представить, что книги пишутся теми, кто ничем от них не отличается. Про писателей думают, что они давно уже умерли, и не предполагают встретить их на улице или в магазине. Люди знают их сочинения, но не знают их имён и уж тем более не знают их в лицо. И большинству писателей это нравится — ты сама слышала от Элинор, что достать адрес Фенолио было довольно сложно. Более чем вероятно, что Каприкорн вообще не догадывается, что тот, кто его придумал, живёт всего-то в двух часах езды от него.

Мегги была в этом не слишком уверена. Она в задумчивости смяла уголок скатерти и вновь расправила светло-жёлтую ткань.

— Эта книга… — Она запнулась, но затем всё-таки высказала то, что думала: — Я не понимаю, почему ты так хочешь её достать. Всё равно это ничего не даст.

«Мама исчезла, — мысленно добавила она. — Ты пытался позвать её обратно, но ничего не вышло. Давай поедем домой».

Мо взял одну из ягод, самую маленькую.

— Мелкие ягоды всегда самые сладкие, — сказал он, положив её себе в рот. — Твоя мама любила клубнику. Она никогда не могла ею наесться и страшно ругалась, если весной шли сильные дожди и клубника гнила прямо на грядках.

По его лицу скользнула улыбка, и он снова посмотрел в окно.

— Ещё одна, последняя попытка, Мегги, — сказал он. — Только одна. И послезавтра мы вернёмся к Элинор. Обещаю тебе.

НОЧЬ, ПОЛНАЯ СЛОВ

Разве есть такой ребёнок, который, не в силах заснуть тёплой летней ночью, не видел бы на небе корабля Питера Пэна? Я хочу научить тебя видеть его.

Р. Котронео. Когда ребёнок летним утром…

Мегги осталась в гостинице, а Мо отправился брать автомобиль напрокат. Она выдвинула на балкон стул, смотрела поверх белых лакированных перил на море, которое блистало за домами, как голубое стекло, и старалась ни о чём не думать, вообще ни о чём. Шум автомобилей, проникавший сюда, был так громок, что она едва расслышала, как в дверь постучалась Элинор.

Тётушка уже пошла по коридору восвояси, когда Мегги отворила дверь.

— Ага, ты ещё здесь! — сказала Элинор и вернулась. Её лицо выражало смущение. Она что-то прятала за спиной.

— Да. А Мо отправился за машиной.

— У меня для тебя кое-что есть. На прощание. — Элинор достала из-за спины плоский свёрток. — Было нелегко найти книгу, в которой не говорится ни про каких злодеев. А я хотела выбрать такую, которую твой отец мог бы без всякого ущерба почитать тебе вслух. Думаю, это как раз то, что нужно.

Мегги развернула обёрточную бумагу, разрисованную цветочками. На обложке книги были изображены двое детей и собака, дети стояли на коленях на узкой скале и с волнением смотрели в зияющую под ними пропасть.

— Это стихи, — объяснила Элинор. — Не знаю, любишь ли ты их, но я подумала, что если твой отец прочтёт их тебе вслух, они, вне всякого сомнения, зазвучат чудесно.

Мегги раскрыла книгу и прочла: «Я никогда не стирал свою тень, какой бы длинной она ни была». Слова навеяли ей со страниц короткую мелодию. Она осторожно закрыла книгу.

— Спасибо, Элинор, — сказала она. — А у меня… к сожалению, ничего для тебя нет.

— Смотри-ка, а у меня для тебя есть ещё кое-что! — Элинор достала из новенькой сумочки ещё один свёрток. — Разве такому книгоглотателю, как ты, хватит одной-единственной книги? Но вот эту ты лучше читай в одиночку. Там тебе встретится целое полчище злодеев. И всё-таки, я думаю, она тебе понравится. В конце концов, на чужбине ничто не утешит лучше, чем сочетания букв, правда?

Мегги кивнула.

— Мо обещал, что послезавтра мы приедем к тебе, — сказала она. — Ты ведь перед отъездом ещё попрощаешься с ним?

Она положила первый подарок Элинор на комод рядом с дверью и распаковала второй. Книга была толстая, и это было хорошо.

— Да ну!.. Сама передай ему от меня привет, — сказала Элинор. — Я не мастер говорить прощальные речи. Кроме того, скоро мы снова увидимся, а чтобы он хорошенько за тобой присматривал, я ему уже сказала. Никогда не оставляй книги раскрытыми, — добавила она, обернувшись на ходу. — У них от этого корешок ломается. Но, впрочем, твой отец наверняка это уже говорил.

— И не раз, — сказала Мегги, но Элинор в номере уже не было.

Вскоре Мегги услышала, как кто-то потащил чемодан к лифту, но она не вышла в коридор посмотреть, была ли то Элинор. Она тоже не любила долгих прощаний.

До конца дня Мегги почти не разговаривала. Под вечер Мо повёл её в маленький ресторан в нескольких кварталах от гостиницы. Когда они вышли оттуда, уже смеркалось и на темнеющих улицах было полно народу. На одной из площадей скопление людей было особенно велико, и, протиснувшись поближе, Мегги и Мо увидели, что гуляющие столпились вокруг огнеглотателя.

Стало совсем тихо, когда Сажерук поднёс зажжённый факел к своей оголённой руке и её облизали языки пламени. Пока он кланялся, а зрители хлопали в ладоши, Фарид обходил их с маленькой серебряной чашей и собирал монеты. Кроме этой чаши, всё вполне подходило к окружающей обстановке. Скажем, Фарид почти ничем не отличался от мальчишек, которые слонялись по пляжу и всякий раз, когда мимо проходила какая-нибудь девочка, начинали толкать друг

друга. Разве что кожа у него была немного темнее и волосы немного чернее, но никто, завидев его, никогда бы не заподозрил, что он попал сюда из истории, в которой летают ковры, расступаются горы и лампы могут исполнять желания. На нём было уже не прежнее голубое, до пят, одеяние, а брюки и футболка. В них Фарид выглядел старше. Наверное, и то, и другое купил ему Сажерук, как, впрочем, и ботинки, в которых он ступал так осторожно, словно его ступни ещё не совсем к ним привыкли. Заметив в толпе Мегги, он смущённо кивнул ей и быстро пошёл дальше.

Сажерук выпустил изо рта последний огненный шар, такой большой, что отпрянули даже самые храбрые зрители, затем отложил факелы в сторону и стал жонглировать мячиками. Он подбрасывал их так высоко, что люди запрокидывали головы, ловил и коленкой снова посылал их ввысь. Его руки двигались стремительно, как будто их дёргали за невидимые нити, мячики неожиданно выскакивали у него из-за спины, словно ниоткуда — маленькие танцующие шарики… Всё казалось лёгким, невесомым, чудесной игрой, если бы не лицо Сажерука. Среди круговерти мячиков оно оставалось серьёзным, будто не имело никакого отношения к танцующим рукам, к их сноровке, к их беззаботной лёгкости. Мегги спросила себя, по-прежнему ли у него болят пальцы. Они всё ещё были красные, но, возможно, на них просто падал отсвет огня.

Когда Сажерук нагнулся и вновь запихал свои мячики в рюкзак, зрители разошлись не сразу, но в конце концов остались только Мо и Мегги. Фарид сидел на мостовой и подсчитывал собранные деньги. Он выглядел счастливым, словно никогда в жизни ничем иным не занимался.

— Значит, ты всё ещё здесь, — сказал Мо.

— Почему бы и нет?

Сажерук собрал свои вещи: две бутылки — их он использовал ещё в саду Элинор, потухшие факелы, плевательницу, содержимое которой небрежно выплеснул прямо на мостовую… Он приобрёл себе новую сумку — старая, очевидно, осталась в деревне Каприкорна. Мегги подошла к рюкзаку, но Гвина там не было.

— Я надеялся, что ты давно ушёл отсюда — в такое место, где Баста тебя не найдёт.

Сажерук пожал плечами.

— Сначала мне надо раздобыть ещё немного денежек. Кроме того, мне нравится здешняя погода, и тут больше людей останавливается посмотреть моё представление. И народ здесь щедрый. Правда, Фарид? Какова на этот раз добыча?

Мальчик вздрогнул, когда Сажерук обернулся к нему. Он совсем позабыл про чашу с деньгами и как раз собирался засунуть в рот горящую спичку. Он мигом её погасил. Сажерук едва сдержал улыбку.

— Он во что бы то ни стало хочет научиться играть с огнём. Я показал ему, как работать с маленькими тренировочными факелами, но он очень спешит. Поэтому вечно у него на губах волдыри от ожогов.

Мегги украдкой взглянула на Фарида. Он делал вид, что не обращает на неё внимания, и засовывал вещи Сажерука обратно в сумку, хотя Мегги была уверена, что он ловил каждое слово их разговора. Дважды она поймала взгляд его тёмных глаз, и на второй раз он так резко отвернулся, что чуть не уронил одну из бутылок Сажерука.

— Эй, ты, поосторожней! — набросился на него Сажерук.

— Надеюсь, ты остался здесь не по иной причине? — спросил Мо, когда Сажерук снова повернулся к нему.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Сажерук. — Ах, да, я понял. Ты думаешь, я могу вернуться туда из-за книги? Ты меня переоцениваешь. Я трус.

— Не говори глупостей. — В голосе Мо прозвучало раздражение. — Элинор сегодня едет домой.

— Я рад за неё. — Сажерук бесстрастно смотрел на Мо. — А ты? Ты с ней не едешь?

Мо посмотрел на окрестные дома и покачал головой.

— Я хочу кое-кого навестить.

— В этих краях? Кого же? — Сажерук просунул руки в короткие рукава пёстрой рубашки, разрисованной большими цветами, которая плохо шла к его обезображенному шрамами лицу.

— Есть человек, который, очевидно, владеет ещё одним экземпляром. Ты же знаешь…

На лице Сажерука не дрогнул ни один мускул, но пальцы выдали его волнение. Вдруг они перестали застёгивать рубашку — у них это просто не получалось.

— Этого не может быть! — сказал он хрипло. — Каприкорн не мог упустить из виду ни одного экземпляра.

Мо пожал плечами:

— Кто знает? И тем не менее я хочу попробовать. Человек, о котором я говорю, не библиотекарь и не букинист. Возможно, Каприкорн даже не догадывается о его существовании.

Сажерук огляделся по сторонам. В одном из окрестных домов кто-то закрывал ставни, а на другой стороне площади стайка детей резвилась между ресторанными столиками, пока официант не спугнул их. Пахло горячей едой и огненными забавами Сажерука, и между домами нельзя было повстречать ни одного человека в чёрном, если не считать официанта, со скучающей миной расставлявшего стулья по местам.

— И кто же этот таинственный незнакомец? — Сажерук понизил голос почти до шёпота.

— Человек, который написал «Чернильное сердце». Он живёт неподалёку отсюда.

К ним не спеша подошёл Фарид, он по-прежнему держал в руках серебряную чашу с деньгами.

— Гвин всё никак не вернётся, — сказал он Сажеруку. — А у нас ничего не осталось, чтобы его приманить. Давай я куплю ему несколько яиц.

— Не надо. Он сам позаботится о пропитании. — Сажерук потрогал шрамы на своём лице. — Положи вырученные деньги в кожаный кошелёк. Ты помнишь — он в моём рюкзаке! — сказал он Фариду.

В его голосе слышалось нетерпение. Мегги посмотрела бы на Мо с укоризной, если бы он вот так говорил с ней, но Фарид счёл это в порядке вещей. Он незамедлительно помчался к рюкзаку.

— Я уж в самом деле решил: пути назад нет и не будет…

Сажерук умолк и посмотрел на небо. Ночное небо пересекал самолёт, посверкивая разноцветными огнями. Фарид тоже смотрел вверх. Он спрятал деньги и стоял около рюкзака в ожидании. Что-то пушистое прошмыгнуло через площадь, впилось когтями в его брючины и вскарабкалось ему на плечо. Улыбнувшись, Фарид сунул руку в карман и протянул Гвину кусок хлеба.

— А что, если в самом деле сохранилась ещё одна книга? — Сажерук ладонью начесал на лоб свои длинные волосы. — Ты дашь мне ещё один шанс? Ты ещё раз попробуешь своим чтением вернуть меня обратно? Один-единственный раз. — В его голосе звучала такая тоска, что Мегги стало жаль его.

Но на лице Мо он прочёл отказ.

— Ты не сможешь вернуться в эту книгу! — сказал Мо. — Я знаю, ты и слышать об этом не желаешь, но это так. Может быть, когда-нибудь я смогу тебе помочь. Есть у меня одна идея, довольно бредовая, но…

Мо не договорил, покачал головой и пнул носком ботинка пустой спичечный коробок, валявшийся на мостовой.

Мегги изумлённо посмотрела на него. О какой такой идее он говорил? Она у него в самом деле была или он просто хотел утешить Сажерука? Если второе, то он не достиг своей цели.

Сажерук смотрел на него с прежней неприязнью.

— Я поеду с тобой, — сказал он. Когда он коснулся шрамов на своём лице, его пальцы оставили на нём немного копоти. — Я поеду с тобой, если ты собираешься навестить этого человека, а там посмотрим…

Позади них послышался смех. Сажерук оглянулся. Гвин пытался взобраться на голову Фарида, а мальчик хохотал, как будто нет более приятных ощущений, чем острые когти куницы на коже.

— У него вообще нет никакой тоски по родине, — пробормотал Сажерук. — Я его спрашивал. Ни капельки! Ему здесь, — он показал рукой вокруг себя, — вот это всё нравится. Даже шум и вонь автомобилей. Он рад, что попал в этот мир. Ему ты, похоже, оказал благодеяние.

Он удостоил отца Мегги таким взглядом, что девочка непроизвольно ухватилась за руку Мо.

Гвин спрыгнул с плеча Фарида и с любопытством принюхивался к мостовой. Один из детей, которые только что бесились между ресторанными столиками, нагнулся и изумлённо разглядывал маленькие рожки. Но прежде чем он протянул руку к зверьку, подбежал Фарид и снова посадил куницу себе на плечо.

— И где же живёт этот… — Сажерук осёкся на полуслове.

— Примерно в часе езды отсюда.

Сажерук молчал. На небе вновь зажглись огни самолёта.

— Иногда рано поутру выйдешь умыться к колодцу, — пробормотал он, — а над водой жужжат крошечные феи, чуть больше ваших стрекоз, синие, как лепестки фиалок. Они любили залететь кому-нибудь в волосы, а иногда могли и в лицо плюнуть. Они были не слишком дружелюбны, но по ночам феи мерцали, как светлячки. Бывало, поймаю одну и посажу в банку. И если перед сном её отпустить, потом тебе снятся чудесные сны.

— Каприкорн сказал, там были кобольды и великаны, — тихо сказала Мегги.

Сажерук задумчиво посмотрел на неё.

— Да, были, — сказал он. — Кобольды, моховые старушки, стеклянные человечки… Каприкорн не очень-то любил их, всех без исключения. Он с огромным наслаждением всех бы их поубивал. Он на них охотился. Он охотился за всем, что могло двигаться.

— Наверное, тот мир был полон опасностей. — Мегги попыталась представить себе великанов, кобольдов и фей (Мо как-то раз подарил ей книгу о феях).

Сажерук пожал плечами:

— Да, жить в нём было опасно, ну и что? Этот мир тоже полон опасностей, разве не так?

Он резко повернулся к Мегги спиной, подошёл к своему рюкзаку и забросил его за плечи. Затем он жестом подозвал к себе мальчика. Фарид высоко поднял сумку с мячиками и факелами и расторопно поднёс её Сажеруку. Тот ещё раз обернулся в сторону Мо.

— Не смей рассказывать обо мне этому человеку! — сказал он. — Я не желаю его видеть. Я буду ждать около машины. Я хочу только знать, есть ли у него ещё одна книга. Ясно? Потому что до книги Каприкорна я ведь никогда не доберусь.

Мо пожал плечами.

— Как хочешь…

Сажерук разглядывал свои покрасневшие ладони и гладил распухшую кожу.

— Не дай Бог, он расскажет мне, чем кончится моя история, — пробормотал он.

Мегги недоверчиво посмотрела на него.

— А ты разве этого не знаешь?

Сажерук улыбнулся. Мегги по-прежнему не нравилась его улыбка. Казалось, она всегда служила для маскировки чего-то иного.

— Ну и что в этом особенного, принцесса? — спросил он тихо. — Вот ты, например, знаешь, чем кончится твоя история?

На это Мегги ничего не смогла ответить. Сажерук подмигнул ей и отвернулся.

— Завтра утром я буду ждать у гостиницы, — сказал он напоследок.

И зашагал прочь, ни разу не оглянувшись. За ним следовал Фарид с тяжёлой сумкой, счастливый, как бродячая собака, которая наконец-то нашла себе хозяина.

В эту ночь в небе, как оранжево-красный апельсин, сияла полная луна. Прежде чем лечь в кровать, Мо отдёрнул занавески, чтобы им было видно луну — яркий цветной фонарик в окружении белых звёзд.

Однако ни он, ни Мегги долго не могли уснуть. Мо купил себе несколько книжек в мягких обложках, таких истрёпанных, будто они прошли уже через множество рук. Мегги начала читать книгу про злодеев, подаренную Элинор. Ей стало интересно, но вскоре её глаза сомкнулись от усталости. Она быстро заснула, а Мо всё сидел рядом с ней и читал при свете оранжевой луны на чуждом небосводе.

Когда Мегги в испуге очнулась от какого-то путаного сна, Мо по-прежнему сидел на постели с раскрытой книгой в руках. Луна давно уже сместилась в сторону, и в окно была видна только ночь.

— Ты не можешь уснуть? — спросила она Мо.

— Ага. Эта глупая псина укусила меня в левую руку, а ты ведь знаешь, что как раз на левом боку я лучше всего засыпаю. Кроме того, у меня в голове крутится слишком много разных мыслей.

— У меня тоже.

Мегги взяла с ночного столика книгу стихов — второй подарок Элинор. Она погладила переплёт, провела рукой по выпуклому корешку и указательным пальцем обвела контур букв на обложке.

— Знаешь что, Мо? — сказала она смущённо. — Наверное, я тоже хотела бы уметь это.

— Что?

Мегги опять погладила переплёт книги. Ей почудилось, что она слышит её шёпот. Тихий — тихий.

— Читать вслух, — сказала она. — Вот так же, как ты. Читать так, чтобы всё прочитанное оживало.

Мо посмотрел на неё.

— Ты сошла с ума! — сказал он. — Именно из-за этого на нашу голову свалилось столько неприятностей.

— Я знаю.

Мо захлопнул свою книгу, заложив страницы пальцем.

— Почитай мне что-нибудь вслух! — тихонько попросила Мегги. — Пожалуйста. Только один раз. — Она подвинула ему сборник стихотворений. — Это мне Элинор подарила. Она говорит, при чтении этой книги навряд ли случится что-нибудь страшное.

— Вот как? Так и сказала? — Мо открыл книгу. — А если вдруг всё-таки?.. — Он полистал гладкие страницы.

Мегги пододвинула свою подушку как можно ближе к нему.

— У тебя на самом деле есть идея, как помочь Сажеруку вернуться? Или ты соврал ему?

— Чепуха. Я не умею врать, ты же знаешь.

— Не умеешь. — Мегги невольно улыбнулась. — И что же это за идея?

— Я тебе это скажу, когда узнаю, насколько она осуществима.

Мо продолжал листать книгу Элинор. Нахмурившись, он молча пробежал глазами одну страницу, перевернул её и уставился в следующую.

— Пожалуйста, Мо! — Мегги придвинулась к нему совсем близко. — Только одно маленькое стихотворение. Малюсенькое. Пожалуйста. Ради меня!

Он вздохнул:

— Одно — единственное? Мегги кивнула.

Доносившийся снаружи шум автомобилей затих. Мир стал безмолвным, опутался в кокон, точно мотылёк, чтобы на следующее утро вновь выскользнуть из него помолодевшим, обновлённым.

— Пожалуйста, Мо, почитай, — повторила Мегги. И Мо стал наполнять безмолвие словами. Он выманивал их со страниц, а слова будто только и ждали, чтобы услышать его голос, — длинные и короткие, колкие и мягкие, мурлыкающие, воркующие слова. Они кружились по комнате, складывались в картинки из разноцветного стекла и щекотали кожу. Даже когда Мегги задремала, она всё ещё

слышала их, хотя Мо давно уже закрыл книгу. Слова, которые объясняли ей мир, его тёмную и светлую стороны и воздвигали преграду для всех кошмарных сновидений. Ни один кошмар не смог проникнуть сквозь неё.

Наутро на постель Мегги опустилась птица, оранжево-красная, как лунный свет прошедшей ночи. Мегги попробовала поймать её, но птица вспорхнула и устремилась к окну, за которым её ожидало голубое небо. Она вновь и вновь натыкалась на невидимое стекло, ударяясь крохотной головкой, пока Мо не открыл окно и не дал ей улететь.

— Ну что, ты по-прежнему хочешь этому научиться? — спросил Мо.

Мегги долго смотрела вслед птице, пока та не растворилась в синеве неба.

— Это было чудесно! — сказала она.

— Да, но понравится ли ей здесь? И кто теперь вместо неё попал туда, откуда она появилась?

Пока Мо спускался вниз, чтобы расплатиться за гостиницу, Мегги сидела у окна. Она точно помнила, какое стихотворение этой ночью Мо читал последним. Она взяла книгу с ночного столика, какое-то мгновение колебалась — и открыла её.

Там, где кончается тротуар
И ещё не начинается мостовая,
Где растёт трава, мягкая, белая,
Где горит солнце, пурпурно-красное, жаркое,
Спит лунная птица после долгого путешествия
В холодном перечно-мятном ветре…

Читая строки Шела Силверстейна, Мегги шептала их вслух, но никакая лунная птица не слетела к ней. И запах перечной мяты, очевидно, жил только в её воображении.

ФЕНОЛИО

Вы про меня ничего не знаете, если не читали книжки под названием «Приключения Тома Сойера», но это не беда. Эту книжку написал мистер Марк Твен, и, в общем, не очень наврал. Кое-что он присочинил, но, в общем, не так уж наврал. Это ничего, я ещё не видел таких людей, чтобы совсем не врали.

Марк Твен. Приключения Гекльберри Финна

(перевод Н. Дарузес)

Когда они вышли из гостиницы, Сажерук и Фарид уже поджидали их на стоянке. Над близкими холмами нависли тучи, душный ветер медленно гнал их в сторону моря. Всё в этот день казалось серым, даже дома, выкрашенные яркими красками, и цветущие кусты вдоль обочины. Мо поехал по набережной, которую, по словам Элинор, построили ещё древние римляне, куда-то на запад.

На протяжении всей поездки слева от них было море, вода простиралась до самого горизонта. Иногда море пряталось за домами или за деревьями, но в это утро оно выглядело совсем не так заманчиво, как в тот день, когда Мегги, Элинор и Сажерук спустились на машине с гор. В его волнах тускло отражалось серое небо, море пенилось, как грязная вода, которой мыли пол. Мегги поймала себя на том, что всё чаще смотрит направо, на холмы, за которыми скрывалась деревня Каприкорна. Однажды ей даже почудилось, что в тёмной ложбине мелькнула колокольня, и её сердце бешено заколотилось, хотя она понимала, что это никак не могла быть церковь Каприкорна. В конце концов, её ноги ещё во всех подробностях помнили тот бесконечно долгий путь.

Мо ехал быстро, гораздо быстрее обычного — очевидно, он хотел как можно скорее добраться до цели. Примерно через час они свернули с набережной и поехали по извилистой дороге среди серых построек.

Вдоль холмов тянулись теплицы, их стёкла были выкрашены белой краской для защиты от солнца, которое сегодня укрылось за тучами. Только когда дорога пошла вверх, с обеих сторон вновь стало зелено. Стены теплиц сменились дикими лугами, а над дорогой склонялись оливковые деревья. Пару раз они выезжали к развилке, и Мо приходилось сверяться с купленной в городе картой, но вот наконец они увидели на дорожном указателе нужное название.

Деревня, в которую они въехали, была маленькая — всего несколько десятков домов и церковь, очень похожая на церковь Каприкорна. Когда Мегги вылезла из машины, далеко внизу она увидела море. Даже на расстоянии была видна бурлящая пена на гребнях волн — таким неспокойным было море в этот пасмурный день. Мо припарковался на деревенской площади, рядом с памятником жертвам двух последних войн. Список имён был длинным для такого маленького селения. Мегги показалось, что их было столько же, сколько домов в деревне.

— Можешь спокойно оставить машину открытой, я присмотрю за ней, — сказал Сажерук, когда Мо достал было ключи.

Он сбросил с плеч рюкзак, посадил сонного Гвина на цепь и сел на ступеньки перед памятником. Фарид молча устроился рядом с ним, а Мегги последовала за Мо.

— Помни, ты обещал ничего про меня не рассказывать! — крикнул им вслед Сажерук.

— Да, да, конечно, — ответил Мо. Напоследок оглянувшись, Мегги увидела, что Фарид снова начал играть со спичками. Он уже вполне научился гасить горящие спички во рту. Но Сажерук отобрал у него коробок, и Фарид с грустью рассматривал свои пустые руки.

Благодаря профессии отца Мегги не раз знакомилась с людьми, которые любили книги, продавали их, собирали, печатали или, подобно её отцу, уберегали их от тлена, но никогда ещё она не встречала человека, который написал слова и предложения, заполнявшие страницы. Она не помнила авторов даже некоторых своих любимых книг и уж тем более понятия не имела, как они выглядели. Она всегда видела только персонажей, выходивших из-за букв ей навстречу, и никогда — тех, кто этих персонажей придумал. А

значит, Мо абсолютно прав: писателей представляешь себе либо давно умершими, либо очень-очень старыми.

Но человек, который открыл им дверь, после того как Мо дважды нажал кнопку звонка, был ни то, ни другое. То есть он, конечно, по меркам Мегги, был стар — лет шестидесяти, а может быть, и старше.

Его лицо было изборождено морщинами, как у черепахи, но волосы были чёрные, без малейшего налёта седины (впоследствии она узнала, что он их красил). И назвать его дряхлым язык не поворачивался. Напротив, он так грозно вырос перед ними в дверном проёме, что у Мегги тут же отнялся язык.

К счастью, Мо ничуть не смутился.

— Синьор Фенолио? — спросил он. — Да.

Лицо хозяина стало ещё менее приветливым. Недоброжелательность читалась в каждой его морщинке. Но на Мо это, похоже, не произвело впечатления.

— Мортимер Фолхарт, — представился он. — А это моя дочь Мегги. Меня привела сюда одна из ваших книг.

С одной стороны от Фенолио в дверном проёме возник маленький мальчик лет пяти, с другой — выглянула маленькая девочка. Она с любопытством уставилась сначала на Мо и только потом на Мегги.

— Пиппо стащил с кухни шоколад! — услышала Мегги её шёпот, при этом малышка обеспокоенно посмотрела вверх, на Мо.

Когда тот подмигнул ей, она с хихиканьем скрылась за спиной Фенолио, который по-прежнему глядел чрезвычайно нелюбезно.

— Весь шоколад? — пробурчал он. — Я сейчас приду. А ты пока скажи Пиппо, что у него будут страшные неприятности.

Девочка кивнула и тут же куда-то пропала. Очевидно, ей нравилось сообщать дурные известия. Мальчик обхватил ногу Фенолио.

— Речь идёт о вполне определённой книге, — продолжал Мо. — О «Чернильном сердце». Вы написали её много лет назад, и, к сожалению, её теперь нигде не купишь.

Мегги удивилась, как свободно Мо подбирал слова под мрачным взглядом хозяина дома.

— Ах, об этой… И что же?

Фенолио скрестил руки на груди. Слева от него вновь появилась девочка.

— Пиппо спрятался, — прошептала она.

— Это ему не поможет, — сказал Фенолио. — Я всё равно его найду.

Девочка в мгновенье ока исчезла. Мегги услышала, как где-то в глубине дома она громко зовёт по имени похитителя шоколада.

А Фенолио вновь повернулся к Мо.

— Что вам надо? Если вы собрались задать мне какие-нибудь лукавые вопросы по содержанию этой книги, выкиньте их из головы. У меня на подобные вещи нет времени. Кроме того, как вы правильно заметили, я написал её чуть ли не целую вечность назад.

— Нет, никаких вопросов у меня нет, кроме одного. Я очень хотел бы знать, осталось ли у вас ещё несколько экземпляров и могу ли я один из них купить.

Теперь старик смотрел на Мо более радушно.

— Надо же… Кажется, эта книга в самом деле чем-то вас зацепила. Мне очень лестно. Хотя… — Его лицо снова помрачнело. — Вы, случайно, не из тех сумасбродов, которые коллекционируют редкие книги только потому, что они редкие?

Мо улыбнулся.

— Нет, — сказал он. — Я хочу её почитать. Просто почитать.

Фенолио опёрся одной рукой о дверной косяк и разглядывал дом напротив, словно боялся, как бы тот не обрушился. Переулок, в котором он жил, был такой узкий, что если бы Мо распростёр руки, он мог бы коснуться зданий по обе его стороны. Многие дома были сложены из песочно-серых неотёсанных камней, как и дома в деревне Каприкорна, только здесь подоконники и лестницы были уставлены цветами и многие стены, видимо, покрасили совсем недавно. У одного крыльца стояла детская коляска, у другого — мопед, из открытых окон доносились голоса. «Когда-то, — подумала Мегги, — деревня Каприкорна, наверное, выглядела точно так же».

Мимо прошла какая-то старушка, она недоверчиво покосилась на чужаков. Фенолио кивнул ей, пробормотал короткое приветствие и подождал, пока она скроется в дверях одного из домов, выкрашенных в зелёный цвет.

— «Чернильное сердце»… — сказал он. — Действительно, это было так давно! Странно, что вы спрашиваете именно об этой книге.

Вернулась малышка, она потянула Фенолио за рукав и что-то шепнула ему на ухо. Черепашье лицо Фенолио растянулось в улыбке. Таким он больше понравился Мегги.

— Да, Паула, он всегда прячется именно там, — тихо сказал он девочке. — Ты посоветуй ему найти какое-нибудь укрытие получше.

Паула в третий раз умчалась, успев бросить на Мегги любопытный взгляд.

— Ладно, заходите, — сказал Фенолио.

Не говоря больше ни слова, он знаком пригласил Мо и Мегги в дом и повёл их по тёмному коридору, прихрамывая, потому что мальчик всё ещё висел на его ноге, как обезьянка. Он распахнул дверь в кухню, где на столе стояли развалины пирога. Коричневая корка была вся в дырочках, словно переплёт книги, который долгие годы грызли книжные черви.

— Пиппо! — Фенолио крикнул так громко, что даже Мегги вздрогнула, хотя она-то ни в чём повинна не была. — Я знаю, что ты меня слышишь! И я говорю тебе: за каждую дырку в этом пироге я завяжу твой нос на один узел! Ты понял?

Мегги услышала хихиканье. Очевидно, оно доносилось из шкафа рядом с холодильником. Фенолио отломил себе кусочек от дырявого пирога.

— Паула, — сказал он, — дай кусочек этой девочке, если её не смущают дырки.

Паула вылезла из-под стола и вопросительно посмотрела на Мегги.

— Они меня не смущают, — сказала Мегги, и тогда Паула огромным ножом оттяпала ей кусок пирога, такой же огромный, и положила перед ней на стол.

— Пиппо, подай сюда посуду, — сказал Фенолио, и из шкафа высунулась рука, держа пальцами, перепачканными в шоколаде, маленькую тарелку.

Мегги быстро подхватила тарелку, чтобы она не упала, и положила на неё кусок пирога.

— А вам? — спросил Фенолио у Мо.

— Я с большим удовольствием получил бы книгу, — ответил Мо. Он был довольно бледен.

Фенолио снял с ноги маленького мальчика и сел на стул.

— Рико, поищи себе другое дерево, — сказал он и задумчиво посмотрел на Мо. — Это невозможно. У меня не осталось ни одного экземпляра. Все, какие были, кто-то украл. Однажды я предоставил их выставке старых детских книг в Генуе. Там было одно специальное издание с роскошными иллюстрациями, ещё на одном было написано посвящение иллюстратора, потом были две книги, принадлежавшие моим детям, вместе со всеми пометками, которые они там нацарапали (я всегда просил их подчёркивать места, которые им больше всего понравились), и, наконец, мой персональный экземпляр… И все были украдены через два дня после открытия выставки.

Мо провёл рукой по лицу, словно хотел стереть разочарование.

— Украдены… Разумеется.

— Разумеется? — Фенолио, прищурившись, пытливо изучал лицо Мо. — Извольте мне это объяснить. Я не выпущу вас из дома, пока не узнаю, почему вы спрашиваете именно об этой книге. Я натравлю на вас детей, а это малоприятно.

Мо попробовал улыбнуться, но улыбка получилась вымученной.

— Мой экземпляр тоже украли, — наконец сказал он. — И это был тоже совершенно особенный экземпляр.

— Поразительно. — Фенолио поднял брови, они топорщились над его глазами, как мохнатые гусеницы. — Ну что ж, рассказывайте.

Ни тени враждебности больше не было на его лице. Верх одержало не что иное, как чистое любопытство. В глазах Фенолио Мегги распознала ту же неутолимую жажду интересных историй, которая возникала у неё самой при виде каждой новой книги.

— Тут нечего долго рассказывать. — По голосу отца Мегги поняла, что он не собирается рассказывать старику правду. — Я реставрирую книги. Это мой хлеб. Вашу книгу я приобрёл несколько лет назад в букинистической лавке и хотел переплести её заново, а затем продать, но она мне так понравилась, что я сохранил её у себя. И вот её у меня украли, и я тщетно пытался купить себе новую. В конце концов одна знакомая, которая великолепно умеет раздобывать редкие книги, предложила мне попытать счастья у её автора. Именно она достала мне ваш адрес. И вот я приехал сюда.

Фенолио смахнул со стола крошки от пирога.

— Прекрасно, — сказал он. — Но это ещё не вся история.

— Что вы хотите этим сказать?

Старик испытующе вгляделся в лицо Мо, затем отвернулся к узкому окну кухни.

— Я хочу сказать, что я за версту чую интересные истории, так что не пытайтесь ничего от меня утаить. Выкладывайте. За это вы получите ещё один кусок этого сказочного продырявленного пирога.

Паула вскарабкалась на колени Фенолио. Она пристроила головку под его подбородком и смотрела на Мо с таким же нетерпеливым ожиданием, как и старик.

Но Мо покачал головой:

— Нет, я полагаю, это лишнее. Вы наверняка не поверите ни одному моему слову.

— О, я верю самым невероятным вещам! — возразил Фенолио, отрезая ему кусок пирога. — Я верю любой истории, если только она хорошо рассказана.

Дверь шкафа отворилась, и Мегги увидела, как оттуда высунулась голова мальчика.

— А когда ты меня накажешь? — спросил он. Это был Пиппо, судя по пальцам, испачканным в шоколаде.

— Потом, — сказал Фенолио. — Сейчас я занят другими делами.

Пиппо, разочарованный, вылез из шкафа.

— Ты сказал, что завяжешь мне узлы на носу…

— Двойные узлы, морские, бабочкой — всё, что захочешь, но сначала я должен выслушать эту историю. Так что можешь натворить ещё несколько глупостей, пока мне не до тебя.

Пиппо обиженно надул губы и исчез в коридоре. Маленький мальчик поскакал за ним.

Мо долго молчал, щелчками сбивал крошки от пирога с чёрной столешницы и указательным пальцем рисовал на ней невидимые узоры.

— В этой истории замешан человек, кому я обещал её не рассказывать, — наконец сказал он.

— «Плохое обещание не станет лучше, если его сдержать», — усмехнулся Фенолио. — По крайней мере, так сказано в одной из моих любимых книг.

— Я не знаю, было ли это такое уж плохое обещание. — Мо вздохнул и посмотрел на потолок, как будто там был написан ответ. —

Ну, ладно, — сказал он. — Я вам всё расскажу. Но Сажерук меня убьёт, если он об этом узнает.

— Сажерук? Однажды я так назвал одного персонажа. Ну конечно, это бродячий артист из «Чернильного сердца»! В предпоследней главе он у меня погибает, я сам плакал, когда писал об этом, — так это было трогательно.

Мегги чуть не поперхнулась куском пирога, который она как раз положила себе в рот, но Фенолио невозмутимо продолжал:

— Я описал смерть многих героев, но ведь иногда это бывает очень даже кстати. Сцены гибели писать нелегко, они часто выходят чрезмерно слезливыми, но гибель Сажерука мне воистину удалась.

Мегги ошарашенно посмотрела на Мо.

— Он погибнет? А… ты это знал?

— Конечно, Мегги. Ведь я прочитал всю историю до конца.

— Но почему ты ему это не сказал?

— Он не хотел ничего слушать.

Фенолио следил за их перепалкой озадаченно… и с огромным любопытством.

— А кто его убивает? — спросила Мегги. — Баста?

— А-а, Баста! — Фенолио ухмыльнулся, каждая морщинка на его лице исполнилась самодовольства. — Один из самых лучших мерзавцев, которых я когда-либо придумал. Бешеный пёс, но вовсе не такой опасный, как другой мой отрицательный герой — Каприкорн. Баста за него готов у себя сердце из груди вырвать, но Каприкорн чужд подобных страстей. Он ничего не чувствует, совсем ничего, он не получает удовольствия даже от собственной жестокости. Да, для «Чернильного сердца» я придумал нескольких отрицательных персонажей, в том числе собаку Каприкорна — я назвал её Тень. Но это, разумеется, слишком благозвучное имечко для такого чудовища.

— Тень? — еле слышно повторила Мегги. — Это она убьёт Сажерука?

— Нет-нет. Извини, я совсем забыл про твой вопрос. Когда я начинаю рассказывать о своих героях, мне трудно остановиться… Нет, Сажерука убивает один из людей Каприкорна. Гм, в самом деле, эта сцена мне удалась! У Сажерука есть ручная куница. Подручный Каприкорна хочет её убить, потому что ему нравится убивать

маленьких зверюшек. Ну вот, Сажерук вступается за своего мохнатого друга и гибнет вместо него.

Мегги молчала. «Бедный Сажерук, — подумала она. — Бедный, бедный Сажерук». Ни о чём другом думать она теперь не могла.

— Кто же это из людей Каприкорна? — спросила она. — Плосконос? Или Кокерель?

Фенолио посмотрел на неё с восхищением.

— Ну, что-то вроде того… Ты запоминаешь все имена? Я-то их забываю вскоре после того, как придумаю.

— Нет, Мегги, ни тот, ни другой, — сказал Мо. — В книге убийца вообще не назван по имени. Там за Гвином гонится целый отряд молодцов Каприкорна, и один из них наносит удар ножом. Тот, который, может быть, и сейчас поджидает Сажерука.

— Поджидает? — Фенолио изумлённо уставился на Мо.

— Это отвратитительно! — прошептала Мегги. — Я рада, что не стала читать дальше.

— Но что всё это значит? О моей ли книге ты говоришь? — В голосе Фенолио послышалась обида.

— Да, — сказала Мегги. — О вашей книге. — Она вопросительно посмотрела на Мо. — А Каприкорн? Кто убьёт его?

— Никто.

— Никто?

Мегги посмотрела на Фенолио с таким осуждением, что тот смущённо потёр себе нос. Нос у него был весьма приметный.

— Что ты на меня так смотришь? — воскликнул он. — Да, Каприкорн у меня уходит от возмездия. Он один из лучших моих негодяев. С какой стати я должен его убивать? В реальной жизни всё точно так же. Самые страшные убийцы выходят сухими из воды и живут себе припеваючи до глубокой старости, тогда как добрые и хорошие, порой самые лучшие, погибают. Отчего же в книгах должно быть иначе?

— А что будет с Бастой? Он тоже останется жив? — Мегги вспомнила слова Фарида, сказанные в лесной хижине: «Почему вы их не убиваете? Ведь они именно это собирались с нами сделать!»

— Баста тоже остаётся жив, — ответил Фенолио. — В ту пору я долго тешил себя мыслью написать продолжение «Чернильного сердца» и потому не мог отказаться от своих героев. Я очень гордился

ими! Ну, хорошо, Тень у меня тоже неплохо вышла, но персонажи в человечьем обличье мне наиболее дороги. Знаешь что, если ты меня спросишь, кем я горжусь больше — Бастой или Каприкорном, я даже не смогу тебе ответить!

Мо вновь посмотрел в окно. Затем на Фенолио.

— Вы бы хотели когда-нибудь встретиться с ними? — спросил он.

— С кем? — Фенолио изумлённо посмотрел на него.

— С Каприкорном и с Бастой.

— О нет, Боже сохрани! — Фенолио захохотал так громко, что Паула в испуге закрыла ему рот ладошкой.

— Ну вот. А мы их повстречали, — устало сказал Мо. — Я, Мегги… и Сажерук.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ КОНЕЦ

Истории, романы и сказки очень похожи на живых существ и, быть может, даже ими являются. Как и у людей, у них есть голова, ноги, кровообращение и одежда.

Э. Кестнер. Эмиль и сыщики

Когда Мо закончил свой рассказ, Фенолио долго молчал. Паула давно уже отправилась на поиски Пиппо и Рико. Мегги слышала, как этажом выше они носятся туда-сюда по паркету, скачут, падают, хихикают, кричат… Но на кухне Фенолио стало так тихо, что было слышно тиканье настенных часов.

— У него есть шрамы на лице — ну, вы помните?.. — Он вопросительно помотрел на Мо.

Тот кивнул.

Фенолио стряхнул с брюк крошки.

— Эти шрамы — дело рук Басты, — сказал он. — Было время, когда им нравилась одна и та же девушка.

Мо кивнул.

— Да, я знаю.

— Феи обработали порезы на его лице своими снадобьями, — сказал старик. — Поэтому следы остались небольшие, не более чем три бледные полоски, так ведь? — Старик вопросительно посмотрел на Мо.

Он снова кивнул. А Фенолио выглянул на улицу. В доме напротив было открыто окно, и было слышно, как какая-то женщина ругает своего ребёнка.

— Собственно говоря, я должен изрядно этим гордиться, — пробормотал Фенолио. — Всякий писатель желает, чтобы его герои были как можно более жизненными, а мои герои прямым ходом сошли со страниц вашей книги в действительность.

— Потому что их своим голосом вызвал к жизни мой отец, — сказала Мегги. — Он может сделать то же самое и с другими книгами.

— Ну да, конечно. — Фенолио кивнул. — Хорошо, что ты мне напомнила. А то ещё я вообразил бы себя этаким маленьким богом, не правда ли? Но мне очень жаль твою маму… Хотя, если рассудить, то я вообще-то, не виноват.

— Для моего отца это очень большое горе, — сказала Мегги. — А я-то её совсем не помню.

Мо посмотрел на неё с удивлением.

— Конечно. Тебе было даже меньше лет, чем моим внукам, — задумчиво согласился Фенолио. Он подошёл к окну. — Я в самом деле хотел бы поглядеть на него, — сказал он. — Я имею в виду Сажерука. Теперь-то мне, разумеется, жаль, что я уготовил бедняге такой ужасный конец. Но в известном смысле он ему очень подходит. Как говорится у Шекспира:

Мир — сцена, где у всякого есть роль. Моя — грустна.[9]

Он посмотрел вниз, в переулок. Этажом выше что-то разбилось, но, похоже, Фенолио это почти не заинтересовало.

— А это кто, ваши дети? — спросила Мегги и показала наверх.

— Слава богу, нет. Мои внучата. Одна из моих дочерей тоже живёт в этой деревне. Они постоянно приходят ко мне, и я рассказываю им истории. Я половине деревни рассказываю истории, но у меня больше нет желания их записывать… Где он сейчас? — Фенолио повернулся к Мо.

— Сажерук? Я не вправе вам это сказать. Он не желает вас видеть.

— Он очень испугался, когда мой отец рассказал ему о вас, — добавила Мегги.

«Однако Сажерук обязательно должен узнать, что с ним будет, — подумала она. — Тогда он поймёт, что ему в самом деле не стоит возвращаться. И продолжать мучиться от тоски. Без конца».

— Я должен его увидеть! Хотя бы один раз. Разве вам не понятно? — Фенолио с мольбой посмотрел на Мо. — Я могу незаметно пойти за вами следом. Как он меня узнает? Я просто хочу удостовериться, так ли он выглядит, каким я его себе вообразил.

Однако Мо покачал головой:

— Я думаю, лучше бы вам оставить его в покое.

— Чепуха! Я могу посмотреть на него, когда захочу. В конце концов, это я его придумал!

— И вы же его убили, — возразил Мо.

— Ну да… — Фенолио беспомощно поднял руки. — Я хотел, чтобы сюжет стал более занимательным. Ты любишь занимательные истории? — обратился он к Мегги.

— Только если у них счастливый конец.

— Счастливый конец!..

В голосе Фенолио сквозило лёгкое презрение. Он прислушался к тому, что творилось наверху. Что-то или кто-то со всего маху рухнул на деревянный пол, вслед за грохотом раздался громкий плач. Фенолио поспешил к двери.

— Подождите здесь! Я сию минуту вернусь! — крикнул он и исчез в коридоре.

— Мо! — прошептала Мегги. — Ты должен всё рассказать Сажеруку! Ты должен ему сказать, что пути назад для него нет!

Но Мо покачал головой:

— Поверь мне, он ничего и слушать не желает. Более десяти раз я пытался заговорить с ним об этом. Но, может быть, не такая уж это и глупая идея — познакомить его с Фенолио. Может быть, он скорее поверит своему создателю, чем мне. — Глубоко вздохнув, он смахнул с кухонного стола Фенолио несколько крошек от пирога. — В «Чернильном сердце» была картинка, — пробормотал он и стал чертить что-то на столе, как будто таким образом мог вызвать эту картинку к жизни. — На ней под аркой ворот стояла группа женщин в роскошных одеждах, словно они собрались на праздник. У одной из них были такие же белокурые волосы, как у твоей матери. Лиц на картинке не видно, женщины стоят к нам спиной, но я всегда представлял себе, что это она. Сумасшедший, да?

Мегги положила ладонь на его руку.

— Мо, обещай мне, что ты больше никогда не поедешь в ту деревню! — сказала она. — Пожалуйста! Обещай мне, что ты оставишь любые попытки добраться до этой книги.

Секундная стрелка на часах в кухне Фенолио беспощадно разрезала время на тонкие ломтики, пока Мо наконец не ответил.

— Обещаю, — сказал он.

— Посмотри на меня! Он повиновался.

— Обещаю! — повторил он. — Мне осталось обсудить с Фенолио ещё один вопрос, а потом мы поедем домой и забудем об этой книге. Ты довольна?

Мегги кивнула. Хотя и спрашивала себя: что же тут обсуждать?

Фенолио вернулся, неся на спине зарёванного Пиппо. Двое других детей, удручённые, шли следом за дедушкой.

— Дырки в пироге, а теперь ещё и дырка во лбу… По-моему, вас всех надо отправить домой, — ругался Фенолио, усаживая Пиппо на стул.

Затем он порылся в большом шкафу, нашёл там пластырь и не слишком бережно наклеил его на разбитый лоб внука.

Мо отодвинул свой стул и поднялся.

— Я хорошенько поразмыслил, — сказал он. — Я отведу вас к Сажеруку.

Фенолио изумлённо повернулся к нему.

— Может быть, хоть вы сможете раз и навсегда объяснить ему, что ему нельзя возвращаться, — продолжал Мо. — А то кто знает, что он ещё задумает. Я боюсь, это грозит ему бедой… Кроме того, у меня есть одна идея. Она безумная, но я очень хотел бы обсудить её с вами.

— Ещё безумнее, чем то, что вы мне уже рассказали? Это вряд ли возможно, правда?

Внуки Фенолио спрятались в шкафу и со смехом захлопнули дверцу.

— Я выслушаю вашу идею, — сказал Фенолио. — Но сначала я хочу видеть Сажерука!

Мо взглянул на Мегги. Не часто случалось, чтобы Мо не держал своё обещание, и всякий раз он чувствовал себя при этом более чем скверно. Мегги очень хорошо это понимала.

— Он ждёт на площади, — поколебавшись, сказал Мо. — Но позвольте сначала мне переговорить с ним.

— На площади? — Фенолио вытаращил глаза. — Это просто чудесно! — Он шагнул к маленькому зеркалу, висевшему рядом с кухонной дверью, и пригладил пальцами свои тёмные волосы, словно боялся, что Сажерук будет разочарован внешностью своего создателя. — Я сделаю вид, будто вовсе его не вижу, пока вы сами меня не позовёте! — сказал он. — Да, так и договоримся.

В шкафу что-то загрохотало, и оттуда вылез Пиппо в куртке, доходившей ему до пят. На голове у него красовалась шляпа, она была ему чересчур велика и соскальзывала на глаза.

— Конечно! — Фенолио сорвал шляпу с головы Пиппо и надел её сам. — Придумал! Я возьму детей с собой! Дедушка с тремя внуками — вряд ли такое зрелище вызовет какие-то подозрения, как вы считаете?

Мо только кивнул и подтолкнул Мегги в узкий коридор.

Они пошли по улочке обратно к площади, на которой стояла их машина. Фенолио следовал за ними на расстоянии нескольких метров. Рядом с ним, словно щенята, скакали его внуки.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

И тогда она отложила книгу. Посмотрела на меня. И сказала:

— Жизнь несправедлива, Билл. Мы учим детей обратному, но тем самым поступаем подло. Не просто лжём, а лжём жестоко. Жизнь несправедлива, никогда не была иной и не будет.

У. Голдман. Принцесса-невеста

Сажерук сидел на каменных ступенях и ждал. Ему было не по себе, но, чего он боялся, он и сам не знал. Может быть, памятник за его спиной слишком откровенно напоминал ему о смерти? Смерти он боялся всегда, он представлял себе её тёмной и холодной, словно ночь без огня. Правда, было для него кое-что и пострашнее смерти, а именно — уныние. С тех пор как Волшебный Язык выманил его в этот мир, оно шло за ним по пятам, как вторая тень. Уныние, от которого руки и ноги делаются тяжёлыми, а небо — серым.

Мимо него по ступенькам скакал мальчик. Вверх-вниз, без устали, на лёгких ногах, с радостной улыбкой, как будто Волшебный Язык перенёс его прямиком в рай. Почему он так счастлив? Сажерук огляделся, посмотрел на узкие дома, бледно-жёлтые, розовые, цвета персика, на тёмно-зелёные ставни и крыши из красного кирпича, на олеандр, который пышно цвёл перед каменной оградой, словно его ветви пылали ярким пламенем, на кошек, гревшихся у тёплых стен. Фарид подкрался к одной из них, схватил за серую шерсть и посадил себе на колени, пусть та и запустила когти в его ногу.

— Ты знаешь, что здесь делают, чтобы кошки не слишком размножались? — Сажерук вытянул ноги и, прищурившись, смотрел на солнце. — Как только наступает зима, люди запирают своих кошек в доме, а для бродячих ставят перед дверью миски с отравленным кормом.

Фарид почесал кошку за острыми ушками. Его лицо оцепенело, на нём не осталось и следа блаженного счастья, благодаря чему оно ещё

минуту назад казалось таким кротким. Сажерук быстро отвернулся. Зачем он это сказал? Ему мешало счастье на лице мальчика?

Фарид отпустил кошку и поднялся по ступеням к памятнику.

Сажерук всё ещё сидел, поджав ноги, когда вернулись двое их спутников. У Волшебного Языка в руках не было книги, он хмурился… а на его лбу были написаны угрызения совести.

Почему? С какой стати Волшебного Языка мучит совесть? Сажерук недоверчиво осмотрелся, сам не зная, что собирался увидеть. У Волшебного Языка все мысли всегда написаны на лице, он похож на вечно открытую книгу, страницы которой может читать кто угодно. А вот про его дочь этого не скажешь. Догадаться, что у неё на душе, не так легко. Но когда она сейчас приблизилась к нему, Сажеруку показалось, что в её глазах таилось что-то вроде заботы. Может быть, это было даже сострадание. Не относилось ли оно к нему самому? Что такого рассказал этот писака, чтобы девочка так на него смотрела?

Он поднялся на ноги и стряхнул пыль с брюк.

— У него больше не осталось ни одной книги, так? — сказал он, когда отец и дочь подошли к нему.

— Так. Они все украдены, — ответил Волшебный Язык. — Ещё несколько лет назад.

Его дочь не сводила глаз с Сажерука.

— Что ты так уставилась на меня, принцесса? — закричал он на неё. — Ты знаешь что-то такое, чего не знаю я?

Попал в точку. Сам того не желая. Он не собирался ничего угадывать, и уж тем более — правду. Девочка кусала губы, глядя на него по-прежнему со смесью заботы и сострадания.

Сажерук потрогал своё лицо, ощупал шрамы, навсегда прилипшие к его щекам, словно открытка: «Горячий привет от Басты». Ни на день он не мог забыть этого бешеного цепного пса Каприкорна, даже когда хотел.

«Это чтобы ты в будущем ещё больше нравился девушкам!» — прошипел Баста ему на ухо, прежде чем стереть его кровь с ножа.

— Будь ты проклят, трижды проклят! — Сажерук с такой яростью пнул ногой ближайшую стену, что ступня потом болела ещё несколько дней. — Ты рассказал этому писаке про меня! — накинулся он на Волшебного Языка. — И теперь даже твоя дочка знает обо мне больше, чем я сам! Ну ладно, выкладывай. В таком случае я тоже хочу

это знать. Расскажи мне. Ведь ты сам много раз собирался мне это поведать. Баста вздёрнет меня на виселице, да? Он вытянет мне шею на целый аршин, он опутает меня верёвками, пока я не задохнусь и не окоченею, правда? Но разве это имеет какое-то значение? Ведь Баста теперь здесь. Сюжет изменился, история наверняка стала другой! Баста ничего не сможет мне сделать, как только ты вернёшь меня на моё законное место!

Сажерук сделал шаг в сторону Волшебного Языка, он хотел схватить его за горло, потрясти, ударить — за всё, что он ему сделал… Но между ними встала девочка.

— Перестань! Это не Баста! — крикнула она, отталкивая Сажерука. — Это кто-то другой из людей Каприкорна, кто-то, кто уже поджидает тебя. Они хотят убить Гвина, а ты приходишь ему на помощь, и за это они тебя убивают. И всё осталось по-старому! Однажды это случится, и ты этого никак не поправишь! Понял? Поэтому ты должен оставаться здесь, тебе нельзя возвращаться, никогда в жизни!

Сажерук пристально уставился на девочку, словно взглядом мог заставить её замолчать, но она выдержала его взгляд. Она даже попробовала схватить его за руку.

— Радуйся тому, что ты здесь! — пробормотала она, когда он отшатнулся от неё. — Здесь ты не стоишь у них на дороге. Ты можешь уйти далеко-далеко… — Её голос затих.

Возможно, она заметила слёзы в его глазах. Он с досадой вытер их рукавом. Он озирался, точно зверь, попавший в ловушку и ищущий выхода. Но выхода не было. Вперёд идти было некуда, и, что ещё хуже, не было никакого пути назад.

Поодаль, на автобусной остановке, стояли три женщины, они глазели на них с любопытством. Сажерук часто ловил на себе подобные взгляды, — всем было видно, что он какой-то нездешний. Чужой, навечно.

На другой стороне площади играли в футбол консервной банкой трое детей и пожилой мужчина, Фарид загляделся на них. Рюкзак Сажерука висел у него на тощих плечах, а к брюкам прилипло несколько кошачьих шерстинок. Он глубоко ушёл в свои мысли, ковыряя пальцами босых ног полоску между брусчаткой. Мальчик при первой возможности снимал кроссовки, которые купил ему Сажерук,

он бегал босиком даже по горячему асфальту, привязав кроссовки к рюкзаку, как привязывают добычу охотники, собираясь домой.

Волшебный Язык тоже смотрел на играющих детей. Может быть, он подавал старику знак? Тот оставил детей одних и направился к ним. Сажерук попятился. По его спине пробежали мурашки.

— Мои внучата в восторге от ручной куницы, которую держит на цепи вот этот мальчик, — сказал подошедший старик.

Сажерук отступил ещё на шаг. Почему этот человек так смотрит на него? Он смотрел совсем не так, как женщины на автобусной остановке.

— Дети утверждают, что куница умеет показывать фокусы. А мальчик может глотать огонь. Можно, я приведу их сюда, чтобы они увидели вблизи, как это делается?

Мороз прошёл по коже Сажерука, хотя нещадно палило солнце. Как старик смотрел на него! Точно на собаку, которая давно уже от него сбежала и вот вернулась, пусть с поджатым хвостом и блохастой шерстью, но всё же это его собственная собака.

— Ерунда, никаких фокусов, — выдавил из себя Сажерук. — Смотреть тут совершенно не на что!

Он отпрянул ещё дальше, но старик шёл прямо на него, как будто невидимая нить связывала их.

— Мне очень жаль! — сказал он и поднял руку, словно хотел ощупать шрамы на лице Сажерука.

Тот наткнулся спиной на припаркованную машину. И вот старик стоял уже перед ним. Как он таращился на него…

— Убирайся! — Сажерук грубо оттолкнул его. — Фарид, подай мои вещи!

Мальчик вприпрыжку подбежал к нему. Сажерук выхватил у него из рук рюкзак и запихал туда куницу, не обращая внимания на клацанье острых зубов. Старик уставился на рожки Гвина. Быстрым движением Сажерук закинул рюкзак за плечо и попытался бочком проскользнуть мимо незнакомца.

— Пожалуйста… Я хочу с тобой просто побеседовать. — Старик преградил ему дорогу и схватил его за руку.

— А я — не хочу!

Сажерук постарался высвободиться. Костлявые пальцы старика оказались на удивление сильными, но ведь у него был нож, нож Басты.

Он вытащил его из кармана, щёлкнул лезвием и приставил старику пониже подбородка. Его рука дрожала (ему никогда не доставляло радости угрожать кому-нибудь ножом), но старик всё же отпустил его.

И Сажерук побежал.

Он будто не слышал, как сзади его окликал Волшебный Язык. Он спасался бегством, что с ним случалось уже не раз. Он полагался на свои ноги, даже если не знал, куда они его в конце концов принесут. Деревня и шоссе остались позади, он прокладывал себе дорогу сквозь луговую траву, его поглотил горчично-жёлтый дрок, укрыла серебристая листва масличных деревьев… Подальше от домов, от асфальтированных дорог. В густых зарослях он всегда чувствовал себя в безопасности.

Только когда каждый вздох стал отдаваться болью в теле, Сажерук упал в траву за брошенной цистерной, в которой квакали лягушки и испарялась на солнце скопившаяся дождевая вода. Он лежал, тяжело дыша и прислушиваясь к биению собственного сердца, и смотрел в небо.

— Кто был этот старик?

Он вздрогнул и приподнялся. Перед ним стоял мальчик. Значит, он бежал за ним следом.

— Пошёл прочь! — выдохнул Сажерук. Мальчик присел среди полевых цветов. Они росли повсюду, голубые, жёлтые, красные. Цветочные чашечки были рассеяны по траве, как распылённая краска.

— На кой ты мне сдался! — заорал на него Сажерук.

Мальчик молчал. Он сорвал дикую орхидею и разглядывал её цветок. Она была похожа на шмеля, сидящего на цветочном стебле.

— Какой странный цветок! — пробормотал он. — Таких я ещё никогда не видел.

Сажерук сел и опёрся спиной на стенку цистерны.

— Ты ещё пожалеешь, что увязался за мной, — сказал он. — Я возвращаюсь. Ты догадываешься — куда.

Только когда он выговорил это, ему стало ясно: он принял решение. Уже давно. Он вернётся. Трусишка Сажерук вернётся в логово льва. Неважно, что говорил Волшебный Язык, неважно, что говорила его дочка… Он хотел лишь одного. Он всегда жаждал только одного. И если он не мог сделать это немедленно, то оставалась, по

крайней мере, надежда, что когда-нибудь он всё же осуществит свою мечту.

Мальчик всё ещё был здесь.

— Ну, уходи же! Возвращайся к Волшебному Языку! Он позаботится о тебе.

Фарид по-прежнему невозмутимо сидел рядом, обхватив руками колени.

— Ты возвращаешься в деревню?

— Да! Туда, где живут дьяволы и демоны. Можешь мне поверить, таких мальчиков, как ты, они съедают на завтрак. После этого кофе кажется им гораздо вкуснее.

Фарид провёл цветком орхидеи по щекам. Он скорчил гримасу, когда листья защекотали его кожу.

— Гвин хочет погулять, — сказал он.

В самом деле, куница кусала ткань рюкзака и высовывала мордочку. Сажерук развязал ремни и выпустил её.

Гвин, прищурясь, посмотрел на солнце, сердито зарычал — вероятно, по поводу неурочного времени суток — и прошмыгнул к мальчику.

Фарид поднял его на плечо и серьёзно посмотрел на Сажерука.

— Я никогда ещё не видел таких цветов, — повторил он. — И таких зелёных холмов, и такой хитрой куницы. Но таких людей, как те, о которых ты говоришь, я знаю очень хорошо. Они всюду одинаковы. Сажерук покачал головой:

— Эти — хуже всех.

— Вовсе нет.

Упрямство в голосе Фарида рассмешило Сажерука. Почему — он и сам не знал.

— Можно пойти ещё куда-нибудь, — сказал мальчик.

— Нельзя.

— Почему? Что тебе надо в той деревне?

— Кое-что украсть, — ответил Сажерук.

Мальчик кивнул, как будто кража — самое обычное дело на свете, и осторожно положил орхидею в карман своих брюк.

— А ты меня сначала научишь ещё каким-нибудь играм с огнём?

— Сначала? — Сажерук невольно улыбнулся: мальчик хитёр, понимает, что, возможно, никакого «потом» не будет. — Конечно, —

сказал он. — Я научу тебя всему, что умею. Сначала.

ВСЕГО ЛИШЬ ИДЕЯ

— Всё, может быть, и так, — сказал Страшила. — Но обещание есть обещание, и его надо выполнять.

Л. Ф. Баум. Волшебник страны Оз

После бегства Сажерука никуда они не поехали.

— Мегги, я помню: я обещал тебе, что мы навестим Элинор, — сказал Мо, когда они, немного растерянные, стояли на площади перед памятником. — Но я хотел бы отправиться к ней завтра. Ведь я уже говорил: мне надо кое-что обсудить с Фенолио.

Старик по-прежнему стоял там, где он говорил с Сажеруком, и смотрел в сторону шоссе. Внуки тянули его за руки и за одежду, о чём-то просили, но он будто вообще не замечал их.

— Что ты хочешь с ним обсуждать?

Мо присел на ступеньки перед памятником и усадил Мегги рядом.

— Видишь эти имена? — спросил он, указывая на памятник, на высеченные буквы, напоминавшие о людях, которых уже не было. — У каждого из погибших осталась семья: мать или отец, сёстры, братья, возможно жёны. Если бы кто-то из них узнал, что может оживить буквы, снова превратить эти имена в плоть и кровь… разве он не сделал бы для этого всё возможное и невозможное, правда?

Мегги вгляделась в длинный перечень имён. Рядом с верхними кто-то нарисовал сердечко, а на камне у подножия памятника лежал увядший букет цветов.

— Никто не в состоянии вернуть мёртвых к жизни, Мегги, — продолжал Мо. — Может быть, правду говорят, что после смерти для человека просто начинается новая история, но она записана в книге, которую никто ещё не сумел прочесть, а тот, кто её написал, наверняка не живёт в маленькой деревушке близ побережья и не играет в футбол со своими внуками. Имя твоей матери не записано на камне, оно скрывается на страницах книги, и у меня есть одна идея, как, может быть, удастся изменить то, что случилось девять лет назад.

— Ты хочешь вернуться?!

— Нет, не собираюсь. Я ведь дал тебе слово. Разве я когда-нибудь нарушал свои обещания?

Мегги покачала головой. «Слово, данное Сажеруку, ты не сдержал», — подумала она, но промолчала.

— Вот видишь, — сказал Мо. — Я хочу поговорить об этом с Фенолио. Только поэтому я не собираюсь уезжать сию минуту.

Мегги посмотрела на море. Сквозь тучи выглянуло солнце, и вода вдруг заблестела и засверкала, словно кто-то плеснул на неё краской.

— Она недалеко отсюда, — тихо сказала девочка.

— Ты о чём?

— Деревня Каприкорна. Мо посмотрел на восток.

— Да, странно, что его потянуло именно в эти края, правда? Как будто он специально искал такое место, которое напоминает страну, описанную в его книге.

— А вдруг он найдёт нас?

— Чепуха. Знаешь, сколько деревенек на этом побережье?

Мегги пожала плечами.

— Один раз он тебя уже нашёл, когда ты был очень далеко отсюда.

— Он нашёл меня с помощью Сажерука, а тот наверняка больше помогать ему не будет. — Мо встал и поднял её на ноги. — Пойдём спросим Фенолио, где здесь можно переночевать. А потом, похоже, он мог бы немного воспользоваться нашим обществом.

Фенолио не поведал им, похож ли Сажерук на то, каким он его себе представлял. На обратном пути он был крайне немногословен. Однако, когда Мо сказал, что они с Мегги с удовольствием остались бы здесь ещё на денёк, его лицо немного просветлело. Он даже предложил им переночевать в квартире, которую время от времени сдавал внаём заезжим туристам.

Мо поблагодарил его.

Они проговорили со стариком до самого вечера, а внуки Фенолио тем временем гонялись за Мегги по всем коридорам и комнатам. Мужчины уединились в кабинете Фенолио. Он находился рядом с кухней, и Мегги всё время пыталась подслушать, о чём шёл разговор за запертой дверью. Но не успевала она разобрать и десяти слов, как

Рико и Пиппо заставали её за этим занятием и тянули своими маленькими грязными ручонками к ближайшей лестнице.

Наконец она оставила эти попытки. Она поддалась на уговоры Паулы посмотреть котят, обитавших вместе с кошкой-матерью в маленьком садике за дедушкиным домом, а потом последовала за всей троицей туда, где они жили со своими родителями. Там они пробыли недолго, ровно столько, чтобы выпросить разрешение остаться у дедушки до ужина.

На ужин была вермишель с шалфеем. Пиппо и Рико с лицами, полными отвращения, отделяли горьковатую на вкус зелень от вермишели, но Мегги и Пауле хрустящие листья понравились. После еды Мо и Фенолио выпили почти целую бутылку красного вина, и когда старик наконец проводил Мо и Мегги до двери, он сказал на прощание:

— Что ж, Мортимер, договорились. Ты позаботишься о моих книгах, а я завтра же примусь за работу.

— Какую работу он имел в виду, Мо? — спросила Мегги, когда они шли по скудно освещённым улочкам.

Ночь почти не принесла прохлады, по деревне гулял странный, словно нездешний ветер — горячий, с запахом песка, будто он принёс сюда из-за моря пустыню.

— Ты меня очень порадуешь, если перестанешь думать об этом, — ответил Мо. — Давай пару дней поживём так, будто у нас каникулы. По-моему, здесь вполне подходящая обстановка для каникул, как ты считаешь?

В ответ Мегги лишь кивнула. Да, Мо в самом деле очень хорошо её знал — частенько он угадывал её мысли прежде, чем она их высказывала. Но порой он забывал, что ей уже не пять лет и нескольких ласковых слов уже недостаточно, чтобы отвлечь её от беспокойных мыслей.

«Ну ладно, — решила она, молча следуя за Мо по спящей деревне. — Если Мо не хочет мне рассказывать, что должен сделать для него Фенолио, я сама спрошу об этом у старикашки с черепашьим лицом. А если и он мне ничего не скажет, то это разузнает для меня кто-нибудь из его внучат!» Сама Мегги уже не могла прятаться под столом, оставаясь незамеченной, но вот Паула как раз была подходящего роста, чтобы шпионить.

ДОМА

Ведь Просперо — чудак! Уж где ему
С державой совладать? С него довольно
Его библиотеки!..

У. Шекспир. Буря

(перевод М. Донского)

Была уже почти полночь, когда Элинор наконец увидела на краю дороги ворота своего дома. Внизу, на берегу озера горели в ряд фонари, словно летел караван светлячков; огни, подрагивая, отражались в чёрной воде. Это так здорово — снова оказаться дома! Даже ветер, обдувавший лицо Элинор, когда она вылезла из машины, чтобы открыть ворота, казался старым знакомым. Знакомо было всё: и запах живой изгороди и земли, и воздух, не такой сухой и жаркий, как на юге. В нём больше не ощущался привкус соли. «Наверное, мне будет не хватать этого привкуса», — подумала Элинор. Море всегда вызывало у неё какое-то безотчётное стремление — она сама не знала к чему.

Она толкнула железные ворота, и те еле слышно заскрипели, словно говоря «добро пожаловать». Ни от кого другого приветствий она здесь не услышит…

— Что за глупая мысль, Элинор! — с досадой пробормотала она, снова садясь в машину. — Тебя поприветствуют твои книги. И этого вполне достаточно.

Уже в дороге она почувствовала странные желания, прежде ей не свойственные. Она не торопилась поскорее добраться до дому, избегала больших автострад и переночевала в маленькой горной деревушке, название которой уже позабыла. Она наслаждалась вновь обретённым одиночеством, ведь она уже так привыкла к этому состоянию… Однако затем ей вдруг захотелось отрешиться от тишины в кабине автомобиля, и в каком-то заспанном городишке, где не было даже ни одной книжной лавки, она пошла в кафе только затем, чтобы

услышать чьи-нибудь голоса. Там она просидела недолго — наскоро выпила чашку кофе, потому что уже сердилась на себя.

— Что случилось, Элинор? — бормотала она, вновь садясь за руль. — С каких это пор ты стала тосковать по человеческому обществу? Ещё немного, и ты опять окажешься дома. Прежде, чем окончательно спятишь.

Когда она подъехала к дому, он был таким тёмным и покинутым, что показался ей до странности чужим. Только аромат её сада немного развеял неприятное чувство, пока она поднималась на крыльцо. Лампа над дверью, обычно горевшая по ночам, теперь погасла, и Элинор пришлось потратить до смешного много времени, чтобы попасть ключом в замочную скважину. Отворяя дверь и пробираясь по прихожей, где не было видно ни зги, она вполголоса ругала человека, который обычно ухаживал за домом и садом в её отсутствие. Перед отъездом она трижды пыталась до него дозвониться, но он, скорее всего, уехал навестить свою дочь. Почему никто не понимает, какие сокровища таятся в этом доме? Ну да, все бы поняли, будь эти сокровища из чистого золота, а то ведь они всего лишь из бумаги, из бумаги и типографской краски…

Было тихо, совсем тихо, и в какой-то момент Элинор почудился голос Мортимера, наполнявший жизнью пространство между красными церковными стенами. Она хотела бы сто лет напролёт слушать этот голос, да что там, хоть двести! «Когда он приедет сюда, попрошу его подольше почитать вслух! — бормотала она, стягивая туфли с усталых ног. — Уж наверное, найдётся книга, которую можно взять в руки, ничем не рискуя».

Почему она никогда не обращала внимания, как тихо порой бывает в её доме? Это прямо какая-то мёртвая тишина, и долгожданная радость возвращения в родные стены всё никак не могла целиком овладеть Элинор.

— Эй, здравствуйте, я опять с вами! — крикнула она навстречу тишине, нащупывая на стене выключатель. — Теперь-то, мои милые, я стряхну с вас пыль и расставлю по своим местам!

Лампочка под потолком загорелась, и Элинор отпрянула в таком испуге, что споткнулась о собственную сумочку, брошенную на пол, и упала.

— Господи! — прошептала она, вновь поднимаясь на ноги. — О милосердный Господи… Этого не может быть!

Полки вдоль стен, сделанные на заказ, ручной работы, опустели, а книги, которые хранились на них в безупречном порядке, корешок к корешку, грудами валялись на полу, растрёпанные, перепачканные, растоптанные, словно на них в тяжёлых сапогах отплясывали дикари. Элинор задрожала всем телом. Она ковыляла по своим осквернённым святыням, как по заболоченному лугу, отшвыривала их в сторону, поднимала некоторые и вновь бросала себе под ноги и брела дальше по направлению к длинному коридору, который вёл в её библиотеку.

В коридоре её взору предстало ничуть не менее ужасное зрелище. Горы книг вздымались так высоко, что Элинор с трудом прокладывала себе дорогу через завалы. И вот она добралась до двери в библиотеку. Дверь была не заперта, а только прикрыта, и Элинор бесконечно долго стояла перед ней с дрожащими коленками, прежде чем наконец решилась войти.

Библиотека была пуста.

Ни одной книги, ни одной-единственной, ни на полках, ни в витринах с разбитыми вдребезги стёклами. Ни одной книги не было и на полу. Они все исчезли. А к потолку был подвешен дохлый красный петух.

Увидев его, Элинор зажала себе рот ладонью. Голова петуха безжизненно свесилась, гребешок почти закрывал остекленевшие глаза. Только перья всё ещё переливались красками, как будто жизнь ещё теплилась в них — в роскошных, пурпурно-красных нагрудных перьях, в тёмных многоцветных крыльях и в длинных тёмно-зелёных перьях хвоста, сверкающих, точно шёлк.

Одно из окон оказалось распахнутым настежь. На белом лакированном подоконнике сажей была нарисована чёрная стрелка. Она указывала наружу, в сад. Элинор заставила свои ноги, онемевшие от страха, приблизиться к окну. Ночь была не настолько темна, чтобы скрыть то, что высилось на лужайке: бесформенный холмик из пепла, белёсо-серый в лунном свете, серый, как крылья мотыльков, как сгоревшая бумага.

Вот где они теперь. Её самые ценные книги. Точнее, то, что от них осталось.

Элинор опустилась на колени, на пол, для которого она когда-то так тщательно подбирала паркет… В раскрытое окно ласково дул привычный здешний ветер, но он пахнул почти так же, как воздух в церкви Каприкорна. Элинор хотела закричать, ей хотелось браниться, проклинать, бушевать, но она не смогла издать ни звука. Она могла только плакать.

ХОРОШЕЕ МЕСТО, ЧТОБЫ ОСТАТЬСЯ

— У меня нет мамы.

У него не просто не было мамы. Ему мама и не была нужна.

Он вообще считал, что мама человеку ни к чему.

Дж. М. Барри. Питер Пэн

(перевод И. Токмаковой)

Квартира, которую Фенолио сдавал внаём, находилась всего в двух переулках от его дома. Там была крохотная ванная, кухня и две комнаты. Всюду царил полумрак, поскольку это был первый этаж, и кровати скрипели, когда на них ложились. Но тем не менее Мегги спалось хорошо — в любом случае лучше, чем на сырой соломе в застенке Каприкорна или в хижине с дырявой крышей.

А вот Мо спалось плохо. В первую ночь Мегги трижды просыпалась из-за того, что на улице ссорились коты, и всякий раз она видела, что её отец лежит с открытыми глазами, скрестив руки за головой, и смотрит в тёмное окно.

На следующее утро он встал спозаранку и купил всё, что им нужно было для завтрака, в маленьком магазинчике на краю улицы. Булочки были ещё тёплые, и Мегги в самом деле почти поверила, будто у них каникулы, когда Мо съездил вместе с ней в ближайший город, чтобы купить самые необходимые инструменты: кисточку, ножик, ткань, твёрдый картон — и воистину гигантскую порцию мороженого, которую они съели в приморском кафе. Когда они вновь постучались в дверь Фенолио, Мегги ещё ощущала на языке сладкий вкус и холодок. Старик выпил вместе с Мо кофе на кухне, выкрашенной в зелёный цвет, а затем отвёл его и Мегги на чердак, где он хранил свои книги.

— Ты что, издеваешься? — возмутился Мо, увидав запылённые полки. — Их надо у тебя отобрать — все, прямо сию минуту! Когда ты последний раз поднимался сюда? Пыль со страниц хоть шпателем соскребай!

— Мне пришлось приютить их здесь, — защищался Фенолио, хотя в его морщинах сквозили угрызения совести. — Внизу для всех этих полок стало попросту слишком тесно, а кроме того, книги постоянно хватали мои внуки.

— Ну, они бы не принесли им столько вреда, как влажность и пыль, — сказал Мо так сердито, что Фенолио поспешил оставить его одного.

— Бедный ребёнок… Твой отец всегда такой строгий? — спросил он Мегги, когда они спускались вниз по крутой лестнице.

— Только когда речь идёт о книгах, — ответила она.

Фенолио заперся в своём кабинете прежде, чем она смогла его о чём-либо спросить, а его внуки были кто в школе, кто в детском саду. Так что она достала книги, подаренные Элинор, и уселась с ними на лесенку, которая вела в крохотный сад Фенолио.

Там росли дикие розы, такие густые, что нельзя было и шагу ступить, чтобы они своими усиками не обвились вокруг ног, а с верхней ступеньки лесенки было видно море. Оно находилось вдалеке, но казалось очень близким.

Мегги раскрыла книгу стихов. Ей приходилось щуриться — так ярко ей в лицо светило солнце, и перед тем, как начать чтение, она обернулась через плечо, чтобы убедиться, что Мо ещё не спустился вниз. Она не хотела, чтобы он застиг её за тем занятием, которое она себе наметила. Она стыдилась своей затеи, но искушение было чересчур велико.

Когда Мегги вполне уверилась, что вокруг нет ни души, она вздохнула поглубже, прокашлялась — и начала. Она формировала губами каждое слово, как это делал Мо, почти с нежностью, словно каждая буква была нотой, и каждая, произнесённая без должной любви, — искажением нужной мелодии. Но вскоре она заметила, что, когда она уделяет каждому слову слишком много внимания, предложение совершенно не звучит, а стоящие за ним образы исчезают, если сосредоточиться только на интонации, а не на смысле. Это было сложно. Очень сложно. А от солнца её клонило в сон, и

наконец она закрыла книгу и подставила лицо тёплым лучам. Ведь всё равно было очень глупо пытаться сделать это. Так глупо…

Ближе к вечеру пришли Пиппо, Паула и Рико, и Мегги слонялась вместе с ними по деревне. Они делали покупки в магазинчике, где Мо побывал этим утром, вместе сидели на каменной стене на краю деревни, наблюдали за муравьями, которые тащили по щербатым камням иголки пиний и семена цветов, и считали корабли, проплывавшие мимо в далёком море.

Так прошёл и следующий день. Время от времени Мегги задавалась вопросом, где сейчас Сажерук и по-прежнему ли Фарид сопровождает его; как поживает Элинор и не удивляется ли, почему они до сих пор не приехали.

Ни на один из этих вопросов не было ответа, и точно так же Мегги не смогла выяснить, чем занимался Фенолио за дверью своего кабинета. «Он грызёт свой карандаш, — доложила Паула, после того как ей однажды удалось спрятаться у него под письменным столом. — Грызёт карандаш и ходит из угла в угол».

— Мо, когда мы поедем к Элинор? — спросила Мегги на вторую ночь, почувствовав, что он опять не может уснуть.

Она села на край его кровати, оказавшейся такой же скрипучей, как кровать Мегги.

— Скоро, — ответил он. — А теперь спи. Ладно?

— Ты тоскуешь по ней?

Мегги сама не понимала, откуда вдруг возник этот вопрос. Он сам собой сорвался у неё с языка. Мо ответил далеко не сразу.

— Иногда, — сказал он наконец. — Утром, днём, вечером, ночью. Почти всегда.

Мегги почувствовала, как ревность уже запустила свои коготки в её сердце. Это чувство было ей знакомо, оно просыпалось всякий раз, когда у Мо появлялась новая подруга. Но ревновать его к собственной матери?..

— Расскажи мне о ней, — тихо попросила она. — Только не надо вымышленных историй, какие ты рассказывал мне раньше.

Когда-то она подыскивала себе подходящую маму в своих книгах, но в самых любимых почти никто ей не попадался. Том Сойер? Никакой матери. Гек Финн? Тоже нет. Питер Пэн и потерянные мальчишки? Никаких матерей и близко не было. Джим Пуговка[10] —

сирота. И в сказках никого, кроме злых мачех или бессердечных, ревнивых матерей… Список можно было продолжать и продолжать. Раньше Мегги часто этим утешалась. Казалось, ничего особо необычного в том, чтобы не иметь матери, не было — по крайней мере, в её любимых историях.

— Что же мне рассказать? Мо посмотрел в окно.

На улице вновь скандалили коты. Их вопли напоминали плач маленьких детей.

— Ты больше похожа на неё, чем на меня, — к счастью. Она смеётся так же, как ты, и так же, как ты, жуёт прядь своих волос, когда читает. Она близорука, но слишком горда, чтобы носить очки…

— Это я могу понять.

Мегги села рядом с ним. Его рука уже почти не болела, рана от собачьего укуса затягивалась. Правда, останется светлый шрам вроде того, что девять лет назад остался от ножа Басты.

— Как это — можешь понять? Мне нравятся очки, — сказал Мо.

— А мне нет. Ну и?..

— Она любит камни, плоские, отшлифованные камни, которые приятно держать в руке. Один или два таких камешка всегда лежат у неё в сумочке.

Кроме того, у неё есть привычка класть их на свои книги, особенно на книги в мягких обложках, потому что ей не нравится, когда переплёты встают дыбом. Но ты всегда забирала у неё эти камни и катала их по паркету.

— И тогда она сердилась?

— Да что ты! Тогда она щекотала твою пухлую шейку, покуда ты не выпускала камни из рук. — Мо повернулся к дочери. — Ты и правда не тоскуешь по ней, Мегги?

— Не знаю… Только когда злюсь на тебя.

— То есть примерно десять раз на дню.

— Не говори ерунды! — Мегги толкнула его локтем в бок.

Они прислушались к звукам ночи. Окно было приоткрыто, на улице стало тихо. Коты утихомирились — вероятно, зализывали раны. Перед магазинчиком она часто видела полосатого котяру с рваным ухом… В какой-то миг Мегги показалось, что она слышит вдали шум моря, но, может быть, это был только шум ближайшей автострады.

— Как ты думаешь, куда направился Сажерук? Темнота окутала её, как серая шаль. «Мне будет не хватать этого тепла, — подумала она. — В самом деле».

— Спроси что-нибудь полегче, — рассеянно ответил Мо. — Надеюсь, куда-то далеко, но я в этом не уверен.

Мегги тоже в этом сомневалась.

— Как ты думаешь, мальчик всё ещё с ним? Фарид… Ей нравилось его имя.

— Я думаю, да. Он всюду бегал за ним, как собачонка.

— Сажерук ему нравится. А сам он нравится Сажеруку, как ты считаешь?

Мо пожал плечами:

— Я понятия не имею, кто или что нравится Сажеруку.

Мегги прижалась головой к его груди, как она всегда делала это дома, когда он рассказывал ей свои истории.

— Он по-прежнему хочет получить эту книгу, правда? — прошептала она. — Баста порежет его своим ножом на ломтики, если застукает его. У него наверняка давно уже новый ножик.

Снаружи кто-то шёл вдоль по узкой улочке. Отворилась и захлопнулась какая-то дверь, залаяла собака…

— Если бы не ты, — сказал Мо, — я бы тоже туда вернулся.

БОЛТЛИВЫЙ ПИППО

— Нас неверно известили, — сказала ему Анемона. — Нет здесь никакой деревни на много миль вокруг.

— Значит, никто и не услышит, как ты закричишь, — заключил сицилиец и с изумительным проворством обрызгал её.

У. Голдман. Принцесса-невеста

На следующее утро, около десяти часов, Фенолио позвонила Элинор. Мегги сидела на чердаке и смотрела, как Мо освобождал книгу от покрытого плесенью переплёта, — бережно, словно вынимал раненого зверька из ловушки.

— Мортимер! — крикнул снизу Фенолио. — Там у меня на проводе какая-то истеричная тётка, и она вопит в трубку какую-то ахинею. Утверждает, будто она — твоя подруга.

Мо отложил раздетую книгу в сторону и спустился вниз. Фенолио с мрачной миной протянул ему трубку. Голос Элинор изрыгал в тишину мирного кабинета слова гнева и отчаяния. Мо с трудом сумел вникнуть в суть того, что она надсадно кричала ему в ухо.

— Откуда он знал… Ах да, конечно… — слышала Мегги его краткие ответы. — Сожгли? Все? — Он провёл рукой по лицу и взглянул на Мегги, хотя ей почудилось, что он смотрит куда-то сквозь неё. — Попробуй… — говорил он. — Да, разумеется… Хотя я боюсь, что они и здесь не поверят ни одному твоему слову. А то, что случилось с твоими книгами, здешнюю полицию вообще не касается… Ну ладно… Обязательно… Я тебя встречу. Да.

Потом он повесил трубку.

Фенолио не мог скрыть своего любопытства. Он уже чуял новую историю.

— Ну, что ещё стряслось? — с нетерпением спросил он, тогда как Мо стоял столбом и тупо глядел на телефон.

Была суббота. Рико, как обезьянка, висел на спине Фенолио, но двое других детей ещё не появились.

— Мортимер, в чём дело? Посмотри на своего папу, Мегги! Стоит себе как чучело!

— Это звонила Элинор, — сказал Мо. — Тётя матери Мегги. Я тебе про неё рассказывал. Люди Каприкорна наведались к ней домой. Они во всех комнатах побросали книги с полок и потоптали их, точно коврики для вытирания ног, а книги, хранившиеся в её библиотеке… — Он на мгновение замялся, а затем продолжил: — Её самые ценные книги они вынесли в сад и там сожгли. Всё, что она обнаружила в своей библиотеке, это дохлый петух.

Фенолио резко выпрямился, чтобы внук соскользнул с его спины.

— Рико, иди посмотри, как поживают котята! — сказал он. — Здесь тебе сейчас делать нечего.

Рико запротестовал, но дедушка самым неделикатным образом вытолкал его из комнаты и запер за ним дверь.

— А почему ты так уверен, что за всем этим стоит именно Каприкорн? — спросил он, вновь обращаясь к Мо.

— А кто ещё? Кроме того, дохлый петух, насколько я помню, его визитная карточка. Ты что, забыл историю собственного сочинения?

Фенолио замолчал, пристыжённый.

— Нет, нет, я припоминаю, — пробормотал он наконец.

— А что с Элинор? — Мегги ждала ответа Мо с замершим сердцем.

— Её, к счастью, ещё не было дома. На обратном пути она никуда не спешила. Слава провидению. Но можешь себе представить, каково ей сейчас. Её самые прекрасные книги… Боже мой!..

Фенолио непослушными пальцами подобрал с пола несколько игрушечных солдатиков.

— Да, Каприкорн любит огонь, — сказал он хрипло. — Если это действительно его рук дело, то твоей подруге повезло, что он и её саму заодно не сжёг.

— Я так ей и передам.

Мо схватил коробок, лежавший у Фенолио на письменном столе, выдвинул несколько спичек и опять медленно убрал их.

— А что с моими книгами? — Мегги едва осмелилась задать этот вопрос. — Мой сундук… Я спрятала его под кроватью…

Мо положил спичечный коробок на место.

— Это единственная хорошая новость, — сказал он. — С твоим сундуком ничего не случилось. Он по-прежнему стоит под кроватью. Элинор специально заглянула туда.

Мегги глубоко вздохнула. Кто же сжёг книги? Баста? Нет, Баста боится огня. Она ещё слишком хорошо помнила, как Сажерук его этим дразнил. Но, в конце концов, не всё ли равно, кто из чернокурточников сделал это чёрное дело. Сокровища Элинор исчезли с лица земли, и даже Мо был не в силах вернуть их обратно.

— Элинор прилетит сюда на самолёте, я должен её встретить, — сказал Мо. — Она вбила себе в голову, что надо натравить на Каприкорна полицию. Я ей сказал, что, по-моему, это безнадёжно. Даже если бы ей удалось доказать, что к ней в дом ворвались именно его люди, как она докажет, что они действовали по его приказу? Но ты же знаешь Элинор…

Мегги мрачно кивнула. Да, она знала Элинор и могла её очень хорошо понять. А вот Фенолио рассмеялся.

— Полиция? К Каприкорну нет смысла являться с полицией! — воскликнул он. — Он сам устанавливает собственные правила, собственные законы…

— Перестань! Это тебе не книга, которую ты пишешь! — резко оборвал его Мо. — Возможно, бывает очень приятно сочинить кого-нибудь вроде Каприкорна, но можешь мне поверить: когда столкнёшься с ним лицом к лицу, ничего приятного в этом нет. Я поеду в аэропорт. Мегги останется здесь. Присмотри за ней хорошенько!

Не успела Мегги высказать своё несогласие, как он уже выскочил на улицу. Она побежала за ним, но в переулке ей навстречу попались Паула и Пиппо. Они крепко вцепились в неё и потащили за собой. Она должна была играть роли Людоеда, Ведьмы, Шестирукого Чудовища — персонажей дедушкиных историй, которыми они населяли окружающий мир и свои игры. Когда Мегги наконец удалось оторвать от себя маленькие ручонки, Мо уже и след простыл. Место, где он парковал взятый напрокат автомобиль, пустовало, и Мегги стояла на площади наедине с памятником жертвам войн и двумя стариками, которые, глубоко засунув руки в карманы, смотрели на море.

Она нерешительно побрела к ступенькам перед памятником. У неё совершенно не было настроения гоняться за внуками Фенолио по

всему дому или играть с ними в прятки. Нет, она хотела просто сидеть здесь и ждать возвращения Мо. Знойный ветер, который дул в деревне прошлой ночью и оставил на подоконниках тонкий слой песка, умчался дальше. Воздух стал прохладнее, чем в предыдущие дни. Над морем небо ещё было ясным, но с холмов уже надвигались серые тучи, и всякий раз, когда солнце скрывалось за ними, на крыши деревни падала тень, от которой Мегги пробирал мороз по коже.

К ней, держа хвост трубой, на костлявых ногах подкралась кошка. Это было маленькое и тощее существо, под редкой серой шерстью рельефно обозначились рёбра, а на коже сидели раздувшиеся от крови клещи. Судя по всему, кошка была ничья — ни ошейника, ни грамма жира, который бы говорил о хозяйской заботе. Мегги погладила её за ушами, по спине, по подбородку, не отрывая взгляда от шоссе, которое сразу за деревней делало крутой поворот и исчезало за домами.

Далеко ли до ближайшего аэропорта? Мегги подпёрла голову руками. На небе грозно сгущались тучи. Они подступали всё ближе и ближе, серые от таившегося в них дождя.

Кошка потёрлась о её коленку, и вдруг, поглаживая грязную шерсть, Мегги задалась новым вопросом: а вдруг Сажерук сообщил Каприкорну не только адрес Элинор? Вдруг он рассказал ему, где живут они с Мо? Неужто дома их тоже ждёт кучка пепла во дворе? Нет! Об этом она и думать не хотела.

— Каприкорн не знает нашего адреса! — прошептала она. — Он ничего не знает. Сажерук ничего ему про нас не сказал.

Она повторяла это снова и снова, как заклинание. И вот на ладонь ей упала капля дождя, затем ещё одна. Она запрокинула голову вверх: в небе уже не было видно ни одного голубого пятнышка. Как быстро близкое море заставляло погоду меняться! «Ну ладно, подожду его в квартире, — подумала она. — Может быть, там ещё осталось немного молока для кошки». Бедное животное весило не больше чем сухое полотенце. Мегги с величайшей осторожностью подняла кошку — как бы не сломать ей чего-нибудь. В квартире была тьма кромешная — утром Мо закрыл ставни, чтобы избежать нестерпимой духоты. Мегги знобило, когда она, промокшая до нитки от тонких дождевых струй, пришла в прохладную комнату. Она посадила кошку на неубранную постель, натянула свитер Мо, который был ей слишком велик, и

побежала на кухню. Пакет из-под молока был почти пуст, но ей удалось нацедить маленькую миску, разбавив молоко водой.

Кошка чуть не запуталась в собственных лапах — так поспешно она бросилась к миске, которую Мегги поставила около кровати. Дождь на улице усиливался. Мегги слышала, как капли барабанили по мостовой. Она подошла к окну и отворила ставни. Полоска неба между крышами была такой тёмной, как будто солнце уже зашло. Мегги присела на кровать Мо. Кошка все лакала из миски, маленький язычок с жадностью ходил взад-вперёд по раскрашенной цветами глазури, стремясь не упустить ни одной драгоценной капли. И тут Мегги услышала шаги в переулке, а затем в дверь постучали. Кто это? Мо не успел бы так быстро вернуться. Может, он что-то забыл? Кошка куда-то запропастилась — наверное, спряталась под кроватью.

— Кто там? — крикнула Мегги.

— Мегги, открой! — отозвался детский голос.

Ясное дело — либо Паула, либо Пиппо. Да, конечно же, это Пиппо. Может быть, они хотят, несмотря на дождь, опять позвать её смотреть на муравьёв? Из-под кровати высунулась серая лапа и потянула за шнурки её ботинок. Мегги вышла в тесную прихожую.

— Мне сейчас некогда с вами играть! — крикнула она через запертую дверь.

— Пожалуйста, Мегги! — умолял голос Пиппо. Со вздохом Мегги отворила дверь — и нос к носу столкнулась с Бастой.

— Ну и кто же тут у нас? — спросил он угрожающе тихим голосом, обхватив пальцами тонкую шею Пиппо. — Что ты на это скажешь, Плосконос? Ей, видишь ли, некогда играть!

Баста неделикатно оттолкнул Мегги и прошёл в дверь, таща за собой Пиппо. Разумеется, Плосконос тоже был здесь. Его широкая спина едва протиснулась в дверь.

— Отпусти его! — Голос Мегги дрожал от ярости. — Ему же больно!

— Ах, ему больно? — Баста посмотрел вниз, на бледное лицо Пиппо. — Это нехорошо с моей стороны, если учесть, что он показал нам дорогу сюда. — И он ещё крепче сдавил горло мальчика. — А ты знаешь, сколько мы пролежали в той поганой хижине? — зашипел он на Мегги.

Она невольно попятилась.

— О-о-очень долго! — Баста растянул это слово и приблизил свою лисью физиономию к лицу Мегги так, что она увидела собственное отражение в его зрачках. — Правда, Плосконос?

— Проклятые крысы чуть не отгрызли мне пальцы на ногах, — проворчал верзила. — За что я с большой радостью свернул бы этой маленькой ведьме нос, чтоб он оказался у неё на лице ноздрями вверх.

— Это ты сделаешь, может быть, попозже. — Баста втолкнул Мегги в тёмную спальню. — А где твой папаша? — спросил он. — Вот этот малец… — он отпустил горло Пиппо и с такой силой пихнул его в спину, что тот врезался в Мегги, — сказал нам, что он уехал. Куда?

— За покупками. — Мегги, едва дышала от страха. — Как ты нас нашёл? — прошептала она. И сама себе ответила: «Сажерук… Конечно. Кто же ещё? Но за что он предал их на этот раз?»

— Сажерук! — ответил Баста, словно прочитав её мысли. — В этом мире не так много чокнутых бродяг, которые плюются огнём и таскают с собой ручную куницу, да ещё и рогатую. Так что нам пришлось просто немного поспрашивать в округе, и как только мы напали на след Сажерука, то сразу взяли след и твоего отца. И мы гораздо раньше нанесли бы вам визит, если бы этот придурок… — он так сильно заехал Плосконосу локтем в живот, что тот громко крякнул от боли, — не упустил вас из виду по дороге сюда. Мы прочесали с десяток деревень, мы расспрашивали каждого встречного и поперечного, мы бегали кругами, пока нас не занесло сюда и один старикашка, из тех, что день-деньской глазеют на море, не припомнил исполосованную рожу Сажерука. Где он шляется? Тоже пошёл… — Баста скорчил ироническую гримасу, — за покупками? Мегги покачала головой.

— Его здесь нет, — глухо ответила она. — Уже давно. Итак, Сажерук их всё-таки не предал. На этот раз.

И он ускользнул у Басты из-под носа. Мегги чуть было не улыбнулась.

— Вы сожгли книги Элинор! — выпалила она, прижимая к себе Пиппо, который от страха не мог вымолвить ни слова. — Вы ещё об этом пожалеете!

— Вот как? — Баста злобно ухмыльнулся. — С какой это стати? Кокерель однозначно получил от этого громадное удовольствие. А

теперь хватит болтать, у нас времени в обрез. Вот этот пацан (Пиппо отшатнулся от указательного пальца Басты, как от ножа) рассказал нам забавные вещи про дедушку, который пишет книги, и про какую-то книжку, которой твой отец весьма интересовался.

У Мегги встал комок в горле. Глупый Пиппо. Глупый, болтливый маленький Пиппо.

— Ты что, язык проглотила? — спросил Баста. — Мне ещё раз стиснуть этому мальцу его тощую шею?

Пиппо заплакал, зарывшись лицом в свитер Мо, который был на Мегги. Чтобы утешить мальчика, она стала гладить его по кудрявым волосам.

— Книги, о которой ты думаешь, у его дедушки больше нет! — крикнула она Басте. — Вы её давно украли!

От ненависти её голос звучал грубо, голова кружилась от злых мыслей. Она хотела ударить, пнуть Басту, воткнуть ему в брюхо новенький блестящий ножик, висящий у него на поясе…

— Украли, надо же! — Баста оскалил зубы и подмигнул Плосконосу. — Мы лучше сами в этом убедимся, верно?

Тут они услышали, что под кроватью кто-то скребётся. Плосконос нагнулся, отдёрнул в сторону свесившуюся простыню и пошарил стволом ружья под кроватью. С шипением серая кошка выпрыгнула из своего убежища и, когда Плосконос хотел схватить её, вонзила когти в его безобразное лицо. Тот взвыл от боли.

— Я ей шею сверну! — завопил он. — Я ей все кости переломаю!

Мегги хотела встать у него на пути, когда он бросился за кошкой, но Баста опередил её.

— Ничего ты ей не сделаешь! — зашипел он на Плосконоса, тогда как серая шмыгнула под шкаф. — Убийство кошки приносит несчастье. Сколько раз тебе повторять?

— Чушь! Суеверная чушь! Я уже нескольким из этих бестий свернул шею! — огрызнулся Плосконос, зажимая рукой окровавленную щёку. — И что, у меня от этого было больше несчастий, чем у тебя? Да ты любого с ума сведёшь своей трепотнёй! То не наступай на тень — это к несчастью!.. То не надевай сначала левый сапог — это тоже к несчастью!.. С тоски умрёшь! Чёрт побери, как ты мне надоел!

— Прекрати! — прикрикнул на него Баста. — Если кто-то здесь и треплется, так это ты! Веди детей к двери!

Пиппо уцепился за Мегги, когда Плосконос потащил их в коридор.

— Что ты ревёшь? — зарычал он на мальчика. — Мы сейчас навестим твоего дедушку.

Пиппо ни на секунду не выпускал руку Мегги, пока они ковыляли за Плосконосом. Бандит так крепко держал их, что его короткие ногти больно вонзались им в кожу.

Сильный дождь не прекращался. Капли катились по лицу и за шиворот Мегги. Переулки были пустынны, и некого было позвать на помощь. Баста шёл за ними по пятам, она слышала, как он тихо бранит скверную погоду. Когда они дошли до дома Фенолио, ноги Мегги были мокрые насквозь, локоны Пиппо прилипли ко лбу.

«Может быть, старика нет дома?» — с надеждой подумала Мегги. И только она спросила себя, что в этом случае предпримет Баста, как дверь, выкрашенная в красный цвет, отворилась. Перед ними стоял Фенолио.

— Вы что, с ума сошли? В такую погоду носятся по улицам! — загремел он. — Я уже собрался искать вас. Заходите, и побыстрее!

— Можно мы тоже зайдём?

Баста и Плосконос стояли вплотную к двери, вжавшись в стену, чтобы Фенолио не сразу их заметил, но вдруг Баста вырос за спиной Мегги и положил ей руки на плечи. Пока Фенолио недоуменно разглядывал его, Плосконос выступил вперёд и просунул ногу в приоткрытую дверь. Пиппо проворно, как белка, прошмыгнул мимо него и исчез в глубине дома.

— Кто это? — Фенолио взглянул на Мегги с таким упрёком, словно она по собственной воле привела в его дом двух незнакомцев. — Это друзья твоего отца?

Мегги вытерла дождевые капли с лица и посмотрела на старика с ещё большим упрёком.

— Да ты, в общем-то, должен быть знаком с ними лучше, чем я! — сказала она.

— Знаком? — Фенолио растерянно посмотрел на неё.

Затем он как следует вгляделся в глаза Басты, и его лицо окаменело.

— Боже правый!.. — пробормотал он. — Не может быть…

Из-за его спины выглянула Паула.

— Пиппо плачет, — сказала она. — Он спрятался в шкафу.

— Иди к нему! — сказал Фенолио, не спуская глаз с Басты. — Я сейчас приду.

— Сколько ещё мы будем торчать на улице, Баста? — проворчал Плосконос. — Пока не растаем?

— Баста! — повторил Фенолио, не двигаясь с места.

— Да, так меня зовут, старый хрыч! — Всякий раз, когда Баста улыбался, его глаза сужались в щёлочки. — Мы пришли, потому что у тебя есть то, что нас страшно интересует: одна книжонка…

Конечно! Мегги едва не расхохоталась. Он ничего не понимал! Баста не знал, кто такой Фенолио!

Да и откуда он мог это знать? Он не мог знать, что этот старик придумал его, создал из чернил и бумаги его лицо, его нож и его злобу.

— Кончай базар! — зарычал Плосконос. — Дождь льёт прямо мне в уши.

Он щелчком, как назойливую муху, отпихнул Фенолио в сторону и протиснулся в дом. Баста вошёл следом, подталкивая впереди себя Мегги. В шкафу на кухне всхлипывал Пиппо. Перед дверцами стояла Паула и говорила ему какие-то успокаивающие слова. Когда Фенолио в сопровождении незнакомцев появился на кухне, она мгновенно обернулась и с ужасом уставилась на лицо Плосконоса. Оно, как всегда, было мрачным — казалось, улыбаться оно вообще не способно.

Фенолио сел за стол и молча поманил Паулу к себе.

— Итак, где книга?

Баста пытливо осмотрелся вокруг, но Фенолио, слишком ошарашенный встречей с теми, кто был создан его собственной фантазией, не отвечал. Особенно от Басты не мог он оторвать взгляда, как будто отказывался верить собственным глазам.

— Я ведь уже сказала: в доме ни одной не осталось! — ответила за него Мегги.

Баста сделал вид, что не слышал её слов, и нетерпеливо подал знак Плосконосу.

— Ищи! — приказал он, и Плосконос с ворчанием повиновался.

Мегги услышала, как он с грохотом поднимается по узкой деревянной лестнице на чердак.

— Ну, а теперь рассказывай, маленькая ведьма! Как вы нашли этого старикашку? — Баста ткнул её в спину. — Как вы узнали, что у него имеется ещё один экземпляр?

Мегги бросила на Фенолио предостерегающий взгляд, но у него язык был без костей, как и у Пиппо.

— Как они меня нашли? Так ведь я написал эту книгу! — ответил старик с гордостью.

Возможно, он ждал, что Баста, не сходя с места, падёт перед ним на колени, но тот лишь презрительно усмехнулся.

— Ну конечно! — сказал он и вытащил нож из-за пояса.

— Он в самом деле её написал!

Мегги просто не смогла проглотить эти слова. Она хотела увидеть на лице Басты тот же страх, который заставил побледнеть Сажерука, когда он узнал про Фенолио, но Баста только ещё громче рассмеялся и принялся делать зарубки на кухонном столе Фенолио.

— Кто это придумал такую сказку? — спросил он. — Твой отец? Я что, похож на идиота? Каждому известно, что все напечатанные истории — старые-престарые, а записали их люди, которые давно уже умерли и зарыты в землю.

Он воткнул остриё ножа в стол, снова выдернул его и опять воткнул. Над их головами грохотали шаги Плосконоса.

— Умерли и зарыты в землю… Вот интересно-то! — Фенолио посадил Паулу к себе на колени. — Ты слышала, Паула? Этот молодой человек уверен, что все книги написаны в седой древности, покойниками, которые каким-то чудесным образом где-то подслушали эти истории. Может быть, они подцепили их прямо из воздуха?

Паула невольно захихикала. Из шкафа теперь не доносилось ни звука. Наверное, Пиппо, затаив дыхание, подслушивал, о чём говорили снаружи.

— Что в этом смешного? — Баста резко выпрямился — точь-в-точь змея, которой наступили на хвост.

Фенолио словно не обращал на него внимания. Он с улыбкой разглядывал свои руки — видимо, вспомнил тот день, когда начал записывать историю Басты. Потом он поднял на него глаза.

— Ты… по-прежнему всегда носишь длинные рукава, так ведь? — спросил он. — Хочешь, я скажу тебе почему?

Баста прищурился и посмотрел вверх, на потолок.

— Чёрт возьми, почему этому идиоту нужно столько времени, чтобы найти одну-единственную книгу?

Фенолио, скрестив руки на груди, рассматривал его.

— По очень простой причине: Плосконос не умеет читать, — сказал он тихо. — Хотя ты тоже этого не умеешь. Или, может быть, за это время научился? Ни один из молодцов Каприкорна не умеет читать, как, впрочем, и он сам.

Баста воткнул нож в крышку стола так глубоко, что ему стоило труда вытащить его обратно.

— Естественно, Каприкорн умеет читать. Что за чушь ты несёшь? — Он перегнулся через стол, угрожая ножом. — Твоя трепотня не нравится мне, старикан. А что, если я вырежу у тебя на лице ещё парочку морщин?

Фенолио улыбнулся. Наверное, он считал, что Баста ничего ему не сделает, поскольку он сам его придумал. А вот Мегги вовсе не была в этом уверена.

— Ты носишь длинные рукава, — продолжал Фенолио медленно, словно хотел дать Басте время в полной мере осознать каждое его слово, — потому что твой повелитель любит играть с огнём. Ты спалил себе обе руки до самых плеч, когда в угоду Каприкорну поджёг дом человека, который отказался выдать за него свою дочь. С тех пор роль поджигателей исполняют другие, а ты ограничился играми с ножом.

Баста вскочил так внезапно, что Паула соскользнула с коленей Фенолио и спряталась под столом.

— Ты, видно, прикидываешься самым хитрым, — прорычал он, приставляя нож к горлу Фенолио. — А на самом деле ты просто прочёл проклятую книжонку. И что с того?

Фенолио посмотрел Басте в глаза. Нож у горла, казалось, совершенно не пугал старика, чего нельзя было сказать о Мегги.

— Я знаю про тебя все, Баста, — сказал он. — Знаю, что ты готов отдать жизнь за Каприкорна и что каждый день ты жаждешь от него похвалы. Знаю, тебе было меньше лет, чем Мегги сейчас, когда его люди подобрали тебя, и с тех пор ты почитаешь его вроде как второго отца. Но хочешь, я выдам тебе один секрет? Каприкорн считает тебя дураком и презирает тебя. Он презирает вас всех, своих преданных сыновей, хотя он сам позаботился о том, чтобы вы остались дураками.

И он без колебаний сдал бы всех вас полиции, если бы ему это было выгодно. Ясно тебе?

— Заткни свою грязную пасть, старик!

Нож Басты двигался в опасной близости от лица Фенолио. На какое-то мгновение Мегги подумала, что сейчас он распорет ему нос.

— Ты ничего не знаешь о Каприкорне. Только то, что прочёл в этой идиотской книжке, и, кажется, мне пора перерезать тебе глотку.

— Подожди!

Баста резко обернулся к Мегги.

— Не лезь не в свои дела! Тобой, маленькая жаба, я займусь позже, — сказал он.

Фенолио прижимал руки к горлу и растерянно смотрел на Басту. Очевидно, он наконец-то понял, что вовсе не застрахован от его ножа.

— Правда! Ты не можешь его убить! — крикнула Мегги. — А не то…

Баста провёл по лезвию ножа большим пальцем.

— Ну, говори же!

Мегги в отчаянии подыскивала единственно верные слова. Что же сказать? Что?

— А то… Каприкорн тоже умрёт! — выдохнула она. — Да! Точно! Вы все умрёте — и ты, и Плосконос, и Каприкорн… Если ты убьёшь старика, то вам всем крышка, потому что это он вас придумал!

Баста скривил губы в ехидной усмешке, но опустил свой нож. И на мгновение Мегги показалось, что в его глазах блеснуло что-то похожее на страх.

Фенолио посмотрел на неё с облегчением.

Баста отступил на шаг, пристально оглядел лезвие ножа, словно обнаружил на нём пятно, и потёр его до блеска концом своей чёрной куртки.

— Я не верю ни одному вашему слову, мне всё и так ясно, — сказал он. — Но ваша сказочка такая занятная, что Каприкорн, возможно, тоже захочет её послушать. Поэтому, — он бросил последний взгляд на начищенный до блеска нож, сложил его и засунул обратно за пояс, — мы возьмём с собой не только книжку и девчонку, но и тебя, дед.

Мегги услышала, как Фенолио резко вдохнул воздух. От страха она сама не была уверена, билось ли у неё вообще сердце. Баста уведёт

их с собой… «Нет! — думала она. — О нет…»

— Возьмёте нас с собой? Куда? — спросил Фенолио.

— Спроси вон малышку! — Баста ехидно кивнул в сторону Мегги. — Она и её отец уже имели честь пользоваться нашим гостеприимством. Ночёвка, питание — за все заплачено.

— Но это же бессмыслица! — крикнул Фенолио. — Я-то думал, речь идёт о книге!

— Что ж, зря ты так думал. Мы ведь даже не подозревали, что, оказывается, существует ещё один экземпляр. Мы должны были только вернуть Волшебного Языка. Каприкорн не любит, когда его гости уезжают, не попрощавшись, а Волшебный Язык особый гость, не так ли, деточка? — Баста подмигнул Мегги. — Но его здесь нет, а у меня имеются более приятные дела, чем сидеть тут и дожидаться его. Поэтому я захвачу с собой его дочку — тогда он сам пришлёпает к нам, совершенно добровольно. — Баста подошёл к Мегги и погладил её по волосам. — Разве не симпатичная наживка? — спросил он. — Поверь мне, старик: если эта крошка будет у нас, её папаша поведёт себя как послушный цирковой медведь.

Мегги оттолкнула его руку. Она дрожала от ярости.

— Больше этого не делай! — прошипел Баста ей на ухо.

Мегги обрадовалась тому, что в этот момент по лестнице протопал вниз Плосконос. Он появился в дверях кухни, задыхаясь под тяжестью целой кипы книг.

— Вот! — выдохнул он, скидывая их на стол. — Они все начинаются вот с такого перевёрнутого стула, а потом всюду идёт трёхзубая гребёнка зубцами вбок. Точь-в-точь как ты мне рисовал. — Он положил рядом с книгами засаленную бумажку. На ней были выведены корявые буквы Ч и Е. Похоже, рука, нарисовавшая их, затратила колоссальные усилия.

Баста разложил книги на столе и ножом отодвинул их в сторону.

— Это не то, — сказал он и спихнул две книги со стола, так что они, с растрёпанными страницами, шлёпнулись об пол. — Это тоже не то.

И ещё две полетели на пол. Наконец Баста сбросил под стол все книги.

— Ты уверен, что там больше ни одной не осталось? — спросил он Плосконоса.

— Да!

— Ну, смотри, если ты ошибся! Не сомневайся, в этом случае туго придётся не мне, а тебе.

Плосконос бросил беспокойный взгляд на книги, лежащие у его ног.

— Ах да, и ещё одна поправка: вот этого мы тоже возьмём с собой! — Баста указал ножом на Фенолио. — Чтобы он мог тешить босса своими историями. Знаешь, они и вправду очень забавные. А если он всё же где-нибудь припрятал книжку, дома у нас будет достаточно времени, чтобы расспросить его об этом. Не спускай со старика глаз, а я присмотрю за девчонкой.

Плосконос кивнул и рывком поднял Фенолио со стула. А Баста схватил за руку Мегги.

Обратно к Каприкорну… Она закусила губу, чтобы не разреветься, пока Баста тянул её к двери. Нет. Ни одной её слезинки Баста не увидит, от подобной радости она его избавит. «По крайней мере, они не поймали Мо!» — думала она. И вдруг мелькнула ещё одна мысль: «А что, если он повстречается им раньше, чем мы покинем деревню? Что, если они с Элинор попадутся нам навстречу?»

В тот же миг она попробовала вырваться, но Плосконос загородил своей тушей весь дверной проём.

— А как насчёт крошки под столом и этого рёвы в шкафу? — спросил он.

Плач Пиппо затих, и лицо Фенолио стало белее, чем рубашка Басты.

— Ну, старик, как ты полагаешь, что я с ними сделаю? — ехидно спросил Баста. — Раз уж ты думаешь, что все про меня знаешь…

Фенолио не издавал ни звука. Наверное, сейчас он перебирал в памяти все зверства, которые придумал когда-то для Басты.

Несколько незабываемых минут Баста наслаждался страхом на его лице, а затем обернулся к Плосконосу.

— Дети останутся здесь, — сказал он. — Довольно одной девчонки.

Фенолио с трудом вновь обрёл голос.

— Паула, идите домой! — крикнул он, когда Плосконос вытащил его в коридор. — Слышите? Сейчас же идите домой. Скажите вашей маме, что я на денёк-другой должен уехать. Поняли?

— Надо вернуться в квартиру, — сказал Баста, выйдя на улицу. — Я совсем забыл оставить записочку для твоего отца. В конце концов, должен же он знать, где ты находишься, правда?

«Какая записочка, если ты и двух букв толком написать не можешь?» — подумала Мегги, но, разумеется, вслух ничего не сказала. Всю дорогу она опасалась, как бы им не встретился Мо. Но, когда они вновь оказались перед запертой дверью, мимо шла только незнакомая старушка.

— Привет, Розалия, — сиплым голосом сказал Фенолио. — Вот, у меня опять будут квартиранты… Что ты на это скажешь?

Недоверие сошло с лица Розалии, и через мгновение она скрылась за углом. Мегги отворила дверь и во второй раз впустила Басту и Плосконоса в квартиру, в которой она и Мо чувствовали себя в такой безопасности…

В коридоре она вдруг вспомнила о серой кошке и с тревогой огляделась по сторонам — но маленькой гостьи нигде не было видно.

— Надо выпустить кошку, — сказала Мегги, входя в спальню. — Иначе она умрёт с голоду.

Баста распахнул окно.

— Теперь кошка сможет выпрыгнуть, — сказал он. Плосконос презрительно засопел, но на сей раз никак не высказался насчёт суеверий Басты.

— Можно мне взять что-нибудь из одежды? — спросила Мегги.

В ответ Плосконос только хрюкнул. А Фенолио оглядел себя несчастными глазами.

— Мне бы тоже не помешало одеться, — сказал он, но никто даже не посмотрел в его сторону.

Баста был занят своей «записочкой». Медленно, высунув от усердия язык, он вырезал ножом на платяном шкафу своё имя — БАСТА. Такую «записочку» Мо поймёт как нельзя лучше.

Мегги поспешно запихнула кое-какую одежду в рюкзачок. Свитер Мо по-прежнему был на ней. Когда она хотела спрятать между вещами книги Элинор, Баста выбил их у неё из рук.

— Они останутся здесь! — сказал он.

По дороге к машине Басты Мо им не встретился.

Как и на всём их долгом пути.

НА ЛЕСИСТЫХ ХОЛМАХ

— Оставь его в покое, — сказал Мерлин. — Быть может, он подружится с тобой, когда узнает тебя поближе. При общении с совами надо быть терпеливее.

Т. Х. Уайт. Король Камелота

Сажерук наблюдал за деревней Каприкорна. До неё, казалось, рукой подать. Видно было, как поблёскивают на солнце окна, парень в чёрной куртке менял сгнившую дранку на крыше. Сажерук видел, как он отёр пот со лба. Эти идиоты не снимали курток даже на такой жаре, словно боялись, что развалятся без своей чёрной униформы. Что ж, и вороны не снимают на солнышке чёрные крылья, а они и были стаей воронов — разбойники, стервятники, любители вонзить острые клювы в мертвечину.

Мальчик сперва тревожился, что они расположились слишком близко к деревне, но Сажерук объяснил ему, что во всей округе не найти более надёжного места. Обугленные остатки стен скрывались в густых зарослях. Молочай, дрок и дикий тимьян одели зелёным покровом боль и беду. Люди Каприкорна сожгли домишко в холмах, как только обосновались в заброшенной деревне. Старуха хозяйка отказалась покидать насиженное место, но Каприкорн не терпел посторонних глаз так близко от своего убежища. Он напустил на неё своё вороньё, чернокурточников, и они подожгли курятник и домишко с единственной комнатой. Они растоптали старательно вскопанные грядки и пристрелили осла, почти такого же старого, как его хозяйка. Они пришли, как всегда, под покровом ночи. Луна светила тогда особенно ярко — так рассказывала Сажеруку одна из служанок Каприкорна. Старуха выскочила из дому и подняла крик и плач. А потом прокляла их всех, но смотрела при этом на одного только Басту, стоявшего в сторонке, потому что он боялся огня. Его белая рубашка блестела в лунном свете. Может быть, ей почудились под белой рубашкой невинность или доброе сердце. По знаку Басты Плосконос зажал ей рот, остальные хохотали — и вдруг оказалось, что она мертва.

Она лежала мёртвая между своих растоптанных грядок, и с той ночи для Басты не было в этих холмах места страшнее, чем обугленные стены, проглядывавшие сквозь заросли молочая. Так что лучшего укрытия для наблюдения за деревней Каприкорна не найти.

Сажерук чаще всего устраивался на одном из дубов, под которыми, наверное, любила прежде посидеть в тени хозяйка. Если бы кто из деревни и скользнул взглядом вверх по склону, за ветвями всё равно никого не разглядеть. Он часами сидел там неподвижно, наблюдая в бинокль за автостоянкой и домами. Фариду он велел оставаться в лощине за домом. Мальчик повиновался, но неохотно. Он ходил за Сажеруком по пятам. Сожжённый дом наводил на него страх.

— Дух её, конечно, ещё здесь, — твердил он, — дух старухи. А что, если она была ведьма?

Но Сажерук поднял его на смех. В здешнем мире нет духов. По крайней мере, они не дают о себе знать. Лощина была так хорошо укрыта от посторонних глаз, что прошлой ночью он даже решился развести там огонь. Фарид поймал кролика, он был мастер расставлять силки и, в отличие от Сажерука, не испытывал жалости к жертве. Когда в петле повисал кролик, Сажерук подходил его вынуть, только когда бедняга уже переставал дёргаться. Фарид не понимал этой жалостливости. Может быть, ему слишком часто приходилось голодать.

Какое восхищение сияло в его глазах всякий раз, когда Сажерук с помощью двух прутиков разжигал огонь! Мальчишка уже обжёг себе все пальцы, пытаясь играть с огнём. Огонь кусал его за нос и за язык, и всё же Сажерук вновь и вновь заставал мальчишку за скручиванием факелов или за вознёй со спичками. Однажды он нечаянно поджёг сухую траву, и Сажерук приподнял его и стал трясти, как нашкодившего щенка, пока слёзы не потекли.

— В последний раз говорю: огонь — зверь опасный. Он тебе не друг. Если ты с ним не совладаешь, он убьёт тебя или дымом выдаст врагу!

— Но тебе-то он друг! — буркнул Фарид упрямо.

— Чушь! Просто я с ним не вольничаю. Я учитываю направление ветра. Сто раз тебе говорить: не разводи огонь на ветру! А теперь вон отсюда! Поди поищи Гвина.

— И всё же он тебе друг! — пробормотал мальчик на ходу. — Он уж точно лучше тебя слушается, чем твоя куница.

Это была правда. Ещё бы! Куницы ведь вообще никого не слушаются. Но и огонь повиновался Сажеруку в этом мире намного хуже, чем в его родном. Там языки пламени по его слову превращались в цветы. Если их попросить, они ветвились для него во мраке, как деревья, и сыпали искрами. Их трескучие голоса то поднимались до крика, то переходили на шёпот, и они танцевали с ним. А здешнее пламя было одновременно смирным и упрямым, эти немые, чужие звери порой кусали кормящую их руку. Лишь изредка, в холодные пустые ночи наедине с огнём, Сажеруку чудился в его треске шёпот, но слов он разобрать не мог.

И всё же мальчик был, пожалуй, прав. Огонь — его друг, но как раз из-за огня Каприкорн положил на него глаз в той, другой жизни.

«Научи меня играть с огнём!» — приказал он, когда его молодцы притащили к нему Сажерука, и Сажерук повиновался. Он до сих пор раскаивался, что открыл ему так много, — ведь Каприкорн любил выпустить огонь на свободу и вновь поймать лишь после того, как тот насытится до отвала посевами, хлевами, домами, всем, что не умело быстро бегать.

— Его так и нет?

Фарид стоял, прислонившись к шершавому стволу. Он умел подкрадываться тихо, как змея. Сажерук всякий раз вздрагивал при этих внезапных появлениях.

— Нет, — сказал он. — Пока нам везёт.

В день их приезда машина Каприкорна ещё стояла на стоянке, но после обеда двое чернокурточников принялись натирать до зеркального блеска серебристый лак, и ещё до темноты хозяин выехал из деревни. Каприкорн нередко разъезжал по окрестностям — наведывался в селения на морском побережье или в один из своих фортов, как он любил выражаться, хотя, как правило, речь шла о лачужке в лесу с парой скучающих сторожей. Как и Сажерук, он не умел сам водить машину, но несколько его молодцов овладели этим искусством, хотя прав почти ни у кого из них не было, потому что для их получения нужно уметь читать.

— Так что ночью я снова туда пойду, — сказал Сажерук. — Вряд ли его не будет долго, да и Баста, надо думать, скоро вернётся.

Машины Басты не было на стоянке уже в день их приезда. Неужели они с Плосконосом все ещё лежат связанные в развалинах?

— Хорошо. Когда выходим? — По голосу Фарида было похоже, что он готов отправиться прямо сейчас. — Сразу, как зайдёт солнце? Они как раз все пойдут ужинать в церковь.

Сажерук согнал муху с бинокля.

— Я иду один. Ты останешься здесь и будешь сторожить вещи.

— Нет!

— Да. Потому что это опасно. Я хочу повидать там кое-кого, а для этого мне придётся пробраться на задний двор к Каприкорну.

Мальчик смотрел на него изумлёнными глазами. Глаза у него были чёрные и смотрели иногда так, будто им слишком многое приходилось видеть.

— Тебя это удивляет? — Сажерук криво усмехнулся. — Ты небось не думал, что у меня есть друзья в доме Каприкорна.

Мальчик пожал плечами и посмотрел в сторону деревни. На стоянку въехал запылённый грузовик. В открытом кузове стояли две козы.

— Ещё один крестьянин остался без коз, — пробормотал Сажерук. — Он правильно сделал, что отдал их, а то самое позднее сегодня вечером у него бы над дверью в хлев висела записка.

Фарид посмотрел на него вопросительно.

— Там бы стояло: «Завтра пропоёт красный петух». Это единственная фраза, которую умеют писать люди Каприкорна. Иногда они просто вешают над дверью мёртвого петуха. Это всякий поймёт.

— Красный петух? — Мальчик взглянул на него в недоумении. — Это что, такое проклятие?

— При чём тут проклятие? Ты, честное слово, не лучше Басты. — Сажерук тихо рассмеялся.

Люди Каприкорна вышли из машины. Тот, что пониже, нёс два туго набитых полиэтиленовых пакета, второй выводил коз из кузова.

— Красный петух — это огонь, пожирающий их хлева и масличные деревья. Иногда красный петух поёт в кухне, а если кто окажется особенно упрям, то и в детской. Почти у каждого есть что-нибудь, к чему он привязан всем сердцем.

Чернокурточники тащили коз в деревню. Один из них был Кокерель — Сажерук узнал его по хромающей походке. Он давно уже

задавался вопросом, всегда ли Каприкорн знал о таких вот мелких делишках, или его люди работали порой в собственный карман.

Фарид поймал в горсть кузнечика и разглядывал его в щёлочку между пальцами.

— Я всё-таки пойду с тобой, — сказал он.

— Нет.

— Я не боюсь.

— Тем хуже.

После того побега Каприкорн велел установить прожекторы — перед церковью, на крыше своего дома и на автостоянке. Это, конечно, не облегчало задачу. Сажерук в первую же ночь прокрался в деревню, зачернив углём своё покрытое шрамами, слишком запоминающееся лицо.

Стражу Каприкорн тоже усилил — возможно, из-за сокровищ, которые добыл ему Волшебный Язык. Конечно, они давно были спрятаны в подвале его дома, в тяжёлых, накрепко запертых сейфах, которые там специально установили. Каприкорн был скуп. Он сторожил свои сокровища, как сказочный дракон. Иногда он доставал кольцо себе на палец, иногда — цепочку на шею приглянувшейся служанке. Изредка он посылал Басту купить новое охотничье ружьё.

— С кем ты хочешь увидеться?

— Тебя не касается.

Мальчик выпустил кузнечика. Тот скорее поскакал прочь на неуклюжих оливково-зелёных ногах.

— С женщиной, — сказал Сажерук. — С одной из служанок Каприкорна. Она уже помогла мне однажды.

— Та, чью фотографию ты носишь в рюкзаке? Сажерук опустил бинокль.

— А ты почём знаешь, что у меня в рюкзаке? Мальчик втянул голову в плечи. Он, похоже, привык, что его били за всякое необдуманное слово.

— Я искал спички.

— Ещё раз узнаю, что ты рылся в моём рюкзаке, велю Гвину откусить тебе пальцы.

Мальчик ухмыльнулся:

— Гвин меня кусать не станет.

И правда. Куница обожала мальчика.

— А где, кстати, эта бессовестная тварь? — Сажерук оглядел ветки. — Я его со вчерашнего дня не видел.

— По-моему, он нашёл себе самочку.

Фарид ворошил веткой сухие листья. Земля под деревьями была густо устлана ими. Ночью их шорох сразу выдаст любого, кто попытается приблизиться к укрытию.

— Если ты не возьмёшь меня, — сказал мальчик, не глядя на Сажерука, — я просто незаметно пойду за тобой следом.

— Если ты незаметно пойдёшь за мной следом, я тебя так изобью, что своих не узнаешь.

Фарид опустил голову и без всякого выражения уставился на свои босые ноги. Потом он перевёл взгляд на остатки стен, за которыми они укрывались на ночь.

— Только не приставай ко мне с духом старухи! — сердито сказал Сажерук. — Сколько раз тебе повторять? Вся опасность там, в деревне. Разведи огонь в лощине, если боишься темноты.

— Духи не боятся огня, — прошептал мальчик еле слышно.

Сажерук со вздохом слез со своего наблюдательного пункта. Мальчишка был в самом деле не лучше Басты. Он не боялся проклятий, лестниц и чёрных кошек, зато всюду видел духов, причём не один только дух несчастной старухи, зарытой где-то поблизости. Нет, Фарид видел целые толпы духов: злые, почти всемогущие существа, способные вырвать у бедного мальчика сердце из груди и сожрать его. Он просто не верил Сажеруку, что они не пришли вместе с ним, что они остались там, в книге, вместе с разбойниками, которые его избивали и топтали ногами. С него станется и умереть от страха, если оставить его здесь одного на ночь.

— Что ж, стало быть, пойдёшь со мной, — сказал Сажерук. — Но чтоб ни звука, понял? Там внизу ведь не духи, а самые настоящие люди с ножами и ружьями.

Фарид благодарно обхватил его худыми руками.

— Ладно, ладно, хватит. — Сажерук резко оттолкнул его. — Покажи-ка лучше, как ты научился стоять на одной руке.

Мальчик тут же послушался. С налитым кровью лицом он удерживал равновесие сперва на правой, потом на левой руке, вытянув в воздухе голые ноги. Через три секунды он, качнувшись, упал прямо в колючий куст шиповника, но тут же вскочил и повторил попытку.

Сажерук присел под деревом.

Пора было отвязаться от мальчишки. Но как? В собаку можно раз-другой бросить камень, а в ребёнка?.. И что ему было не остаться с Волшебным Языком? Тот лучше умел присматривать за детьми. И разве не Волшебный Язык вытащил его в этот мир? Так нет же, мальчик увязался именно за ним.

— Я поищу Гвина, — сказал Сажерук, вставая. Фарид ничего не ответил — он просто пошёл за ним следом.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Она разговаривала с королём и втайне надеялась, что он запретит сыну уезжать. Но король сказал:

— Что ж, любовь моя, сущая правда, что приключения нужны даже самым маленьким. Приключения могут проникнуть человеку в кровь, даже если он позже и не вспомнит о них.

Е. Ибботсон. Тайна тринадцатого перрона

Ничего зловещего не было в деревне Каприкорна в тот серый, дождливый день, когда Мегги вновь привелось её увидеть. Сквозь зелень холмов проглядывали убогие домишки. Южное солнце сейчас не скрашивало их ветхость. Мегги не верилось, что эти же дома так грозно глядели на них в ночь побега.

— Интересно! — прошептал Фенолио, когда Баста въехал на стоянку. — Ты знаешь, что это место очень похоже на то, где происходит действие у меня в «Чернильном сердце»? Тут, конечно, нет замка, но пейзаж почти такой же, да и возраст деревни примерно сходится. Ты знаешь, что мир «Чернильного сердца» напоминает наше Средневековье? Я, конечно, кое-что добавил, например фей и великанов, а кое-что и опустил, но…

Дальше Мегги не слушала. Он вспоминала ту ночь, когда они бежали от Каприкорна. Она так надеялась тогда, что никогда больше не увидит автостоянку, церковь и эти холмы.

— Шевелитесь давайте, — буркнул Плосконос, распахивая дверцу машины. — Ты небось ещё не забыла дорогу?

Нет, Мегги её не забыла, хотя сегодня всё выглядело иначе. Фенолио, как заправский турист, оглядывал улочки.

— Я знаю эту деревню, — прошептал он на ухо Мегги. — То есть я слыхал о ней. С ней связано много печальных историй. В прошлом веке — землетрясение, а во время последней войны…

— Потом будешь болтать, писака, — перебил его Баста. — Терпеть не могу, когда при мне шепчутся.

Фенолио сердито посмотрел на него и замолчал. До самой церкви он не проронил больше ни слова.

— Открывайте дверь. Чего стоите? — рявкнул Плосконос, и Мегги с Фенолио вместе толкнули тяжёлую деревянную дверь.

На них потянуло таким же холодным, пахнущим затхлостью воздухом, как в тот день, когда Мегги привели в эту церковь вместе с Мо и Элинор. Внутри мало что изменилось. Красные стены в этот пасмурный день выглядели ещё более зловеще, а кукольное лицо статуи Каприкорна казалось ещё более злобным. Железные бочки, в которых жгли книги, все ещё стояли на том же месте, а вот кресла Каприкорна на вершине лестницы было не видно. Двое его молодцов как раз втаскивали по ступенькам новое кресло. Рядом стояла, нетерпеливо покрикивая на них, похожая на сороку старуха. Мегги с отвращением узнала её.

Баста оттолкнул двух женщин, на коленях мывших пол посредине церкви, и гордо прошествовал к алтарю.

— Где Каприкорн, Мортола? — издали крикнул он старухе. — У меня для него новости. Важные новости.

Старуха даже головы не повернула.

— Правее, кретины! — скомандовала она тем двоим, что все ещё возились с тяжёлым креслом. — Давайте-давайте, ничего страшного. — Потом она небрежно оглянулась на Басту. — Мы ждали тебя раньше, — сказала она.

— Что ты хочешь сказать? — Баста говорил громко, но Мегги слышала в его голосе неуверенность. Похоже было, что он боится старуху. — Ты знаешь, сколько на этом чёртовом побережье населённых пунктов? Причём мы даже не были уверены, что Волшебный Язык все ещё в этом районе. Но у меня есть нюх, и, — он кивком указал на Мегги, — я выполнил задание.

— Правда? — Сорока взглянула мимо Басты — туда, где стояли под охраной Плосконоса Мегги и Фенолио. — Я вижу только девчонку и старика. А где её отец?

— Нету! Но он придёт. Малышка — лучшая наживка.

— А как он узнает, что она здесь?

— Я оставил ему записочку.

— С каких пор ты научился писать?

Мегги увидела, как у Басты затряслись плечи от злости.

— Я написал своё имя, ему этого хватит, чтобы понять, где искать свою драгоценную дочурку. Скажи Каприкорну, что я запер её в одну из клеток.

С этими словами он повернулся на каблуках и прошествовал обратно к Мегги и Фенолио.

— Каприкорн уехал, и я не знаю, когда он вернётся! — крикнула вслед ему Мортола. — Но до его возвращения здесь распоряжаюсь я, и мне сдаётся, что ты в последнее время не оправдываешь наших ожиданий.

Баста повернулся так резко, будто его укусили в затылок, но Мортола невозмутимо продолжала:

— Сперва Сажеруку удаётся стащить у тебя ключи, потом ты теряешь наших собак — и нам приходится разыскивать тебя в горах, а теперь ещё это. Отдай ключи. — Сорока протянула руку.

— Что? — Баста побледнел, как школьник, которого собираются выпороть перед всем классом.

— Ты все отлично понял. Я хочу получить ключи от застенков, от склепа и от бензохранилища. Давай сюда.

Баста не пошевелился.

— Ты не имеешь права, — прошипел он. — Мне их дал Каприкорн, и только он может забрать их у меня. — И повернулся уходить.

— Он их у тебя заберёт! — крикнула Мортола ему вслед. — Он потребует от тебя отчёта, как только приедет. Может быть, он лучше меня поймёт, почему ты не привёз Волшебного Языка.

Баста ничего не ответил. Он схватил под локти Мегги и Фенолио и потащил к двери. Сорока что-то кричала ему вслед, но Мегги не разобрала, что именно. А Баста больше уже не оборачивался.

Он запер их обоих в застенок под номером пять, где раньше сидел Фарид.

— Ждите тут, пока не придёт твой папаша! — сказал он, вталкивая девочку внутрь.

Ей казалось, что она во второй раз видит один и тот же дурной сон. Только на этот раз не было даже заплесневелой соломы, чтобы

присесть, и лампочка под потолком не горела. Зато через отверстие в стене скупо проникал дневной свет.

— Потрясающе! — сказал Фенолио и со вздохом уселся на голый холодный пол. — Хлев. Какая банальность! Я-то надеялся, что у Каприкорна приготовлена по крайней мере настоящая тюрьма для узников.

— Хлев?

Мегги прислонилась к стене. Она слушала, как хлещет дождь по запертой двери.

— Да. А ты что думала? Раньше дома всегда так строили: внизу жил скот, а наверху люди. Во многих горных деревеньках до сих пор держат коз и ослов в таких хлевах. Утром скот выгоняют на пастбище, тогда на улочках дымятся кучи свежего навоза и приходится их обходить, когда выходишь купить хлеба к завтраку. — Фенолио выдернул волосок из носа, посмотрел на него, как будто ему не верилось, что такая щетина могла вырасти у него в носу, и щелчком отправил его на пол. — В самом деле чудеса! — пробормотал он. — Именно так я представлял себе мать Каприкорна: нос, близко поставленные глаза, даже то, как она складывает руки за спину и выпячивает подбородок.

Мегги взглянула на него недоверчиво.

— Мать Каприкорна? Эта сорока?

— Сорока! Это ты её так называешь? — Фенолио тихо засмеялся: — Именно так её и прозвали в моей истории. Поразительно! Остерегайся её. Характер у неё не из лучших.

— Я думала, это его экономка.

— Гм, именно так ты, видимо, и должна была думать. Так что пусть это будет пока наш маленький секрет, поняла?

Мегги кивнула, хотя ничего она не поняла. Собственно, совершенно не важно, кто эта старуха. Все не важно. На этот раз здесь нет Сажерука, чтобы выпустить их ночью. Всё оказалось напрасно, будто они и не убегали.

Она подошла к запертой двери и упёрлась в неё ладонями.

— Мо придёт за мной, — прошептала она. — И тогда они запрут нас здесь навсегда.

— Тише, тише. — Фенолио встал и подошёл к ней. — Я что-нибудь придумаю!

Он притянул её к себе, и она уткнулась лицом в его пиджак. Пиджак был из грубой ткани и пах трубочным табаком.

— Я что-нибудь придумаю, — шепнул он Мегги. — Ведь это я придумал этих подонков. Смешно было бы, если бы теперь я не сумел с ними справиться. У твоего отца была по этому поводу одна идея, но…

Мегги подняла залитое слезами лицо и с надеждой посмотрела на него, но старик только покачал головой:

— Потом. А пока объясни-ка мне, зачем Каприкорну твой отец. Это как-то связано с его волшебным чтением?

Мегги кивнула и вытерла заплаканные глаза.

— Он хочет, чтобы Мо вычитал ему кого-то из этой книжки, одного старого друга…

Фенолио протянул ей носовой платок. Оттуда выпало несколько крошек табака. Мегги высморкалась.

— Друга? У Каприкорна нет друзей.

Старик сдвинул брови. И вдруг Мегги почувствовала, как он резко глотнул воздух.

— Кто это? — спросила она, но Фенолио только утёр слезу с её щеки.

— Надеюсь, что ты встретишься с ним только на книжных страницах, — ответил он уклончиво. Потом он принялся ходить взад-вперёд. — Каприкорн, наверное, скоро вернётся, — сказал он. — Я должен подумать, что ему сказать.

Но Каприкорн не возвращался. На улице стемнело, а за ними никто не приходил. И даже поесть им не принесли. Из дыры в стене потянуло ночным холодом, и они уселись рядышком на жёсткий пол, обогревая друг друга.

— А Баста все такой же суеверный? — спросил Фенолио.

— Да, очень, — ответила Мегги. — Сажерук любит дразнить его этим.

— Отлично, — сказал Фенолио. Но ничего не прибавил.

СЛУЖАНКА КАПРИКОРНА

Оттого, что я никогда не видел ни отца, ни матери, ни каких-либо их портретов (о фотографии в те времена и не слыхивали), первое представление о родителях странным образом связалось у меня с их могильными плитами. По форме букв на могиле отца я почему-то решил, что он был плотный и широкоплечий, смуглый, с чёрными курчавыми волосами. Надпись «А также Джорджиана, супруга вышереченного» вызывала в моём детском воображении образ матери — хилой, веснушчатой женщины.

Ч. Диккенс. Большие надежды

(перевод М. Лорис)

Сажерук тронулся в путь в самый тёмный час ночи. Небо по-прежнему было затянуто облаками, сквозь которые не проглядывала ни одна звезда. Лишь месяц изредка появлялся из-за туч, изможденно-тонкий, похожий на ломтик лимона в море чернил.

Сажерук радовался темноте, но мальчик вздрагивал всякий раз, как ветви задевали его за лицо.

— Проклятье, надо было оставить тебя с куницей, — зашипел на него Сажерук. — Ты так стучишь зубами, что нас по одному этому стуку обнаружат. Погляди вперёд. Там ты увидишь кое-что, чего действительно стоит бояться! Не духов, а ружья.

Всего в нескольких шагах от них начиналась деревня Каприкорна. От новых прожекторов между серыми домишками было светло как днём.

— Вот и рассказывайте о пользе электричества, — прошептал Сажерук, пока они крались вдоль автостоянки.

Между машинами ходил взад-вперёд скучающий часовой. Он, зевая, прислонился к грузовику, на котором Кокерель привёз коз, и надел наушники.

— Отлично! Эдак тут целая армия пройдёт, а он и не услышит, — прошептал Сажерук. — Видел бы это Баста, парню пришлось бы поголодать три дня под замком в хлеву у Каприкорна.

— А что, если нам пройти по крышам?

В глазах Фарида больше не было страха. Часовой с ружьём не был ему и вполовину так страшен, как духи, жившие в его воображении. Сажерук только головой покачал на такое неразумие. Но идея с крышами была неплохая. По одному из соседних со стоянкой домов вился виноград. Его уже много лет не обрезали. Как только часовой, покачиваясь в такт гремевшей у него в ушах музыке, отошёл в противоположный угол, Сажерук подтянулся на затвердевших ветках. Мальчик лазал по деревьям ещё ловчей его. Он гордо протянул ему руку, уже стоя на крыше. Как кошки, они пробирались по крышам все дальше, мимо труб, антенн, прожекторов Каприкорна, направленных вниз, так что выше их всё скрывалось в непроницаемой тьме. Раз под ботинками Сажерука сорвалась черепица, но он успел её подхватить.

Добравшись до площади между церковью и домом Каприкорна, они съехали вниз по водосточной трубе. Минуту-другую Сажерук, пригнувшись и затаив дыхание, стоял за штабелем ящиков и высматривал часового. Не только площадь, но и узкая улочка вдоль дома Каприкорна была залита ярким светом. У фонтана перед церковью сидела чёрная кошка. У Басты бы замерло сердце при этом зрелище, но Сажерука больше беспокоили часовые перед домом Каприкорна. Один из них, крепкий, приземистый парень, четыре года назад отыскал Сажерука на севере, в городе, где тот собирался устроить своё последнее представление. Взяв на помощь ещё двоих, он доставил его сюда, и тут Каприкорн расспросил его о Волшебном Языке и о девочке — так, как умел расспрашивать Каприкорн.

Часовые ссорились. Они были так поглощены друг другом, что Сажерук набрался смелости и поспешно проскользнул в проулок за домом Каприкорна. Фарид следовал за ним бесшумно, как ожившая тень. Дом Каприкорна, массивное, неуклюжее здание, был, наверное, когда-то деревенской ратушей, а может быть, монастырём или школой. Ни одно окно не светилось, и часовых в проулке тоже не было видно. Но Сажерук не терял бдительности. Он знал, что часовые часто прятались в тёмных дверных проёмах, сливаясь с мраком в своих чёрных куртках, как вороньё в ночи. Да, Сажерук хорошо знал

деревню Каприкорна. Ему нередко приходилось красться по этим улочкам с тех пор, как Каприкорн затащил его сюда, чтобы он искал ему Волшебного Языка и книгу. Каждый раз, когда тоска по родным краям сводила его с ума, он приходил сюда, к своим старым врагам, чтобы хоть отчасти стряхнуть невыносимое ощущение чужбины. Даже страх перед ножом Басты не мог его удержать.

Сажерук подобрал с земли плоский камешек, кивком подозвал Фарида и кинул камень вниз по переулку. Никакого движения. Часовой, как он и надеялся, делал обход, и Сажерук прошмыгнул к стене, ограждавшей сад Каприкорна: овощные грядки, плодовые деревья, душистые кусты, укрытые стеной от холодного ветра, иногда задувавшего с ближних гор. Сажерук нередко развлекал рассказами половших грядки служанок. Прожектора в саду не было, часового тоже (кому бы пришло в голову воровать овощи?), а в дом вела со двора зарешечённая дверь, которую на ночь запирали. Прямо под стеной стояла клетка для собак, но, перемахнув через стену, Сажерук нашёл её пустой. Собаки не вернулись с холмов. Они оказались умнее, чем думал о них Сажерук, а новых Баста не завёл. Это было глупо с его стороны. Баста вообще дурак.

Сажерук кивком велел мальчику следовать за ним и побежал мимо ухоженных грядок к зарешечённой двери. Увидев тяжёлую решётку, мальчик вопросительно посмотрел на него, но Сажерук в ответ только приставил палец к губам и показал глазами на одно из окон второго этажа. Ставни были открыты. Сажерук мяукнул так похоже, что ему ответили сразу несколько кошек, но в окне ничто не шевельнулось. Он беззвучно чертыхнулся, вслушиваясь в темноту, и крикнул хищной птицей. Фарид вздрогнул и прислонился к стене дома. На этот раз за окном послышалось движение. Из него высунулась женщина. Сажерук помахал ей. Она махнула в ответ и скрылась.

— Не смотри на меня так, — шепнул Сажерук, поймав тревожный взгляд Фарида. — Ей можно доверять. Многие из этих женщин не любят Каприкорна и его людей, а многих вообще притащили сюда силой. Но все они его боятся. Боятся потерять работу, боятся, что он подожжёт дом, где живут их семьи, если они станут болтать о нём и о том, что здесь творится, боятся, что к их близким явится Баста с ножом… Резе нечего бояться — у неё нет семьи. «Больше нет», — добавил он мысленно.

Дверь за решёткой отворилась, и сквозь прутья выглянула та самая женщина. Пышные русые волосы обрамляли озабоченное бледное лицо.

— Как ты поживаешь? — Сажерук протянул руку через прутья решётки.

Реза, улыбаясь, пожала её и движением головы указала на мальчика.

— Это Фарид, — сказал Сажерук тихо. — Он ко мне, можно сказать, прибился. Но ему можно доверять. Он так же не любит Каприкорна, как мы с тобой.

Реза кивнула, посмотрела на него с упрёком и покачала головой.

— Да, я знаю, неразумно, что я снова пришёл. Ты слышала, как всё было? — Сажерук говорил с нескрываемой гордостью. — Они думали, со мной можно делать что угодно, но просчитались. На свете есть ещё один экземпляр этой книги, и я его добуду! Не смотри на меня так. Ты знаешь, где Каприкорн её прячет?

Реза покачала головой. Позади них раздался шорох, Сажерук резко обернулся, но это только мышь пробежала в тишине через двор. Реза достала из кармана халата карандаш и лист бумаги. Она писала медленно и аккуратно, зная, что Сажеруку легче читать большие буквы. Она сама же и научила его писать и читать, чтобы они могли разговаривать.

Сажеруку всегда требовалось время, прежде чем буквы перед его глазами обретали смысл. Он всякий раз испытывал гордость, когда эти значки с паучьими лапами наконец складывались в слова и выдавали ему свою тайну.

— «Я поищу», — прочёл он тихо. — Ладно. Но будь осторожна. Я не хочу, чтобы ты рисковала своей хорошенькой головкой. — Он снова склонился над запиской. — А что значит «Ключи Басты теперь у Сороки?»

Он вернул ей записку. Фарид так зачарованно смотрел на пишущую руку Резы, будто наблюдал за волшебством.

— Придётся тебе научить и его, — прошептал Сажерук через решётку. — Видишь, как он на тебя уставился?

Реза подняла голову и улыбнулась Фариду. Он смущённо поглядел в сторону. Реза провела пальцем по лицу.

— Ты хочешь сказать, что он красивый мальчик? — Сажерук насмешливо скривил рот, а Фарид от смущения не знал, куда глаза девать. — А я? Я красив, как луна? Не знаю, как и отнестись к такому комплименту. Ты хочешь сказать, что у меня почти столько же рытвин на лице?

Реза зажала себе рот рукой. Её легко было рассмешить, она смеялась, как ребёнок. И только тогда можно было услышать её голос.

Выстрелы разорвали ночную тишину. Реза вцепилась в решётку, а Фарид испуганно присел на корточки у стены. Сажерук поднял его.

— Ничего страшного, — прошептал он. — Часовые стреляют по кошкам. Они всегда этим развлекаются, как заскучают.

Мальчик недоверчиво посмотрел на него, но Реза продолжала писать.

— «Она забрала их у него, — прочёл Сажерук. — В наказание». Да, это Басте, конечно, пришлось не по вкусу. Он так задавался из-за этих ключей, словно ему поручили хранить зеницу ока Каприкорна.

Реза сделала движение, будто вытаскивает из-за пояса нож, и при этом состроила такое мрачное лицо, что Сажерук чуть не рассмеялся вслух. Он быстро осмотрелся по сторонам, но на дворе за высокой стеной было тихо, как на кладбище.

— Могу себе представить, как бесится Баста, — прошептал он. — Он из кожи вон лезет, чтобы угодить Каприкорну, перерезает глотки, уродует лица, а тут такое.

Реза вновь взялась за карандаш. Ему снова потребовалось до обидного много времени, чтобы расшифровать чётко написанные буквы.

— Ах, вот как! Ты слышала о Волшебном Языке? Тебе интересно, кто он? Если бы не я, он бы до сих пор сидел в клетке Каприкорна. Что ещё сказать? Спроси Фарида. Волшебный Язык достал мальчика из его истории, как косточку из абрикоса. К счастью, он не захватил тех хищных духов, о которых мальчишка всё время болтает. Он, конечно, настоящий Мастер Чтения, не то что Дариус. Сама видишь, Фарид не хромает, лицо у него, надо думать, такое же, как всегда, и голос он тоже сохранил, хотя это сейчас и не заметно.

Фарид сердито посмотрел на него.

— Как Волшебный Язык выглядит? Ему Баста пока лицо не разукрасил — вот всё, что я тебе могу сказать.

Над ними раздался скрип ставня. Сажерук вжался в решётку. «Это просто ветер, — подумал он, — просто ветер». Фарид смотрел на него расширенными от ужаса глазами. Возможно, этот скрип снова напомнил ему о демонах; однако фигура, высунувшаяся из окна над их головами, была из плоти и крови: Мортола, или Сорока, как её за глаза называли. Все служанки ходили у неё по струнке, ничто не могло укрыться от её взора и слуха, даже секреты, которыми женщины шёпотом обменивались по ночам в спальной комнате. Для сейфов с деньгами Каприкорн и то отвёл лучшее помещение, чем для служанок. Они все спали в его доме, по четыре в одной комнате, кроме тех, что не побрезговали кем-нибудь из его молодцов. Эти селились со своими мужчинами в заброшенных домах.

Сорока облокотилась на карниз, вдыхая ночную прохладу. Она торчала в окне бесконечно долго, так долго, что Сажеруку неудержимо хотелось свернуть её худую шею. Но наконец она, видимо, надышалась воздухом и затворила окно.

— Мне пора уходить, но завтра вечером я приду снова. Может быть, до тех пор ты узнаешь что-нибудь о книге. — Сажерук вновь сжал пальцы Резы — они загрубели от мытья и стирки. — Прости, я это уже говорил, но всё же будь осторожна и держись подальше от Басты.

Реза пожала плечами. Как ещё ответишь на такой бесполезный совет? Почти все женщины в деревне старались держаться подальше от Басты, но он не всегда держался от них подальше.

Сажерук ждал перед зарешечённой дверью, пока Реза не поднялась к себе. Свечой она подала ему знак через окно.

Часовой на автостоянке так и не снял наушников. Он увлечённо танцевал между машинами, держа ружьё на вытянутой руке, как девушку за плечи. А когда он всё же поглядел в нужном направлении, Сажерук и Фарид давно уже исчезли во мраке ночи.

На обратном пути к укрытию они никого не встретили, кроме лисы, выскочившей у них из-под ног, сверкая голодными глазами. Внутри обгорелых стен сидел Гвин и доедал пойманную птицу. Перья ярко блестели в темноте.

— Она всегда была немая? — спросил мальчик, когда Сажерук устроился на ночь под деревом.

— Сколько я её знаю, — ответил Сажерук, поворачиваясь к нему спиной.

Фарид улёгся рядом. Он всегда так делал. И сколько Сажерук ни откатывался от него, проснувшись, он всякий раз обнаруживал мальчика у себя под боком.

— Фотография у тебя в рюкзаке, — сказал Фарид, — это её фотография.

— И что? Мальчик промолчал.

— Если ты решил за ней поухаживать, — сказал Сажерук насмешливо, — советую тебе отказаться от этой затеи. Это одна из любимых служанок Каприкорна. Ей даже разрешается приносить ему завтрак и помогать при утреннем одевании.

— Давно она у него?

— Пять лет. И за все эти годы Каприкорн ни разу не отпускал её из деревни. Ей из дома-то редко позволяется выходить. Она два раза пыталась бежать, но далеко не ушла. Один раз её укусила змея. Она мне никогда не рассказывала, как наказал её Каприкорн за побег, но я знаю, что с тех пор она бежать не пыталась.

Позади них раздался шорох. Фарид вскочил, но оказалось, что это всего лишь Гвин. Куница, облизывая морду, устроилась на животе у мальчика. Фарид со смехом вытащил перо у неё из шерсти. Гвин энергично обнюхал его нос и подбородок, словно соскучился по мальчику, а потом соскочил с него и снова скрылся во мраке.

— Славный зверь, — прошептал Фарид.

— Нисколечко, — сказал Сажерук и до подбородка натянул тонкое одеяло. — Наверное, он любит тебя за то, что ты пахнешь как девочка.

В ответ на это Фарид долго молчал.

— Она на неё похожа, — сказал он как раз в тот момент, когда Сажерук уже проваливался в сон. — Дочь Волшебного Языка. У неё такой же рот и такие же глаза, и смеётся она точно так же.

— Чушь! — сказал Сажерук. — Нисколько они не похожи. Просто обе голубоглазые, вот и всё. Это не редкость. А теперь спи наконец.

Мальчик послушался. Он закутался в свитер, который дал ему Сажерук, и повернулся на другой бок. Вскоре дыхание его стало ровным, как у младенца. А Сажерук не мог уснуть всю ночь, глядя недреманными глазами в темноту.

ТАЙНЫ

— Когда меня посвятят в рыцари, — сказал Уорт, зачарованно глядя в огонь, — я буду молить Бога, чтобы он послал мне все существующее в мире зло. Лишь мне одному. Если я одержу над этим злом верх, то его больше нигде не будет, а если победит оно, то пострадаю от этого только я один.

— Это было бы чересчур опрометчивым шагом с твоей стороны, — ответил Мерлин, — и ты бы проиграл. И страдал бы от этого.

Т. Х. Уайт. Король Камелота

Каприкорн встречал Мегги и Фенолио в церкви в окружении полутора десятков своих людей. Он сидел в новом, угольно-чёрном кресле, установленном под присмотром Мортолы. На сей раз он был одет для разнообразия не в красное, а в светло-жёлтое, цвета утреннего солнца, пробивавшегося в окна. Он велел привести их ни свет ни заря, на холмах ещё лежал туман, и солнце плавало в нём, как мячик в мутной воде.

— Клянусь всеми буквами алфавита! — прошептал Фенолио, идя вместе с Мегги по центральному нефу церкви; по пятам за ними шёл Баста. — Он правда выглядит в точности так, как я его себе представлял. «Бесцветный, как молоко в стакане», — кажется, так я выразился.

Он пошёл быстрее, словно сгорая от нетерпения поближе рассмотреть своё создание. Мегги насилу за ним поспевала, а Баста у самой лестницы оттащил его назад.

— Эй, это что ещё такое? — зашипел он. — Не так быстро! И не забудь поклониться, понял?

Фенолио лишь презрительно посмотрел на него и остался стоять совершенно прямо. Баста протянул было руку в его сторону, но Каприкорн едва заметно покачал головой, и Баста опустил руку, как ребёнок, которому сделали замечание. Рядом с креслом Каприкорна стояла Мортола, сложив руки за спиной, будто крылья.

— И впрямь, Баста, я так и не понял, о чём ты думал, когда вернулся без её отца, — сказал Каприкорн, переводя глаза с Мегги на морщинистое, как у черепахи, лицо Фенолио.

— Его не было, я ведь уже объяснял. — В голосе Басты слышалась обида. — Я что, должен был сидеть там, как жаба у пруда, и его дожидаться? Он скоро сам сюда прибежит. Мы ведь все видели, как он обожает девчонку. Я готов побиться об заклад на мой нож: он появится здесь сегодня же, самое позднее — завтра.

— Твой нож? Ты ведь его недавно потерял. Мортола говорила насмешливо, и Баста стиснул зубы.

— Ты распустился, Баста, — заметил Каприкорн. — Ты от горячности совсем перестал соображать. Давай посмотрим, кого ты ещё притащил.

Фенолио так и не отвёл от него глаз. Он рассматривал Каприкорна, как художник, который спустя много лет вновь видит им же написанную картину; судя по выражению его лица, он был доволен тем, что видит. Ни тени страха не уловила Мегги в его глазах, только недоверчивое любопытство и удовлетворение. Удовлетворение своей работой. Каприкорну этот взгляд не понравился, это Мегги тоже заметила. Он не привык, чтобы на него смотрели бесстрашно, как этот старик.

— Баста рассказывал мне о вас странные вещи, господин…

— Фенолио.

Мегги наблюдала за выражением лица Каприкорна. Прочёл ли он хоть раз имя на обложке «Чернильного сердца», чуть выше названия?

— Даже голос у него в точности такой, как я себе представлял, — шепнул ей Фенолио.

Он был похож на ребёнка, с восторгом глядящего на льва в клетке. Но только Каприкорн сидел не в клетке. Один его взгляд — и Баста так заломил старику локоть за спину, что тот судорожно глотнул воздух.

— Не люблю, когда при мне шепчутся, — пояснил Каприкорн, пока Фенолио пытался продохнуть. — Итак, Баста рассказал мне фантастическую историю: вы будто бы утверждали, что именно вы написали некую книгу… Как она там называлась?

— «Чернильное сердце». — Фенолио потёр болевшую спину. — Она называется «Чернильное сердце», потому что у её героя сердце черно от злобы. Мне до сих пор нравится это название.

Каприкорн поднял брови и улыбнулся:

— Как прикажете это понимать? Может быть, как комплимент? Ведь то, о чём вы говорите, — моя история.

— Нет. Это моя история. А ты её персонаж — вот и все.

Мегги заметила, как Баста вопросительно взглянул на Каприкорна, но тот едва заметно покачал головой, так что спина Фенолио на некоторое время была в безопасности.

— Интересно, интересно. Значит, ты упорствуешь в своём вранье. — Каприкорн снял ногу с ноги и поднялся с кресла. Потом медленно спустился по ступенькам.

Фенолио заговорщически улыбнулся Мегги.

— Что улыбаешься?

Голос Каприкорна стал режущим, как нож Басты. Он остановился прямо перед Фенолио.

— Ах да, мне не следовало забывать, что тщеславие — одно из свойств, которыми я щедро тебя наделил. Тщеславие и… — тут Фенолио выдержал эффектную паузу, — ещё несколько слабостей, о которых лучше не распространяться в присутствии твоих молодцов, правда?

Короткое — и нескончаемое — мгновение Каприкорн глядел на него молча. Потом он улыбнулся. Улыбка была слабая, бледная, чуть кривившая уголки рта, а глаза его в это время блуждали по церкви, как будто он и думать забыл про Фенолио.

— Ты дерзкий старик, — сказал он. — Да к тому же ещё и лгун. Но если ты надеешься произвести на меня впечатление своим наглым враньём, как на Басту, то мне придётся тебя разочаровать. Твои претензии смешны, как и ты сам, и со стороны Басты было непростительной глупостью притащить тебя сюда, потому что теперь нам нужно так или иначе от тебя отделаться.

Баста побледнел. Втянув голову в плечи, он торопливо подошёл к Каприкорну и зашептал ему на ухо.

— А если он всё же не врёт? — услышала Мегги. — Они оба говорят, что все мы погибнем, если тронем старика.

Каприкорн смерил его таким презрительным взглядом, что Баста отшатнулся, словно его ударили. По виду Фенолио было похоже, что его всё это чрезвычайно забавляет. Мегги казалось, что он считает

происходящее театральным представлением, устроенным лично для него.

— Бедняга Баста, — сказал Каприкорну Фенолио. — Ты снова несправедлив к нему, потому что он прав. Что, если я не лгу? Что, если я и в самом деле создал вас — тебя и Басту? Может быть, вы просто растворитесь в воздухе, если меня не станет? Это очень вероятное предположение.

Каприкорн рассмеялся, и всё же Мегги почувствовала, что он размышляет над тем, что сказал Фенолио, и что он встревожен, хотя и старается притворяться равнодушным.

— Я могу доказать, что я именно тот, за кого себя выдаю, — сказал Фенолио так тихо, что, кроме Каприкорна, его слова слышали только Баста и Мегги. — Мне сделать это здесь, перед твоей свитой и служанками? Рассказать им о твоих родителях?

В церкви стало тихо. Никто не шевельнулся — ни Баста, ни молодцы Каприкорна, ждавшие у ступеней. Даже женщины, мывшие пол под столами, выпрямились и посмотрели на Каприкорна и чужого старика, стоявшего перед ним. Мортола всё ещё стояла возле его кресла, выпятив подбородок, словно от этого ей было лучше слышно, о чём шепчутся там, внизу.

Каприкорн молча рассматривал свои запонки. Они казались пятнами крови на белых манжетах.

Потом он снова взглянул бесцветными глазами прямо в лицо Фенолио.

— Что ж, говори, старик! Но, если тебе дорога жизнь, постарайся, чтобы слышал тебя только я.

Он говорил тихо, но Мегги слышала в его голосе еле сдерживаемую ярость. Никогда ещё он не казался ей таким страшным.

Каприкорн сделал знак Басте, и тот неохотно отступил на несколько шагов.

— Я ведь могу говорить при малышке? — Фенолио положил Мегги руку на плечо. — Или её ты тоже боишься?

Каприкорн даже не взглянул на Мегги. Он видел сейчас только старика — своего создателя.

— Ну, говори же, даже если сказать тебе нечего. Ты не первый, кто пытается баснями спасти свою шкуру в этой церкви, но, если ты будешь по-прежнему нести вздор, я велю Басте положить тебе на шею

славную маленькую змейку. У меня всегда припасено несколько штук на такие случаи.

Угроза не произвела на Фенолио большого впечатления.

— Ладно, — сказал он, поглядев вокруг и как бы сожалея, что у него так мало слушателей. — С чего начать? Сперва одно важнейшее правило: писатель никогда не доверяет бумаге всё, что знает о своих персонажах. Читателю не обязательно знать все. Есть вещи, которым лучше оставаться тайной, известной только автору и его созданиям. Вот он, например. — Фенолио показал на Басту. — Я всегда знал, что он был глубоко несчастен до того, как встретился с тобой. Как это говорится в одной прекрасной книге? «До ужаса легко убедить ребёнка, что он отвратителен». Басту в этом убедили. Не то чтобы ты его разубедил. Конечно, нет! С какой стати? И всё же у него вдруг появился кто-то, кому он был предан, кто говорил ему, что делать… У него появился бог, Каприкорн, и если ты порой обращался с ним плохо, то кто сказал, что боги всегда добры? Они куда чаще строги и жестоки, правда? Но в книге я об этом не писал. Я это знал — и достаточно. Но довольно о Басте, перейдём к тебе.

Каприкорн не сводил глаз с Фенолио, лицо его словно одеревенело.

— Каприкорн… — Фенолио выговаривал это имя почти нежно. Он смотрел поверх плеч Каприкорна, словно забыл, что тот, о ком он говорит, стоит прямо перед ним, а не находится по-прежнему в совсем ином мире, замкнутом обложкой книги. — Конечно, у него есть и другое имя, но он и сам успел его позабыть. С пятнадцати лет он называет себя Каприкорном — по учёному названию Козерога, знака, под которым он родился. Каприкорн, Неприступный, Непостижимый, Ненасытный хочет, чтобы в нём видели бога. Или дьявола. Но разве у дьявола есть мать? — Фенолио в первый раз за время разговора посмотрел Каприкорну прямо в глаза. — У тебя она есть.

Мегги взглянула на Сороку. Сжав костлявые руки в кулаки, она подошла к краю ступенек и вся вытянулась, но Фенолио говорил очень тихо.

— Ты распространял слухи, что она из знатного рода, — продолжал он. — Ты даже рассказывал иногда, будто она королевская дочь. А твой отец был, как ты утверждал, мастером, ковавшим оружие

при его дворе. Красивая история, ничего не скажешь. Рассказать тебе мою версию?

В первый раз заметила Мегги страх на лице Каприкорна, безымянный страх без конца и начала, а за ним, как огромная чёрная тень, вставала ненависть. Мегги нисколько не сомневалась: Каприкорну хотелось в эту минуту убить Фенолио, но страх связывал руки ненависти и делал её ещё больше.

Замечал ли это Фенолио?

— Да, расскажи свою историю. Почему бы нет? Глаза у Каприкорна стали неподвижные, как у змеи.

Фенолио проказливо улыбнулся, совсем как его внуки.

— Отлично, продолжим. Насчёт мастера, ковавшего оружие, ты, конечно, солгал.

Мегги по-прежнему казалось, что старик от души забавляется. Он вёл себя так, будто играет с котёнком. Неужели он так мало знал своё собственное создание?

— Отец Каприкорна был простой кузнец, подковывавший лошадей, — продолжал он, совершенно не смущаясь холодной яростью во взгляде Каприкорна. — Он давал сыну поиграть горячие уголья и иногда колотил его сильно, как подкову на своей наковальне. Он колотил его за всякое проявление жалости, и, уж конечно, за слёзы, и за каждое «я не могу» и «у меня не получается». «Важнее всего сила! — поучал он мальчика. — Правила всегда устанавливает тот, кто сильнее, так что уж постарайся быть тем, кто их устанавливает». Мать Каприкорна тоже считала это единственной неопровержимой истиной на свете. И она каждый день говорила сыну, что однажды он станет сильнее всех на свете. Она была не принцессой, а простой служанкой с загрубевшими руками и коленями, и она, как тень, следовала за сыном даже тогда, когда он начал её стыдиться и выдумал себе новую мать и нового отца. Она восхищалась его жестокостью, ей нравилось видеть, что он внушает страх. И она любила его сердце, чёрное, как чернила. Да, у тебя камень вместо сердца, Каприкорн, чёрный камень, доброты в нём не больше, чем в куске угля, и ты очень, очень гордишься этим.

Каприкорн снова занялся своей запонкой, он крутил её и глядел на неё так задумчиво, будто всё его внимание сосредоточилось на красном кусочке металла, а не на том, что говорил Фенолио. Когда старик замолчал, Каприкорн старательно поправил манжету и смахнул

прицепившуюся нитку с рукава. Похоже, заодно он смахнул и гнев, и ненависть и страх, потому что их не было больше заметно в его равнодушном, бесцветном взоре.

— Что ж, старик, захватывающая история, ничего не скажешь, — сказал он тихо. — Она мне нравится. Ты хорошо врёшь, и поэтому я подержу тебя здесь. Пока. До тех пор, пока мне не разонравятся твои истории.

— Подержишь здесь? — Фенолио распрямился. — Я вовсе не собираюсь здесь оставаться. Что…

Но Каприкорн зажал ему рот рукой.

— Ни слова больше, — прошептал он. — Баста рассказал мне, что у тебя трое внуков. Если ты рассердишь меня или вздумаешь рассказывать свои басни не мне, а моим людям, я попрошу Басту завернуть несколько молодых змеек в подарочную бумагу и подложить под дверь твоим внукам. Я выражаюсь достаточно ясно, старик?

Фенолио опустил голову, как будто слова Каприкорна переломили ему шейный позвонок. Когда он вновь поднял голову, из каждой его морщины глядел страх.

С довольной улыбкой Каприкорн сунул руки в карманы брюк.

— Да, все вы к чему-нибудь да привязаны своим не в меру мягким сердцем, — сказал он. — Дети, внуки, братья и сёстры, родители, собаки, кошки, канарейки… И так у всех: у крестьян, у лавочников, и даже у полицейских есть семья или хотя бы собака. Достаточно поглядеть на её отца. — Каприкорн так неожиданно показал на Мегги, что она вздрогнула. — Он придёт сюда, хотя знает, что обратно я его не выпущу, как и его дочку. И всё же он придёт. Ну не удивительно ли устроен мир?

— Да, — сказал Фенолио, — удивительно. — И в первый раз посмотрел на своё создание не с восхищением, а с омерзением.

Похоже, Каприкорну это понравилось больше.

— Баста! — позвал он и поманил его к себе. Баста подошёл с нарочитой медлительностью.

Он всё ещё выглядел обиженным.

— Отведи старика в комнату, где мы раньше держали Дариуса! — приказал Каприкорн. — И поставь часового у дверей.

— Ты хочешь, чтобы я отвёл его к тебе в дом?

— Да, а что? Он ведь выдаёт себя за моего отца. Кроме того, его истории меня забавляют.

Баста пожал плечами и схватил Фенолио за локоть. Мегги испуганно посмотрела на старика. Сейчас она останется совсем одна, наедине со стенами без окон и с запертой дверью в застенке Каприкорна. Но Фенолио взял её за руку прежде, чем Баста успел утащить его.

— Оставь девочку со мной, — сказал он Каприкорну. — Не можешь ты снова запереть её в эту дыру одну-одинешеньку.

Каприкорн равнодушно повернулся к нему спиной.

— Как хочешь. Её отец всё равно скоро будет здесь.

Да, Мо придёт. Ни о чём другом Мегги не могла думать, пока Фенолио увлекал её за собой, обняв рукой за плечи, будто и вправду мог защитить её от Каприкорна, Басты и всех остальных. Но он ведь этого не мог. А Мо сможет? Конечно, нет. «Пожалуйста!» — думала она. Но он, может быть, не найдёт дорогу сюда. Лучше ему не приходить. И всё же больше всего ей хотелось, чтобы он пришёл. Больше всего на свете.

РАЗЛИЧНЫЕ ЦЕЛИ

Фабер понюхал книгу.

— Знаете, книги пахнут мускатным орехом или ещё какими-то пряностями из далёких заморских стран. Ребёнком я любил нюхать книги.

Р. Брэдбери. 451° по Фаренгейту

(перевод Т. Шинкарь)

Фарид заметил машину.

Сажерук лежал под деревом, когда она показалась на дороге. Он пытался думать, но с той минуты, как он узнал, что Каприкорн вернулся, мысли у него разбегались. Каприкорн вернулся, а он всё ещё не знает, где искать книгу. Листья рисовали кружевную тень на его лице, солнце жгучими иголками пробиралось сквозь ветки и впивалось в его раскалённый лоб. Баста и Плосконос тоже вернулись, конечно. А он как думал? Что они будут пропадать вечно?

— Что ты так волнуешься, Сажерук? — прошептал он, обращаясь к листве у себя над головой. — Тебе не надо было туда возвращаться. Ты знал, что это опасно.

Вдруг он услышал приближающиеся торопливые шаги.

— Серая машина. — Фарид опустился рядом с ним на траву запыхавшись — так быстро он бежал. — Я думаю, это Волшебный Язык.

Сажерук вскочил. Мальчик знал, что говорит. Он и вправду умел различать этих вонючих жестяных жуков. Сажеруку это никогда не удавалось.

Он помчался за Фаридом к тому месту, откуда было видно мост. От него дорога, как ленивая змея, загибалась к деревне Каприкорна. Если они хотели перехватить Волшебного Языка, времени у них оставалось немного. Они понеслись вниз по склону холма. Фарид первым выскочил на асфальт. Сажерук всегда гордился своей расторопностью, но мальчишка был ещё проворнее, быстрый, как косуля, и такой же длинноногий. С огнём он уже научился играть, как

со щенком, и до того самозабвенно, что Сажерук иногда напоминал ему с помощью зажжённой спички, какие у этого щенка горячие зубы.

Волшебный Язык резко затормозил, увидев на дороге Сажерука и Фарида. По его виду было похоже, что он не спал несколько ночей. Рядом с ним сидела Элинор. Она-то откуда взялась? Разве она не уехала домой, в свой склеп с книгами? А где же Мегги?

Волшебный Язык помрачнел при виде Сажерука и вышел из машины.

— Ну конечно! — закричал он, надвигаясь на него. — Это ты выболтал им, где мы. Кто же ещё? Что Каприкорн пообещал тебе на этот раз?

— Кому я что выболтал? — Сажерук увернулся от него. — Я никому ничего не выбалтывал. Спроси мальчика.

Волшебный Язык даже не взглянул на Фарида. Пожирательница книг тоже вышла из машины, лицо у неё было разъярённое.

— Единственный здесь, кто что-то выболтал, это ты! — резко сказал Сажерук. — Ты рассказал обо мне старику, хотя обещал этого не делать.

Волшебный Язык так и замер. Как легко пробудить в нём чувство вины!

— Вы бы лучше спрятали машину там, под деревьями. — Сажерук показал на обочину. — В любую минуту мимо может проехать кто-нибудь из людей Каприкорна, а они не любят, когда здесь появляются чужие машины.

Волшебный Язык обернулся и поглядел на дорогу.

— Ты что, опять готов ему поверить? — крикнула Элинор. — Конечно, это он вас предал — кто же ещё? Он же врёт каждый раз, как открывает рот.

— Баста забрал Мегги. — Волшебный Язык говорил без всякого выражения, как будто вместе с дочерью у него отобрали звук голоса. — Фенолио они тоже забрали — вчера утром, пока я встречал Элинор в аэропорту. С тех пор мы ищем эту проклятую деревню. Я понятия не имел, сколько на этих холмах заброшенных деревень. Только когда мы доехали до заграждения на дороге, я понял, что мы наконец на верном пути.

Сажерук молчал, глядя в небо. Там пролетали птицы, чёрные, как подручные Каприкорна. Он не заметил, как привезли девочку, но, с

другой стороны, не мог же он сутки напролёт не спускать глаз с автостоянки.

— Басты несколько дней не было, я так и подумал, что его послали за вами, — сказал он. — Тебе повезло, что он тебя не застал.

— Повезло? — Элинор всё ещё стояла возле машины. — Скажи ему, чтобы он отошёл с дороги, не то я его перееду машиной! Он с самого начала был заодно с этими проклятыми поджигателями.

Волшебный Язык все ещё глядел на Сажерука, словно решая для себя, можно ему верить или нет. Наконец он сказал:

— Люди Каприкорна забрались в дом к Элинор. Они вытащили всю её библиотеку в сад и сожгли.

Сажерук на мгновение почти обрадовался, хотя не хотел признаваться в этом даже себе. А чего она ждала, эта книгоманка? Что Каприкорн просто забудет о ней? Он пожал плечами и поглядел на Элинор без всякого выражения.

— Этого нужно было ожидать, — сказал он.

— Этого нужно было ожидать?

Элинор едва не задохнулась от возмущения. Она бросилась на него, как разъярённый бультерьер. Фарид загородил ей дорогу, но она толкнула его так, что мальчик упал на горячий асфальт.

— Ты можешь заморочить мальчишку своими факелами и цветными мячиками, Пожиратель Спичек! — заорала она на Сажерука. — Но со мной это не пройдёт! От всей моей библиотеки остался бак пепла. Полиция восхитилась таким умелым поджогом.

— Они всё же не подожгли ваш дом, госпожа Лоредан. Даже сад ваш не пострадал, если не считать горелого пятна на лужайке.

— Что мне дом? Что мне эта чёртова лужайка? Они сожгли мои драгоценные книги!

Она поспешно отвернулась, но Сажерук успел заметить слёзы у неё на глазах и вдруг ощутил жалость. Может быть, между ними больше общего, чем он думал: её родина была из бумаги и типографской краски, как и его собственная. Похоже, она чувствовала себя в этом мире такой же чужой, как он. Однако он не выдал своего сочувствия, он скрыл его за насмешкой и равнодушием, также как она прятала отчаяние под маской гнева.

— А чего вы ждали? Каприкорн знал, где вы живёте. Следовало ожидать, что он предпримет что-нибудь, раз вы от него удрали. Он

вообще мстителен.

— А откуда он знал, где я живу? От тебя! Элинор замахнулась кулаком, но Фарид удержал её руку.

— Он не предавал! — выкрикнул мальчик. — Он никого не предавал. Он вернулся сюда, чтобы выкрасть одну вещь.

Элинор опустила руку.

— Значит, это правда. — Волшебный Язык встал рядом с ней. — Ты вернулся, чтобы украсть книгу! Ты сошёл с ума.

— Ну а ты? Ты зачем вернулся? — Сажерук смерил его презрительным взглядом. — Ты решил просто прогуляться до церкви Каприкорна и попросить его отдать тебе твою дочь?

Волшебный Язык молчал.

— Он ни за что тебе её не отдаст, и ты это знаешь, — продолжал Сажерук. — Она только наживка, и как только ты её схватишь, вы оба окажетесь узниками Каприкорна, возможно, до конца ваших дней.

— Я ведь хотела привести полицию. — Элинор сердито высвободилась из смуглых рук Фарида. — Но Мортимер был против.

— И правильно! Каприкорн отправил бы Мегги в горы, и вы бы никогда больше её не увидели.

Волшебный Язык взглянул туда, где за холмами виднелись тёмные очертания гор.

— Подожди, пока я выкраду книгу, — сказал Сажерук. — Я сегодня же ночью снова проберусь в деревню. Я не смогу освободить твою дочь так, как в прошлый раз, потому что теперь Каприкорн поставил втрое больше часовых и вся деревня освещена по ночам, как витрина ювелирного магазина, но, может быть, мне удастся разузнать, где они её держат. И можешь делать с этой информацией что хочешь. А в благодарность за труды ты ещё раз попробуешь вернуть меня обратно. Что ты на это скажешь?

Ему казалось, что это очень разумное предложение, но Волшебный Язык после короткого раздумья покачал головой.

— Нет! — сказал он. — Нет, мне очень жаль, но я не могу больше ждать. Мегги и так, наверное, не может понять, почему меня всё ещё нет. Я ей нужен.

С этими словами он повернулся и пошёл назад к машине.

Но Сажерук преградил ему путь.

— Мне тоже очень жаль, — сказал он, щелчком открывая нож Басты. — Ты знаешь, я терпеть не могу эти штуки, но иногда приходится защищать людей от их же собственной глупости. Я не допущу, чтобы ты попал в эту деревню, как кролик в капкан, только затем, чтобы Каприкорн мог запереть тебя и твой волшебный голос. Твоей дочери это не поможет, а мне тем более.

Фарид по знаку Сажерука тоже вытащил нож, купленный у одного мальчишки в приморском селении. Ножик был до смешного маленький, но Фарид с такой силой упёр его Элинор в бок, что лицо у неё перекосилось.

— Уж не собрался ли ты меня зарезать, юный мерзавец? — закричала она на него.

Мальчик отпрянул, но нож не опустил.

— Убери машину с дороги, Волшебный Язык, — приказал Сажерук. — И не глупи! Мальчишка не отведёт нож от сердца твоей любительницы книг, пока ты к нам не вернёшься.

Волшебный Язык повиновался. А что ему оставалось делать? Их обоих накрепко привязали к деревьям прямо за сожжённым домом, в двух шагах от укрытия. Элинор верещала громче, чем Гвин, когда его за хвост вытаскивали из рюкзака.

— Прекратите! — закричал на неё Сажерук. — Если люди Каприкорна найдут нас здесь, лучше никому не будет.

Это подействовало. Она тут же замолчала. Волшебный Язык прислонился головой к стволу и закрыл глаза.

Фарид ещё раз тщательно проверил все узлы. Сажерук подозвал его.

— Ты останешься караулить этих двоих, а я проберусь сегодня ночью в деревню, — прошептал он. — И чтоб я больше не слышал про духов. На этот раз ты остаёшься не один.

Мальчик смотрел на него так обиженно, будто его заставили сунуть руку в огонь.

— Но они же привязаны, — возразил он. — Что их караулить? Мои узлы ещё никому не удавалось развязать, честное слово! Пожалуйста, возьми меня с собой! Я могу посторожить, могу отвлечь часового. Я могу даже забраться в дом Каприкорна. Я умею красться тише, чем Гвин!

Но Сажерук отрицательно покачал головой.

— Нет! — сказал он резко. — Сегодня я пойду один. А если я захочу, чтобы за мной ходили по пятам, я заведу себе собаку.

И он отошёл от оторопевшего мальчика.

День был жаркий. В голубом небе над холмами не было ни облачка. До темноты оставалось ещё много часов.

В ДОМЕ КАПРИКОРНА

Во сне я попадал иногда в мрачный дом, который совсем не знал, в незнакомый, мрачный, страшный дом! Там были тёмные комнаты, в которых я задыхался…

А. Линдгрен. Мио, мой Мио!

(Перевод Л. Брауде и Е. Паклиной)

Две узкие металлические кровати друг над другом у белёной стены, шкаф, стол у окна, стул, на стене пустая полка, на ней одна-единственная свеча. Мегги надеялась, что из окна видна дорога или хотя бы автостоянка, но окно выходило во двор. Там несколько служанок Каприкорна пололи грядки, а в углу, в огороженном загоне, клевали корм куры. Двор был окружён высокой стеной, как тюрьма.

Фенолио сидел на нижней кровати и мрачно глядел на неметёный пол. Половицы скрипели при каждом шаге. За дверью бранился Плосконос:

— Почему я? Нет уж, поищи кого-нибудь другого, чёрт побери! Я лучше проберусь в соседнюю деревню, положу кому-нибудь перед дверью пропитанную бензином тряпку или повешу дохлого петуха на окно. Я даже готов скакать перед окнами, обряженный чёртом, как Кокерель месяц назад. Но отстоять себе все ноги, карауля старика и девчонку! Поищи на это мальчика, который обрадуется, что ему поручают не только машины мыть. Но Баста был непреклонен.

— После ужина тебя сменят, — сказал он и ушёл.

Мегги слышала, как его шаги удаляются по длинному коридору. До лестницы было пять дверей, а внизу, слева от лестницы, был выход… Она хорошо запомнила дорогу. Но как проскользнуть мимо Плосконоса? Она снова подошла к окну. От одного взгляда вниз голова у неё закружилась. Нет, тут не слезть. Тут только шею сломаешь.

— Не закрывай окно! — произнёс Фенолио у неё за спиной. — Здесь такая жара, что расплавиться можно.

Мегги присела на кровать рядом с ним.

— Я убегу, — шепнула она. — Как только стемнеет.

Старик недоверчиво поглядел на неё, потом энергично покачал головой.

— С ума ты сошла? Это слишком опасно.

За дверью в коридоре все ещё ворчал Плосконос, ни к кому не обращаясь.

— Я скажу, что мне нужно в туалет. — Мегги прижала к себе свой рюкзачок. — А потом убегу.

Фенолио схватил её за плечи.

— Нет! — прошептал он ещё настойчивее. — Нет, ни в коем случае. Мы что-нибудь придумаем! Придумывать — моя профессия, ты забыла?

Мегги поджала губы.

— Ладно, ладно, — пробормотала она. Потом встала и подошла к окну.

За окном уже сгущались сумерки.

«И всё-таки я попытаюсь, — думала она. (Фенолио за её спиной со вздохом вытянулся на узкой кровати.) — Они не сделают из меня наживку. Я убегу, я не допущу, чтобы они поймали ещё и Мо».

И в ожидании темноты она в сотый раз отгоняла мысль, настойчиво лезшую ей в голову: где же Мо? Почему его всё ещё нет?

ЛЕГКОМЫСЛИЕ

— То есть ты думаешь, это всего лишь случай? — спросил граф.

— Для меня все — случай, до той поры, пока не будет доказано обратное, — ответил принц. — Поэтому-то я пока ещё жив.

У. Голдман. Принцесса-невеста

Жара не спала даже с заходом солнца. Ни малейшего дуновения не чувствовалось в наступающей темноте, только светлячки плясали в пожухлой траве, когда Сажерук вновь прокрался в деревню Каприкорна.

На этот раз по автостоянке слонялись двое часовых, и ни на одном из них не было наушников. Поэтому Сажерук решил подобраться к дому Каприкорна иначе. На другой стороне деревни были улочки, более ста лет назад полностью разрушенные землетрясением и после этого заброшенные, так что Каприкорн и не пытался их восстановить. Улочки эти были засыпаны обломками обвалившихся стен, лазать там было небезопасно. Здесь до сих пор иногда что-нибудь рушилось, хотя прошло столько лет, и люди Каприкорна старались не ходить в эту часть деревни, где за проржавевшими дверьми на столах стояла грязная посуда исчезнувших жителей. Прожекторов здесь не было, и даже часовые редко сюда заглядывали.

На улочке, по которой крался Сажерук, по колено лежали обломки кровельной дранки и камни. Они скользили у него из-под ног. Он напряжённо вглядывался в темноту, опасаясь, что этот шум привлечёт внимание, и вдруг увидел между развалинами часового. Он спрятался за ближайшую стену, во рту у него пересохло от страха. На стене лепились одно к другому ласточкины гнёзда. Часовой приближался, что-то напевая. Сажерук его знал, он уже четыре года служил у Каприкорна. Баста завербовал его в другой деревне, в другой стране. Каприкорн не всегда жил среди этих холмов. Были и другие места, деревни на отшибе, вроде этой, дома, заброшенные усадьбы, один раз даже замок. Но всегда наступал день, когда сеть страха, которую так

умело плёл Каприкорн, рвалась и полиция проявляла к нему интерес. Однажды это случится и здесь.

Часовой остановился и закурил. Дым ударил в ноздри Сажеруку. Он отвернулся и увидел тощую белую кошку, присевшую между камнями. Она сидела неподвижно и таращилась на него зелёными глазами. Ему хотелось прошептать: «Ш-ш! Ты что, меня испугалась? Бояться надо того, снаружи, — он сперва пристрелит тебя, а потом настанет моя очередь». Зелёные глаза неотрывно глядели на него. Белый хвост начал подрагивать. Сажерук смотрел на свои запылённые ботинки, на покорёженную железку между камнями — только не на кошку. Животные не любят, когда им смотрят в глаза. Гвин в таких случаях всякий раз ощеривал острые зубы.

Часовой вновь стал напевать, не выпуская изо рта сигарету. Наконец, когда Сажеруку уже стало казаться, что он просидит за этой полуразрушенной стеной до конца своих дней, часовой повернулся и пошёл прочь. Сажерук не решался пошевелиться, пока не затихли шаги. Когда он распрямил затёкшие ноги, кошка с шипением метнулась прочь, а он долго стоял среди вымерших домов, унимая биение сердца.

Не встретив больше на пути ни одного часового, он перелез через стену, окружавшую двор Каприкорна. В лицо ему так сильно пахнуло тимьяном, как бывает обычно только в полуденный зной. В эту жаркую ночь все растения источали аромат, даже помидоры и кочаны салата. На ближайшей к дому грядке были высажены ядовитые растения. Ими занималась Сорока лично. Не раз смерть в деревне Каприкорна пахла олеандром или беленой.

Окно комнаты, где спала Реза, было, как всегда, открыто. Когда Сажерук изобразил рассерженное тявканье Гвина, в окне на мгновение мелькнула рука. Он прислонился в ожидании к зарешечённой двери. Небо над головой было густо усыпано звёздами, для темноты почти не оставалось места. «Она наверняка что-нибудь разузнала, — думал он. — Но что, если она скажет, что Каприкорн запер книгу в одном из денежных сейфов?»

Дверь за решёткой открылась. Она всегда открывалась с таким скрипом, будто жаловалась, что её обеспокоили среди ночи. Сажерук обернулся и увидел незнакомое лицо. Это была совсем молоденькая девушка, лет пятнадцати-шестнадцати, с детскими пухлыми щёками.

— Где Реза? — Сажерук вцепился в решётку. — Что с ней?

Девочка словно остолбенела от страха. Она смотрела на его шрамы так, будто никогда в жизни не видела израненного лица.

— Это она тебя послала? — Больше всего Сажеруку хотелось просунуть руки сквозь решётку и встряхнуть эту дурочку. — Да скажи ты что-нибудь. Я не могу стоять здесь всю ночь. — Он не должен был просить Резу о помощи. Он должен был искать сам. Как он мог подвергнуть её опасности? — Они её заперли? Да не молчи же ты!

Девочка уставилась на что-то за его спиной и отступила на шаг. Сажерук оглянулся посмотреть, что она там увидела, и упёрся взглядом в лицо Басты.

Как он мог не услышать? Баста славился умением ступать неслышно, но рядом с ним стоял Плосконос — этот-то уж точно не мастер бесшумно подкрадываться. А ещё рядом с Бастой стояла Мортола. Значит, прошлой ночью она не просто дышала свежим воздухом, высовываясь из окна. Или Реза выдала его? Догадка причиняла боль.

— Я правда не мог поверить, что ты решишься сюда снова сунуться, — буркнул Баста, толкая его ладонью об решётку.

Сажерук почувствовал, как впиваются ему в спину прутья.

Плосконос улыбался во весь рот, словно ребёнок в рождественскую ночь. Он всегда так улыбался, когда удавалось кого-то напугать.

— Что у тебя за дела с нашей красавицей Резой? Баста вытащил нож. Плосконос улыбнулся ещё шире, заметив капли пота, проступившие от страха на лбу Сажерука.

— Я-то всегда это говорил, — продолжал Баста, медленно проводя остриём ножа от груди Сажерука к горлу, — наш Огнежор влюбился в Резу, он так и ест её глазами. — Но мне никто не верил. И всё же — решиться прийти сюда! Ты-то, трус из трусов…

— Вот что значит любовь, — усмехнулся Плосконос.

Но Баста только головой покачал:

— Нет, из-за любви он бы сюда не пришёл, он же холоден как рыба. Он пришёл из-за книги, правда? Ты ведь тоскуешь только по порхающим феям и вонючим кобольдам. — Баста нежно провёл ножом по горлу Сажерука.

Сажерук вдруг разучился дышать. Забыл, как это делается.

— Иди к себе! — крикнула Сорока девочке за его спиной. — Что ты тут стоишь?

Сажерук услышал шорох платья, потом за его спиной захлопнулась дверь.

Баста все ещё водил ножом по его горлу, но, когда он вздумал вдавить остриё поглубже, Сорока схватила его за локоть.

— Хватит, — сказал она резко. — Брось шуточки, Баста.

— Да, босс велел привести его живым и невредимым.

По голосу Плосконоса можно было догадаться, что он не одобряет этот приказ.

Баста в последний раз провёл лезвием сверху вниз по горлу Сажерука и молниеносным движением захлопнул нож.

— Вот досада! — сказал он.

Сажерук чувствовал на коже его дыхание. Оно свежо и резко пахло мятой. Говорят, однажды девушка, которую он хотел поцеловать, сказала, что у него изо рта воняет. Девушке это дорого обошлось, но с тех пор Баста с утра до вечера жевал листья мяты.

— С тобой всегда приятно было пошутить, Сажерук, — сказал он, отходя с закрытым ножом в руке.

— Отведи его в церковь! — скомандовала Мортола. — Я доложу Каприкорну.

— Знаешь, как злится босс на твою немую подружку? — прошипел Плосконос Сажеруку, шагавшему между ним и Бастой. — Она ведь была его любимицей.

На мгновение Сажерук обрадовался. Значит, Реза не предала его. И всё же он не должен был просить её о помощи. Не должен.

ТИХИЕ СЛОВА

Огонёк её угасал. Она что-то шептала, Питер с трудом разбирал её слова. Она говорила, что ей, может быть, могло бы помочь, если бы много ребят сказали, что они верят в фей.

Дж. М. Барри. Питер Пэн

(перевод И. Токмаковой)

Мегги и в самом деле попыталась. Как только стемнело, она застучала кулаком в дверь. Фенолио проснулся, но не успел её удержать — Мегги уже крикнула часовому, что ей нужно в туалет. Часовой, сменивший Плосконоса, коротконогий парень с торчащими ушами, разгонял скуку тем, что газетой хлопал залетевших в дом мошек. По стене была размазана уже добрая дюжина, когда он выпустил Мегги в коридор.

— Мне тоже нужно! — закричал Фенолио. Он, наверное, хотел попробовать всё-таки удержать Мегги, но часовой захлопнул дверь у него перед носом.

— По очереди! — рявкнул он на старика. — А если не можешь терпеть, пописай в окошко.

Не расставаясь с газетой, он повёл Мегги в туалет. По дороге он прихлопнул ещё трёх мошек и мотылька, безостановочно метавшегося между голых стен. Наконец он отворил дверь, последнюю перед лестницей. «Всего несколько шагов! — думала Мегги. — Вниз по ступенькам я наверняка бегаю быстрее его».

— Мегги, прошу тебя, выбрось из головы эту затею с побегом, — успел прошептать ей на ухо Фенолио. — Ты заблудишься. Там же ни души на много километров в округе! Отец высек бы тебя, если бы знал, что ты задумала.

«Нет, не высек бы», — подумала Мегги. Но, оказавшись одна в закутке с унитазом и ведром, она почти потеряла присутствие духа. Снаружи было так темно, ужасно темно. И до входной двери дома Каприкорна было не близко.

— Я должна попытаться, — шептала она, открывая дверь. — Я должна!

Часовой догнал её уже на пятой ступеньке. Он тащил её по коридору, как мешок.

— В следующий раз я отведу тебя к шефу, — сказал он, вталкивая её обратно в комнату. — И он тебя хорошенько накажет.

Целых полчаса она молча всхлипывала, а Фенолио с несчастным видом сидел рядом с ней и смотрел в пространство.

— Всё в порядке! — повторял он, но, конечно, всё было совсем не в порядке.

— У нас даже лампы нет! — прорыдала она наконец. — И книжки они тоже у меня отобрали.

В ответ на это Фенолио пошарил у себя под подушкой и бросил ей на колени карманный фонарик.

— Я нашёл его у себя под матрацем, — сказал он. — Там лежало ещё несколько книжек. Похоже, кто-то их там припрятал.

Дариус, чтец. Мегги хорошо помнила, как невысокий, худой человек торопливо шагал по церкви со стопкой книг. Конечно, это был его фонарик. Сколько же времени держал его Каприкорн взаперти в этой неприютной комнатушке?

— В шкафу лежало ещё шерстяное одеяло, я положил его к тебе на верхнюю кровать, — прошептал Фенолио. — Мне туда не залезть. Я попробовал, но кровать закачалась, как корабль в бурю.

— Я все равно больше люблю спать наверху. Мегги утёрла лицо рукавом. Плакать ей расхотелось. Толку от этого всё равно не было.

Вместе с одеялом Фенолио положил ей на матрац и книги Дариуса. Мегги аккуратно разложила их перед собой. В основном это были взрослые книги: до дыр зачитанный детектив, книга о змеях, книга об Александре Македонском, «Одиссея». Из детских книг тут были только сборник сказок и «Питер Пэн», но «Питера Пэна» она читала уже раз десять.

Снаружи часовой все хлопал своей газетой, а внизу беспокойно ворочался на узкой постели Фенолио. Мегги чувствовала, что уснуть ей не удастся. Даже и пробовать не стоит. Она вновь оглядела чужие книги. Как запертые двери. В которую войти? За какой она сможет забыть обо всём: о Басте и Каприкорне, о «Чернильном сердце», о себе — попросту обо всём? Она отодвинула в сторону детектив, потом

книгу об Александре Македонском, поколебалась мгновение — и взялась за «Одиссею». Томик был затрёпан, Дариус, видимо, очень любил эту книгу. Он даже подчеркнул некоторые строки, одну так сильно, что карандаш едва не разорвал бумагу: «Не уберёг он, однако, товарищей, как ни старался».

Мегги нерешительно листала истёртые страницы, потом закрыла книгу и отложила её. Нет. Эту историю она знала достаточно хорошо, и все эти герои почти так же её пугали, как люди Каприкорна. Она утёрла слезу со щеки и провела рукой по другим книгам. Сказки. Она не больно-то любила сказки, но книга была очень красивая. Страницы хрустели, когда Мегги их перелистывала. Они были тонкие, как калька, и покрыты крошечными буквами. Там были чудесные картинки с карликами и феями, а в сказках говорилось о могучих, огромных, сильных, как медведи, и даже бессмертных существах, но все они были коварны: великаны пожирали людей, карлики были жадны до золота, а феи злы и мстительны. Нет. Мегги навела фонарик на последнюю книжку. «Питер Пэн».

Фея там тоже была не особенно симпатичная, но мир, ожидавший девочку под обложкой, был ей хорошо знаком. Пожалуй, в такую тёмную ночь это было самое подходящее. За окном ухнула сова, и снова стало совсем тихо. Фенолио пробормотал что-то во сне и стал похрапывать. Мегги залезла под колючее одеяло, вытащила из рюкзака свитер Мо и сунула под голову.

— Пожалуйста! — шептала она, открывая книгу. — Пожалуйста, унеси меня подальше отсюда, всего на часок-другой, но, пожалуйста, подальше отсюда.

Снаружи часовой бурчал что-то себе под нос. Наверное, ему было скучно. Он ходил взад-вперёд перед запертой дверью, и деревянный пол скрипел под его шагами.

— Подальше отсюда! — шептала Мегги. — Унеси меня отсюда! Пожалуйста!

Она водила пальцем по строчкам, по грубой, шершавой бумаге, следила глазами за буквами, уводившими в другую страну, не такую жаркую, в другое время, в дом без запертых дверей и без людей в чёрных куртках. «Минуту спустя после того, как фея появилась в детской, маленькие звёздочки разом подули на окно, оно растворилось (Мегги так и слышала, как оно скрипнуло), и в комнату влетел Питер.

Ровно половину пути к дому Дарлингов он нёс Динь-Динь на руках, поэтому он был весь обсыпан пыльцой, которой обычно посыпают себя феи».[11]

«Феи… — подумала Мегги. — Не удивительно, что Сажерук скучает по феям». Но об этом сейчас не следовало думать. Она не хотела думать о Сажеруке. Ей нужно было сосредоточиться только на Динь-Динь, Питере и Венди, мирно лежавшей в кровати и не подозревавшей пока о странном мальчике в одежде из листьев и паутины, залетевшем в её комнату. «Динь-Динь, — позвал он тихонько после того, как убедился, что ребята спят. — Динь, где ты?» Динь-Динь сидела в кувшине, и, надо сказать, ей это очень нравилось, потому что до сих пор ей никогда не приходилось попадать в кувшин с водой». Динь-Динь… Мегги ещё дважды прошептала её имя, ей всегда нравилось его выговаривать: вначале язык легонько цокал о передние зубы, а мягкое «н» на конце было нежным, как поцелуй. «Да вылезай ты из этого кувшина! Лучше скажи: ты нашла, куда они девали мою тень?» В ответ раздался нежный звон, как будто кто-то зазвонил в маленькие золотые колокольчики. Так говорят феи. Это их язык. Он такой тихий, что обычно ребята его не слышат».

«Вот умела бы я летать, как Динь-Динь, — думала Мегги. — Я бы тогда могла просто вскарабкаться на подоконник и улететь отсюда. И мне бы не надо было бояться змей, и я отыскала бы Мо прежде, чем он сюда придёт. Он, наверное, не может найти дорогу. Да. Конечно. А вдруг с ним что-нибудь случилось?..» Мегги мотнула головой, будто вытряхивая без разрешения забравшиеся мысли. «Динь-Динь сказала, что тень спрятана в большой коробке. Она имела в виду комод. Питер подскочил к комоду, выдвинул один за другим все ящики и вышвырнул их содержимое на… (Мегги замерла. В комнате появилось пятнышко света. Она выключила фонарик, но огонёк не исчез.) … в тысячу раз ярче ночников. Но если он остановится хоть на мгновение, вы увидите, что это…» Она не дочитала. Она только следила глазами за огоньком, который как сумасшедший метался по комнате, гораздо быстрее, чем светлячки, и намного больше.

— Фенолио!

Часового за дверью было не слышно. Он, наверное, заснул. Мегги перегнулась через край кровати и дотянулась рукой до плеча Фенолио.

— Фенолио, да посмотри же! — Она трясла его за плечо, пока он не открыл глаза.

А вдруг она улетит в окно?

Мегги скатилась с кровати. Она так поспешно захлопнула окно, что чуть не прищемила сверкающее крылышко. Испуганная фея метнулась прочь. Мегги послышалась стрекочущая брань.

Фенолио заспанными глазами смотрел на порхающий огонёк.

— Что это? — спросил он хрипло. — Светлячок-мутант?

Мегги вернулась на свою кровать, не спуская глаз с феи. Та металась по тесной комнате все быстрее, как залетевший в помещение мотылёк, вверх к потолку, оттуда к двери, потом к окну. И снова к окну. Мегги положила Фенолио на колени книгу.

— «Питер Пэн».

Он посмотрел на книгу, потом на фею, потом снова на книгу.

— Я не хотела! — прошептала Мегги. — Правда! Фея вновь подлетела к окну и забилась об него.

— Нет! — Мегги подбежала к ней. — Туда нельзя. Ты не понимаешь. «Это молоденькая фея, величиной, ну, например, с вашу ладонь. Друзья за этот голосок, похожий на нежный звон колокольчика, привыкли называть её Динь-Динь. Одевалась она в короткое платьице из ажурных листиков, которое к ней, кстати сказать, очень шло и подчёркивало изящество её фигурки».

— Кто-то идёт! — Фенолио вскочил так быстро, что стукнулся головой о верхнюю кровать.

Он был прав. За дверью по коридору приближались быстрые, решительные шаги. Мегги вернулась к окну. Что бы это значило? Была глубокая ночь. «Мо пришёл! — подумала она. — Он здесь!» — И сердце радостно запрыгало у неё в груди, хотя она не хотела радоваться.

— Спрячь её! — прошептал Фенолио. — Скорее прячь её.

Мегги растерянно посмотрела на него. Ну конечно. Фея. Нельзя, чтобы они её видели. Мегги попыталась её поймать, но та выскользнула из её пальцев и улетела наверх, к потолку. Там она и осталась, как свет невидимой лампочки.

Шаги были уже совсем близко.

— Так-то ты стоишь на часах?

Это был голос Басты. Мегги услышала глухой стон, наверное, он разбудил часового пинком.

— Открывай живее, я не могу вечно здесь торчать!

Ключ скрёбся о замок.

— Это не тот, соня! Каприкорн ждёт девчонку. Я расскажу ему, из-за кого ему пришлось ждать так долго.

Мегги вскарабкалась на свою кровать. Та угрожающе закачалась, когда девочка встала на ней во весь рост.

— Динь-Динь! — зашептала она. — Пожалуйста, иди сюда!

Она потянулась за феей очень осторожно, но фея снова метнулась к окну. И тут в комнату вошёл Баста.

— А эта откуда взялась? — спросил он, стоя в дверном проёме. — Этих летучих тварей я уже много лет не видел.

Мегги и Фенолио молчали. Что они могли сказать?

— Только не думайте, что уйдёте от ответа. — Баста стянул с себя куртку, взял её в левую руку и медленно двинулся к окну. — Стань в дверях, на случай, если она у меня выскользнет! — приказал он часовому. — Если ты её выпустишь, я тебе уши отрежу.

— Не трогай её!

Мегги поспешно соскочила с кровати, но Баста её опередил. Он набросил на фею куртку, и огонёк Динь-Динь погас, как будто задули свечку. Когда куртка упала на пол, он слабо замерцал под чёрной тканью. Баста осторожно поднял куртку, сложил, как мешок, и остановился напротив Мегги.

— Выкладывай, лапонька, — сказал он угрожающе спокойным голосом. — Откуда взялась фея?

— Не знаю, — с трудом выдавила Мегги, не глядя на него. — Она… вдруг появилась.

Баста взглянул на часового.

— Ты видал хоть раз в здешних местах фей? — спросил он.

Часовой поднял газету с налипшими мошками и, улыбаясь до ушей, хлопнул ею по дверному косяку.

— Нет, а то бы я знал, что с ними делать! — сказал он.

— Да, они надоедливые, как слепни. Но, говорят, они приносят счастье. — Баста снова обернулся к Мегги. — Ну, выкладывай, откуда она взялась. Последний раз спрашиваю.

Невольно Мегги посмотрела на книгу, которую уронил Фенолио. Баста проследил за её взглядом и поднял книгу.

— Ну надо же! — пробормотал он, разглядывая картинку на обложке.

Художник очень похоже изобразил Динь-Динь. На самом деле она была не такой яркой, как на рисунке, и чуть поменьше, но это, конечно, не помешало Басте её узнать. Он тихо присвистнул и сунул Мегги в лицо книжку.

— Только не рассказывай мне, что это старик вычитал её оттуда! — сказал он. — Это ты. Готов поспорить на мой нож. Отец тебя научил или ты просто унаследовала его способности? Хотя какая разница? — Он сунул книгу за пояс и схватил Мегги за локоть. — Пойдём, расскажем все это Каприкорну. Вообще-то, мне велено привести тебя только затем, чтобы ты повидалась со старым знакомым, но, я думаю, Каприкорн будет не против выслушать такие захватывающие новости.

— Мой отец пришёл? — Мегги покорно дала вытащить себя из комнаты.

Баста отрицательно покачал головой и насмешливо посмотрел на неё.

— Нет, отец твой пока не появлялся, — сказал он. — Видимо, своя шкура ему всё же дороже твоей. На твоём месте я бы на него обиделся.

Мегги ощутила укол разочарования, острого, как игла, и — одновременно — облегчение.

— Признаться тебе, он меня разочаровал, — продолжал Баста. — Я ведь готов был голову дать на отсечение, что он придёт. Но теперь он нам, наверное, и не нужен, правда? — Он потряс свою куртку, и Мегги услышала тихий, безнадёжный звон.

— Запри старика! — приказал Баста часовому. — И если ты снова будешь храпеть, когда я вернусь, — пожалеешь, предупреждаю.

С этими словами он потащил Мегги вниз по лестнице.

НАКАЗАНИЕ ДЛЯ ПРЕДАТЕЛЕЙ

— А ты? — допытывался Любош. — Ты что, Крабат, ничего не боишься?

— Ты даже не представляешь как, — ответил Крабат. — И не за себя одного.

О. Прейслер. Крабат

Когда Мегги переходила с Бастой площадь перед церковью, собственная тень шла за ней по пятам, как злой дух. В ярком свете прожекторов луна казалась полупогасшим фонариком.

Внутри церкви было куда темнее. Статуя Каприкорна тускло поблёскивала в полумраке, а между колоннами было так темно, словно ночь укрылась сюда от света прожекторов. Только над местом Каприкорна светила одинокая лампа, а сам он со скучающим видом откинулся на спинку кресла. На нём был шёлковый халат, переливавшийся, как оперение павлина. Сорока и на этот раз стояла позади него; в тусклом свете можно было различить лишь бледное лицо над чёрным платьем. В одном из ржавых ящиков у подножия лестницы горел огонь. Дым ел Мегги глаза, а мерцающие отсветы пламени плясали по стенам и колоннам, так что казалось, будто церковь горит.

— Повесьте тряпку на окно его детям в качестве последнего предупреждения. — Голос Каприкорна долетел до Мегги, хотя говорил он негромко. — Пропитайте её бензином так, чтобы с неё капало, — велел он Кокерелю, стоявшему с двумя товарищами у подножия лестницы. — Когда этот остолоп с утра проснётся и почувствует запах, он, может быть, наконец поймёт, что моё терпение подходит к концу.

Кокерель коротко кивнул, повернулся на каблуках и знаком приказал двум другим следовать за ним. Их лица были выкрашены сажей, и у каждого в петлицу были вдеты покрашенные в красный цвет петушиные перья.

— А-а, дочь Волшебного Языка, — насмешливо проворчал Кокерель, хромая мимо Мегги. — Смотри-ка, отец за тобой так и не приехал. Похоже, он не больно-то по тебе соскучился.

Двое других засмеялись, и Мегги ничего не могла поделать с тем, что кровь бросилась ей в лицо.

— Ну, наконец-то! — сказал Каприкорн, когда Баста остановился с девочкой у подножия лестницы. — Почему так долго?

По лицу Сороки мелькнула тень улыбки. Она выпятила переднюю губу, что придавало её худому лицу очень довольное выражение. Это довольство гораздо больше тревожило Мегги, чем обычная мрачная мина матери Каприкорна.

— Часовой не мог найти ключ, — ответил Баста обиженно. — А потом мне ещё пришлось ловить эту…

Фея снова зашевелилась, когда он поднял куртку ткань пошла пузырями от её отчаянных попыток вырваться.

— Это ещё что? — В голосе Каприкорна послышалось раздражение. — С каких пор ты стал ловцом летучих мышей?

Губы Басты сжались в ниточку от обиды, но он прикусил язык и молча сунул руку под чёрную ткань. С приглушённым проклятием он вытащил оттуда фею.

— Проклятые мигалки! — пробурчал он. — Я уж и забыл, как крепко они кусаются.

Динь-Динь отчаянно била одним крылом, другое было зажато в пальцах Басты. Мегги не могла на это смотреть. Ей было стыдно, что она выманила эту хрупкую малютку из её книги. Очень стыдно.

Каприкорн с отвращением взглянул на фею.

— Откуда она взялась? Это что за порода? С такими крыльями я ещё не видал.

Баста вытащил из-за пояса «Питера Пэна» и положил книгу на ступени.

— Я думаю, она взялась отсюда, — сказал он. — Посмотри на картинку на обложке, и внутри она тоже нарисована. А теперь догадайся, кто вычитал её оттуда.

Он с такой силой сжал Динь-Динь, что она начала беззвучно ловить воздух ртом, а другую руку он положил Мегги на плечо. Она попыталась стряхнуть его пальцы, но Баста только крепче в неё вцепился.

— Малышка? — В голосе Каприкорна слышалось недоверие.

— Да, она, похоже, умеет это не хуже отца. Посмотри на фею! — Баста схватил Динь-Динь за тоненькие ножки и приподнял её. — Она в

полном порядке, а? Летает, ругается, звенит — в общем, делает всё, что эти глупые твари умеют делать.

— Интересно. В самом деле, чрезвычайно интересно.

Каприкорн встал со своего кресла, затянул потуже кушак халата и спустился вниз. У книги, которую Баста положил на ступени, он остановился.

— Стало быть, это у них в роду, — пробормотал он, нагибаясь и поднимая книгу. Наморщив лоб, он вглядывался в обложку. — «Питер Пэн», — прочёл он. — Так это же одна из любимых книг моего прежнего чтеца! Да, припоминаю, он как-то читал мне её. Я хотел, чтобы он вычитал мне одного из этих пиратов, но у него ничего не вышло. В моей комнате появились только вонючая рыба и ржавый багор. Помнится, мы его заставили в наказание съесть эту рыбу.

Баста рассмеялся:

— Да, но он больше горевал о том, что ты отобрал у него книги. А эту он, видимо, спрятал.

— Да, похоже на то.

Каприкорн с задумчивым лицом подошёл к Мегги. Ей очень хотелось укусить его за пальцы, когда он взял за подбородок и приподнял её лицо, так что она упёрлась взглядом прямо в его бесцветные глаза.

— Видишь, как она на меня смотрит, Баста? — насмешливо сказал он. — Так же упрямо, как её отец. Ты лучше прибереги этот взгляд для него, малышка. Ты ведь, конечно, очень сердита на отца, правда? Но мне теперь всё равно, куда он подевался. Ты будешь моим новым, высокоодарённым Мастером Чтения. Но… ты ведь ненавидишь его за то, что он бросил тебя в беде? Не стыдись этого. Ненависть окрыляет. Я своего отца тоже никогда не любил.

Когда Каприкорн наконец выпустил её подбородок, Мегги отвернулась. У неё горело лицо от стыда и ярости, а его пальцы она всё ещё чувствовала кожей, словно от них остались язвы.

— Баста рассказал, зачем его послали за тобой в такой поздний час?

— Он сказал, что я должна повидаться со знакомым.

Мегги хотелось, чтобы её голос звучал твёрдо и бесстрашно, но ничего не получалось. Стоявшие в горле рыдания пропускали только шёпот.

— Правильно!

Каприкорн подал знак Сороке. Она кивнула, сошла со ступенек и исчезла в темноте между колоннами. Вскоре над головой у Мегги раздался скрип, и, с испугом подняв глаза к потолку, она увидела, как из мрака что-то спускается. Сеть, нет, две сети, как на рыбачьих лодках. Они остановились метрах в пяти над полом, прямо у Мегги над головой, и только тут она заметила, что в них сидят люди — как птицы, попавшиеся в сеть садовника. У Мегги от одного взгляда на них кружилась голова, а каково же было качаться на такой высоте в этой тонкой сетке?

— Ну что, узнаёшь старого друга? — Каприкорн сунул руки в карманы халата.

Динь-Динь всё ещё висела между пальцами Басты, как сломанная марионетка. Только её робкое позвякивание нарушало тишину.

— Гляди! — Каприкорн говорил с глубоким удовлетворением. — Вот так поступают с грязными предателями, которые воруют ключи и выпускают узников.

Мегги не удостоила его взглядом. Она глядела только на Сажерука. Ну конечно, это был он.

— Привет, Мегги! — крикнул он ей сверху. — У тебя бледный вид. — Он очень старался говорить весело, но Мегги слышала страх в его голосе — в голосах она разбиралась. — Привет тебе от отца! Он просил передать, что скоро тебя заберёт. И он придёт не один.

— Ты так скоро сказочником станешь, Огнежор! — крикнул ему снизу Баста. — Но в твои сказки даже эта малютка не поверит. Ты бы придумал что-нибудь получше.

Мегги неотрывно смотрела на Сажерука. Ей очень хотелось ему верить.

— Баста, да выпусти ж ты наконец бедняжку фею! — крикнул Сажерук своему старому врагу. — Пошли её мне сюда, я так давно не видел фей!

— Да ты уж, конечно, был бы рад. Нет, я её оставлю себе! — ответил Баста и ткнул Динь-Динь пальцем в крошечный носик. — Я слышал, если держать фею в комнате, она отгоняет несчастье. Посадить её, что ли, в винную бутылку? Ты вот всегда возился с феями. Чем они питаются? Мухами, что ли, её кормить?

Динь-Динь упёрлась руками в его пальцы и предприняла отчаянную попытку высвободить второе крыло. У неё это даже получилось, но Баста держал её ещё и за ноги, и, как она ни трепыхалась, вырваться ей не удалось. Наконец она тихонько звякнула и угомонилась. Свет её был теперь не ярче, чем у догорающей свечки.

— Ты знаешь, Сажерук, зачем я велел привести сюда девчонку? — крикнул Каприкорн своему пленнику. — Я хотел, чтобы она уговорила тебя рассказать нам, где находится её отец. Если, конечно, ты об этом что-нибудь знаешь, в чём я уже начинаю сомневаться. Но теперь мне эта информация уже не нужна. Дочь займёт место отца, и вовремя! Я решил придумать тебе какое-нибудь совсем особенное наказание. Что-нибудь впечатляющее, незабываемое! Для предателя так оно и должно быть, согласен? Ты уже понял, к чему я клоню? Нет ещё? Давай я тебе помогу. Мой новый Мастер Чтения в твою честь почитает из «Чернильного сердца». Это ведь твоя любимая книга, хотя, конечно, никак нельзя утверждать, что ты любишь того, кого девочка нам оттуда выведет. Её отец давно бы мне его вычитал, если бы ты не помог ему сбежать, ну, а теперь придётся это сделать его дочке. Ты догадываешься, о каком моём друге я говорю?

Сажерук прижался покрытой шрамами щекой к сетке.

— Да, догадываюсь. Его трудно забыть, — сказал он так тихо, что Мегги насилу расслышала.

— Что это вы говорите все только о том, чтобы наказать Огнеглотателя? — Между колонн показалась Сорока. — Вы забыли про нашу немую голубку? Она по меньшей мере такая же предательница, как и он.

Сорока бросила на вторую сеть исполненный презрения взгляд.

— Да-да, конечно. — В голосе Каприкорна как будто слышалось сожаление. — Большая потеря, но ничего не поделаешь.

Мегги не могла разглядеть лица женщины, качавшейся во второй сетке позади Сажерука.

Она видела только русые волосы, голубую ткань платья и тонкие руки, вцепившиеся в верёвки сети.

Каприкорн глубоко вздохнул.

— Стыд и срам! — сказал он, глядя на Сажерука. — И почему тебе понадобилось выбрать именно её? Неужели ты не мог уговорить какую-нибудь другую служанку поискать для тебя книгу? Я к ней и

вправду привязался с тех пор, как Дариус, этот халтурщик, мне её вычитал. То, что она при этом осталась без голоса, мне никогда не мешало. Нисколько не мешало, я даже по глупости думал, что могу ей поэтому особенно доверять. Ты знаешь, что волосы у неё раньше были как чистое золото?

— Да, помню, — сказал Сажерук хрипло. — Но от твоего присутствия они потемнели.

— Чушь! — Каприкорн сердито поморщился. — Может быть, надо попробовать пыльцу, которой посыпают себя феи. Если медь посыпать этой пыльцой, она начинает блестеть, как золото. Может быть, с женскими волосами тоже получится?

— Теперь уж, наверное, не стоит, — сказала Сорока ехидно. — Разве что тебе угодно, чтобы она особенно хорошо выглядела во время казни.

— Вот ещё! — Каприкорн резко повернулся и пошёл обратно к лестнице.

Мегги почти уже не видела его. Она смотрела вверх, на незнакомую женщину. Слова Каприкорна жгли её мозг: «Волосы как чистое золото… Этот халтурщик…» Нет, не может быть. Она смотрела вверх, щурясь изо всех сил, чтобы лучше разглядеть лицо, зарешечённое сеткой, но его скрывали чёрные тени.

— Ладно. — Каприкорн с глубоким вздохом опустился обратно в кресло. — Сколько времени нам нужно для приготовлений? Ведь для такого события нужно подготовить место.

— Два дня. — Сорока поднялась по ступенькам и снова встала позади него. — Если ты хочешь созвать своих людей из других фортов.

Каприкорн наморщил лоб.

— Пожалуй. Почему бы и нет? Пора показать им впечатляющий пример. Дисциплина в последнее время оставляла желать лучшего. — При этих словах он взглянул на Басту. Тот опустил голову, словно все проступки последних дней легли тяжёлым грузом на его плечи. — Так значит, послезавтра, — продолжал Каприкорн. — Как только стемнеет. Дариус должен сперва провести с девочкой пробу. Пусть она вычитает нам ещё что-нибудь, я должен убедиться, что эта фея не случайность.

Баста снова завернул Динь-Динь в куртку. Мегги хотелось зажать уши, только бы не слышать отчаянного звона феи. Она стиснула губы, чтобы они перестали дрожать, и взглянула на Каприкорна.

— Я не буду читать для тебя! — сказала она. Голос её разносился в церкви, как чужой. — Не прочту ни слова! Ни золота я тебе не стану вычитывать, ни этого твоего… палача!

Она швырнула это слово в лицо Каприкорну, но тот лишь равнодушно поигрывал кушаком своего халата.

— Уведи её! — приказал он Басте. — Уже поздно. Девочке надо выспаться.

Баста толкнул Мегги в спину.

— Слыхала? Двигайся! Поживее!

Мегги в последний раз посмотрела вверх на Сажерука, потом нерешительно пошла впереди Басты по проходу. Оказавшись под второй сетью, она ещё раз взглянула наверх. Лицо незнакомой женщины по-прежнему было в тени, но ей казалось, что она узнает глаза, тонкий нос… А если волосы представить более светлыми…

— Пошла, шевелись! — заорал на неё Баста. Мегги повиновалась, но не переставала оборачиваться.

— Я этого не сделаю! — крикнула она, дойдя почти до самых дверей церкви. — Обещаю. Я ему никого не вычитаю. Ни за что!

— Обещай только то, что можешь исполнить! — буркнул Баста, выталкивая её из дверей, и потащил девочку дальше по ярко освещённой площади.

ЧЁРНЫЙ КОНЬ НОЧИ

БДВ наклонился, вытащил Софи из кармана и поставил на землю. Она всё ещё была босиком и в ночной рубашке. Девочка поёжилась и стала озираться кругом.

— Где мы? — спросила она.

— Мы в Стране Снов, — ответил БДВ. — Отсюда берут начало все сны.

Р. Даль. БДВ, или Большой и Добрый великан

(перевод И. Шишковой)

Когда Баста втолкнул Мегги в комнату, Фенолио лежал на кровати.

— Что вы с ней там делали? — набросился он на Басту, поспешно вскакивая. — Она же белая как мел.

Но дверь за Бастой уже закрылась. Мегги услышала, как он сказал часовому:

— Через два часа тебя сменят. — И ушёл. Фенолио взял её за плечи и с тревогой взглянул в лицо.

— Ну что? Рассказывай! Чего они от тебя хотели? Твой отец там?

Мегги покачала головой:

— Они поймали Сажерука. И женщину.

— Какую женщину? Господи, ты совсем не в себе!

Фенолио потянул её к кровати. Мегги села рядом с ним.

— Мне кажется, это моя мама, — прошептала она.

— Твоя мама?

Фенолио посмотрел на неё ошарашенно. Под глазами у него были тёмные круги от бессонной ночи. Мегги с отсутствующим видом разглаживала платье. Оно было грязное и мятое. Ещё бы, она в нём спала уже несколько дней.

— Волосы у неё темнее, — проговорила она. — А фотография, которая есть у Мо, сделана девять лет назад… Каприкорн посадил её в сеть, как и Сажерука. Через два дня он собирается обоих казнить, и

для этого я должна вычитать кого-то из «Чернильного сердца», этого друга, как его называет Каприкорн, я тебе уже рассказывала! От Мо они тоже добивались, чтобы он им его вывел. Ты не хотел рассказывать, кто это, но теперь ты должен мне сказать! — Она с мольбой посмотрела на Фенолио.

Старик закрыл глаза.

— Господи помилуй! — пробормотал он.

За окном всё ещё было темно. Луна висела прямо перед их окном. Мимо неё проплывало облако, как клочок одежды.

— Завтра я расскажу тебе, — сказал Фенолио. — Обещаю.

— Нет, расскажи сейчас.

Он посмотрел на неё в раздумье.

— Это не из тех историй, что следует рассказывать ночью. Тебе будут сниться страшные сны.

— Расскажи, — повторила Мегги. Фенолио вздохнул.

— Ох ты Боже мой! Мои внуки тоже иногда так смотрят, — сказал он. — Ладно.

Он помог ей взобраться наверх, на её кровать, подложил под голову свитер Мо и укрыл одеялом до самого подбородка.

— Я расскажу так, как написано в «Чернильном сердце», — сказал он тихо. — Я помню эти строки почти наизусть, я ими в своё время очень гордился…

Он откашлялся и прошептал в темноте:

— «И лишь одного боялись больше, чем молодцов Каприкорна. Его называли Призраком. Он появлялся только по зову Каприкорна. Иногда он бывал красным, как огонь, иногда серым, как пепел, в который огонь превращает всё, что попадается ему на пути. Он пробивался из земли, как пламя из хвороста. Смерть была в его пальцах и даже в его дыхании. Он вырастал у ног своего повелителя, безголосый и безликий, принюхиваясь, как собака, идущая по следу, и ожидая, чтобы хозяин указал ему его жертв».

Фенолио провёл рукой по лбу и отвернулся к окну. Прошло некоторое время, прежде чем он заговорил снова, как будто ему пришлось с усилием вспоминать слова из давно минувших лет.

— «Говорили, — произнёс он наконец тихо, — будто Каприкорн велел кому-то из кобольдов или гномов, умельцев во всём, что касается огня и дыма, создать Призрака из пепла его жертв. Наверняка никто

ничего не знал, потому что Каприкорн, по слухам, велел умертвить создателей Призрака. Но все знали одно: что он бессмертен и неуязвим и не знает жалости, как и его хозяин».

Фенолио замолчал. Мегги с бьющимся сердцем смотрела в темноту.

— Да, Мегги, — сказал наконец Фенолио тихо. — Я думаю, он хочет, чтобы ты вывела ему Призрака.

И помилуй нас Боже, если у тебя это получится. На свете много чудовищ, большинство из них люди, и все они смертны. Не хотелось бы мне, чтобы по моей вине по этой планете разгуливало, сея страх и ужас, ещё и бессмертное чудовище. У твоего отца, когда он пришёл ко мне, была идея, я тебе об этом уже рассказывал, и, может быть, в этом наш последний шанс, но я ещё не знаю, что и как из этого получится. Мне нужно подумать, времени у нас осталось немного, и сейчас тебе надо поспать. Как ты сказала? Все планируется на послезавтра? Мегги кивнула.

— Как только стемнеет, — шепнула она. Фенолио устало провёл рукой по лицу.

— А за женщину не беспокойся, — сказал он. — Тебе, наверное, неприятно это слышать, но, по-моему, это никак не может быть твоя мать, как бы тебе этого ни хотелось. Как она могла бы здесь оказаться?

— Дариус! — Мегги зарылась лицом в свитер Мо. — Незадачливый чтец. Каприкорн сказал: он вычитал её, и при этом она лишилась голоса. Она вернулась, я уверена, а Мо и не подозревает об этом! Он думает, она так и осталась в книге и…

— Если ты права, лучше бы ей и вправду там оставаться, — сказал Фенолио, со вздохом снова укрывая её плечи одеялом. — Я всё-таки думаю, что ты ошибаешься, но ты, конечно, можешь верить, во что хочешь. А пока спи.

Но Мегги не могла спать. Она лежала, повернувшись лицом к стене, и вслушивалась в себя. Тревога и радость смешивались в её сердце, как две протёкшие друг на друга краски. Стоило ей прикрыть глаза, и она видела сети и за верёвками оба лица — Сажерука и то, другое, размытое, как на старой фотографии. Как она ни старалась увидеть его чётче, оно всё расплывалось и расплывалось.

Она уснула, когда за окном уже брезжило утро, но дурные сны не уходят с темнотой. В серых предрассветных сумерках они растут

особенно быстро и из секунд сплетают вечность. В сон Мегги пробрались одноглазые великаны и гигантские пауки, трёхглавые псы, ведьмы, пожирающие детей, — все чудища, каких она когда-либо встречала на книжных страницах. Они вылезли из сундука, который сделал ей Мо, соскользнули со страниц её любимых книг. Даже из книжек с картинками, которые дарил ей Мо, когда она ещё не умела складывать буквы, выползали страшилища. Пёстрые, косматые, они плясали по сну Мегги, улыбаясь во всю пасть и щеря мелкие, острые зубы. Там был Чеширский Кот, которого она всегда так боялась, и Сорванцы, которые до того нравились Мо, что он повесил картинку с ними у себя в мастерской. Какие же у них были огромные зубы! Они перемололи бы Сажерука, как хрустящий хлебец! Но как раз в тот момент, когда один из них, с глазами величиной с тарелку, выпустил острые когти, из серой пустоты возникла новая фигура, потрескивающая, как пламя, серая, как пепел, без лица и названия; она схватила Сорванца и разорвала на несколько бумажных клочков.

— Мегги!

Чудища исчезли, в лицо Мегги светило солнце.

У кровати стоял Фенолио.

— Тебе что-то снилось?

Мегги села. По лицу старика было похоже, что он всю ночь не спал, и морщин у него от этого стало ещё больше.

— Фенолио, где мой отец? — спросила она. — Ну почему же он не приходит?

ФАРИД

Потому что разбойники эти имели обыкновение поджидать путников на просёлочных дорогах да грабить деревни и города, нарушая покой мирных жителей. И каждый раз, когда они останавливали караван или нападали на деревню, добычу они несли в это отдалённое, неприметное место, скрытое от людских глаз.

Сказка про Али-Бабу и сорок разбойников

Фарид вглядывался во мрак до боли в глазах, но Сажерук не возвращался. Иногда Фариду казалось, что он видит в нависших ветвях его покрытое шрамами лицо. Порой ему слышался в сухих листьях шорох почти беззвучных шагов. Но это всякий раз оказывалось ошибкой. Фарид привык вслушиваться в темноту. Он провёл за этим занятием много ночей и приучился доверять ушам больше, чем глазам. Там, в другой жизни, где мир вокруг него был не зелёным, а жёлто-коричневым, глаза много раз подводили его, а на уши он всегда мог положиться.

И всё же в эту ночь, самую длинную из всех ночей на его веку, Фарид прислушивался напрасно. Сажерук не вернулся. Когда над холмами занялся рассвет, Фарид подошёл к пленникам, дал им воды, чёрствого хлеба из своих скудных запасов и несколько маслин.

— Послушай, Фарид, отвяжи нас! — сказал Волшебный Язык, когда мальчик засовывал хлеб ему в рот. — Сажерук давно должен был вернуться, сам понимаешь.

Фарид молчал. Он любил голос Волшебного Языка. Этот голос вывел его из той, горестной жизни. Но Сажерука он любил больше, сам не зная почему, а Сажерук велел ему сторожить пленников. Он не велел их отвязывать.

— Послушай, ты же умный мальчик, — сказала женщина. — Подумай своей головой. Ты собираешься сидеть здесь, пока не придут бандиты Каприкорна и не заберут нас? Мы будем отлично смотреться:

мальчик, охраняющий двух привязанных взрослых, которые не смогут пошевелить рукой, чтобы ему помочь. Разбойники помрут со смеху.

Как же её звать? Элинор. Фариду не давалось это имя. Он с трудом ворочал его языком, как попавший в рот камешек. Оно звучало как имя волшебницы из далёкой-далёкой страны. Он боялся её, она глядела на него, как мужчина, без смущения, без страха, а голос у неё бывал временами очень громкий, сердитый, как рычание льва…

— Нам нужно спускаться в деревню, Фарид! — сказал Волшебный Язык. — Нужно выяснить, что случилось с Сажеруком и где моя дочь.

Ах да, эта девочка… Девочка с голубыми глазами — как лоскутки неба, окружённые тёмной изгородью ресниц. Фарид ковырял землю палочкой. Муравей тащил вдоль его ноги крошку хлеба величиной с себя самого.

— Может быть, он нас не понимает, — сказала Элинор.

Фарид поднял голову и сердито посмотрел на неё.

— Я все понимаю!

Он с первой минуты все понимал, будто никогда и не знал другого языка. Он вспомнил красную церковь. Сажерук объяснил ему, что это прежде была церковь, Фарид раньше никогда не видел такого здания. Он вспомнил человека с ножом. В прошлой его жизни таких людей было много. Они любили свои ножи и делали ими страшные вещи.

— Если я тебя отвяжу, ты сбежишь.

Фарид неуверенно посмотрел на Волшебного Языка.

— Не сбегу. Думаешь, я оставлю там мою дочь? У Басты и Каприкорна?

Баста и Каприкорн. Да, так их и звали. Человек с ножом и человек с глазами бледными, как вода. Грабитель, убийца… Фарид все о нём знал. Сажерук много рассказывал ему вечерами у костра. Они обменивались мрачными историями, хотя так тосковали по светлым…

И эта история с каждым днём становилась все мрачнее.

— Я лучше пойду один. — Фарид воткнул палочку в землю с такой силой, что она сломалась у него в руках. — Я привык прокрадываться в чужие деревни, в чужие дворцы, дома… Это была моя работа. Ты ведь знаешь.

Волшебный Язык кивнул.

— Они всегда посылали меня, — продолжал Фарид. — Кто станет опасаться тощего мальчишки? Я мог все разнюхать, ни у кого не вызывая подозрений. Когда сменяется охрана? По какой дороге легче всего скрыться? Где живёт самый богатый человек в городе? Если всё получалось удачно, они меня досыта кормили. А если не получалось, избивали, как собаку.

— Они? — спросила Элинор.

— Разбойники, — ответил Фарид.

Взрослые молчали. А Сажерук всё не возвращался. Фарид посмотрел в сторону деревни, наблюдая за первыми лучами солнца, озарившими крыши.

— Хорошо. Может быть, ты и прав, — сказал Волшебный Язык. — Ты пойдёшь туда один и разузнаешь всё, что нужно. Но сперва отвяжи нас. Иначе мы не сможем тебе помочь, если тебя всё же схватят. Кроме того, мне не хотелось бы сидеть тут привязанным, когда приползёт, например, змея.

У женщины был такой испуганный вид, будто она уже слышала шуршание змеи по сухим листьям. Фарид ещё раз внимательно посмотрел в лицо Волшебному Языку. Он пытался понять, доверяют ли его глаза этому человеку. Уши ему уже доверяли. Наконец он молча поднялся, вынул из-за пояса нож, который подарил ему Сажерук, и разрезал путы на пленниках.

— Боже мой, чтоб я ещё позволила так себя зашнуровать! — воскликнула Элинор, растирая себе руки и ноги. — У меня все занемело, будто я превратилась в тряпичную куклу. А как твои дела, Мортимер? Ты ещё чувствуешь свои ступни?

Фарид с любопытством посмотрел на неё.

— На его жену ты не похожа. Ты его мать? — Он кивком показал на Волшебного Языка.

Элинор пошла пятнами, как мухомор.

— Ещё чего не хватало! Как тебе могло взбрести такое в голову? Я что, уже выгляжу старухой? — Она посмотрела на свои ноги и кивнула: — Да, может быть, и выгляжу. Но я ему не мать. И не мать Мегги, если это следующее, что придёт тебе в голову. Все мои дети были из бумаги и чернил, и этот тип, — она показала туда, где сквозь листву виднелись крыши деревни Каприкорна, — убил многих из них. Он пожалеет об этом, можешь мне поверить.

Фарид посмотрел на неё с сомнением. Он не мог представить себе, чтобы Каприкорн испугался женщины, тем более такой, что задыхается, поднимаясь по склону, и боится змей. Нет, если человек с бледными глазами чего-то боялся, то того, чего боятся почти все, — смерти. А по Элинор было не похоже, чтоб она умела убивать. По Волшебному Языку тоже.

— А девочка… — несмело спросил его Фарид. — Где её мать?

Волшебный Язык подошёл к остывшему костру и взял ещё кусок хлеба из тех, что лежали между закопчённых камней.

— Она давно ушла, — сказал он. — Мегги было всего три года. А твоя мать где?

Фарид пожал плечами и посмотрел на небо. Оно сияло такой голубизной, как будто ночи никогда не было.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал он, сложил нож и взял рюкзак Сажерука.

Гвин спал в нескольких шагах от них, свернувшись клубочком между корней дерева. Фарид поднял его и запихал в рюкзак. Куница сонно протестовала, но Фарид почесал зверька за ухом и затянул рюкзак.

— Зачем ты его берёшь? — спросила Элинор с удивлением. — Тебя выдаст его запах.

— Он может пригодиться, — ответил Фарид и затолкал в рюкзак высунувшийся кончик пушистого хвоста. — Он умный. Умнее собаки и, уж конечно, умнее верблюда. Он понимает, что ему говорят, и, может быть, сумеет найти Сажерука.

— Фарид! — Волшебный Язык рылся в карманах и наконец выудил оттуда клочок бумаги. — Может быть, ты и не найдёшь, где они прячут Мегги, — сказал он, быстро царапая по бумажке огрызком карандаша, — но, если представится такая возможность, постараешься передать ей эту записку?

Фарид взял листок и поглядел на него.

— Что здесь написано? — спросил он. Элинор вытянула записку из его пальцев.

— Чёрт возьми, Мортимер, что это такое? — поинтересовалась она.

Волшебный Язык улыбнулся:

— Это тайнопись. Мы с Мегги написали друг другу немало секретных писем с её помощью, Мегги владеет ею лучше меня. А ты не узнаёшь шрифт? Мы нашли его в одной книге. Здесь написано: «Мы совсем рядом. Не волнуйся. Мы скоро тебя заберём. Мо, Элинор и Фарид». Эту записку сможет прочесть только Мегги, а больше никто.

— Вот оно что, — пробормотала Элинор, возвращая Фариду записку. — Что ж, это, наверное, правильно. Если записка попадёт в руки этим поджигателям, может оказаться, что кто-нибудь из них всё же умеет читать.

Фарид сложил записку так, что она стала не больше монетки, и сунул её в карман штанов.

— Я вернусь не позже, чем солнце дойдёт вот до этого холма, — сказал он. — А если не вернусь…

— Я пойду тебя искать, — ответил за него Волшебный Язык.

— И я тоже, конечно, — добавила Элинор. Фариду эта идея не особенно понравилась, но он промолчал.

Он пошёл той же дорогой, по которой прошлой ночью исчез Сажерук, будто его сожрали поджидавшие в темноте духи.

МЕХ НА КАРНИЗЕ

Только язык защищает нас от страха перед тем, чему нет имени.

Тони Моррисон. Нобелевская лекция (1993)

Этим утром Плосконос принёс Мегги и Фенолио завтрак, причём не просто хлеб и несколько маслин. Он поставил им на стол ещё корзинку с фруктами и полную тарелку сладкого печенья. Но улыбка, которой он приправил угощение, очень не понравилась Мегги.

— Все для тебя, принцессочка! — ухмыльнулся он и ущипнул её своими толстыми пальцами за щеку. — Чтобы голосок у тебя окреп. Тут все в большом нетерпении с тех пор, как Баста рассказал о предстоящей казни. Я тоже всегда говорил: в жизни должно быть что-то, кроме дохлых петухов на окнах и стрельбы по кошкам.

Фенолио посмотрел на Плосконоса с таким отвращением, будто при всём желании не мог поверить, что эта мерзость вышла из-под его пера.

— Нет, правда. У нас жутко долго не было красивых казней! — продолжал Плосконос по дороге к двери. — Каждый раз говорили: «Не стоит привлекать внимания». А когда нужно кого-то убрать: «Тихо, незаметно! Изобразим несчастный случай». Какая в этом радость? Никакой. Не то что раньше — с угощением, выпивкой, танцами и музыкой, как оно следует. Но на этот раз всё будет как в добрые старые времена.

Фенолио подавился чёрным кофе, который принёс Плосконос.

— Ты что? Скажешь, тебе такие зрелища не по нраву, старик? — Плосконос смерил его насмешливым взглядом. — Можешь мне поверить, уж Каприкорн умеет устроить казнь, как никто!

— Нашёл кому рассказывать, — грустно пробормотал Фенолио.

В этот момент в дверь постучали. Плосконос прикрыл её неплотно, и Дариус, чтец Каприкорна, просунул голову в щель.

— Извините, — сказал он, с опаской глядя на Плосконоса, как птичка, которой нужно прошмыгнуть мимо голодной кошки. — Мне…

м-м… велели послушать, как девочка читает. Распоряжение Каприкорна.

— Правда? Ну, авось она на этот раз вычитает что-нибудь полезное. Баста показывал мне эту фею. С неё даже пыльца не сыплется, как её ни тряси.

Во взгляде, который Плосконос бросил на Мегги, смешивались отвращение и почтение. Он, видимо, считал её чем-то вроде ведьмы.

— Постучи, когда тебя нужно будет выпустить, — пробурчал он, выходя и пропуская в дверь Дариуса.

Дариус кивнул и мгновение так и стоял неподвижно, а потом со смущённым видом присел за стол к Мегги и Фенолио. Он жадно смотрел на фрукты, пока Фенолио не пододвинул ему корзинку. Дариус несмело взял абрикос. Он положил маленький плод в рот так благоговейно, будто знал, что больше никогда в жизни ему уже не едать ничего подобного.

— Надо же, абрикос! — сказал Фенолио насмешливо. — Не самый редкостный фрукт в этих широтах.

Дариус смущённо выплюнул в ладонь косточку.

— Когда меня запирали в этой комнате, — произнёс он нерешительно, — мне всегда давали только чёрствый хлеб. Они и книги у меня отбирали, но я сумел припрятать несколько томиков, и каждый раз, когда голод становился нестерпимым, я разглядывал картинки в книжках. На самой красивой картинке были изображены абрикосы; иногда я сидел часами, смотрел на нарисованные плоды, и у меня текли слюнки. С тех пор я не могу удержаться, когда их вижу.

Мегги взяла из корзинки ещё абрикос и вложила в его худые пальцы.

— И часто они тебя запирали? — спросила она. Тощий человечек пожал плечами.

— Каждый раз, как я что-нибудь не очень удачно вычитывал, — ответил он уклончиво. — То есть просто каждый раз. Но со временем они перестали это делать, потому что заметили, что моё чтение от страха не становится лучше. А наоборот… Вот, например, Плосконос. — Он понизил голос и тревожно посмотрел на дверь. — Я вычитал его, когда рядом стоял Баста с ножом. Ну, и сами видите… — Он огорчённо пожал узкими плечами.

Мегги посмотрела на него с сочувствием. Потом спросила, помявшись:

— А женщин тебе тоже приходилось вычитывать?

— Конечно! — ответил Дариус. — Я вычитал Мортолу. Она уверяет, что я при этом сделал её старой развалиной, скрипящей, как расшатавшийся стул, но мне кажется, что в этом случае все как раз получилось правильно. К счастью, Каприкорн был того же мнения.

— А молодых женщин? — Мегги не глядела ни на Дариуса, ни на Фенолио, задавая этот вопрос. — Случалось тебе вычитывать молодых женщин?

— Ох, лучше не напоминай! — Дариус вздохнул. — Это было в тот же день, когда я вычитал Мортолу. Каприкорн обосновался тогда дальше к северу, в заброшенной, полуразвалившейся усадьбе в горах. Девушек в округе почти не было. Я жил неподалёку, в доме моей сестры. Работал учителем, а в свободное время иногда читал вслух — в библиотеках, школах, на детских праздниках, а случалось, тёплыми летними вечерами, даже где-нибудь на площади или в кафе. Мне очень нравилось читать вслух… — Он посмотрел в окно, словно мог кинуть оттуда взгляд на эти минувшие счастливые дни. — Баста заметил меня как-то на деревенском празднике. Я читал там «Доктора Дулиттла», и вдруг появилась птица. На обратном пути Баста поймал меня за шкирку, как бродячую собаку, и притащил к Каприкорну. Сперва я должен был вычитывать ему золото, как и твой отец. — Он печально посмотрел на Мегги. — Потом он велел вывести ему Мортолу, а потом заставил выманивать ему служанок. Это было ужасно. — Дариус поднял очки на лоб дрожащими пальцами. — Мне было так страшно! Как при этом можно хорошо читать? Он дал мне три попытки. Ах, мне было так их жалко, я не могу об этом говорить!

Он закрыл лицо костлявыми, как у старика, руками. Мегги показалось, что она слышит всхлип, и она минуту поколебалась, прежде чем задать следующий вопрос, — но всё же задала его.

— А та служанка, которую они называют Резой. — Сердце колотилось у неё прямо в горле. — Её тоже ты вычитал?

Дариус отвёл руки от лица.

— Да, она получилась вообще случайно, в книжке и имени её не было. Каприкорн требовал какую-то другую женщину, но вдруг перед нами очутилась Реза, и я сперва подумал: «Ну, наконец-то всё

получилось правильно!» Она была так хороша, просто неправдоподобно хороша со своими золотыми волосами и грустными глазами. Но потом мы заметили, что она не умеет говорить. Ну, Каприкорну-то было всё равно, мне даже кажется, так ему больше нравилось… — Он долго рылся в кармане и наконец достал измятый носовой платок. — У меня правда раньше лучше получалось! — выговорил он с усилием. — Но этот вечный страх… Можно?

С печальной улыбкой он взял из корзинки ещё один абрикос и положил в рот. Потом вытер рукавом губы, откашлялся и поглядел на Мегги. Глаза его за стёклами очков казались неправдоподобно большими.

— На этом… м-м… празднестве, которое затевает Каприкорн, — сказал он, опустив глаза и смущённо водя пальцем по бортику стола, — ты должна, как тебе уже известно, читать вслух из «Чернильного сердца». Книга до самого последнего момента будет храниться в надёжном месте. Где — знает только Каприкорн. Поэтому ты её увидишь только на самом… м-м… мероприятии. А для испытания твоих способностей, которого требует Каприкорн, нам велели использовать другую книгу. К счастью, в этой деревне есть ещё несколько книг, немного, правда, но, во всяком случае, мне поручили выбрать подходящую. — Он снова поднял голову и тихо, незаметно улыбнулся Мегги. — На этот раз мне не нужно было искать золото и прочее в этом роде. Каприкорн хочет получить просто доказательство твоего мастерства, так что, — он выложил на стол небольшую книжку, — я выбрал вот это.

Мегги склонилась над обложкой.

— «Полное собрание сказок Ганса Христиана Андерсена», — прочла она. Потом взглянула на Дариуса. — Это очень хорошие сказки.

— Да! — выдохнул он. — Грустные, но очень, очень хорошие. — Он обошёл вокруг стола и раскрыл книжку для Мегги в том месте, где пожелтевшие страницы были заложены длинными травинками. — Сначала я думал о моей любимой сказке — про соловья. Ты, может быть, её знаешь?

Мегги кивнула.

— Да, но вот фее, которую ты вычитала вчера, плохо приходится в кувшине, куда её запер Баста, — продолжал Дариус, — и поэтому я

подумал: может быть, лучше попробовать с оловянным солдатиком?

Оловянный солдатик… Мегги молчала. Храбрый оловянный солдатик в своём бумажном кораблике… Она вдруг представила себе, что он стоит возле корзинки с фруктами.

— Нет! — сказала она. — Нет. Я уже сказала Каприкорну. Я не буду ничего ему вычитывать, даже для пробы. Скажи ему, что я разучилась. Просто скажи ему, что я попробовала, но из книги ничего не появилось.

Дариус посмотрел на неё сочувственно.

— Я бы с удовольствием! — сказал он. — Правда. Но Сорока… — Он прижал руку к губам, будто его застали на месте преступления. — Простите, я хотел сказать, экономка, госпожа Мортола… Читать ты должна перед ней. Мне поручили только выбрать текст.

Сорока. Мегги так и видела её перед собой, её птичьи глаза. «А если я прикушу язык? — подумала она. — Очень сильно?» С ней такое уже случалось нечаянно, и один раз язык от этого так распух, что они с Мо два дня объяснялись знаками. Она оглянулась на Фенолио, ища поддержки.

— Соглашайся! — сказал он, к её удивлению. — Читай перед старухой, но поставь одно условие: чтобы тебе разрешили оставить себе оловянного солдатика. Придумай что-нибудь! Что тебе нужна игрушка, что ты до смерти скучаешь… А потом попроси ещё несколько листов бумаги и карандаш. Скажи, что хочешь порисовать. Поняла? Если она на это согласится, там посмотрим.

Мегги ничего не поняла, но не успела она спросить, что Фенолио собирается делать, как дверь отворилась и в комнату вошла Сорока.

Дариус вскочил при её появлении так поспешно, что столкнул со стола тарелку Мегги.

— О, извини, пожалуйста, — пролепетал он, собирая тощими пальцами осколки.

Последним осколком он так поранил себе большой палец, что на деревянные половицы закапала кровь.

— Да поднимайся же, остолоп! — прикрикнула на него Мортола. — Ты показал ей книжку, откуда она должна читать?

Дариус кивнул и печально посмотрел на порезанный палец.

— Отлично, тогда убирайся! Можешь помочь женщинам на кухне. Там нужно ощипывать кур.

У Дариуса лицо сморщилось от отвращения, но он молча поклонился и скрылся за дверью, бросив на Мегги последний сочувственный взгляд.

— Хорошо, — сказала Сорока и нетерпеливо кивнула Мегги: — Приступай к чтению, да смотри, старайся как следует!

Мегги вычитала оловянного солдатика. Впечатление было такое, будто он просто упал с одеяла. «И тут… наш солдатик полетел кувырком с третьего этажа. Вот страшно-то было! Он упал на голову, а его каска и штык застряли между булыжниками, и он так и остался стоять на голове, задрав ногу кверху».

Сорока схватила его, опередив Мегги. Она разглядывала его, как расписную деревяшку, а он таращился на неё испуганными глазами. Потом она сунула его в карман шерстяной кофты.

— Пожалуйста, отдай его мне, — пролепетала Мегги, когда Сорока была уже у дверей.

Фенолио встал у неё за спиной, как бы прикрывая тылы, но птичьи глаза Сороки смотрели только на Мегги.

— Вам… Вам ведь он не нужен, — продолжала запинаться Мегги. — А мне так скучно. Ну, пожалуйста!

Сорока глядела на неё без всякого выражения.

— Я покажу его Каприкорну, и, если он разрешит, ты его получишь, — сказала она и вышла.

— Бумага! — воскликнул Фенолио. — Ты забыла про бумагу и карандаш!

— Извини, — прошептала Мегги.

Она не забыла, у неё просто не хватило духу просить Сороку о чём-то ещё. У неё и так сердце колотилось в горле.

— Ладно, придётся раздобыть их как-нибудь иначе, — сказал Фенолио. — Спрашивается только — как.

Мегги подошла к окну, прижалась лбом к стеклу и посмотрела вниз, в сад, где несколько служанок Каприкорна подвязывали помидоры. «Что сказал бы Мо, если бы узнал, что я тоже умею? — думала она. — „Кого ты вычитала, Мегги? Бедняжку Динь-Динь и стойкого оловянного солдатика?“

— Да, — прошептала Мегги, чертя пальцем по стеклу невидимое М. Бедная фея, бедный оловянный солдатик, бедный Сажерук и… — Она снова подумала о той женщине, женщине с потемневшими волосами. — Реза, — прошептала она. — Тереза.

Так звали её мать.

Она уже хотела отойти от окна, но вдруг увидела краем глаза, как что-то высовывается из-за наружного карниза… Маленькая пушистая мордочка. Мегги испуганно отшатнулась. Разве крысы лазают по стенам? Да, бывает. Но это не крыса, мордочка слишком курносая. Она скорее снова прижалась к окну.

Гвин!

Куница сидела на узком карнизе и смотрела на неё сонными глазами.

— Баста! — проговорил Фенолио. — Да, бумагу мне добудет Баста. Это идея.

Мегги открыла окно очень осторожно, чтобы Гвин не испугался и не упал, чего доброго, вниз. С такой высоты даже куница переломала бы себе все кости, ударившись о булыжники мощёного двора. Медленно, осторожно девочка высунула из окна руку. Пальцы у неё дрожали, когда она гладила Гвина по спинке. Она схватила его так быстро, что он не успел вцепиться ей в руку зубами, и втащила в комнату. Она с тревогой взглянула вниз, но служанки ничего не заметили. Они пололи, не разгибаясь, платья у них промокли от пота на палившем в спину солнце.

Под ошейник Гвина была заткнута записка, грязная, сложенная в сто раз, заклеенная обрывком пластыря.

— Зачем ты открыла окно? На улице ещё жарче, чем тут! Мы…

Фенолио замолк на полуслове и ошарашенно посмотрел на зверька на плече у Мегги. Она поспешно приложила палец к губам. Потом прижала царапающегося Гвина к груди и вынула из-под его ошейника записку. Куница угрожающе затявкала и снова попыталась тяпнуть её за палец. Гвин терпеть не мог, когда его долго держали на руках. Он кусал за это даже Сажерука.

— Что это у тебя? Крыса?

Фенолио подошёл поближе. Мегги выпустила куницу, и она тут же вспрыгнула обратно на подоконник.

— Куница! — удивлённо воскликнул Фенолио. — Откуда она тут взялась?

Мегги испуганно посмотрела на дверь, но часовой, похоже, ничего не слышал.

Фенолио зажал себе рот рукой и рассматривал Гвина с таким изумлённым видом, что Мегги чуть не рассмеялась.

— У него рога! — прошептал он.

— Ну конечно! Таким ты его выдумал! — шепнула она в ответ.

Гвин всё ещё сидел на подоконнике. Он недовольно щурился на солнце. Вообще-то он не любил дневного света, днём он обычно спал. Как он сюда попал?

Мегги высунулась из окна, но во дворе по-прежнему никого не было видно, кроме служанок. Она поспешно отошла в глубь комнаты и развернула записку.

— Письмо? — Фенолио заглянул ей через плечо. — От твоего отца?

Мегги кивнула. Она сразу узнала почерк, хотя он был не таким ровным, как обычно. Сердце заплясало у неё в груди. Она так жадно вчитывалась в буквы, будто они сейчас приведут её прямо к Мо.

— Что за белиберда там написана? Я ни слова не могу разобрать! — пробурчал Фенолио.

Мегги улыбнулась.

— Это эльфийские руны, — прошептала она. — Мы с Мо использовали их как тайнопись с тех пор, как я прочла «Властелина колец». Заметно, что он давно не упражнялся. Он наделал ошибок.

— Но что же всё-таки там написано? Мегги прочла ему записку.

— А кто такой Фарид?

— Мальчик. Мо вычитал его из «Тысячи и одной ночи», но это отдельная история. Ты видел его, он был вместе с Сажеруком, когда тот от тебя убежал.

Мегги снова сложила записку и ещё раз выглянула в окно. Одна из служанок выпрямилась, обтёрла землю с ладоней и посмотрела на высокую стену, как будто мечтала перелететь через неё на волю. Кто принёс сюда Гвина? Мо? Или куница сама нашла дорогу? Этого всё же не могло быть. Уж конечно, Гвин не стал бы разгуливать тут средь бела дня сам по себе.

Мегги сунула записку в рукав. Гвин всё ещё сидел на карнизе. Сонно щурясь, он вытягивал шею и обнюхивал наружную стену. Может быть, она пахла голубями — они иногда садились на окно.

— Дай ему хлеба, чтобы он не сбежал, — прошептала Мегги, а сама подбежала к кровати и стащила свой рюкзак. Где же карандаш? У неё ведь был. А, вот он — жалкий огрызок. Где же взять бумагу? Она вытащила из-под матраца одну из книг Дариуса и осторожно вырвала форзац. В жизни она такого не делала, не вырывала листов из книги, но сейчас другого выхода не было.

Она опустилась на колени на полу и начала писать теми же тайными рунами. «У нас всё в порядке, и я тоже так умею, Мо! Я вычитала Динь-Динь и завтра, когда стемнеет, я должна вычитать Каприкорну Призрака из „Чернильного сердца“, чтобы он убил Сажерука». О Резе она писать не стала. Ни слова о том, что она, как ей кажется, видела свою мать и что той, если никто не помешает Каприкорну, осталось жить неполных два дня. Такие новости не помещались на лист бумаги, какого бы размера он ни был.

Гвин жадно схватил хлеб, протянутый Фенолио. Мегги сложила записку и засунула её за ошейник.

— Будь осторожен! — прошептала она Гвину, а потом бросила остатки хлеба вниз, во двор.

Куница сбежала вниз по стене, как по ровной дороге. Одна из служанок вскрикнула, когда Гвин проскочил у неё между ног. Она крикнула что-то остальным женщинам. Наверное, они испугались за кур Каприкорна, но зверёк уже скрылся за стеной.

— Отлично, значит, твой отец здесь! — прошептал Фенолио Мегги, становясь рядом с ней у открытого окна. — Где-то там, за стеной. Отлично. И оловянного солдатика ты получишь. Всё идёт отлично, я же говорил. — Он потрогал себя за кончик носа и сощурился на яркий солнечный свет. — А теперь, — пробормотал он, — воспользуемся суеверием Басты. Какое счастье, что я снабдил его этой маленькой слабостью! Это был хороший ход.

Мегги не понимала, о чём он говорит, но ей было всё равно. Она могла думать только об одном: Мо здесь.

ТЁМНОЕ МЕСТО

— Джим, старина, — хрипло проговорил Лукас, — недолго мы катались. Жаль, что тебе приходится разделять мою судьбу.

Джим вздохнул.

— Всё равно мы друзья, — тихо ответил он и прикусил нижнюю губу, чтобы она не очень дрожала.

М. Эйде. Джим Пуговка и Лукас-машинист

Сажерук думал, что Каприкорн оставит их с Резой болтаться в этих проклятых сетках до самой казни, но они провели в них только одну бесконечную ночь. Утром, едва на красных стенах церкви заиграли первые солнечные блики, Баста велел спустить их вниз. Несколько страшных секунд Сажерук думал, что Каприкорн всё же решил отделаться от них быстро и незаметно, и не мог понять, от чего у него дрожат колени — от страха или от ночи, проведённой в сетке. Но тут он почувствовал под собой твёрдый пол. Так или иначе ноги почти его не держали.

От страха его избавил Баста — разумеется, не нарочно.

— Я бы с удовольствием оставил тебя поболтаться там ещё, — сказал он, пока его товарищи вытягивали Сажерука из сетки. — Но Каприкорн почему-то решил запереть вас на короткий остаток вашей жизни в склеп.

Сажерук очень старался скрыть облегчение. Значит, смерть всё же отодвинулась на шаг-другой.

— Каприкорну, наверное, мешает, что кто-то постоянно слышит, как он обсуждает с вами свои гнусные планы, — сказал он. — А может быть, он просто хочет, чтобы мы смогли дойти до места казни своими ногами.

Ещё одна ночь в сетке, и Сажерук вообще бы позабыл, что у него есть ноги. Уже после первой ночи все кости болели так, что он плёлся вслед за Бастой в склеп походкой старика. Реза несколько раз

споткнулась на лестнице, ей, похоже, было ещё хуже, но она не проронила ни звука. Когда она поскользнулась на ступеньке, Баста подхватил её под руку, но женщина вырвалась и посмотрела на него с такой ненавистью, что он не стал её больше трогать.

В склепе под церковью было сыро и холодно даже в такие дни, как этот, когда от солнца плавилась черепица на крышах. В утробе старой церкви пахло мышами, плесенью и ещё чем-то, во что Сажерук решительно не хотел вдумываться. Каприкорн почти сразу после того, как обосновался в заброшенной деревне, велел забрать решётками узкие каморки, где покоились в каменных саркофагах давно забытые священники.

— Гробы — самая подходящая постель для обречённых на казнь, — заметил он при этом со смехом.

У него всегда был совершенно особый юмор. На двух последних ступеньках Баста нетерпеливо подтолкнул их. Он торопился скорее выбраться обратно на свет, подальше от мертвецов и их духов. У него дрожала рука, когда он вешал на крюк фонарь и открывал решётку первой камеры. Здесь внизу не было электричества. Отопления и прочих достижений цивилизации тоже не было, только неподвижные саркофаги и мыши, выскакивавшие из трещин в камне.

— Может, ты посидишь с нами? — спросил Сажерук, когда Баста втолкнул их в камеру.

Им пришлось пригнуться. Старинные своды были такими низкими, что трудно было стоять во весь рост.

— Давай рассказывать истории о привидениях. Я знаю парочку новых.

Баста зарычал, как собака.

— Для тебя нам гроб не понадобится, Грязнорук, — сказал он, запирая за собой решётку.

— Верно! Может быть, понадобится урна или банка от варенья, но уж никак не гроб. — Сажерук отступил на шаг от решётки — здесь Басте было не дотянуться до него ножом. — У тебя, я вижу, новый амулет! — крикнул он (Баста был уже у самой лестницы). — Опять кроличья лапка, да? Сколько раз тебе говорить, что такая штука притягивает Белых Женщин? В нашем старом мире их видно, а здесь это, к сожалению, не так, но они, конечно, всё равно здесь шепчут заклинания и шевелят ледяными пальцами.

Баста стоял на лестнице к нему спиной, сжав кулаки и не оборачиваясь. Сажерук не уставал удивляться, как легко его напугать, — достаточно сказать несколько слов…

— Ты не забыл, как они подбираются к своей жертве? — продолжал он тихо. — Они шепчут тебе на ухо твоё имя: «Баста-а-а!» После этого тебе становится холодно, а потом…

— Они скоро твоё имя прошепчут, Мерзорук! — перебил его Баста дрожащим голосом. — Только твоё. — И зашагал вверх по лестнице так торопливо, будто за ним уже гнались Белые Женщины.

Шаги его смолкли, и Сажерук остался один — с тишиной, со смертью и с Резой. Судя по всему, они были здесь единственными узниками. Каприкорн иногда запирал сюда какого-нибудь бедолагу, чтобы нагнать на него страху, но обычно те, что попадали сюда и писали свои имена на саркофагах, однажды ночью исчезали бесследно, и больше их никто никогда не видел.

Их прощание с миром будет обставлено более торжественно.

«Моё последнее представление, так сказать, — думал Сажерук. — Может быть, при этом окажется, что всё, что я пережил здесь, было лишь дурным сном, и стоит только умереть, как окажешься дома? Приятная мысль». Да, если бы он мог в это верить.

Реза присела на саркофаг. Это был простой каменный гроб. Крышка треснула, и имя, стоявшее на нём когда-то, невозможно было прочитать. Похоже, Резу соседство с мертвецами совсем не пугало.

С Сажеруком дело обстояло иначе. Он не боялся духов и Белых Женщин, как Баста. Приди сюда Белая Женщина, он бы с ней любезно поздоровался. Но он боялся смерти. Ему казалось, что здесь всё дышит ею, и ему было мучительно вдыхать этот воздух. Он чувствовал, будто на груди у него сидит большой, мерзкий зверь. Даже в сетке ему не было так плохо. Там, по крайней мере, можно было дышать.

Он видел, что Реза наблюдает за ним. Она жестом подозвала его, похлопала ладонью по крышке саркофага. Поколебавшись, он сел рядом с ней. Она порылась в карманах платья, достала оттуда свечку и вопросительно показала ему. Сажерук не мог сдержать улыбку. Ну конечно, у него найдутся спички. Это же детская игра — припрятать от Басты и прочих остолопов такую мелочь, как две-три спички.

Реза прилепила коптящую свечку на саркофаг. Она любила свечи и камешки. И то, и другое она всегда носила в карманах. И ещё кое-

что. Но сегодня она, наверное, зажгла свечку только ради него, потому что знала, как он любит огонь.

— Я виноват перед тобой, я должен был искать книгу один, — сказал он, касаясь пальцами яркого огонька. — Прости меня.

Она зажала ему рот. Видимо, это должно было означать, что прощать ей нечего. Милая беззвучная ложь. Она отняла руку, и Сажерук кашлянул:

— Ты… так её и не нашла, да?

Это было уже не важно, но ему просто хотелось знать.

Реза покачала головой и огорчённо приподняла плечи.

— Так я и думал. — Он вздохнул.

Тишина была ужасна, ужаснее тысяч голосов.

— Расскажи мне что-нибудь, Реза! — сказал он тихо, придвигаясь к ней. «Прошу тебя! — добавил он мысленно. — Отгони от меня страх. Он давит мне грудь. Унеси нас куда-нибудь, где не так плохо».

Это Реза умела. Ей было известно бесконечно много историй — откуда, она ему никогда не рассказывала, но он, конечно, знал. Он прекрасно знал, кто читал ей когда-то эти истории, и сразу узнал её лицо, впервые увидев её в доме Каприкорна. Ведь Волшебный Язык не раз показывал ему фотографию.

Реза достала из своих глубоких карманов клочок бумаги. У неё там хранились не только свечи и камешки. Как у Сажерука всегда было при себе что-нибудь для разжигания огня, так у Резы — бумага и карандаш, её деревянный язык, как она выражалась. Огарок свечки, огрызок карандаша, запачканный клочок бумаги — такие вещи не вызывали опасений у людей Каприкорна, и их у неё не отбирали.

Рассказывая историю, она иногда писала только половину предложения, а Сажерук должен был сам его закончить. Так дело шло быстрее, а в истории возникали иногда неожиданные повороты. Но на этот раз она не собиралась рассказывать, хотя ему этого хотелось, как никогда.

«Кто эта девочка?» — написала Реза.

Ну конечно, Мегги. Солгать ей? Почему бы нет? Но он не солгал, сам не зная почему.

— Это дочь Волшебного Языка. «Сколько ей лет?»

— По-моему, двенадцать.

Ответ сошёлся. Это было видно по её глазам. Глаза были в точности как у Мегги. Только усталые.

— Как выглядит Волшебный Язык? Ты, по-моему, уже спрашивала. У него нет шрамов, в отличие от меня.

Он попытался улыбнуться, но Реза не улыбнулась в ответ. Огонёк свечи бросал мерцающие блики на её лицо. «Его лицо тебе знакомо лучше, чем моё, — думал Сажерук, — но я тебе об этом не скажу. Он отнял у меня целый мир — так почему бы мне не отнять у него жену?»

Она встала и подняла руку над головой.

— Да. Он высокий. Выше, чем ты, и выше, чем я. Что мешало ему солгать?

— Да, волосы у него тёмные, но я сейчас не хочу говорить о нём!

Он сам слышал, что в его голосе звучит обида.

— Прошу тебя! — Он взял её за руку и усадил рядом с собой. — Расскажи мне лучше что-нибудь. Свечка скоро догорит, а фонаря, который нам оставил Баста, хватает, чтобы видеть эти проклятые гробы, но не для того, чтобы разбирать буквы.

Она посмотрела на него пристально, будто хотела прочесть его мысли, увидеть не произнесённые слова. Но Сажерук умел скрывать свои мысли куда лучше, чем Волшебный Язык. Лицо его делалось непроницаемым: щит, прикрывающий сердце от любопытных взглядов. Какое дело другим до его сердца?

Реза снова склонилась над бумагой и начала писать: «Слушай, мой милый мальчик, слушай, внимай, разумей, потому что это случилось, потому что это произошло, потому что это было ещё в ту далёкую пору, когда Ручные Животные были Животными Дикими.

Собака была дикая, и Лошадь была дикая, и корова была дикая, и Овца была дикая, и Свинья была дикая — и все они были дикие-предикие и дико блуждали по Мокрым и Диким Лесам.

Но самая дикая была Дикая Кошка — она бродила где вздумается и гуляла сама по себе». [12]

Реза всегда знала, какая история ему сейчас нужна. Она была чужой в этом мире, как и он. Просто невозможно представить, что она принадлежит Волшебному Языку.

РАССКАЗ ФАРИДА

— Что ж, отлично, — проговорил Зофф. — Вот что я хочу вам сказать: если кто думает, что у него есть план получше, может им поделиться.

М. де Ларрабейти. Борриблы-2: в лабиринте спирали

Когда Фарид вернулся, Волшебный Язык уже дожидался его. Элинор спала под деревьями, лицо её раскраснелось от полуденного зноя, а Волшебный Язык стоял на том же месте, где Фарид его оставил. Лицо его просияло облегчением, когда он увидел идущего вверх по склону мальчика.

— Мы слышали выстрелы! — закричал он навстречу Фариду. — Я уж думал, мы тебя больше не увидим.

— Часовые стреляли по кошкам, — ответил Фарид и опустился в траву.

Его смущало, что Волшебный Язык за него тревожился. Он не привык, чтобы о нём тревожились. «Почему так долго? Где ты шлялся?» — так его обычно встречали. Даже Сажерук был всегда замкнут, неприступен, как запертая дверь. А у Волшебного Языка всё было на лице написано — тревога, радость, обида, боль, любовь, — даже когда он хотел скрыть свои чувства. Вот и сейчас было заметно, как он старается удержаться от вопроса, жёгшего ему губы с той минуты, как он завидел Фарида.

— С твоей дочерью всё в порядке, — сказал Фарид. — И твоё письмо она получила, хотя её заперли на верхнем этаже дома Каприкорна. Но Гвин здорово умеет лазать, даже Сажеруку до него далеко, а это что-нибудь да значит.

Он услышал вздох облегчения, как будто вся тяжесть мира спала с плеч Волшебного Языка.

— Я даже принёс ответ.

Фарид выпустил Гвина из рюкзака, ухватил его за хвост и вытащил из-под ошейника записку Мегги.

Волшебный Язык разворачивал её так осторожно, словно боялся, что буквы могут исчезнуть у него из-под пальцев.

— Форзацная бумага, — пробормотал он. — Ей, видимо, пришлось разорвать книгу.

— Что она пишет?

— Ты пробовал прочитать?

Фарид отрицательно покачал головой и вынул из кармана кусок хлеба. Гвин заслужил поощрение. Но куница уже исчезла. Наверное, пошла отсыпаться после бессонного дня.

— Ты ведь читать не умеешь, правда?

— Нет.

— Ну, эти-то буквы вообще мало кто умеет читать. Это те же руны, что были в моей записке. Ты видел, их даже Элинор не может разобрать.

Волшебный Язык разгладил листок, бледно-жёлтый, как песок в пустыне, стал читать и вдруг резко вскинул голову.

— Боже мой! — пробормотал он. — Этого ещё не хватало!

— Что случилось?

Фарид сам принялся за хлеб, отложенный для куницы. Он был совсем чёрствый, пора было украсть свежего.

— Мегги тоже так умеет! — Волшебный Язык недоверчиво покачал головой и снова уставился на записку.

Фарид приподнялся в траве, опираясь на локоть.

— Это я знаю, там только об этом и говорят… Я подслушал. Они говорят, что девчонка умеет колдовать, как и ты, и что Каприкорну теперь не надо тебя дожидаться. Ты ему больше не нужен.

Волшебный Язык посмотрел на него так, будто эта мысль ему ещё в голову не приходила.

— И правда, — произнёс он тихо. — Теперь они её ни за что не выпустят. По доброй воле — ни за что.

Он посмотрел на буквы, которые написала его дочь. Фариду они казались чем-то вроде змеиных узоров на песке.

— Что она ещё пишет?

— Что они поймали Сажерука и что она должна вывести им того, кто умертвит его. Уже завтра вечером. — Он опустил записку и провёл рукой по волосам.

— Да, об этом я тоже слышал. — Фарид сорвал травинку и разорвал её на мелкие куски. — Они, наверное, заперли его в склепе под церковью. Что ещё она пишет? Твоя дочь не пишет, кого она должна вывести Каприкорну?

Волшебный Язык отрицательно покачал головой, но Фарид понял, что он просто не хочет говорить.

— Можешь от меня не скрывать. Палача, правда ведь? Мастера рубить головы?

Волшебный Язык молчал, будто не слышал.

— Я видал такие вещи, — сказал Фарид. — Так что можешь мне сказать. Если палач умеет обращаться с мечом, всё происходит довольно быстро.

Волшебный Язык некоторое время изумлённо смотрел на него, потом покачал головой:

— Это не палач. Во всяком случае, не такой палач с мечом. Это вообще не человек.

Фарид побледнел:

— Не человек?

Волшебный Язык покачал головой. Слова не шли у него с языка.

— Они называют его Призраком, — глухо сказал он наконец. — Я уже не помню точно, какими словами он описан в книге, знаю только, что мне он представлялся фигурой из раскалённого пепла, горячей, серой, без лица.

Фарид не отрываясь смотрел на него. На мгновение он пожалел о своей настойчивости.

— Они… они все уже радуются в предвкушении казни, — запинаясь, продолжил он свой рассказ. — Чёрные Куртки ходят довольные. Женщину, с которой встречался Сажерук, тоже хотят казнить. За то, что она пыталась найти для него книгу.

Он ковырял землю пальцем босой ноги. Сажерук хотел приучить его к обуви из-за змей, но обутый он чувствовал себя так, точно ему зажали пальцы ног, и в конце концов ботинки полетели в костёр.

— Какая женщина? Одна из служанок Каприкорна? — Волшебный Язык вопросительно посмотрел на него.

Фарид кивнул и почесал ступни. Они были все в муравьиных укусах.

— Она не умеет говорить — немая, как рыба. Сажерук носит в рюкзаке её фотографию. Она ему уже не раз помогала. Кроме того, он, по-моему, влюблён в неё.

Ему легко было всё это разнюхать в деревне. Там было много мальчишек не старше его. Они мыли чернокурточникам машины, чистили сапоги и оружие, носили любовные письма… Любовные письма ему приходилось носить и прежде, в другой жизни. Сапог он там не чистил, а оружие доводилось, и ещё убирать верблюжий помёт. Начищать до блеска машины было определённо приятнее.

Фарид взглянул на небо. Там проплывали крохотные облачка, белые, как лебединые перья, перистые, как цветы акации. Здесь на небе часто бывали облака. Это нравилось Фариду. В том мире, откуда он пришёл, небо было всегда одинаково чистым.

— Уже завтра… — пробормотал Волшебный Язык. — Что мне делать? Как вызволить её из дома Каприкорна? Может быть, ночью я мог бы туда проникнуть? Мне бы такой чёрный наряд, как у них…

— Я тебе его принёс. — Фарид вытащил из рюкзака куртку, а за ней и брюки. — Это всё сушилось на верёвке. А для Элинор у меня платье.

Волшебный Язык смотрел на него с таким откровенным восхищением, что Фарид покраснел.

— Ты просто дьявол! Может, тебя нужно спросить, как вытащить Мегги из этой деревни?

Фарид смущённо улыбнулся и потупился. Спросить его? Никто никогда не интересовался его мыслями. Он всегда был только ищейкой, осведомителем. Планы строили другие: планы грабежа, разбойных нападений, планы мести. Собаку не спрашивают. Собаку бьют, если она не слушается.

— Нас только двое, а там их не меньше двадцати, — сказал он. — Это будет нелегко…

Волшебный Язык посмотрел в сторону укрытия, где под деревьями спала женщина.

— Элинор ты не считаешь? Это ты зря! Она намного воинственнее меня и страшно разъярена сейчас.

Фарид не мог сдержать улыбки.

— Ну, значит, трое, — сказал он. — Трое против двадцати.

— Да, звучит довольно безнадёжно, понимаю. — Волшебный Язык вздохнул и поднялся с земли. — Пойдём расскажем Элинор, что ты узнал, — сказал он.

Но Фарид остался сидеть на траве. Он поднял сухую ветку, из тех, что валялись повсюду вокруг. Отличный хворост для костра. Здесь его было сколько хочешь. В прежней его жизни за таким хворостом надо было ехать очень-очень далеко. Он был на вес золота. Фарид взглянул на ветку, провёл пальцем по сухой коре и бросил взгляд в сторону деревни Каприкорна.

— Нам мог бы помочь огонь, — сказал он. Волшебный Язык посмотрел на него, не понимая.

— Как это?

Фарид подобрал ещё ветку, потом другую. Он складывал в кучу сухие сучья и ветки, которые здешние деревья сбрасывали, будто им их девать некуда.

— Сажерук научил меня укрощать огонь. Это как с Гвином: он кусает только того, кто не сумеет его схватить, а если обращаться с ним правильно, он будет слушаться. И Сажерук научил меня этому. Если мы применим его в нужное время и в нужном месте…

Волшебный Язык нагнулся, поднял сухую ветку и провёл по ней ладонью.

— А как ты загонишь его обратно, когда он разгуляется? Дождя не было уже давно. Ты оглянуться не успеешь, как холмы запылают.

Фарид пожал плечами.

— Только если не повезёт с ветром. Но Волшебный Язык покачал головой.

— Нет! — сказал он решительно. — На то, чтобы играть с огнём в этих холмах, я пойду в последнюю очередь. Давай проберёмся сегодня ночью в деревню. Может быть, нам удастся прошмыгнуть мимо часовых. Может быть, они плохо друг друга знают и примут меня за одного из своих. Ведь однажды нам уже удалось от них ускользнуть. Может быть, нам это и во второй раз удастся.

— Довольно много «может быть», — сказал Фарид.

— Знаю, — ответил Волшебный Язык. — Знаю.

ВЫДУМКИ ДЛЯ БАСТЫ

— Гляди: я плюю на него! Чтоб ему сгинуть на веки веков! Увидишь владельца, скажи ему, что ты слышал! Скажи, что в тысячу двести девятнадцатый раз Дженнет Клустон призывает проклятие на его голову, на его дом, хлев и конюшню, на чад и домочадцев, на всю его родню, на его слуг и гостей — будь они прокляты до седьмого колена!

Р. Л. Стивенсон. Похищенный

(перевод М. Кан)

Фенолио быстро сумел убедить охранявшего дверь часового, что ему нужно немедленно поговорить с Бастой. Старик был мастер врать. Он плёл истории из ничего быстрее, чем паук паутину.

— Чего тебе, старик? — спросил Баста, появляясь в дверях. Он захватил оловянного солдатика. — Держи, маленькая ведьма! — Он протянул его Мегги. — Я бы бросил его в огонь, но меня здесь никто больше не слушает.

Оловянный солдатик вздрогнул при слове «огонь», усы у него стали дыбом, а в глазах отразилось отчаяние, больно кольнувшее Мегги. Ей казалось, что она слышит биение маленького сердца у себя в горсти. Она вспомнила конец этой сказки: «Тут оловянный солдатик совсем расплавился. От него остался только крошечный кусочек олова. На следующий день, когда служанка выгребала золу, она нашла в топке оловянное сердечко».

— Да, тебя здесь никто больше не слушает, мне тоже так кажется. — Фенолио смотрел на Басту сочувственно, как отец на сына, — он и был в некотором роде его отцом. — Поэтому я и хотел с тобой поговорить. — Он заговорщически понизил голос: — Хочу предложить тебе сделку.

— Сделку? — Во взгляде Басты мешались страх и высокомерие.

— Да, сделку, — тихо повторил Фенолио. — Мне скучно! Я ведь, как ты выразился, писака. Мне, чтобы жить, нужна бумага, как другим

хлеб и вино или ещё что-нибудь. Принеси мне бумаги, Баста, и я помогу тебе снова получить ключи. Те ключи, что отобрала у тебя Сорока.

Баста вытащил нож. Когда он щелчком раскрыл его, оловянный солдатик так затрясся, что выронил штык.

— Как ты это себе представляешь? — спросил Баста, вычищая остриём ножа грязь из-под ногтей.

Фенолио нагнулся к нему.

— Я напишу тебе заклинание, насылающее хворь. Такое, что Мортола сляжет на много недель, и у тебя будет время доказать Каприкорну, что ключам лучше находиться у тебя. Конечно, заклинание действует не сразу, тут нужно время, но зато, когда уж оно подействует, можешь мне поверить… — Фенолио многозначительно приподнял брови.

Но Баста сделал презрительную гримасу:

— Я уже пробовал — и пауками, и петрушкой с солью. Старуху ничем не проймёшь.

— Петрушка и пауки! — Фенолио тихо рассмеялся. — Глуп же ты, Баста. Я говорю не о детском колдовстве. Я говорю о буквах. Буквы могут принести и добра и зла больше, чем что бы то ни было, уверяю тебя. — Фенолио понизил голос до шёпота: — Я ведь создал тебя из букв, Баста! Тебя и Каприкорна.

Баста отшатнулся от него. Страх и ненависть — брат с сестрой, и Мегги видела на лице Басты то и другое разом. Но она видела и другое: он верил старику! Он верил каждому его слову.

— Ты колдун! — выдавил он из себя. — И тебя, и девчонку надо бы сжечь вместе с этими проклятыми книгами, а заодно и её папашу. — И он поспешно трижды плюнул под ноги старику.

— Плюёшься? Это от чего помогает — от сглаза? — насмешливо сказал Фенолио. — Насчёт сжечь — мысль не новая, Баста, но у тебя особенно новых мыслей никогда не бывало. Ну что, мы сговорились или как?

Баста таращился на оловянного солдатика, пока Мегги не спрятала его за спину.

— Ладно, — хрипло сказал он потом. — Но я буду ежедневно проверять, что ты там нацарапал, понял?

— Конечно! — Фенолио энергично кивнул. — Да, мне бы ещё ручку. Чёрную, если можно.

Баста принёс ручку и целую стопку белой писчей бумаги. Фенолио с глубокомысленным видом уселся за стол, положил перед собой лист бумаги, сложил его, а потом аккуратно разорвал на девять частей. На каждой части он написал пять букв; буквы были везде одни и те же, витиеватые и неразборчивые. Потом он тщательно свернул все бумажки, плюнул на каждую и протянул их Басте со словами:

— Три там, где она ест, три там, где она спит, и три там, где она работает. Тогда через три дня и три ночи наступит то, чего ты хочешь. Но если проклятая найдёт хоть одну бумажку, чары тут же обратятся против тебя.

— То есть как? — Баста смотрел на бумажки Фенолио так, будто они, того гляди, нагонят на него чуму.

— Спрячь их получше, чтобы она не нашла, — ответил Фенолио коротко и подтолкнул его к двери.

— Если твоё заклинание не подействует, старик, — прорычал Баста, закрывая за собой дверь, — я исполосую тебе морду, как Грязноруку!

С этими словами он удалился, а Фенолио с довольной улыбкой прислонился к запертой двери.

— Но оно же не подействует, — чуть слышно сказала Мегги.

— Ну и что? Три дня — большой срок, — ответил Фенолио, вновь усаживаясь за стол. — Я надеюсь, что нам так много не понадобится. Мы ведь хотели сорвать им казнь уже завтра вечером, правда?

Остаток дня он то смотрел в пространство, то писал как одержимый. Уже немало листов было покрыто его крупным, неровным, торопливым почерком.

Мегги ему не мешала. Она села у окна с оловянным солдатиком, глядела на холмы и пыталась угадать, где в этой чаще ветвей и листвы скрывается Мо. Оловянный солдатик выставил несгибающуюся ногу и испуганными глазами смотрел на совершенно незнакомый мир вокруг. Может быть, он думал о картонной танцовщице, в которую был так влюблён, а может быть, он и вовсе не думал. Он не сказал ни единого слова.

РАЗБУЖЕННЫЕ СРЕДИ НОЧИ

К каждому обеду приносили и цветы. Великое множество цветов дуба, таволги и ракитника, самых красивых, самых прекрасных, какие только можно было найти в поле и в лесу.

Е. Уолтон. Четыре ветки мабиногии

За окном давно стемнело, а Фенолио все писал. Под столом лежали смятые и разорванные листы. Их было намного больше, чем тех, которые он откладывал в сторонку, — так осторожно, словно буквы могли скатиться с бумаги. Когда появилась худенькая служанка с ужином, Фенолио спрятал отложенные в сторону листы под одеяло. Баста в этот вечер больше не приходил. Он, наверное, был занят: рассовывал по укромным местам заклинания Фенолио.

Мегги улеглась, только когда темнота за окном совсем сгустилась и холмов стало не различить на фоне неба.

— Спокойной ночи, — прошептала она в темноту, как будто Мо мог её слышать.

Потом она взяла оловянного солдатика и забралась на свою кровать. Солдатика она посадила возле подушки.

— Честное слово, тебе повезло больше, чем Динь-Динь, — шепнула она ему. — Динь-Динь сидит взаперти у Басты, потому что он думает, будто феи приносят счастье. Знаешь что? Если мы когда-нибудь выберемся отсюда, я вырежу тебе такую же танцовщицу, как в твоей сказке.

Но он и на это ничего не ответил. Он только смотрел на неё печальными глазами, а потом еле заметно кивнул. «Может, он тоже лишился голоса? — подумала Мегги. — Или он и не умел говорить?» Рот у него действительно выглядел так, будто он его ни разу не открывал. «Была бы у меня здесь книжка, — думала. Мегги, я могла бы это проверить или попробовала бы вычитать ему его танцовщицу. Но книга у Сороки. Она и все остальные книги забрала».

Оловянный солдатик прислонился к стене и закрыл глаза. «Нет, танцовщица только разобьёт ему сердце!» — подумала Мегги,

засыпая. Последнее, что она слышала, было перо Фенолио, с торопливым скрипом носившееся по бумаге от буквы к букве, как ткацкий челнок, сплетающий многослойную ткань из чёрных ниток…

Этой ночью Мегги не снились кошмары. Ни один паучок не пробежал в её сне. Она была дома, она это знала, хотя комната была как будто та, где они жили у Элинор. Здесь были Мо и её мама. Мама выглядела как Элинор, но Мегги знала, что это та самая женщина, которая висела в сетке рядом с Сажеруком. Во сне человек многое знает, в том числе и то, что глазам верить нельзя. Просто знает, и все тут. Только она собралась присесть рядом с матерью на старый диван между книжных полок Мо, как кто-то тихо позвал её: «Мегги!» Девочка решила не откликаться, ей хотелось, чтобы этот сон никогда не кончался, но голос безжалостно продолжал её звать. Голос был знакомый. Пришлось открыть глаза.

У её постели стоял Фенолио, пальцы у него были все в чернилах, чёрных, как ночь за окном.

— В чём дело? Я спать хочу.

Мегги повернулась к нему спиной. Ей хотелось обратно в тот сон. Может быть, он ещё не ушёл из-под её сомкнутых век. Может быть, к её ресницам золотой пыльцой прилипло немного счастья. В сказках от снов иногда остаётся что-нибудь в этом роде. Оловянный солдатик тоже спал, уронив голову на грудь.

— Я закончил!

Фенолио говорил шёпотом, хотя из-за двери явственно доносился храп часового. На столе в мерцающем свете огарка лежала тонкая стопка исписанных страниц.

Мегги, зевая, села в постели.

— Мы должны попытаться кое-что сделать этой ночью, — чуть слышно прошептал Фенолио. — Нужно проверить, могут ли твой голос и мои слова изменять истории. Мы попробуем отправить нашего солдатика обратно. — Он подхватил исписанные страницы и положил ей на колени. — Плохо, что пробовать придётся с историей, которую сочинил не я, но что ж поделаешь? Терять нам нечего.

— Отправить обратно? Я не хочу отправлять его обратно, — сказала ошарашенная Мегги. — Он же погибнет. Мальчик кинет его в печку, и он расплавится. А танцовщица сгорит. «А от танцовщицы

осталась только блёстка. Но она уже не сверкала — почернела как уголь».

— Да нет же! — Фенолио нетерпеливо постучал пальцами по страницам у неё на коленях. — Я написал ему новую историю, со счастливым концом. В этом и заключалась идея твоего отца: изменить историю. Он хотел только вызволить твою мать, переписать «Чернильное сердце» так, чтобы книжка отдала её обратно. Но если это возможно, Мегги, — если можно изменить уже напечатанную историю, дописав к ней что-то, — то можно изменить все: кто из неё выйдет, кто войдёт, как она закончится, кому принесёт счастье, а кому беду. Понимаешь? Это всего лишь попытка, Мегги. Но если солдатик исчезнет, то мы, честное слово, сможем изменить и «Чернильное сердце». Как — это я ещё должен придумать, а пока читай. Прошу тебя! — Фенолио достал из-под подушки фонарик и протянул его Мегги.

Она неуверенно направила луч на первую густо исписанную страницу. Губы вдруг перестали её слушаться.

— Здесь правда хороший конец?

Она провела языком по губам и посмотрела на спящего оловянного солдатика. Ей почудилось лёгкое похрапывание.

Фенолио нетерпеливо кивнул:

— Ну конечно, я написал до тошноты приторный счастливый конец. Он поселяется со своей танцовщицей в этом замке, и они живут там счастливо до конца своих дней… Никаких расплавившихся сердец, сгоревшего картона — сплошная любовь и счастье.

— Я плохо разбираю твой почерк.

— Не может быть. Я очень старался.

— Тем не менее. Старик вздохнул.

— Ну, ладно, — сказала Мегги. — Я попробую. «Каждая буква важна! — говорила она себе. — Она должна звенеть, греметь, шептать, шуршать, катиться». И Мегги начала читать.

На третьей фразе солдатик выпрямился. Мегги увидела это краем глаза. На мгновение она сбилась, запнулась, прочла одно и то же слово дважды. Больше она не решалась взглянуть на солдатика, пока Фенолио не тронул её за локоть.

— Он исчез! — прошептал он. — Мегги, он исчез! И правда — постель была пуста.

Фенолио так крепко сжал её локоть, что ей стало больно.

— Ты и вправду маленькая колдунья! — прошептал он. — Но и я молодец. Правда ведь?

Он с восхищением посмотрел на свои измазанные чернилами пальцы. Потом хлопнул в ладоши и прошёлся в танце по тесной комнатушке, как дрессированный медведь.

К Мегги он вернулся, уже несколько запыхавшись.

— Мы вдвоём устроим Каприкорну неприятный сюрприз! — прошептал он, и каждая его морщина лучилась улыбкой. — Я немедленно сажусь за работу! Да! Он получит то, чего хотел: ты вычитаешь ему Призрака. Но его старый приятель станет другим, уж я об этом позабочусь. Я, Фенолио, повелитель слов, заклинатель чернил, волшебник бумаги! Я создал Каприкорна, и я же его уничтожу, будто его и не было никогда. Надо признаться, лучше бы его с самого начала не было. Бедняга Каприкорн! С ним будет то же, что с волшебником, который создал для своего племянника жену из цветов. Ты знаешь эту историю?

Мегги всё смотрела на то место, где сидел оловянный солдатик. Она по нему скучала.

— Нет, — пробормотала она. — Что за жена из цветов?

— Это очень старая история. Я тебе расскажу краткий вариант. Длинный красивее, но скоро уже рассветёт. Так вот: жил-был волшебник по имени Гвидион. У него был племянник, которого он любил больше всего на свете, но мать прокляла юношу.

— Почему?

— Долго рассказывать. Она прокляла его. Если он прикоснётся к женщине, то умрёт. У волшебника разрывалось сердце оттого, что его любимому племяннику придётся прожить всю жизнь в грустном одиночестве. Поэтому он на три дня и три ночи заперся в своей комнате и сотворил женщину из цвета дуба, таволги и ракитника. Она была прекраснее всех на свете, и племянник Гвидиона тут же влюбился в неё. Но Блодьювидд — так её звали — не принесла ему счастья. Она влюбилась в другого и вместе со своим возлюбленным убила племянника Гвидиона.

— Блодьювидд! — Мегги попробовала это имя на вкус, как невиданный плод. — Грустная история. И что же с ней сталось? Волшебник в наказание убил и её?

— Нет. Гвидион превратил её в сову, и с тех пор и по сей день у всех сов голос, как у рыдающих женщин.

— Красивая история! Грустная и красивая, — пробормотала Мегги.

Почему грустные истории так часто бывают красивыми? В жизни это не так.

— Положим, историю о жене из цветов я теперь знаю, — сказала она. — Но какое отношение она имеет к Каприкорну?

— Видишь ли, Блодьювидд сделала не то, чего от неё ожидали. И мы попробуем устроить то же самое: с помощью твоего голоса и моих слов — отличных, новёхоньких слов — Призрак, явившись к Каприкорну, сделает не то, чего тот ожидает!

Фенолио выглядел довольным, как черепаха, нашедшая свежий лист салата в самом неожиданном месте.

— И что же он сделает?

Фенолио нахмурился. Довольное выражение исчезло с его лица.

— Над этим я и работаю, — сказал он сердито и постучал себя пальцем по лбу. — Вот здесь. Для этого нужно время.

За окном послышались мужские голоса. Они доносились не с ограждённого стеной двора, а откуда-то издалека. Мегги быстро скатилась с кровати и подбежала к открытому окну. Она услышала шаги — торопливые, спотыкающиеся, убегающие шаги — и вслед за тем выстрелы. Она так высунулась из окна, что чуть не упала, но видно, конечно, ничего не было. Шум доносился, похоже, с площади перед церковью.

— Эй, осторожно! — прошептал Фенолио, обхватывая её за плечи.

Ещё выстрелы. Потом стало слышно, как перекрикиваются люди Каприкорна. Ну почему она не может разобрать, что они говорят? Она испуганно взглянула на Фенолио — может быть, он что-нибудь разобрал из этих криков, какое-нибудь слово или имя?

— Я знаю, о чём ты думаешь, но твой отец здесь наверняка ни при чём, — успокоил он её. — Он же не сумасшедший, чтобы пытаться проникнуть ночью в дом Каприкорна.

Он мягко увёл её от окна. Голоса смолкли. Ночная тишина вновь сомкнулась, будто ничего и не было.

Мегги залезла обратно на свою кровать, но сердце у неё бешено колотилось.

— Пусть он убьёт Каприкорна! — прошептала она. — Пусть Призрак в твоей истории убьёт его! — Она сама испугалась своих слов. Но не взяла их обратно.

Фенолио потёр себе лоб.

— Да, придётся. Ничего другого не остаётся, правда?

Мегги прижала к себе свитер Мо. Где-то в доме захлопали двери, раздались шаги. Потом снова стало тихо. В этой тишине таилась угроза. «Мёртвая тишина», — подумала Мегги.

— А если Призрак тебя не послушается? — спросила она. — Как цветочная женщина? Что тогда?

В ответ Фенолио проговорил медленно:

— Об этом пока лучше не думать.

В ОДИНОЧЕСТВЕ

— Зачем, ах, зачем я покинул мою норку! — повторял несчастный мистер Бэггинс, подпрыгивая на спине у Бомбура.

Дж. Р. Р. Толкиен. Хоббит

(перевод Н. Рахмановой)

Услышав выстрелы, Элинор вскочила на ноги так поспешно, что споткнулась в темноте о собственное одеяло и растянулась на колючей траве. Поднимаясь, она исколола себе все руки.

— Господи, господи, они их поймали! — выдохнула она, бестолково мечась в темноте в поисках чёртова платья, которое украл для неё мальчик.

Мрак был такой, что она не видела собственных ног.

— Вот как вышло, — шептала она. — Почему эти проклятые идиоты не взяли меня с собой? Я бы посторожила, уж я бы уследила…

Но, найдя наконец платье и натянув его на себя дрожащими руками, она вдруг застыла.

Какая тишина. Мёртвая тишина!

«Они их пристрелили! — шепнул ей внутренний голос. — Вот почему так тихо. Они мертвы. Совсем мертвы. Лежат окровавленные на этой площади, перед этим домом, о Господи! Что же теперь делать? — Она всхлипнула. — Нет, Элинор, не сметь плакать! Это ещё что такое? Иди их искать, давай, пошевеливайся».

Она побрела, спотыкаясь. Туда ли она идёт?

«Тебе с нами нельзя, Элинор».

Это сказал Мортимер. Он выглядел неузнаваемым в наряде, который украл для него Фарид, — ни дать ни взять один из молодцов Каприкорна. Но он ведь для этого и переодевался. Мальчик сумел стащить для него даже ружьё.

«Почему? — спросила она. — Я даже готова надеть это идиотское платье!»

«Женщина будет привлекать внимание, Элинор! Ты сама видела. Там по ночам на улице ни одной женщины не встретишь. Только часовых. Спроси вот мальчика».

«Не хочу я его ни о чём спрашивать! Что ж он тогда не украл для меня мужской наряд? Я бы переоделась мужчиной».

Они не нашлись что ответить.

«Элинор, прошу тебя, кто-то же должен остаться караулить вещи».

«Вещи? Ты имеешь в виду вонючий рюкзак Сажерука?»

От возмущения она пнула рюкзак ногой. Какими хитрецами они себя воображали! Но весь этот маскарад не помог. Кто их узнал? Баста, Плосконос или этот хромоногий?

«На рассвете мы вернёмся, Элинор! Вместе с Мегги».

Лжец. Она слышала по голосу, что он и сам в это не верит. Элинор споткнулась о древесный корень, снова схватилась руками за какие-то колючки и с плачем опустилась на колени. Убийцы! Убийцы и поджигатели. Что у неё общего с этим сбродом? Надо было догадаться тогда, когда Мортимер вдруг появился у её дверей и попросил спрятать книгу. Почему она попросту не отказалась? Ведь она сразу заметила, что от Сажерука ничего, кроме неприятностей, ждать не приходится. Это у него яснее ясного было на лице написано. Но книга… Конечно, перед книгой она устоять не могла…

«Вонючую куницу они с собой взяли, — подумала она, выпрямляясь. — А меня нет. А теперь они погибли. „Давайте обратимся в полицию“, — сколько раз я это говорила! Но Мортимер всегда отвечал одно и то же: „Нет, Элинор, при первом же появлении полицейского Каприкорн избавится от Мегги“. А нож Басты быстрее, чем любая полиция на свете, можешь мне поверить». На переносице у него при этом появлялась вертикальная морщинка. Элинор знала Мортимера достаточно хорошо, чтобы понимать, что она означает.

И что же ей теперь делать? Совсем одной.

«Нечего распускаться, Элинор! — прикрикнула она на себя. — Ты всегда была одна, ты что, забыла? Подумай-ка головой. Ты должна выручить девочку, что бы там ни случилось с её отцом. Ты должна вызволить её из этой трижды проклятой деревни. Кроме тебя, этого уже никто не сделает. Или ты хочешь, чтобы она стала одной из этих замученных служанок, которые головы не смеют поднять и всю жизнь

только моют и стряпают для господ? А ещё ей, может быть, позволят иногда почитать вслух Каприкорну, если он пожелает, а когда она станет чуть постарше… девочка хорошенькая…»

Элинор стало дурно.

— Мне нужно ружьё, как у них, — прошептала она. — Или нож, длинный, острый нож. И я проберусь с ним в дом Каприкорна. Кто меня узнает в этом платье?

Мортимер всегда считал, что она умеет только книжки читать, но она ему докажет…

— Как же так? — прошептала она. — Его нет, Элинор, просто нет больше, как твоих книг.

Она зарыдала так громко, что сама испугалась и зажала себе рот рукой. Под ногой у неё треснула сухая ветка. В одном из окон в деревне Каприкорна погас свет. Она была права. Мир ужасен, жесток, безжалостен, мрачен, как дурной сон. Жить в нём нельзя. Книги — единственное место, где можно найти сочувствие, утешение, счастье… и любовь. Книги любили всякого, кто их открывал, становились защитниками и друзьями, не требуя ничего взамен, и никогда не покидали даже тех, кто плохо с ними обращался. «Любовь, истина, красота, мудрость и утешение перед лицом смерти». Кто это сказал? Кто-то, как и она, беззаветно влюблённый в книги. Она забыла его имя, но помнила слова. Слова бессмертны… пока кто-нибудь не решит их сжечь. Но даже тогда…

Она опять споткнулась. Из деревни Каприкорна сочился в ночь свет, мутно-белый, как разбавленное молоко. На стоянке между машин стояли, сблизив головы, трое убийц.

«Шепчитесь, шепчитесь, — сказал Элинор про себя. — Хвастайтесь кровью у вас на руках и холодной головешкой вместо сердца. Вы ещё раскаетесь, что убили их». На что решиться? Прокрасться в деревню прямо сейчас или дождаться утра? И то и другое — безумие. Ей и нескольких метров там не пройти.

Один из троих обернулся, и на мгновение Элинор показалось, что он её увидел. Она отшатнулась, поскользнулась и только успела уцепиться за ветку, как земля снова ушла у неё из под ног. В это время за её спиной раздался шорох, и, не успела она повернуть голову, чья-то рука зажала ей рот. Она хотела закричать, но из накрепко зажатого рта не вырывалось ни звука.

— Так вот ты где! Знаешь, сколько времени я тебя ищу?

Этого не могло быть. Она была уверена, что никогда уже не услышит этого голоса.

— Прости, но я знал, что ты закричишь. Пойдём! Мортимер отнял руку от её рта и поманил её за собой.

Она не знала, чего ей больше хочется: броситься ему на шею или стукнуть так, чтобы ему стало больно?

Когда крыши деревни Каприкорна скрылись за деревьями, он остановился.

— Почему ты не осталась в укрытии? Что ты тут бродишь в темноте? Ты что, не понимаешь, как это опасно?

Это было уже слишком. Элинор всё ещё не могла отдышаться — так быстро он её вёл.

— Опасно? — От ярости ей было трудно говорить тихо. — Ты говоришь — опасно? Я слышала выстрелы и крики! Я думала, вы погибли. Я думала, они вас застрелили…

Он провёл рукой по лицу.

— Да что ты! Из них ни один не умеет целиться, — сказал он. — К счастью.

Элинор хотелось взять его и тряхнуть, чтобы не говорил так спокойно.

— Вот как? А с мальчиком что?

— Тоже целёхонек, только лоб поцарапало. Когда стали стрелять, куница вырвалась, и он бросился её ловить. Тут-то его и задело рикошетом по лбу. Я оставил его там наверху, в укрытии.

— Куница? Вам не о чём больше заботиться, как о вонючей кусачей кунице? Мне эта ночь стоила десяти лет жизни! — Элинор снова чуть не перешла на крик и тут же понизила голос. — Я напялила это ужасное платье, — прошипела она. — Вы всё время стояли у меня перед глазами, израненные, окровавленные… А ты смотришь на меня так спокойно! — набросилась она на него. — Это же чудо, что вас не убили. Не надо мне было тебя слушаться. Надо было обратиться в полицию… Теперь им придётся нам поверить, мы…

— Нам просто не повезло, Элинор, — перебил он её. — Честное слово! Как назло, сегодня перед домом стоял Кокерель. Другой часовой меня бы не узнал.

— А завтра кто там будет стоять? Баста? Плосконос? Что толку твоей дочери, если тебя убьют?

Мортимер отвернулся от неё.

— Но меня же не убили, Элинор, — сказал он. — И я выведу Мегги оттуда прежде, чем её заставят стать главной участницей казни.

Когда они вернулись к укрытию, Фарид уже спал. Окровавленный лоскут, которым обмотал его голову Мортимер, был очень похож на тюрбан, в котором он появился в своё время из-за колонн в церкви Каприкорна.

— Эта царапина только выглядит страшно, — прошептал Мо. — Но честное слово, не удержи я его, он бы полдеревни пробежал за этой куницей. И если бы нас не узнали, он бы, уж конечно, пробрался в церковь поискать Сажерука.

Элинор молча кивнула и закуталась в одеяло. Ночь была тихая, в другом месте её непременно назвали бы мирной.

— Как вам удалось от них уйти? — спросила она. Мортимер присел рядом с мальчиком. Только сейчас Элинор заметила у него на плече ружьё, которое украл ему Фарид. Он снял его и положил рядом с собой на траву.

— Они не очень-то за нами и гнались, — ответил он. — А зачем? Они же знают, что мы вернёмся. Им надо только подождать.

«И Элинор будет с вами!» — поклялась она про себя.

Ни за что она не согласится снова пережить такую ночь и это чувство полного одиночества.

— Что вы теперь собираетесь делать? — спросила она.

— Фарид предлагает поджог. Я раньше считал, что это слишком опасно, но время уходит…

— Поджог? — Элинор казалось, что это слово обожгло ей язык.

С тех пор как её книги превратились в пепел, она от одного вида спички впадала в панику.

— Сажерук кое-чему научил мальчишку. Кроме того, поджечь сумеет и идиот. Если мы подожжём дом Каприкорна…

— Ты с ума сошёл? А если огонь перекинется на холмы?

Мо опустил голову и погладил ружейный ствол.

— Знаю, — сказал он. — Но я не вижу другого выхода. Пожар вызовет суматоху, люди Каприкорна бросятся его тушить, и в этой

суматохе я попробую добраться до Мегги. О Сажеруке позаботится Фарид.

— Ты с ума сошёл!

На этот раз Элинор не могла с собой совладать и перешла на крик.

Фарид что-то пробормотал во сне, беспокойно провёл рукой по повязке на лбу и повернулся на другой бок. Мо поправил на нём одеяло и снова прислонился к дереву.

— И всё же мы это сделаем, Элинор, — сказал он. — Честное слово, я голову себе сломал, я думал и думал, пока не почувствовал, что схожу с ума. Другого пути нет. А если и это не поможет, я подожгу его проклятую церковь. Я расплавлю его золото, я спалю дотла всю его чёртову деревню. Но я заберу оттуда мою дочь.

Элинор промолчала. Она легла и притворилась, что спит, хотя не могла сомкнуть глаз. На рассвете она убедила Мортимера передать вахту ей, а самому поспать немного. Он быстро заснул. Едва дыхание его стало спокойным и ровным, Элинор стянула с себя дурацкое платье, снова надела свои вещи, причесала растрёпанные волосы и написала ему записку: «Уехала за помощью. Вернусь к полудню. Пожалуйста, ничего не предпринимай до моего возвращения. Элинор».

Она сунула записку в его полураскрытую ладонь, чтобы он нашёл её сразу, как проснётся. Проходя мимо мальчика, она увидела, что куница вернулась. Зверёк свернулся клубком у него под боком и глянул чёрными глазами на Элинор, когда та наклонилась над мальчиком, чтобы поправить сбившуюся повязку. Ей эта противная тварь никогда не нравилась, но мальчик привязался к ней, будто к собаке. Элинор со вздохом выпрямилась.

— Приглядывай за ними, слышишь? — прошептала она и тронулась в путь.

Машина по-прежнему стояла там, где они её спрятали. Спрятана она была хорошо, Элинор сама сперва проскочила нужное место — так густо сплетались ветви вокруг укрытия. Мотор завёлся сразу. С минуту Элинор тревожно прислушивалась, но ничего не было слышно, кроме пения птиц, приветствовавших новый день с таким упоением, как будто он был последним.

До ближайшего посёлка, через который она проезжала с Мортимером, было полчаса езды. Уж конечно, там найдётся полицейский участок.

СОРОКА

Однако они пробудили его от грёз своими речами, своим жестоким, блестящим оружием.

Т. Х. Уайт. Книга Мерлина

(перевод С. Ильина)

Ранним утром Мегги услышала голос Басты в коридоре. Ещё раньше служанка принесла завтрак. Мегги спросила её, что случилось ночью, что это были за выстрелы, но девушка только посмотрела на неё с ужасом, помотала головой и скорее выскочила за дверь. Наверное, она считала Мегги ведьмой. К завтраку Мегги не притронулась.

Фенолио тоже не завтракал. Он писал. Он писал без остановки, исписывал лист за листом, рвал то, что написал, начинал сначала, откладывал в сторонку исписанный лист и тянулся за новым, морщился, рвал его — и начинал все сызнова. Так прошло уже много часов, а неразорванных страниц набралось только три. Всего три. Услышав голос Басты, он поспешно спрятал их под матрац, а порванные затолкал ногой под кровать.

— Мегги, скорее! Помоги мне их собрать! — прошептал он. — Он не должен видеть эти листы, ни одного, понимаешь?

Мегги машинально послушалась, но думала только об одном: зачем пришёл Баста? Может быть, у него есть для неё новости? Может быть, он хочет увидеть, какое будет у неё лицо при известии, что ей незачем больше дожидаться Мо?

Фенолио снова сел за стол и положил перед собой чистый лист, поспешно царапая на нём что-то. В этот момент дверь отворилась.

Мегги задержала дыхание, как будто она могла задержать этим и слова — слова, которые слетят сейчас с языка Басты и разорвут ей сердце.

Фенолио отложил ручку и встал с ней рядом.

— В чём дело? — спросил он.

— Я пришёл за девчонкой, — сказал Баста. — Её вызывает Мортола. — В голосе его звучало раздражение. Он явно считал ниже своего достоинства заниматься такой чепухой.

Мортола? Сорока? Мегги посмотрела на Фенолио. Что бы это значило? Но старик только растерянно пожал плечами.

— Наша голубка должна заглянуть в книгу, которую ей предстоит читать сегодня вечером, — пояснил Баста. — Чтоб она не запиналась, как Дариус, и не испортила дела. — Он нетерпеливым жестом подозвал Мегги: — Да шевелись же ты!

Мегги шагнула было к нему, но остановилась.

— Сперва я хочу узнать, что произошло ночью. Я слышала выстрелы.

Баста улыбнулся.

— Ах, это! — Зубы у него были такие же белые, как рубашка. — Кажется, твой отец хотел тебя навестить, но Кокерель не пустил его в дом.

Мегги так и замерла на месте, словно остолбенела. Баста схватил её за локоть и потащил за собой. Фенолио пытался увязаться за ними, но Баста захлопнул дверь у него перед носом. Фенолио что-то крикнул вслед, но Мегги не расслышала. В ушах у неё так шумело, будто вся её кровь в бешеном порыве билась о барабанную перепонку.

— Ему удалось удрать, если тебя это утешает, — сказал Баста, подталкивая её к лестнице. — Но это, если вдуматься, не так уж важно. Кошки, по которым стреляет Кокерель, тоже иногда уползают, но потом их все равно находят где-нибудь дохлыми.

Мегги из всех сил пнула его по голени и кинулась вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, но Баста быстро её догнал. С перекошенным от боли лицом он схватил её за волосы и подтащил к себе.

— Больше так не делай, милашка, — прошипел он ей в лицо. — Радуйся, что ты сегодня выступаешь в главной роли на нашем празднике, а то бы я свернул твою тонкую шейку тут же на месте.

Мегги больше и не пыталась. Да если б и захотела, то не смогла бы: Баста так и не выпустил её волосы. Он тащил её за собой, как непослушную собаку. У Мегги от боли выступили слёзы на глазах, но она отвернула голову, чтобы Баста этого не видел.

Он привёл её в подвал. В этой части дома она никогда не была. Потолок здесь был низкий, ещё ниже, чем в том застенке, куда сперва заперли её, Мо и Элинор. Стены были выбелены, как в верхней части дома, и так же много было дверей. Большую часть их, похоже, давно не открывали. На некоторых висели тяжёлые замки. Мегги подумала о сейфах, про которые ей рассказывал Сажерук, и о золоте, которое Мо вычитал Каприкорну в церкви. «Они промахнулись, — думала она. — Конечно, промахнулись. Хромоногий совсем не умеет целиться».

Наконец они остановились у одной из дверей. Она была из другого дерева, чем прочие, с красивыми естественными разводами, как тигриный мех. Древесина отливала красным в свете голой электрической лампочки, освещавшей подвал.

Баста тихо сказал Мегги, прежде чем постучать:

— Если ты, голубушка, вздумаешь вести себя с Мортолой так же нагло, как со мной, она подвесит тебя в сетке под потолком церкви, и ты будешь там висеть, пока не начнёшь от голода глодать верёвки. По сравнению с ней сердце у меня мягкое, как у плюшевой игрушки, которую маленьким девочкам кладут в кроватку, чтобы лучше спалось.

Мегги почувствовала на своём лице его пахнущее мятой дыхание. Она, наверное, никогда больше не сможет взять в рот ничего, что пахнет мятой.

Комната Сороки была такого размера, что могла бы служить бальной залой. Стены, красные, как и в церкви, были почти сплошь завешаны картинами в золочёных рамках. Здесь были дома и люди, теснившиеся на стене, как толпа на маленькой площади. В самом центре висел портрет Каприкорна. Он был в такой же золотой раме, но намного крупнее. Художник был так же мало искушён в своём ремесле, как скульптор, сделавший статую Каприкорна в церкви. Лицо Каприкорна на этом портрете было круглее и мягче, чем в действительности, а странно женственный рот висел под слишком коротким и широким носом, как экзотический плод. Только глаза художник сумел передать верно. Совсем как настоящие, они смотрели на Мегги сверху вниз без всякого выражения. Так смотрят на лягушку, которую собираются потрошить, чтобы рассмотреть её внутренности. В деревне Каприкорна она поняла: самое страшное, что может быть написано на человеческом лице, — отсутствие жалости.

Сорока сидела неестественно прямо в зелёном бархатном кресле с высокой спинкой, установленном под портретом сына. По её виду заметно было, что сидеть она не привыкла, — женщина, которая всегда трудилась не покладая рук, без дела чувствует себя неуютно. Но собственное тело, видимо, вынуждало её иногда присесть в это громоздкое, слишком для неё большое кресло. Мегги заметила, как нависают над ступнями её отёкшие щиколотки, как бесформенны ноги ниже острых колен. Сорока поймала её взгляд и оправила подол юбки.

— Он сказал тебе, зачем я тебя вызвала? — Она с трудом поднялась.

Мегги видела, как она оперлась ладонью о стоявший рядом столик и стиснула зубы. Басте радостно было наблюдать её слабость, на губах у него заиграла улыбка, но тут Сорока взглянула на него, и под её ледяным взглядом улыбка тут же погасла. Она нетерпеливо подозвала Мегги. Девочка замешкалась на мгновение, и Баста подтолкнул её в спину.

— Иди сюда, я тебе кое-что покажу.

Сорока медленной, но уверенной походкой подошла к пузатому комоду, слишком тяжёлому для своих изящно изогнутых ножек. На комоде, между двумя бледно-жёлтыми лампами, стояла деревянная шкатулка. Она была сплошь покрыта узором из крошечных дырочек.

Когда Сорока подняла крышку, Мегги отпрянула. В шкатулке лежали две змейки, тонкие, как ящерицы, и не длиннее, чем рука Мегги от локтя до кисти.

— У меня в комнате всегда очень тепло, чтобы они не засыпали, — пояснила Сорока, открывая верхний ящик комода и доставая оттуда перчатку. Перчатка была из прочной чёрной кожи и такая жёсткая, что она с трудом просунула туда узкую руку. — Твой друг Сажерук здорово подвёл Резу, поручив ей искать книгу, — продолжала она, засовывая руку в шкатулку и крепко схватив змейку пониже плоской головы. — Поди сюда, живее! — прикрикнула она на Басту, протягивая ему извивающуюся тварь.

Мегги видела по лицу Басты, как всё его существо восстаёт против этого, но всё же он подошёл и взял змею в руки. Он держал извивающееся чешуйчатое тельце как можно дальше от себя.

— Видишь, Баста не любит моих змеек, — с улыбкой заметила Сорока. — Он их никогда не любил. Впрочем, это не удивительно:

насколько я знаю, Баста, кроме своего ножа, вообще ничего не любит. А ещё он верит, что змеи приносят несчастье, хотя это, конечно, полная чушь.

Мортола протянула Басте вторую змею. Мегги увидела крошечные ядовитые зубы в открывшейся пасти. На мгновение ей стало чуть ли не жалко Басту.

— Ну, что скажешь? Хороший тайник, правда? — Сорока в третий раз сунула руку в шкатулку.

Теперь она достала оттуда книгу. Мегги догадалась бы, что это за книга, даже если бы никогда раньше не видела яркой обложки.

— В этой шкатулке у меня часто хранятся ценные вещи, — продолжала Сорока. — Что в ней лежит, знают только Баста и Каприкорн. Бедная Реза обыскала много комнат, она храбрая женщина, но до моей шкатулки так и не добралась. Хотя она любит змей, я не встречала человека, который боялся бы их меньше. А ведь её змея однажды кусала. Правда, Баста? — Сорока стянула перчатку и бросила на него насмешливый взгляд. — Баста любит пугать змеёй женщин, которые ему отказывают. Но с Резой у него ничего не вышло. Что там была за история? Кажется, она положила её тебе под дверь, Баста?

Баста молчал. Змеи все ещё извивались у него в руках. Одна обвилась хвостом вокруг его локтя.

— Клади их обратно! — приказала Сорока. — Только осторожно. — И она вернулась с книгой в кресло. — Садись! — скомандовала она, указывая на низкий табурет рядом с креслом.

Мегги села. Она незаметно осматривалась по сторонам. Комната Мортолы казалась ей набитым доверху сундуком с сокровищами. Здесь всего было слишком много: золотых подсвечников, ламп, ковров, картин, ваз, фарфоровых статуэток, искусственных цветов и позолоченных колокольчиков.

Сорока поглядела на неё насмешливо. В своём невзрачном чёрном платье она выглядела в большом кресле как кукушка, забравшаяся в гнездо к другой птице.

— Роскошная комната для служанки, правда? — сказала она гордо. — Каприкорн меня ценит.

— Он отвёл тебе жильё в подвале! — возразила Мегги. — А ведь ты его мать.

Почему она не проглотила эти слова? Надо было поймать их и скорее загнать обратно за ограду зубов. Сорока взглянула на неё с такой ненавистью, что Мегги уже ощущала её костлявые пальцы у себя на горле. Но Мортола осталась сидеть и только смотрела на неё неподвижными птичьими глазами.

— Кто тебе сказал? Старый колдун?

Мегги крепко сжала губы и посмотрела на Басту. Он, кажется, ничего не слышал, он как раз укладывал вторую змею в шкатулку. Знал ли он секрет Каприкорна? Мегги не успела поразмышлять об этом — Мортола положила ей на колени книжку.

— Если ты хоть слово скажешь об этом кому бы то ни было здесь или где-нибудь ещё, — прошипела Сорока, — я в следующий раз приготовлю тебе угощение своими руками. Немного экстракта аконита, несколько ягод тиса и, пожалуй, потереть немного цикуты в соус — как ты находишь? Уверяю тебя, после еды ты почувствуешь себя не очень хорошо. А теперь читай.

Мегги посмотрела на книжку, лежавшую у неё на коленях. Тогда, в церкви, в руках Каприкорна она не могла разобрать картинку на обложке. Теперь представился случай рассмотреть её поближе. Фоном служил пейзаж, похожий на подретушированную фотографию холмов вокруг деревни Каприкорна. На фоне пейзажа выступало сердце, чёрное сердце в красных языках пламени.

— Открывай давай! — прикрикнула на неё Сорока. Мегги послушно открыла страницу, начинавшуюся большой буквой К, на которой сидела куница с рожками. Сколько прошло времени с тех пор, как она стояла в библиотеке Элинор и смотрела на ту же страницу? Вечность, целая жизнь?

— Это не та страница. Листай дальше, — приказала Сорока. — До страницы с загнутым уголком.

Мегги молча повиновалась. На этой странице не было картинки, и даже на соседней не было. Она машинально разгладила уголок. Мо терпеть не мог, когда загибают страницы.

— Ты что делаешь? Хочешь, чтобы я потом не смогла найти нужное место? — возмутилась Сорока. — Начинай со второго абзаца, только не вздумай читать вслух. Я не хочу вдруг увидеть Призрака у себя комнате.

— И докуда? Докуда я должна дочитать вечером?

— Почём я знаю? — Сорока нагнулась и почесала левую ногу. — Сколько ты обычно читаешь, чтобы выманить этих фей, оловянных солдатиков и прочую шушеру?

Мегги понурила голову. Бедняжка Динь-Динь.

— Трудно сказать, — пробормотала она. — Бывает по-разному. Иногда всё получается быстро, а иногда только через много страниц или вообще не получается.

— Просмотри всю главу — этого, наверное, хватит? А про «вообще не получается» я даже слышать не хочу. — Сорока почесала другую ногу (ноги у неё были забинтованы, эластичный бинт обрисовывался под тёмными чулками). — Что ты так смотришь? — резко сказала она. — Может быть, вычитаешь мне средство от этого? Может быть, ты знаешь, маленькая ведьма, такую сказку, где найдётся средство от старости и смерти?

— Нет, — сказала Мегги совсем тихо.

— Тогда не глазей на меня, как дура, а смотри в книжку. Внимательно читай каждое слово. Сегодня вечером не должно быть ни одной запинки, заминки, оговорки. Каприкорн должен получить в точности то, чего хочет. Я позабочусь об этом.

Мегги заскользила глазами по строчкам. Она не понимала ни слова из того, что читает, в голове у неё был только Мо и ночные выстрелы. Но она притворилась, что читает, и некоторое время сидела так под пристальным взглядом Мортолы. Потом она подняла голову и закрыла книгу.

— Все, — сказал она.

— Уже? — Сорока недоверчиво уставилась на неё.

Мегги не ответила. Она смотрела на Басту. Тот со скучающим видом облокотился о кресло Мортолы.

— Я не стану читать сегодня вечером, — сказала она. — Ночью вы застрелили моего отца. Мне Баста сказал. Я ничего читать не буду.

Сорока обернулась к Басте.

— Это ещё что такое? — сердито спросила она. — Ты думаешь, девочка будет читать лучше, если ты разобьёшь её глупое сердчишко? Признайся ей, что вы промахнулись. Живее!

Баста опустил глаза, как мальчик, которого мама поймала на нехорошей проделке.

— Да я ей так и сказал, — пробурчал он. — Кокерель плохой стрелок. Её отца даже не задело.

Мегги от облегчения прикрыла глаза. Ей стало тепло и хорошо. Всё было хорошо, а что не было хорошо, то скоро будет! Счастье придало ей смелости.

— И вот ещё что… — сказала она.

Чего бояться? Она им нужна. Только она могла вычитать им Призрака, а больше никто, кроме Мо, но Мо они пока не поймали. Они его и не поймают, пусть не надеются.

— Что такое? — Сорока провела рукой по туго затянутым в пучок волосам. Интересно, как она выглядела раньше, когда ей было столько лет, сколько сейчас Мегги? Неужели у неё всегда были такие узкие губы?

— Я не буду читать, если мне не позволят ещё раз увидеть Сажерука. Прежде чем… — Она не закончила.

— Зачем?

«Чтобы сказать ему, что мы попытаемся его спасти, — думала Мегги. — А ещё потому, что там вместе с ним, наверное, моя мама». Но вслух она этого, конечно, не сказала.

— Я хочу попросить у него прощения, — ответила она. — Он ведь помог нам тогда.

Рот Мортолы искривился насмешливой улыбкой:

— До чего трогательно!

«Я посмотрю на неё ещё раз вблизи, — думала Мегги. — Может быть, это всё же не она. Может быть…»

— А если я откажу? — Сорока смотрела на неё, как кошка, играющая с глупым маленьким мышонком.

Но Мегги ждала этого вопроса.

— Тогда я прикушу язык! — сказала она. — Так прикушу, что он распухнет и вечером я не смогу ничего читать.

Сорока откинулась в кресле и рассмеялась:

— Слыхал, Баста? А малышка-то не так глупа. Баста молча кивнул.

Мортола глядела на Мегги почти приветливо.

— Я хочу сказать тебе одну вещь. Твоё глупое пожелание я исполню. А вот что касается чтения сегодня вечером — взгляни-ка на мои фотографии.

Мегги огляделась по сторонам.

— Посмотри на них хорошенько. Видишь все эти лица? Каждый из этих людей в своё время поссорился с Каприкорном — и с тех пор ни об одном из них больше не слыхали. Домов, которые ты видишь на этих фотографиях, тоже больше нет, ни один не уцелел, все их пожрал огонь. Сегодня вечером, когда будешь читать, вспомни эти фотографии, маленькая ведьма. И если ты начнёшь запинаться или вздумаешь вовсе молчать, скоро и твоё лицо будет глядеть здесь из такой же красивой золотой рамки. А если справишься со своей задачей как следует, мы отпустим тебя к отцу. Почему бы и нет? Если сегодня вечером ты будешь читать, как ангел, ты увидишь его снова. Мне рассказывали, что твой голос превращает всякое слово в бархат и шёлк, в плоть и кровь. Вот так и читай, а не дрожа и запинаясь, как этот болван Дариус. Поняла?

Мегги взглянула ей прямо в лицо.

— Поняла, — сказала она тихо, хотя ни минуты не сомневалась, что Сорока лжёт.

Они никогда не отпустят её к Мо. Придётся уж ему самому за ней прийти.

ГОРДОСТЬ БАСТЫ И ХИТРОСТЬ САЖЕРУКА

— А вообще-то интересно, попадём мы в сказку или песню? Ну да, конечно, мы и сейчас, но я не о том, а знаете: все чтоб словами рассказано, вечерком у камина, или ещё лучше — прочитано вслух из большой такой книжищи с красными и чёрными буквицами, через много-много лет. Отец усядется и скажет: «А ну-ка, почитаем про Фродо и про Кольцо!» А сын ему: «Ой, давай, папа, это же моя любимая история!»

Дж. Р. Р. Толкиен. Властелин Колец

(перевод В. Муравьёва)

Баста непрерывно бранился, пока тащил Мегги через площадь к церкви.

— Прикусишь язык? С каких пор старуха поддаётся на такие штуки? И кто теперь должен вести наглую девчонку в склеп? Баста, кто же ещё? Я здесь вообще кто? Единственная мужская прислуга?

— Склеп?

Мегги думала, что пленники все ещё висят в сетках, но, войдя в церковь, они никого не увидели. Баста торопливо волочил её за собой дальше сквозь строй колонн.

— Да, склеп! — рявкнул он на неё. — Там сложены у нас мертвецы и те, кто скоро ими станет. Вот спуск. Да поживей, у меня есть дела поважнее, чем нянчить дочурку Волшебного Языка.

Спуск, на который он показал, вёл круто вниз, в темноту. Ступеньки были стёртые и разной высоты, так что Мегги на каждом шагу спотыкалась. Внизу было так темно, что Мегги не сразу заметила, что лестница кончилась, и пыталась нащупать ногой следующую ступеньку, когда Баста пинком подтолкнул её вперёд. Она услышала его брань:

— Это ещё что такое? Почему чёртов фонарь опять погас?

Чиркнула спичка, и из мрака возникло лицо Басты.

— Гости к тебе, Сажерук, — насмешливо объявил он, зажигая фонарь. — Дочурка Волшебного Языка хочет с тобой попрощаться. Её отец затащил тебя в этот мир, а дочка позаботится о том, чтобы сегодня вечером ты его покинул. Я бы её сюда не пустил, но Сорока стала уж больно добренькой на старости лет. Похоже, ты нравишься малышке. Интересно чем? Вряд ли красотой лица!

Смех Басты раскатился в сырых стенах мерзким эхом.

Мегги подошла к решётке, за которой стоял Сажерук. Она быстро взглянула на него и перевела взгляд дальше, за его плечо. Служанка Каприкорна сидела на каменном саркофаге. Даже в скудном свете фонаря Басты лицо её можно было узнать. Это было лицо с фотографии Мо. Только волосы стали темнее и улыбка погасла.

Когда Мегги подошла к решётке, её мама подняла голову и смотрела на неё не отрываясь, как будто во всём мире для неё больше ничего не существовало.

— Мортола пустила её сюда? — сказал Сажерук. — Прямо не верится.

— Малышка пригрозила, что прикусит себе язык.

Баста всё ещё стоял на лестнице. Он сжимал в кулаке кроличью лапку, которую носил на шее как амулет.

— Я хотела попросить у тебя прощения. — Мегги обращалась к Сажеруку, но смотрела при этом на мать, которая всё ещё сидела на саркофаге.

— За что? — Сажерук улыбнулся своей странной улыбкой.

— За сегодняшний вечер. За то, что я всё-таки буду читать.

Как рассказать им обоим о плане Фенолио? Ну как?

— Ну ладно, прощения ты попросила, — сказал Баста с нетерпением. — Пойдём, здесь так сыро, что голосок твой совсем охрипнет.

Но Мегги даже не обернулась. Она изо всех сил вцепилась в решётку.

— Нет, — сказала она. — Я хочу побыть ещё. — Может быть, ей придёт наконец что-нибудь в голову, какая-нибудь фраза, не вызывающая подозрений. — Я тут ещё кое-что вычитала, — сказала она Сажеруку. — Оловянного солдатика.

— Правда? — Сажерук снова улыбнулся. Странно, сейчас его улыбка не показалась ей ни загадочной, ни надменной. — Значит, сегодня вечером все наверняка пройдёт отлично, да?

Он пристально посмотрел на неё, и Мегги попыталась глазами сказать ему: «Мы вас спасём! Всё будет не так, как задумал Каприкорн! Честное слово!»

Сажерук внимательно вглядывался в её лицо, стараясь понять. Он вопросительно поднял брови. Потом взглянул на Басту.

— Эй, Баста, как поживает фея? — спросил он. — Она ещё жива или уже не выдержала твоего присутствия и померла?

Мегги глядела, как мать подходит ближе осторожными, робкими шагами, будто ступает по битому стеклу.

— Ещё жива, — недовольно буркнул Баста. — Звенит без конца, так что спать невозможно. Если так будет продолжаться, я попрошу Плосконоса свернуть ей шею. Он это ловко делает с голубями, которые ему всю машину загадили.

Мегги увидела, как мать незаметно достала из кармана платья бумажку и вложила в ладонь Сажеруку.

— За это вам обоим самое малое десять лет счастья не видать, — заверил его Сажерук. — Можешь мне поверить. Уж в феях-то я разбираюсь. Эй, что это у тебя за спиной?

Баста обернулся, как ужаленный. Молниеносным движением Сажерук просунул руку сквозь решётку и вложил записку в ладонь Мегги.

— Чёрт! — выругался Баста. — Только попробуй ещё раз, я тебе… — Он повернулся как раз в тот момент, когда пальцы Мегги сжимались вокруг клочка бумаги. — Смотри-ка, записка!

Мегги изо всех сил сжимала кулак, но Баста без труда разогнул её пальцы. Потом он уставился на крошечные буквы, написанные её матерью.

— А ну, читай! — рявкнул он и ткнул ей в лицо записку.

Мегги отрицательно покачала головой.

— Читай! — Баста угрожающе понизил голос. — Или хочешь получить на морде такой же красивый узор, как у этого твоего дружка?

— Да прочти уж, Мегги, — сказал Сажерук. — Этот подонок и так знает, что я без хорошего вина жить не могу.

— Вина? — Баста расхохотался. — Ты просил девчонку раздобыть тебе вина? А где ж она его возьмёт?

Мегги смотрела на записку. Она запоминала каждое слово, пока не выучила все наизусть. «Девять лет — это очень много. Я каждый год отмечала твой день рождения. Ты ещё красивее, чем я себе представляла».

Она услышала смех Басты.

— Да, это на тебя похоже, Сажерук, — сказал он. — Ты надеешься утопить свой страх в вине. Но для этого тебе сейчас и целой бочки не хватит.

Сажерук пожал плечами.

— Попытка не пытка, — сказал он.

Наверное, при этом у него был слишком довольный вид. Баста нахмурился и пристально посмотрел в испещрённое шрамами лицо.

— С другой стороны, — медленно произнёс он, — ты всегда был хитрой лисой. Не многовато ли тут букв для бутылки вина? Как ты думаешь, милашка? — Он снова сунул записку Мегги под нос. — Ты мне сама её прочтёшь или пойти показать Сороке?

Мегги выхватила записку так быстро, что успела спрятать руку за спину, а Баста ещё смотрел на свои пустые пальцы.

— А ну отдай, маленькая стерва! — зашипел он в ярости. — Давай сюда записку, а то я тебе пальцы вместе с ней отрежу.

Но Мегги отступила на шаг и прижалась спиной к решётке.

— Нет! — крикнула она и одной рукой вцепилась в прутья у себя за спиной, а другой прижала к ним записку.

Сажерук смекнул сразу. Она почувствовала, как он вытянул бумажку из её пальцев.

Баста так ударил её по лицу, что она стукнулась головой о решётку. Кто-то сзади погладил её по волосам. Оглушённая, она обернулась и увидела прямо перед собой лицо матери. «Сейчас он заметит, — подумала она, — сейчас он обо всём догадается». Но Баста смотрел только на Сажерука, который из-за решётки размахивал у него перед носом запиской, как червяком перед голодной птичкой.

— Ну как? — Сажерук отступил на шаг в глубь камеры. — Зайдёшь ко мне или будешь дальше драться с девочкой?

Баста застыл на месте, как ребёнок, которому вдруг ни с того ни с сего дали затрещину. Потом он схватил Мегги за локоть и подтащил к

себе. Девочка почувствовала на горле прикосновение чего-то холодного. Она и не видя догадывалась, что это.

Её мать вскрикнула и ухватилась за Сажерука. Но он только выше приподнял записку.

— Я так и знал! — сказал он. — Ты трус, Баста. Легче приставить ребёнку нож к горлу, чем зайти ко мне сюда. Вот если бы с тобой был Плосконос — широкая спина и здоровые кулаки, — тогда другое дело, но его здесь нет. Ну, заходи же, у тебя ведь нож! А я с голыми руками — и мне их, как ты знаешь, всегда было жалко на драки.

Мегги почувствовала, как разжимаются руки Басты. Клинок уже не впивался ей в кожу. Она сглотнула и потрогала горло. Ей казалось, что на руке должна остаться кровь, но крови не было. Баста отпихнул её с такой силой, что девочка покачнулась и упала на сырой каменный пол. Потом он сунул руку в карман и извлёк оттуда связку ключей. От ярости он задыхался, как будто перед этим долго и быстро бежал. Дрожащими пальцами он вставил ключ в замочную скважину.

Сажерук наблюдал за ним с невозмутимым видом. Он кивнул матери Мегги, чтобы она отошла от решётки подальше, и сам отступил на несколько шагов с изяществом танцора. По лицу его нельзя было понять, боится он или нет, только шрамы выступали на коже ярче обычного.

— Это что такое? — сказал он, когда Баста вошёл в камеру, наставив на него нож. — Убери эту штуку. Если ты меня убьёшь, ты испортишь Каприкорну все удовольствие. Вряд ли он тебе это простит.

Да, он боялся. Мегги слышала это по голосу. К тому же он говорил слишком быстро.

— Зачем же убивать? — прошипел Баста, закрывая за собой дверь камеры.

Сажерук отступил к каменному саркофагу.

— А, ты решил добавить мне узоров на лице? — Он говорил тихо, почти шёпотом. Но теперь в его голосе было что-то новое: ненависть, отвращение, ярость. — Не думай, что это будет так же просто, как в прошлый раз, — проговорил он. — Я с тех пор выучился кое-чему полезному.

— Да что ты говоришь? — Баста стоял уже в шаге от него. — Чему бы это? Твоего друга огня здесь нет, так что он тебе не поможет. И даже твоя вонючая куница далеко.

— Я имел в виду слова! — Сажерук прикоснулся к саркофагу. — Я тебе не рассказывал? Феи научили меня насылать проклятие. Они пожалели меня за исполосованное лицо, они знают, как плохо я умею драться. Я тебя проклинаю, Баста! Клянусь костями мертвеца в этом гробу. Бьюсь об заклад, там давно уже лежит не какой-то священник, а один из тех, кто попался вам в руки и исчез, правда?

Баста промолчал, но его молчание было красноречивее всяких слов.

— Ну конечно. Эти старые гробы — отличный тайник. — Сажерук провёл ладонью по треснувшей крышке, словно надеялся теплом руки вернуть мертвеца к жизни. — Его дух будет терзать тебя, Баста. — Сажерук произнёс это, как заклинание. — Он будет на каждом шагу нашёптывать тебе на ухо моё имя…

Мегги видела, как Баста схватился за кроличью лапку.

— Эта штука тебе не поможет! — Сажерук не убирал ладони с саркофага. — Баста, бедняжка! У тебя уже начинается жар? И дрожь в руках и ногах?

Баста замахнулся ножом в его сторону, но Сажерук легко увернулся.

— Отдай мне записку, которую ты дал девчонке! — Баста выкрикнул ему это прямо в лицо, но Сажерук невозмутимо положил записку в брючный карман.

Мегги будто приросла к месту. Краем глаза она видела, как её мама сунула руку в карман платья. Она достала оттуда серый камешек размером чуть больше перепелиного яйца.

Сажерук провёл ладонями по крышке саркофага и выставил их навстречу Басте.

— Потрогать тебя ими? — спросил он. — Что будет, если потрогать гроб, в котором лежит убитый? Скажи-ка. Ты ведь в этих вещах разбираешься.

Он снова отступил в сторону, словно обходя партнёра в танце.

— Я обрежу твои вонючие руки, если ты до меня дотронешься! — прорычал Баста, побагровев от гнева. — Я обрежу тебе пальцы по одному, а потом доберусь и до языка.

Он ещё раз сделал выпад в его сторону, разрезав воздух блестящим клинком, но Сажерук снова увернулся. Он все быстрее танцевал вокруг Басты, изгибался, отступал и снова приближался, но

неожиданно сам загнал себя в ловушку этим отчаянным танцем. За ним была только голая стена, справа от него — решётка, а прямо на него шёл Баста.

В этот момент мать Мегги подняла руку. Камешек попал Басте в голову. Он удивлённо обернулся, посмотрел на неё, словно пытаясь вспомнить, кто она такая, и пощупал голову в том месте, откуда сочилась кровь. Мегги не успела заметить, что сделал Сажерук, но только нож Басты вдруг оказался у него в руках. Баста смотрел на знакомый клинок ошарашенно, как будто не мог взять в толк, что тот коварно обратился против своего хозяина.

— Ну как, приятно? — Сажерук медленно подвёл остриё ножа к животу Басты. — Чувствуешь, какое мягкое у тебя тело? Человеческое тело — вещь хрупкая, и заменить его нечем. Как вы там поступаете с кошками и белками? Плосконос обожает про это рассказывать…

— Я не охочусь за белками. — Голос Басты звучал хрипло. Багровый румянец гнева сбежал с его лица.

Страх не бывает румяным. Страх бледен, как лицо мертвеца. — Что ты собираешься делать? — с трудом выговорил он. Он дышал тяжело, словно его душило что-то. — Думаешь, тебе удастся живым уйти из деревни? Они пристрелят тебя раньше, чем ты перейдёшь площадь.

— Ну, это всё же лучше, чем встреча с Призраком, — возразил Сажерук. — Кроме того, все они из рук вон плохо стреляют.

Мать Мегги подошла к нему. Она сделала пальцем движение, будто пишет по воздуху. Сажерук достал из кармана записку и дал ей. Баста следил за бумажкой глазами, как будто хотел взглядом притянуть её к себе. Реза что-то написала на ней и вернула Сажеруку. Он наморщил лоб и стал читать.

— Подождать, пока стемнеет? Нет, я не хочу ждать. Но девочке, может быть, лучше остаться здесь. — Он посмотрел на Мегги. — Ей Каприкорн ничего не сделает. Она ведь его новый Волшебный Язык. А потом придёт её отец и заберёт её. — Сажерук сунул записку обратно в брючный карман и провёл остриём ножа вдоль пуговиц на рубашке Басты — пуговицы лязгали от прикосновения металла. — Иди к лестнице, Реза, — сказал он. — Я закончу здесь это дельце, а потом мы пойдём восвояси через площадь, как обычная влюблённая парочка.

Реза нерешительно открыла дверь камеры. Она вышла из-за решётки и взяла Мегги за руку. Пальцы у неё были холодные и немного шершавые — чужие пальцы, зато лицо было знакомое, хотя на фотографии оно выглядело моложе и не таким озабоченным.

— Реза! Мы не можем взять её с собой! — Сажерук схватил Басту за локоть и прижал его спиной к стене. — Её отец убьёт меня, если её там застрелят. А теперь отвернись и прикрой ей глаза — ты же не хочешь, чтобы она видела…

Нож дрогнул в его руке. Реза с ужасом посмотрела на него и резко помотала головой, но Сажерук притворился, что не замечает её.

— Бей посильнее, Грязнорук! — прошипел Баста, вцепляясь руками в каменную стену позади себя. — Убивать — не такое простое дело. Чтобы делать его хорошо, нужен опыт.

— Чушь! — Сажерук схватил его за куртку и завёл ему под подбородок нож, как сделал Баста с Мо тогда, в церкви. — Каждый дурак может убить. Это так же легко, как бросить книгу в огонь, ударом ноги распахнуть дверь или напугать ребёнка.

Мегги начала бить дрожь — почему, она сама не знала. Мать её шагнула было к решётке, но, увидев окаменевшее лицо Сажерука, замерла на месте. Потом она повернулась, притянула голову Мегги к себе на грудь и крепко обняла её. Её запах напомнил Мегги что-то давно забытое, она прикрыла глаза и попыталась ни о чём не думать: ни о Сажеруке, ни о ноже, ни о побелевшем лице Басты… А потом на несколько страшных мгновений у неё осталось только одно желание — увидеть Басту мёртвым на сыром каменном полу, неподвижным, как сломанная кукла, безобразный, бессмысленный предмет, всегда немного страшный… Нож приблизился вплотную к белой рубашке Басты, как вдруг Сажерук вытянул связку ключей у него из кармана и отступил на шаг.

— Что поделаешь, ты прав: я не умею убивать, — сказал он, пятясь прочь из камеры. — И не стану ради тебя учиться.

По лицу Басты расплылась злорадная улыбка, но Сажерук не обратил на это внимания. Он запер решётку, взял Резу за руку и потянул её к лестнице.

— Пусти её! — сказал он, видя, что она не выпускает Мегги из объятий. — Честное слово, ей ничего не грозит, а взять её с собой мы не можем!

Но Реза только покачала головой, обнимая Мегги за плечи.

— Эй, Сажерук! — крикнул Баста. — Я знал, что ты не ударишь. Отдай мой нож. Тебе от него все равно проку не будет.

Сажерук не слушал его.

— Они убьют тебя, если ты останешься, — сказал он, но руку Резы не выпустил.

— Эй, вы, там наверху! — заорал Баста. — Сюда! Тревога! Узники пытаются сбежать!

Мегги с ужасом посмотрела на Сажерука.

— Что же ты не заткнул ему рот?

— А чем, принцесса? — откликнулся Сажерук. Реза притянула Мегги к себе и погладила по голове.

— Пристрелят, пристрелят, они вас пристрелят! — Баста захлёбывался криком. — Эй-эй-эй! Тревога! — выкрикнул он ещё раз, изо всех сил тряся решётку.

Наверху послышались шаги. Сажерук в последний раз взглянул на Резу. Потом тихонько чертыхнулся, повернулся и бросился наверх по стёртым ступеням.

Звука открываемой наверху двери Мегги не слышала. Все заглушал непрерывный крик Басты. В отчаянии она бросилась к нему, ей хотелось ударить его сквозь решётку прямо в орущую физиономию.

Потом снова послышались шаги, приглушённые крики… Что же им теперь делать? Кто-то торопливо спускался по лестнице. Сажерук? Но из темноты возникло совсем другое лицо — это был Плосконос. За ним со ступенек сбежал ещё один чернокурточник, совсем мальчишка на вид, с круглым безбородым лицом. Однако он тут же наставил ружьё на Мегги и её мать.

— Эй, Баста, как ты попал за решётку? — недоуменно спросил Плосконос.

— Выпусти меня, остолоп чёртов! — заорал на него Баста сквозь прутья решётки. — Сажерук смылся!

— Сажерук! — Плосконос утёр лицо рукавом. — Значит, ты был-таки прав, юнец. Баста, этот малый только что подбежал ко мне и сказал, что видел Огнежора наверху за колонной.

— И ты за ним не погнался? Ты что, действительно такой кретин, как кажешься? — Баста притиснул лицо к решётке, как будто надеялся пролезть сквозь прутья.

— Эй, думай, что говоришь, понял? — Плосконос подошёл к решётке и с явным удовольствием уставился на Басту. — Стало быть, Грязнорук снова тебя положил на обе лопатки. Каприкорну это, боюсь, не понравится.

— Пошли за ним погоню! — рявкнул Баста. — А то скажу Каприкорну, что ты его выпустил.

Плосконос достал из кармана носовой платок и обстоятельно высморкался.

— Да неужели? А кто сидит на его месте за решёткой — я или ты? Далеко ему не уйти. У нас на автостоянке двое часовых, на площади ещё трое, а его лицо ни с чем не спутаешь, уж об этом ты позаботился, правда? — И он засмеялся своим лающим смехом. — Знаешь, я, кажется, начинаю привыкать к этому зрелищу. Ты отлично смотришься за решёткой. Не нагличаешь и не машешь ножом у людей перед носом.

— Да отопрёшь ты, наконец, эту чёртову дверь? — заорал Баста. — Или я должен сперва подкоротить твой уродский нос?

Плосконос скрестил руки.

— Я не могу её отпереть, — заметил он скучливым голосом. — Сажерук захватил ключи с собой. Или ты их где-нибудь тут видишь?

Он вопросительно обернулся к юноше, который всё ещё держал под прицелом Мегги и её мать. Тот отрицательно покачал головой. Плосконос ухмыльнулся во все своё расплющенное лицо.

— Вот, он их тоже не видит. Что ж, придётся сходить к Мортоле. Может быть, у неё есть запасной ключ.

— Прекрати ухмыляться! — крикнул Баста — А то я тебе губы обрежу!

— Да что ты говоришь! Что-то я не вижу твоего ножичка. Неужто Сажерук снова его у тебя увёл? Если так пойдёт дальше, у него скоро соберётся целая коллекция! — Плосконос повернулся к Басте спиной и сказал, указывая на соседнюю камеру: — Запри туда женщину и сторожи её, пока я схожу за ключами. Но сперва я отведу на место малышку Волшебный Язык.

Мегги попыталась отбрыкиваться, когда он потащил её за собой, но Плосконос просто приподнял её и перекинул через плечо.

— А что девчонка тут, собственно говоря, делала? — спросил он. — Каприкорн в курсе?

— Спроси Сороку, — фыркнул Баста.

— Я уж лучше обойдусь, — пробурчал Плосконос, топая с Мегги по ступенькам.

Она успела увидеть, как юноша дулом винтовки заталкивает её мать в другую камеру, а потом перед глазами у неё остались только ступеньки, церковь, пыльная площадь, через которую Плосконос тащил её, как мешок картошки.

— Будем надеяться, что голосок у тебя не такой тоненький, как ты сама, — хмыкнул он, снова ставя её на ноги перед комнатой, где держали их с Фенолио. — А то Призраку нас сегодня вечером получится чахоточный!

Мегги промолчала.

Когда Плосконос отпер дверь, она молча проскользнула мимо Фенолио, залезла на свою кровать и уткнулась лицом в свитер Мо.

ЭЛИНОР НЕ ПОВЕЗЛО

Описав точное местонахождение полицейского участка и присовокупив многочисленные указания, как пройти переулком, пересечь двор, подняться по лестнице к двери по правую руку и, войдя в комнату, снять шляпу, Чарли Бейтс предложил ему проститься и быстро идти дальше и обещал ждать его возвращения там, где они расстались.

Ч. Диккенс. Оливер Твист

(перевод А. Кривцовой)

Элинор ехала больше часа, пока добралась до посёлка, где был полицейский участок. До моря было ещё далеко, но холмы становились всё более пологими, и по склонам их рос виноград, а не густой лес, как вокруг деревни Каприкорна. День обещал быть невыносимо жарким, даже жарче, чем предыдущие, это уже чувствовалось. Выйдя из машины, Элинор услышала отдалённые раскаты грома. Небо над домами было пока синее, но синь была тёмная, как в морской пучине. Не сулящая ничего доброго…

«Не будь дурой, Элинор! — думала она, подходя к бледно-жёлтому зданию, где находился полицейский участок. — Будет гроза, вот и всё. Неужели ты стала суеверной, как этот Баста?»

В тесной комнатке сидели двое полицейских. Их форменные кители висели на спинках стульев. В комнате стояла такая духота, что воздух, казалось можно резать ножом, хотя под потолком крутился большой вентилятор.

Тот, что помоложе, широколицый и курносый, как мопс, поднял Элинор на смех, даже не дав ей договорить. Он спросил, почему она такая красная. Может, ей уж слишком нравится местное вино? Элинор чуть не сбросила его со стула, но второй полицейский её успокоил. Это был худой, высокий парень с грустными глазами и тёмными волосами, редеющими надо лбом.

— Прекрати! — сказал он коллеге. — Дай ей хотя бы договорить.

Пока Элинор рассказывала о деревне Каприкорна и его чернокурточниках, лицо его оставалось неподвижным; когда она упомянула о поджогах и дохлых петухах, он нахмурился, а когда она добралась до Мегги и намеченной казни, изумлённо поднял брови. О книге и о том, как именно должна была совершиться казнь, она, конечно, упоминать не стала. Она и сама две недели назад не поверила бы ни одному слову в этой истории.

Когда Элинор закончила свой рассказ, полицейский некоторое время молчал. Он аккуратно расставил по местам лежавшие на столе карандаши, сложил в стопку разложенные перед ним бумаги, а потом задумчиво посмотрел на неё.

— Я слышал об этой деревне, — сказал он.

— Конечно, кто ж о ней не слышал, — насмешливо сказал второй. — Деревня дьявола, проклятая деревня, которую даже змеи оползают стороной. Стены церкви выкрашены кровью, а по улицам ходят чёрные люди, а на самом деле это не люди, а тени умерших, и в карманах у них огонь. Стоит подойти слишком близко, и человек растворяется в воздухе. Ох!

Он заложил руки за голову.

Элинор смерила его ледяным взглядом. Первый полицейский улыбнулся, но потом со вздохом поднялся, натянул форменный китель и сделал знак Элинор следовать за ним.

— Я хочу взглянуть, что там происходит, — бросил он через плечо.

— Тебе, видно, больше делать нечего! — крикнул ему вслед второй и рассмеялся так громко, что Элинор захотелось вернуться и всё-таки сбросить его со стула.

Через несколько минут она уже ехала на переднем сиденье полицейской машины по той же извилистой дороге между холмами, которая привела её сюда. «Боже мой, ну почему я не сделала этого раньше? — твердила она про себя. — Теперь всё будет хорошо. Никого не застрелят и не казнят, Мегги вернётся к своему отцу, Мортимер снова будет вместе с дочерью. Да, всё будет хорошо. Спасибо Элинор!» Ей хотелось петь, плясать (хотя она этого не умела). Никогда в жизни не была она так довольна собой. Пусть теперь кто-нибудь скажет, что она ничего не понимает в реальной жизни!

Полицейский рядом с ней молчал. Он глядел только на дорогу, оставляя позади поворот за поворотом на такой скорости, что у Элинор каждый раз ёкало сердце, и иногда в задумчивости теребил себя за мочку уха. Похоже, дорога была ему знакома. Ни на одном перекрёстке он не задумался, ни на одной развилке не сбился с дороги. Элинор невольно вспомнила, как бесконечно долго они с Мо искали эту деревню, и вдруг ей пришла тревожная мысль.

— Их там много, — сказала она неуверенно, когда они в очередной раз въехали в поворот на такой скорости, что колёса с левой стороны, казалось, нависли над обрывом. — У Каприкорна много молодцов. Причём вооружённых, хотя стреляют они не особенно хорошо. Может быть, вам следовало бы попросить подкрепления?

Она видела такое в фильмах, в этих дурацких фильмах с преступниками и полицейскими. Там всегда просили подкрепления.

Полицейский пригладил редеющие волосы и кивнул в знак того, что он и сам об этом думал.

— Конечно, конечно, — сказал он, с отсутствующим видом берясь за рацию. — Подкрепление не помешает. Но ему следует оставаться на расстоянии. Мы ведь пока собираемся только задать несколько вопросов.

Он вызвал по рации подкрепление из пяти человек. Элинор показалось, что этого маловато против банды Каприкорна, но всё же лучше, чем ничего, и, уж конечно, лучше, чем отчаявшийся отец, арабский мальчик и дородная собирательница книг.

— Вот она! — сказала Элинор, когда вдали, неприметно серая среди тёмной зелени, показалась деревня Каприкорна.

— Да, я так и думал, — ответил полицейский и с этой минуты не проронил больше ни слова.

Когда он коротким кивком приветствовал часового на автостоянке, Элинор просто не хотелось предполагать дурное. И только когда он уже оказался вместе с ней в церкви с красными стенами и вручил её Каприкорну, как найденную вещь законному владельцу, ей пришлось сознаться самой себе: ничего хорошего не будет. Теперь всё пропало, а она была такой дурой, такой невероятной дурой…

— Эта дама рассказывает о вас нехорошие вещи, — говорил полицейский, стараясь не глядеть на Элинор. — Она что-то говорила о похищении ребёнка. Это уже совсем другое дело, чем поджог…

— Это чушь, — равнодушно ответил Каприкорн на невысказанный вопрос. — Я люблю детей — издалека. Иначе они только мешают работе.

Полицейский кивнул, глядя себе на руки с глубоко несчастным видом.

— Она ещё говорила что-то о казни…

— Правда? — Каприкорн взглянул на Элинор, словно поражённый такой силой воображения. — Ты ведь знаешь, мне это не нужно. Мои люди делают, что приказано, и у меня нет необходимости прибегать к жёстким мерам.

— Конечно, — пробормотал полицейский, кивая. — Конечно.

И он заспешил восвояси. Когда затихли его торопливые шаги, Кокерель, сидевший всё время на ступенях, рассмеялся:

— У него ведь трое малышей? Надо бы предписать всем полицейским иметь маленьких детей. С этим было особенно легко, Баста только раза два прошёлся перед школой. Что будем делать? Может, зайти к нему домой на всякий случай? Освежить впечатление?

Он вопросительно посмотрел на Каприкорна, но тот покачал головой:

— Не стоит. Давай лучше подумаем, что нам делать с нашей гостьей. Как мы поступаем с теми, кто рассказывает о нас небылицы?

Под взглядом бесцветных глаз у Элинор подогнулись колени. «Если бы Мортимер предложил сейчас вчитать меня в какую-нибудь книгу, — подумала она, — я бы согласилась. Я бы даже не стала особо привередничать».

За спиной у неё стояли ещё трое или четверо молодцов Каприкорна, так что бежать было бессмысленно. «Что ж, Элинор, тебе остаётся только с достоинством принять свою участь!» — подумала она.

Но это было много легче в книжках, чем на деле.

— Склеп или хлев? — спросил Кокерель, подходя к ней.

«Склеп? — подумала Элинор. — Сажерук, кажется, что-то такое говорил… Во всяком случае, ничего хорошего…»

— Склеп? Почему бы нет? Всё равно её придётся убрать, а то неизвестно, кого она приведёт в следующий раз. — Каприкорн зевнул, прикрывая рот рукой. — Значит, у Призрака будет сегодня вечером больше работы. Он будет только рад.

Элинор хотела сказать что-нибудь смелое, героическое, но язык её не слушался. Он лежал во рту, как онемелый. Кокерель дотащил её уже до этой нелепой статуи, когда Каприкорн позвал его обратно.

— Я забыл расспросить её о Волшебном Языке, — сказал он. — Спроси, не знает ли она случайно, где он?

— Давай выкладывай! — рявкнул Кокерель, хватая её сзади за шею, как будто хотел вытрясти из неё ответ. — Где он прячется?

Элинор стиснула зубы. «Быстрее, Элинор, быстрее, соображай!» И вдруг язык снова стал ей повиноваться.

— Что меня спрашивать? — бросила она в лицо Каприкорну, который по-прежнему сидел в своём кресле бледный, как будто его слишком долго стирали, как будто его выбелило солнце, нещадно палившее на площади. — Ты знаешь об этом лучше всякого другого. Твои люди застрелили его вместе с мальчиком!

«А теперь взгляни на него, Элинор, — думала она. — Прямо в глаза, как ты смотрела когда-то на отца, когда он заставал тебя с книгой, которую тебе читать не разрешалось. Хорошо бы ещё немножко всплакнуть. Давай-давай, вспомни свои книги, свои сожжённые книги! Вспомни прошлую ночь, страх и отчаяние, а если и это не поможет, ущипни себя посильнее!»

Каприкорн пристально смотрел на неё.

— Вот видишь! — воскликнул Кокерель. — Я же говорил, что мы в него попали!

Элинор все ещё не сводила глаз с Каприкорна, расплывавшегося за пеленой её притворных слёз.

— Посмотрим, — медленно проговорил он. — Мои люди прочёсывают холмы в поисках сбежавшего узника. Ты, наверное, не откажешься мне сказать, где им искать трупы?

— Я их похоронила и, уж конечно, не скажу где. — Элинор почувствовала, как по носу у неё стекает слеза. «Клянусь всеми буквами алфавита! — подумала она. — В тебе пропадает актриса, Элинор!»

— Значит, похоронила.

Каприкорн поигрывал кольцами на левой руке. Их было целых три, и он, хмурясь, поправлял их, как будто они покинули пост без его разрешения.

— Поэтому я и пошла в полицию, — сказала Элинор. — Чтобы отомстить за них. За них и за мои книги.

Кокерель рассмеялся:

— Книги тебе хоронить не пришлось, правда? Как же они здорово горели, как первосортные дрова, а страницы в них при этом дрожали, как бледные пальчики.

Он пошевелил кистями рук, изображая, как это было. Элинор ударила его по лицу со всей силы — а сила у неё была немалая. У Кокереля из носу потекла кровь. Он утёр её рукавом и с изумлением воззрился на красные пятна, как будто не ожидал, что из него может вдруг политься что-то такое яркое.

— Нет, ты только взгляни! — сказал он, показывая Каприкорну измазанный кровью палец. — Вот увидишь, у Призрака будет с ней больше хлопот, чем с Бастой.

Он взял её за локоть и потащил, но Элинор шагала рядом с ним не отставая и с гордо поднятой головой. Только увидев лестницу с крутыми ступенями, уходившими в бездонную чёрную дыру, она на мгновение потеряла присутствие духа. «Ну конечно, склеп, — подумала она, — место для обречённых». Здесь и пахло соответственно — плесенью, сыростью, смертью.

Элинор сперва глазам своим не поверила, увидев прижавшееся к решётке худое лицо Басты. Она-то думала, что ослышалась на последних словах Кокереля. Но нет, вот он, Баста, сидит здесь, как зверь, в клетке, с тем же страхом и отчаянием в глазах. Появление Элинор не произвело на него никакого впечатления. Он смотрел невидящим взглядом сквозь неё и Кокереля, словно они были невидимками вроде тех, кого он всегда так боялся.

— Что он тут делает? — спросила Элинор. — Вы уже сажаете друг друга?

Кокерель пожал плечами.

— Сказать ей? — спросил он Басту, но тот не ответил и по-прежнему глядел на них тем же пустым взором. — Сперва он упустил Волшебного Языка, а теперь ещё и Сажерука. Так, конечно, можно испортить отношения с шефом, даже если воображаешь себя его любимчиком. А поджигать ты уже много лет как разучился.

Он бросил на Басту полный злорадства взгляд.

«Госпожа Лоредан, вам пора подумать о завещании, — вздохнула Элинор, пока Кокерель подталкивал её к соседней камере. — Уж если Каприкорн собирается прикончить своего вернейшего пса, то с вами он и подавно церемониться не будет».

— Эй, гляди веселей! — крикнул Кокерель Басте, выуживая из кармана ключи. — Ты всё-таки в компании двух женщин.

Баста упёрся лбом в решётку.

— Вы так и не поймали Огнежора? — спросил он без всякого выражения.

Голос его звучал так, словно охрип от крика.

— Нет, зато эта толстуха говорит, что мы всё же прихлопнули Волшебного Языка. Он мертвехонек, если ей верить. Видимо, Плосконос-таки в него попал. Не зря же он столько упражнялся на кошках.

За решётчатой дверью, которую отворил для неё Кокерель, что-то шевельнулось. В темноте, прислонясь спиной к чему-то вроде каменного гроба, сидела женщина. Сперва Элинор не могла рассмотреть её лица. Но тут женщина выпрямилась.

— Я привёл тебе компанию, Реза! — крикнул Кокерель, вталкивая Элинор в дверь камеры. — Можете поболтать друг с другом.

Он пошёл прочь, посмеиваясь.

Зато Элинор не знала, плакать ей или смеяться. Она предпочла бы увидеться со своей любимой племянницей где-нибудь в другом месте.

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ

— Я не знаю, что это, — грустно ответил Файвер.

— Сейчас в этом нет ничего страшного, но потом, потом…

Р. Адамс. Внизу у реки

Они скручивали факелы, когда Фарид услышал шаги.

Факелы должны были быть прочнее и больше, чем те, что служили Сажеруку для представлений. Они ведь должны были гореть долго. Мальчик уже обрезал Волшебному Языку волосы ножом, который подарил ему Сажерук. Теперь они были у него короткие, как щетина, и узнать его с этой причёской было не так просто. Ещё Фарид показал ему, какой глиной натереть лицо, чтобы оно казалось смуглым. На этот раз их ни за что не должны узнать. И тут он услышал шаги. Шаги и голоса: один ругался, другой смеялся и что-то кричал. Слов было пока не разобрать — слишком далеко.

Волшебный Язык схватил факелы в охапку, Гвин тяпнул Фарида за пальцы, пока мальчик грубо заталкивал его в рюкзак.

— Куда же, Фарид, куда? — прошептал Волшебный Язык.

— Пошли!

Фарид перебросил рюкзак через плечо и повёл его за собой к обугленным стенам. Мальчик перелез через почерневшие камни там, где было когда-то окно, спрыгнул в траву и нагнулся над густой порослью вьюнка. Белые цветы, как свежевыпавший снег, прикрывали покорёженный огнём лист металла. Фарид однажды от нечего делать прыгнул на это место. В долгие часы, проведённые с неразговорчивым, вечно замкнутым Сажеруком он прыгал со стены в траву и из травы на стену, чтобы разогнать тишину и скуку, — и тут-то и обнаружил яму, прикрытую листом. По звуку металла было ясно, что под ним пустота. Наверное, этот подземный чулан выкопали просто для хранения скоропортящихся продуктов, но, по крайней мере, однажды его уже использовали как тайник.

Волшебный Язык отпрянул, коснувшись в темноте скелета. Скелет казался чересчур маленьким для взрослого человека, и очень спокойно лежал в тесном подземном чуланчике, свернувшись, как будто устроился поспать. Наверное, Фарид потому его и не испугался, что он выглядел так спокойно. Если тут, под землёй, и жил дух, это могла быть только — мальчик в этом не сомневался — бледная, печальная тень, которую нечего бояться.

Когда Фарид задвинул сверху железный лист, они очутились в тесноте. Волшебный Язык был высокого роста, слишком высокого для этого чуланчика, и всё же рядом с ним мальчику было не так страшно, хотя сердце у Волшебного Языка колотилось не меньше, чем у самого Фарида. Мальчик слышал каждое биение его сердца — так плотно им пришлось прижаться друг к другу. И оба прислушивались к звукам, доносившимся сверху.

Голоса приблизились, но разобрать слова было трудно, земля приглушала их, словно они доносились из другого мира. Вот кто-то ступил на железный лист, и Фарид крепко схватил Волшебного Языка за локоть. Он отпустил его, только когда над их головами всё смолкло. Прошло много времени, прежде чем они решились поверить тишине, — так много, что Фарид несколько раз оборачивался, потому что ему казалось, что скелет пошевелился.

Когда Волшебный Язык осторожно отодвинул железный лист и выглянул наружу, вокруг действительно никого не было. Тишину нарушало только немолчное стрекотание цикад, да с обугленных стен взметнулась испуганная птица.

Грабители унесли с собой все: одеяла, свитер Фарида, в который он забирался ночью, как улитка в свой домик, и даже окровавленные лоскуты, которыми Волшебный Язык перевязывал ему лоб в ту ночь, когда их чуть не пристрелили.

— А нам-то что? — сказал Волшебный Язык, стоя с Фаридом у холодного кострища. — Сегодня ночью одеяла нам не понадобятся. — И погладил Фарида по чёрным волосам. — Что бы я без тебя делал, Мастер Подкрадываться, Ловец Кроликов, Находящий Укрытия? — сказал он.

А Фарид смотрел на свои босые ноги и улыбался.

ХРУПКОЕ СОЗДАНИЕ

Когда она сказала, что надеется обрадовать Динь-Динь, он спросил:

— А кто такая Динь-Динь?

— Как, Питер?! — изумилась она, но даже после разъяснений он так ничего и не вспомнил.

— Их так много, — сказал он. — Думаю, она теперь мертва.

И, кажется, был прав, ведь феи-то не живут долго, хотя сами настолько невелики, что и малый промежуток времени представляется им не таким уж маленьким.

Дж. М. Барри. Питер Пэн

Сажерука не было там, где искали его люди Каприкорна. Ему не удалось выбраться из деревни. Он и не пытался. Сажерук был в доме Басты.

Баста жил в переулке сразу за двором Каприкорна, среди заброшенных домов, населённых только кошками да крысами. Баста предпочитал не иметь соседей, он вообще не любил бывать с людьми, за исключением Каприкорна. Сажерук ни минуты не сомневался, что Баста с радостью спал бы у порога Каприкорна, позволь ему хозяин, но ни один из молодцов Каприкорна не жил в его доме. Они охраняли его — но и только. Ели они в церкви, а спали в одном из пустых домов, которых было много в деревне. У этого правила не было исключений. Большинство чернокурточников постоянно меняли место, жили сперва в одном доме, а прохудится, например, крыша — выбирали себе другой. Только Баста с тех самых пор, как они заняли эту деревню, жил на одном месте. Сажерук подозревал, что он облюбовал этот дом, потому что у порога там рос зверобой. Ведь это растение особенно славится как оберёг от всякого зла, кроме, конечно, того зла, что жило в сердце у Басты.

Дом был такой же, как почти все дома здесь, из серого камня. Ставни были выкрашены в чёрный цвет. Баста обычно держал их

закрытыми и намалевал сверху знак, оберегающий, по его мнению, от несчастья, как и жёлтые цветы зверобоя. Иногда Сажеруку казалось, что Баста только потому так непрестанно боится проклятия и нежданной беды, что его пугает мрак в собственной душе, и от этого ему кажется, что и весь остальной мир так же мрачен.

Сажеруку повезло, что ему удалось добраться до дома Басты. Не успел он шагнуть за порог церкви, как наткнулся на целый отряд подручных Каприкорна. Конечно, они его сразу узнали. Об этом Баста действительно позаботился раз и навсегда. Они так растерялись от удивления, увидев его, что он успел забежать в переулок. К счастью, Сажерук знал в проклятой деревне каждый камешек. Сперва он хотел пробраться к автостоянке, а оттуда уйти в холмы, но тут ему пришло в голову, что дом Басты стоит пустой. Он протискивался сквозь щели в стенах, лез по подвалам, прятался за ограждением давно заброшенных балконов. В умении прятаться его даже Гвин не мог превзойти. Сейчас ему пригодилось, что он из странного любопытства вечно обследовал самые отдалённые и заброшенные уголки этой деревни, как и любого места, где ему случалось оказаться.

Он совсем выбился из сил, пока добрался до дома Басты. Баста едва ли не единственный во всей деревне запирал свою дверь, но замок не мог остановить Сажерука. Он спрятался на чердаке, пережидая, пока сердцебиение немного успокоится, хотя балки там до того прогнили, что он на каждом шагу боялся провалиться. На кухне у Басты оказалось достаточно провизии — очень кстати, потому что от голода у Сажерука уже сводило желудок. Им с Резой ни разу не принесли поесть с тех пор, как засадили их в сетки. Было вдвойне приятно подкрепиться запасами Басты.

Немного наевшись, он чуть приоткрыл ставень, чтобы в случае чего вовремя услышать приближающиеся шаги, но в тишине слышался лишь один звук — лёгкий, едва уловимый звон. Тут только он вспомнил о фее — той, что Мегги вычитала в этот не обжитой феями мир.

Он нашёл её у Басты в спальне. Обстановка состояла там из кровати и комода, на котором были аккуратными штабелями сложены закопчённые кирпичи. В деревне поговаривали, что из каждого подожжённого по приказу Каприкорна дома Баста прихватывал на память камень, хотя огня он в последнее время боялся. Очевидно, это

было правдой. На одном из кирпичей стоял стеклянный кувшин, в котором что-то слабо светилось, не ярче светлячка. На дне лежала фея, свернувшись, как бабочка, только что выползшая из кокона. Баста прикрыл горлышко кувшина тарелкой, но не похоже было, что хрупкое создание ещё способно улететь. Когда Сажерук убрал тарелку, фея даже головы не подняла. Сажерук сунул руку в стеклянную тюрьму и осторожно вынул маленькое существо. Ручки и ножки у неё были такие крошечные, что он боялся поломать их своими пальцами. Знакомые ему феи выглядели иначе, они были меньше, но крепче телом, у них была кожа фиалкового цвета и четыре блестящих крыла. А у этой цвет кожи был как у человека, а крылья не как у стрекозы, а, скорее, как у бабочки. Интересно, будет она есть то, что любили феи, к которым он привык? Попытаться стоило: она выглядела уже полумёртвой.

Сажерук взял с кровати Басты подушку, положил её на чисто вымытый кухонный стол (у Басты в доме всё сияло чистотой, как его всегда снежно-белая рубашка) и сверху пристроил фею. Потом он налил молока в блюдце и поставил на стол рядом с подушкой. Она тут же открыла глаза — значит, так же хорошо чуяла и любила молоко, как и те знакомые ему феи. Он обмакнул палец в молоко и осторожно капнул ей на губы. Она слизала каплю, как голодный котёнок. Сажерук капал ей в рот молоко, пока она не села, слабо взмахнув крылышками. На лицо её постепенно возвращался румянец, и она тихонечко зазвенела — но он не понимал ни слова, хотя знал три языка, на которых говорят феи.

— Какая жалость! — прошептал он, пока она расправляла крылья и неуверенно вспархивала к потолку. — Мне, стало быть, не удастся тебя спросить, не можешь ли ты сделать меня невидимкой или таким крошкой, чтобы улететь с тобой на праздник Каприкорна.

Фея посмотрела на него сверху, прозвенела что-то непонятное и опустилась на краешек буфета.

Сажерук сел на единственный стул, стоявший у обеденного стола Басты, и взглянул на неё.

— И всё же приятно наконец снова увидеть фею. Если бы ещё у огня в этом мире было хоть немного чувства юмора, а из-за деревьев хоть изредка высовывался бы кобольд или стеклянный человечек, может, я бы и привык ко всему остальному: к шуму, спешке, толпе, к

тому, что от людей никуда не укроешься, и к слишком светлым ночам…

Он долго ещё сидел там, в кухне своего злейшего врага, глядел на фею, кружившую по комнате, всюду совавшую нос (феи — любопытные существа, и эта, видимо, не была исключением) и всё время подлетавшую к блюдечку с молоком, пока ему не пришлось наполнить его снова. Иногда за окном раздавались шаги, но всякий раз проходили мимо. Хорошо, что у Басты не было друзей. В комнате было душно, от духоты клонило в сон, а узкая полоска неба над домами ещё много часов останется светлой. Достаточно времени, чтобы подумать, идти ли ему на праздник Каприкорна.

Зачем ему туда идти? Книгу он сможет выкрасть потом, когда волнение в деревне уляжется и все снова пойдёт как обычно. А Реза? Но что он мог сделать для Резы? Призрак заберёт её. Тут уж ничего не поделаешь. Тут уж никто ничего не сможет поделать, и Волшебный Язык в том числе, даже если он и сделает такую безумную попытку. Но он ведь даже не подозревает, что она там. А за дочку его беспокоиться нечего. Она теперь любимая игрушка Каприкорна. Он не допустит, чтобы Призрак причинил ей зло.

«Нет, я туда не пойду, — думал Сажерук, — что мне там делать? Помочь им я не смогу. Я могу ещё некоторое время отсиживаться здесь. Завтра на свете уже не будет Басты, а это чего-нибудь да стоит. Может, и я тогда уйду отсюда. Навсегда, чтобы никогда не возвращаться…» Нет. Он знал, что этого он не сделает. Пока книга здесь.

Фея опустилась на окно. Она с любопытством выглядывала в переулок.

— Не надо. Оставайся здесь, — сказал Сажерук. — Там за окном жизнь не для тебя, честное слово.

Она вопросительно поглядела на него. Потом сложила крылья и присела на подоконнике. Там она и осталась, словно не в силах сделать выбор между душной комнатой и свободой в чужом мире за окном.

ПРАВИЛЬНЫЕ СЛОВА

Именно это и было самым ужасным: тина преисподней обладала голосом и кричала, аморфный прах двигался и грешил, то, что было мёртвым и лишённым формы, присваивало функции жизни.

Р. Л. Стивенсон. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда

(перевод И. Гуровой)

Фенолио все писал и писал, но листков, спрятанных под матрацем, не прибавлялось. Он всё время доставал их, что-то зачёркивал и вписывал, рвал один лист и клал на его место другой. Мегги слышала, как он тихо ворчит себе под нос:

— Нет, нет, нет! Это всё не то, пока не то.

— Ещё час-другой, и стемнеет, — с беспокойством сказала она наконец. — А если ты не успеешь?

Он раздражённо ответил:

— Я уже успел. Я уже десять раз все закончил. Но я не доволен тем, что сделал. — Он понизил голос до шёпота: — Тут столько вопросов! А что, если Призрак, покончив с Каприкорном, двинется на тебя, или на меня, или на пленников? И потом — вправду ли нет иного выхода, как убить Каприкорна? Что станется после этого с его молодцами? Их я куда дену?

— Куда денешь? Да пусть Призрак всех их убьёт! — шёпотом ответила Мегги. — А то как мы вырвемся отсюда и как мы спасём мою маму?

Фенолио этот ответ не понравился.

— Какая же ты бессердечная! — сказал он. — Всех поубивать! Ты видела, что среди них есть совсем ещё мальчишки? — Он покачал головой: — Нет, я вам не организатор массовых убийств, я писатель! Я должен всё-таки додуматься до бескровного решения.

И он снова начал писать, зачёркивать, снова писать… А солнце за окном опускалось всё ниже, пока его лучи не окаймили золотом

вершины холмов.

Заслышав шаги в коридоре, Фенолио каждый раз прятал написанное под матрац, но никто так и не зашёл к ним взглянуть, что там старик царапает без продыху на белых листах. Баста-то сидел в склепе.

К скучающим часовым за дверью в этот день часто приходили. Судя по всему, в деревню посмотреть на казнь собрались и те приспешники Каприкорна, что несли службу в отдалённых местах. Мегги прижималась ухом к двери и слушала их разговоры. Голоса были возбуждённые, часто раздавался смех. Все радовались предстоящему представлению. Никто, похоже, не жалел Басту — наоборот, то, что сегодня вечером казнят бывшего любимчика Каприкорна, придавало зрелищу особую привлекательность. Конечно, говорили и о самой Мегги. Они называли её маленькой ведьмой, колдуньей, и, кажется, не все верили в её чудесную силу.

Что до палача Басты — Мегги не узнала о нём ничего нового по сравнению с тем, что ей рассказывал Фенолио и что она запомнила из чтения у Сороки. Это было немного, но при всяком упоминании его имени она слышала в голосах, доносившихся из-за двери, страх и благоговейный трепет. Призрак был знаком не всем — только тем, кто, как и Каприкорн, был родом из книги Фенолио, но, видимо, все были о нём наслышаны и воображали себе в самых мрачных красках, как он расправится с узниками. О том, как именно он убивает свои жертвы, имелись, судя по всему, различные мнения. Предположения, доносившиеся до Мегги, становились по мере приближения темноты все страшнее и страшнее. Наконец слушать ей стало невмоготу, и она присела к окну, зажав руками уши.

В шесть часов — часы на колокольне как раз начали бить — Фенолио вдруг отложил ручку и с довольной миной оглядел исписанную бумагу.

— Готово! — прошептал он. — То, что надо. Так всё получается. Всё будет прекрасно! — В нетерпении он подозвал Мегги и сунул ей в руки листок. — Читай! — сказал он, беспокойно глядя на дверь.

Плосконос как раз рассказывал товарищам, как они отравили у крестьян запасы оливкового масла.

— Это всё? — Мегги недоверчиво глядела на единственный исписанный листок.

— Ну конечно! Вот увидишь, больше ничего не нужно. Главное — найти правильные слова. Да читай же наконец!

Мегги послушалась.

За дверью раздавались взрывы хохота, и ей было трудно сосредоточиться на словах Фенолио. Наконец это удалось. Но не успела она дочитать первую фразу, как за дверью настала мёртвая тишина и в коридоре раздался голос Сороки:

— Что тут происходит? Посиделки на завалинке?

Фенолио поспешно выхватил у Мегги драгоценный листок и спрятал под матрац. Не успел он оправить простыню, как дверь отворилась, пропуская Сороку.

— Вот тебе обед, — сказала она Мегги, ставя на стол дымящуюся тарелку.

— А мне? — спросил Фенолио с наигранной беззаботностью.

Матрац немного сбился, когда он запихивал под него листок, и старик опасался, как бы Мортола этого не заметила. Но, к счастью, она не удостоила его даже взглядом. Мегги уже поняла, что Сорока считала его просто вруном да ещё, наверное, злилась, что Каприкорн был с ней в этом не согласен.

— Ты должна съесть все! — приказала она Мегги. — А потом переоденься. Одёжки у тебя безобразные, да к тому же заскорузли от грязи.

Она подозвала пришедшую с нею служанку, совсем молоденькую, на четыре-пять лет старше Мегги. Девочка, видимо, слыхала, что Мегги настоящая ведьма. На руке у неё висело снежно-белое платье, и она, стараясь не смотреть на Мегги, повесила его на дверцу шкафа.

— Не нужно мне это платье. — Мегги сердито отвернулась от Сороки. — Я надену вот это. — Она стащила с кровати свитер Мо, но Мортола вырвала свитер у неё из рук.

— Не говори ерунды. Каприкорн подумает, что мы надели на тебя мешок. Это он выбрал тебе платье, и ты его наденешь — или мы наденем его на тебя.

Я зайду за тобой, как только стемнеет. Умойся и причешись! Ты похожа на бродячую кошку.

Служанка снова боязливо протиснулась мимо Мегги, словно опасаясь об неё обжечься. Сорока торопливо выпихнула её в коридор и вышла следом.

— Закрой за мной, — бросила она Плосконосу. — И скажи своим дружкам, чтоб уходили. Ты здесь для того, чтобы караулить.

Плосконос со скучающим видом подошёл к двери. Мегги видела, как он, прежде чем захлопнуть её, скорчил рожу вслед Сороке.

Мегги подошла к платью и провела рукой по белой ткани.

— Белое, — пробормотала она. — Я не люблю ходить в белом. Псы смерти — белые. Мо рассказывал мне о них сказку.

— Да, красноглазые псы смерти. — Фенолио подошёл к ней. — Привидения тоже белые; а древним богам, жаждавшим крови, приносили в жертву только белых животных, как будто невинная кровь им больше по вкусу. Да нет же! Нет! — поспешно прибавил он, увидев испуганные глаза Мегги. — Конечно, Каприкорн ни о чём таком не думал, выбирая тебе платье. Он и не знает всех этих историй! Белый — это цвет начала и конца, и мы с тобой, — он понизил голос, — позаботимся о том, чтобы он означал конец Каприкорна, а не наш с тобой.

Он тихонько подвёл Мегги к столу и усадил на стул. В ноздри ей ударил запах жареного мяса.

— Что это за мясо? — спросила она.

— Похоже на телятину. А почему ты спрашиваешь?

Мегги оттолкнула тарелку.

— Я не хочу есть, — пробормотала она. Фенолио сочувственно посмотрел на неё.

— Знаешь что, Мегги, — сказал он. — Я думаю, следующую историю я должен написать о тебе: о том, как ты нас всех спасёшь одним своим голосом. Это будет захватывающая история…

— И с хорошим концом?

Мегги взглянула в окно. До темноты оставался час, самое большее, два. А что, если Мо тоже явится на торжество? Если он снова попытается её освободить? Он же ничего не знает об их с Фенолио планах. А если Чёрные Куртки опять будут в него стрелять? А если они всё же попали в него прошлой ночью?.. Мегги облокотилась на стол и уронила голову на руки.

Она почувствовала, что Фенолио гладит её по голове.

— Всё будет хорошо, Мегги! — шепнул он. — Поверь, мои истории всегда хорошо кончаются. Если я этого хочу.

— У этого платья узкие рукава, — прошептала она. — Как я достану оттуда листок, чтобы Сорока не заметила?

— Я её отвлеку. Положись на меня.

— А остальные? Они же все увидят, как я достаю листок.

— Ерунда. У тебя всё получится. — Фенолио приподнял её подбородок. — Всё будет хорошо! — повторил он, утирая ей указательным пальцем щёку, по которой катилась слеза. — Ты будешь не одна, хотя тебе, наверное, будет так казаться. Я с тобой, Сажерук тоже где-то на свободе. Можешь мне поверить, уж его-то я знаю, как самого себя. Он придёт хотя бы ради того, чтобы взглянуть на книгу, чтобы попытаться при случае её заполучить… А кроме того, на свете есть ещё твой отец и этот мальчик, который так влюблённо смотрел на тебя тогда, на площади перед памятником, где я увидел Сажерука.

— Прекрати!

Мегги пихнула его локтем в живот, но всё же невольно улыбнулась, хотя слёзы ещё застилали ей все: стол, собственные руки и морщинистое лицо Фенолио. Ей казалось, что она наплакалась за последние недели на всю оставшуюся жизнь.

— Почему? Красивый мальчик. Я бы сразу замолвил за него словечко твоему отцу.

— Перестань!

— Только если ты наконец поешь. — Фенолио снова пододвинул ей тарелку. — И эта ваша приятельница, как бишь её…

— Элинор.

Мегги положила в рот маслину и сосала её, пока у неё на зубах не запрыгала косточка.

— Да-да. Может быть, и она прячется где-то рядом, вместе с твоим отцом. Господи, как прикинешь, так получается, что нас чуть ли не больше.

Мегги чуть не подавилась косточкой от маслины. Фенолио самодовольно улыбался. Когда Мо удавалось её рассмешить, он высоко поднимал брови и делал такое серьёзное, удивлённое лицо, как будто при всём желании не мог понять, над чем она смеётся. Мегги вдруг так ясно увидела перед собой его лицо, что с трудом удержалась, чтобы не протянуть руку…

— Ты скоро увидишь отца, — прошептал Фенолио. — И расскажешь ему, что заодно невзначай отыскала свою мать и спасла её от Каприкорна. Это будет здорово, согласна?

Мегги в ответ только кивнула.

Воротник и манжеты платья кололись. Оно было сшито на взрослую девушку и великовато для Мегги. Ступив в нём два шага, она споткнулась о подол. Рукава были узкие. Впрочем, листок бумаги, тонкий, как крылышко стрекозы, пролез под манжету без труда. Она немного поупражнялась: засунуть, вынуть. Потом оставила его в рукаве. Бумага чуть слышно потрескивала, когда она поднимала руку или двигала кистью.

Когда Сорока пришла за Мегги, над колокольней всходила бледная луна. Свет её был как вуаль, наброшенная на лицо ночи.

— Ты не причесалась! — сердито отметила Сорока.

На этот раз с ней была другая служанка, низенькая женщина с красным лицом и такими же руками, которая явно нисколько не боялась ведьмовской силы Мегги. Она так резко провела гребнем, что Мегги чуть не вскрикнула.

— Туфли! — воскликнула Сорока, увидав босые ноги Мегги, выглядывавшие из-под длинного платья. — Неужели никто не подумал о туфлях?

— Да пусть она наденет вон те. — Служанка показала на стоптанные кроссовки Мегги. — Платье такое длинное, что никто не увидит. А потом — разве ведьмы не всегда ходят босиком?

Сорока посмотрела на служанку так, что слова замерли у неё на губах.

— Конечно! — воскликнул Фенолио, который всё это время насмешливо наблюдал за тем, как женщины обряжают Мегги. — Только так они и ходят. А мне разве не надо переодеться для такого торжественного случая? Что обычно надевают на казнь? Я ведь, надо думать, буду сидеть прямо рядом с Каприкорном?

Сорока выпятила подбородок. Он был у неё такой маленький и мягкий, как будто его взяли с другого, более доброго лица.

— Ты можешь оставаться как есть, — сказала она, вставляя в волосы Мегги усыпанную жемчугом заколку. — Узникам не

обязательно переодеваться. — В её голосе звучала ядовитая насмешка.

— Узники? Как это понимать? — Фенолио отодвинул свой стул от стола.

— Ну да, узники. А кто же ещё? — Сорока отошла на несколько шагов и оглядела Мегги оценивающим взглядом. — Сойдёт, — сказала она наконец. — Странно, с распущенными волосами она мне кого-то напоминает.

Мегги скорее опустила голову, а Фенолио постарался отвлечь внимание Сороки, пока она не довела до конца свои наблюдения.

— Но я-то, милостивая государыня, не обычный узник. Вы должны это наконец себе уяснить! — заявил он. — Без меня всего этого вообще бы не было, включая и вашу собственную малоприятную особу!

Сорока в последний раз смерила его презрительным взглядом и взяла Мегги за руку — к счастью, не за ту, где под рукавом были спрятаны драгоценные слова Фенолио.

— Тебя отведёт часовой в своё время, — бросила она ему, уводя Мегги к двери.

— Не забывай, что говорил тебе отец! — крикнул Фенолио вслед Мегги, когда она была уже за дверью. — Слова оживут только тогда, когда ты почувствуешь их вкус на языке.

Сорока подтолкнула Мегги в спину.

— Поторапливайся, — сказал она, прикрывая за собой дверь.

ОГОНЬ

— Я знаю, что делать! — крикнула Багира, вскакивая. — Ступай скорее вниз, в долину, в хижины людей, и достань у них Красный Цветок. У тебя будет тогда союзник сильнее меня, и Балу, и тех волков Стаи, которые любят тебя. Достань Красный Цветок!

Красным Цветком Багира называла огонь, потому что ни один зверь в джунглях не назовёт огонь его настоящим именем. Все звери смертельно боятся огня и придумывают сотни имён, лишь бы не называть его прямо.

Р. Киплинг. Маугли

(перевод Н. Дарузес)

Когда на холмы опустились сумерки, они тронулись в путь. Гвина с собой не взяли. После того, что произошло во время последней их ночной вылазки в деревню Каприкорна, даже Фарид согласился, что так будет лучше. Волшебный Язык пропустил его вперёд. Он и не подозревал о том, как Фарид боится духов и прочих ночных чудищ. От него мальчик сумел это скрыть, не то что от Сажерука. К тому же Волшебный Язык не смеялся над ним за то, что он боится темноты, и это, как ни странно, уменьшало страх, загоняло его в дальний угол не хуже, чем дневной свет.

Когда Фарид осторожно, но уверенно спускался по крутому склону, он, как всегда по ночам, слышал шёпот духов в кустах и деревьях, но ближе они не подходили; как будто они вдруг стали его бояться, как будто он может теперь повелевать ими, как Сажерук огнём.

Огонь. Они решили поджечь дом Каприкорна. Оттуда пожару не так легко перекинуться на холмы, зато под угрозой сразу окажется самое дорогое для Каприкорна: кладовые с сокровищами.

На этот раз деревня была не тихой и безлюдной, как в предыдущие ночи. Она гудела, как пчелиный улей. Автостоянку охраняли аж четверо вооружённых часовых, а к сетчатой изгороди вокруг пустого футбольного поля теснился целый ряд машин. Их фары заливали поле ярким светом. Асфальт казался белой скатертью, которую кто-то расстелил в темноте.

— Значит, здесь будет представление, — прошептал Волшебный Язык, когда они подходили к домам. — Бедная Мегги!

На середине площадки было устроено нечто вроде помоста, а напротив стояла клетка — то ли для чудовищ, которых предстояло вычитать Мегги, то ли для узников. С левой стороны поля, так, что зрители сидели спиной к сетчатой изгороди и к деревне, стояли длинные деревянные скамьи, и на них уже пристроилось несколько чернокурточников, как вороны, облюбовавшие светлое, тёплое местечко для ночлега.

Сперва Мо и Фарид хотели пройти в деревню через автостоянку: их бы, скорее всего, не узнали среди такой толпы приезжих. Но, подумав, они предпочли всё же более долгий и тёмный путь. Фарид снова крался впереди, используя каждое дерево как прикрытие, держась всё время на склоне выше домов, пока они не добрались до необитаемой части деревни, которую, казалось, раздавил могучей ступнёй великан. Даже здесь было сегодня больше часовых, чем обычно. Им всё время приходилось вжиматься в углубление входной двери, пригибаться за остатками стены или пролезать в окно и, затаив дыхание, ждать, пока часовой пройдёт мимо. К счастью, в деревне Каприкорна хватало тёмных уголков, а часовые шатались по улочкам равнодушно, как люди, сознающие себя в полной безопасности.

Фарид нёс с собой в рюкзаке Сажерука всё, что нужно, чтобы быстро развести жаркое пламя. Волшебный Язык прихватил хворост — на случай, если огонь не найдёт себе достаточно пищи среди камней. Впрочем, на этот случай имелись ещё Каприкорновы запасы бензина. Фарид все не мог отделаться от этого запаха с той ночи, когда его посадили в застенок. Бочки обычно не охранялись, но, может быть, они им и не понадобятся.

Ветра не было, огонь будет спокойным и устойчивым. Фарид хорошо помнил предостережение Сажерука: «Никогда не разводи огонь на ветру. Стоит ветру залететь в пламя, оно тут же о тебе забудет.

Ветер будет раздувать и подстёгивать его, пока оно на тебя не бросится, не искусает, не слижет у тебя кожу с костей».

Но этой ночью ветер спал, и улицы были полны до краёв неподвижным воздухом, словно вёдра с тёплой водой.

Они надеялись, что на площади перед домом Каприкорна пусто. Но когда они осторожно выглянули из переулка, оказалось, что перед церковью топчется с полдюжины чернокурточников.

— Чего они тут дожидаются? — прошептал Фарид, вжимаясь вместе с Волшебным Языком в одну из запертых дверей. — Праздник же сейчас начнётся.

Из дома Каприкорна вышли две служанки со стопками тарелок. Они несли их в церковь, там, очевидно, собирались позже отметить успешно проведённую казнь. Когда женщины проходили мимо чернокурточников, те заулюлюкали им вслед. Служанка помоложе чуть не выронила посуду, когда один из молодцов попытался стволом ружья задрать ей юбку. Это был тот самый, что прошлой ночью узнал Волшебного Языка. Фарид схватился за все ещё кровоточивший лоб и проклял приспешника Каприкорна самыми страшными проклятиями, какие знал. Он пожелал ему бубонную чуму, чесотку… Ну почему здесь должен был оказаться именно этот парень? Ведь даже если он не узнает их снова, когда они будут проходить мимо него, как им поджечь дом, пока вся эта компания здесь шляется?

— Спокойно! — прошептал ему Волшебный Язык. — Они скоро уйдут. Сперва нужно выяснить, действительно ли Мегги уже увели из дома.

Фарид кивнул и посмотрел на большой дом на другой стороне улицы. В двух окнах ещё горел свет, но это могло ничего и не значить.

— Я прокрадусь вниз к площадке и посмотрю, там ли она уже, — прошептал он Волшебному Языку.

Может быть, и Сажерука уже вывели из церкви, может быть, Огнеглотатель сидит сейчас в выставленной на площадке клетке и он сможет шепнуть ему, что они привели его друга — огонь, чтобы его спасти.

Между домами, несмотря на большие яркие лампы, оставалось много тёмных уголков. Фарид уже собрался скрыться в их тени, когда дверь дома Каприкорна отворилась. Оттуда вышла старуха с ястребиным лицом. Она тащила за собой дочь Волшебного Языка.

Фарид насилу узнал её в длинном белом платье. За ними из-за двери показался с ружьём наперевес тот самый чернокурточник, что стрелял им вслед прошлой ночью. Он огляделся, достал из кармана связку ключей, запер дверь и подозвал одного из дружков, стоявших перед церковью. Он, видимо, поручил ему охранять дом. Значит, когда все уйдут на праздник, перед домом останется охрана — один часовой.

Фарид почувствовал, как у Волшебного Языка, стоявшего рядом, напрягся каждый мускул, как будто он сейчас бросится к дочери, бледной почти как её платье. Фарид предостерегающе сжал его руку, но, похоже, Волшебный Язык забыл про него. Неосторожный шаг, и он окажется на свету!

— Нет!

Фарид в тревоге оттащил его назад — насколько мог, он ведь Волшебному Языку и до плеча не доставал. К счастью, люди Каприкорна не глядели в этот момент в их сторону, они смотрели вслед старухе, переходившей площадь так быстро, что девочка несколько раз споткнулась о подол своего платья.

— Она совсем бледненькая, — прошептал Волшебный Язык. — Боже мой, видишь, как она напугана? Может, она взглянет сюда, может, мы бы сумели подать ей знак…

— Нет! — Фарид крепко вцепился в него обеими руками. — Мы должны поджечь дом. Только тогда мы сможем ей помочь. Прошу тебя, Волшебный Язык, они же тебя увидят!

— Не зови ты меня без конца «Волшебный Язык». Я этого слышать не могу.

Старуха с Мегги скрылись среди домов. Плосконос шёл за ними, неуклюжий, как медведь, которого обрядили в чёрный костюм. Затем тронулись наконец и остальные. Они, пересмеиваясь, шли по переулку, возбуждённые предвкушением того, что обещала эта ночь: смерть, приправленную страхом, и появление в проклятой деревне нового чудовища.

Оставался только часовой перед домом Каприкорна. Он мрачно смотрел вслед удаляющимся товарищам, пнул ногой пустую пачку из-под сигарет и ударил кулаком по стене. Только он один не увидит представления. Часовой наверху, на колокольне, сможет посмотреть хотя бы издали, а он…

Они так и думали, что перед домом оставят часового. Фарид объяснил Волшебному Языку, как проще всего от него избавиться, и Волшебный Язык кивнул и сказал:

— Так мы и сделаем.

Когда затих топот молодцов Каприкорна и тишину нарушал только шум, доносившийся с автостоянки, они выступили из темноты, притворились, будто только что прошли переулком, и плечо к плечу подошли к часовому. Он окинул их недоверчивым взглядом, отстранился от стены и вскинул ружьё. Ружьё внушало тревогу. Фарид невольно вновь потрогал лоб. Хорошо уже то, что часовой был не из тех, кто узнал бы их с первого взгляда: не Хромоногий, не Баста, не ещё кто-нибудь из личной своры Каприкорна.

— Слушай, тебе придётся нам помочь! — крикнул ему Волшебный Язык, не обращая внимания на вскинутое ружьё. — Эти идиоты забыли про кресло Каприкорна. Нужно отнести его туда.

Часовой держал ружьё перед грудью.

— Вот как? Этого ещё не хватало! Эта штука такая тяжёлая, что спину сломает. А вы откуда? — Он вглядывался в лицо Волшебного Языка, как будто пытаясь вспомнить, где он его видел. На Фарида он вообще не обратил внимания. — Вы с севера? У вас там, говорят, весело.

— Правду говорят. — Волшебный Язык подошёл к часовому так близко, что тот отступил на шаг. — Пошли, ты же знаешь, Каприкорн ждать не любит.

Часовой недовольно кивнул.

— Ладно, — проворчал он, оглядываясь на церковь. — Все равно охранять тут нечего. Что они думают? Что Огнеглотатель проберётся сюда воровать золото? Он же трус, его давно уж и след простыл…

Пока часовой оглядывался, Волшебный Язык стукнул его прикладом по затылку. Теперь осталось только оттащить его в непроглядную темень за домом Каприкорна.

— Слышал, что он сказал? — Фарид скручивал верёвкой ноги лежавшего без сознания часового. Связать человека он умел лучше, чем Волшебный Язык. — Сажерук сбежал! Часовой ведь о нём говорил! Он сказал, его давно уж и след простыл…

— Да, слышал. И рад этому не меньше, чем ты. Но дочь-то моя пока здесь.

Волшебный Язык скинул Фариду на руки рюкзак и огляделся. На площади было по-прежнему тихо и безлюдно, как будто, кроме них, во всей деревне Каприкорна никого не было. Часового на колокольне было не слышно. Он, наверное, не сводил глаз с ярко освещённого футбольного поля.

Фарид достал из рюкзака два факела и бутылку спирта. «Сажерук от них сбежал! — повторял он про себя. — Просто взял и сбежал!» Мальчик чуть не расхохотался.

Волшебный Язык пробежал вдоль дома Каприкорна, заглядывая в окна, и, поколебавшись минуту, выбил одно из них. Чтобы заглушить звон стекла, он прижал его курткой. С автостоянки доносились смех и музыка.

— Спички! Не могу найти спички!

Фарид копался в вещах Сажерука, пока Волшебный Язык не отобрал у него рюкзак.

— Дай сюда! — прошептал он. — Займись пока факелами.

Фарид повиновался. Он тщательно пропитал вату спиртом, морщась от резкого запаха. «Пыльные Пальцы вернётся за Гвином и возьмёт меня с собой!» — думал он. Откуда-то из глубины улочек донеслись мужские голоса. Несколько очень неприятных минут казалось, что они приближаются, но потом их поглотила доносившаяся с автостоянки музыка, витавшая в ночном воздухе, как дурной запах.

Волшебный Язык все ещё искал спички.

— Вот чёрт! — тихо выругался он, вынимая руку из рюкзака.

На пальцы ему налип помёт куницы. Он обтёр их о стену, снова полез в рюкзак и бросил Фариду коробок спичек. Потом вытащил из рюкзака ещё кое-что — блокнотик, хранившийся в боковом кармане. Фарид не раз уже листал его. В блокнот были вклеены картинки: вырезанные из разных книг изображения фей, ведьм, кобольдов, нимф и вековых деревьев… Волшебный Язык взглянул на них, пока Фарид скручивал второй факел, а потом стал рассматривать фотографию, вложенную между страниц, — фотографию служанки Каприкорна, которая пыталась помочь Сажеруку и сегодня ночью должна была заплатить за это жизнью. Удалось ли и ей бежать? Волшебный Язык засмотрелся на фотографию, как будто во всём мире для него больше ничего не существовало.

— Ты что? — Фарид поднёс спичку к сочащемуся спиртом факелу.

Над ним сразу поднялось с голодным шипением пламя. До чего же оно было красиво! Фарид смочил палец слюной и погладил огненный краешек:

— На, держи!

Он протянул факел Волшебному Языку — тому было сподручнее забросить его в окно с высоты своего роста. Но Волшебный Язык стоял как столб и всё смотрел на фотографию.

— Это женщина, которая помогала Сажеруку, — сказал Фарид. — Которую они тоже схватили! Он, кажется, в неё влюблён. Держи! — Мальчик снова протянул Волшебному Языку пылающий факел. — Чего ты ждёшь?

Волшебный Язык посмотрел на него, как разбуженный ото сна.

— Вот как, влюблён… — пробормотал он, беря факел из рук Фарида.

Потом он положил фотографию в нагрудный карман, ещё раз взглянул на пустую площадь и бросил факел через разбитое окно в дом Каприкорна.

— Подними меня! Я хочу посмотреть, как горит! — сказал Фарид.

Волшебный Язык выполнил его просьбу. Комната была, похоже, чьим-то кабинетом. Фарид успел разглядеть бумагу, письменный стол, портрет Каприкорна на стене. Похоже, кто-то в этом доме умел писать. Пылающий факел лежал между исписанных листов, лизал, сглатывал их, взвивался от восторга перед щедрым угощением, разгорался и перепрыгивал дальше, на стол, а оттуда на занавески, жадно пожирая тёмную ткань. Вся внутренность комнаты стала красно-жёлтой. Сквозь выбитое окно пробивался дым и ел Фариду глаза.

— Мне пора! — Волшебный Язык резко опустил его на землю.

Музыка смолкла. Внезапно наступила пугающая тишина. Волшебный Язык бегом кинулся в переулок, спускавшийся вниз, к автостоянке.

Фарид поглядел ему вслед. У него была другая задача. Он подождал, пока пламя вырвется из окна, и закричал:

— Пожар! Пожар в доме Каприкорна!

Голос его прокатывался гулом по пустой площади.

С бьющимся сердцем он забежал за угол и посмотрел наверх, на колокольню. Часовой вскочил на ноги. Фарид зажёг второй факел и бросил перед дверями церкви. В воздухе запахло дымом. Часовой остолбенел, обернулся и наконец-то зазвонил в колокол.

Фарид побежал догонять Волшебного Языка.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО, БОЛТЛИВОСТЬ И ГЛУПОСТЬ

И тогда он сказал:

— Я должен умереть, в этом не может быть никаких сомнений; нет мне спасения из этой тесной тюрьмы!

Сказка про Али-Бабу и сорок разбойников

Элинор считала, что может гордиться своей храбростью. Хотя она до сих пор не знала, что ей предстоит, — а её племянница если и была осведомлена лучше, то виду не подала, — в том, что не предстоит ничего хорошего, сомнений не было.

Тереза тоже не доставила бандитам, выводившим её из склепа, удовольствия полюбоваться, как она плачет. А проклинать и ругаться она в любом случае не могла. Голоса у неё не стало, как сношенного платья. К счастью, у неё были при себе два клочка бумаги, измятые, засаленные, слишком маленькие, чтобы вместить слова, накопившиеся за девять лет, но всё же лучше, чем ничего. Она целиком заполнила их крошечными буквами, так что больше там нельзя было уместить ни словечка. О том, что было с ней, она рассказывать не хотела и только с досадой отмахивалась, когда Элинор шёпотом просила её об этом.

Она хотела задавать вопросы — бесконечные вопросы о дочери и о муже. И Элинор нашёптывала ей ответы — тихо-тихо, в самое ухо, чтобы Баста не узнал, что две женщины, которых собираются казнить вместе с ним, знакомы с тех пор, как младшая из них училась ходить между длинными, тогда заполненными до отказа книжными полками Элинор.

Баста держался плохо. Взглянув в его сторону, они всякий раз видели его вцепившиеся в решётку руки с побелевшими под загорелой кожей костяшками пальцев. Один раз Элинор показалось, что он плачет, но, когда их вывели из камер, его застывшее без всякого выражения лицо напоминало посмертную маску. А когда их заперли в

омерзительную клетку, он присел на корточки в углу и сидел неподвижно, как кукла, с которой больше не хотят играть.

Клетка воняла псиной и сырым мясом — в ней, видимо, держали собак. Некоторые из людей Каприкорна, прежде чем усесться на приготовленные для них скамейки, проводили стволами ружей по серой металлической решётке. На Басту обрушился такой град издевательств и насмешек, что хватило бы на десятерых. Но он даже не шевельнулся ни разу — по одному этому можно было судить, как велико его отчаяние.

И всё же Элинор и Тереза держались от него подальше, насколько позволяла клетка. От решётки они тоже старались держаться подальше — от пальцев, просунутых сквозь неё, от рож, которые им строили, от горящих окурков, которыми в них кидали. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу, и каждая радовалась, что она не одна, и в то же время горевала об этом.

На самом краю площадки, у входа, на почтительном расстоянии от мужчин сидели женщины, работавшие на Каприкорна. Здесь не заметно было радостного оживления, царившего на мужских скамьях. Почти все лица были печальны. Женщины то и дело поглядывали на Терезу с ужасом и сочувствием.

Когда на длинных скамейках не осталось ни одного свободного места, на площадке появился Каприкорн. Для мальчишек мест не осталось, они сидели на земле перед чернокурточниками. Каприкорн прошёл мимо них, не повернув головы, не удостоив их взгляда, как будто они были и в самом деле стаей воронья, слетевшегося на его зов. Зато перед клеткой, где сидели его узники, он замедлил шаг и смерил каждого коротким самодовольным взглядом. На лицо Басты на мгновение вернулась жизнь. Увидев, что его господин и повелитель задержался у решётки, он поднял голову и посмотрел на Каприкорна умоляюще, как собака, просящая прощения у хозяина. Но Каприкорн прошёл мимо, не удостоив его словом. Когда он опустился в своё чёрное кожаное кресло, за спиной у него стал, широко расставив ноги, Кокерель. Видимо, он был новым любимцем. — Ох, да не смотри же ты на него так! — набросилась Элинор на Басту, увидев, что он всё ещё не сводит глаз с Каприкорна. — Он же собирается скормить тебя чудовищу, как муху лягушке. Ты бы хоть возмутился… У тебя же

вечно на устах угрозы: «Язык отрежу, на куски покромсаю!» Куда же они все подевались?

Но Баста лишь потупил голову и снова уставился в пол между своих сапог. Он показался Элинор пустой устричной раковиной, из которой высосали тело и жизнь.

Когда Каприкорн сел и умолкла музыка, всё это время игравшая на площадке, ввели Мегги. Её вырядили в нелепое платье, но голову она держала высоко, и старуха, которую все здесь называли не иначе как Сорока, с большим трудом втащила её на помост, сооружённый посередине площадки. На нём ничего не было, кроме стула, выглядевшего так потерянно, будто кто-то забыл его там наверху. Виселица с петлёй была бы, на взгляд Элинор, уместнее. Мегги посмотрела в их сторону, пока Сорока тянула её вверх по деревянной лестнице.

— Здравствуй, дорогая! — крикнула Элинор, поймав испуганный взгляд девочки. — Не волнуйся, я пришла просто потому, что хотела непременно послушать, как ты читаешь.

С появлением Каприкорна воцарилась такая тишина, что голос Элинор разнёсся по всему полю. Он звучал твёрдо и бесстрашно. К счастью, отчаянный стук её сердца о рёбра никому слышен не был. Никто не мог догадаться, что она задыхается от страха, потому что Элинор надела броню — непробиваемую, испытанную броню, всегда спасавшую её в тяжёлые времена. С каждым новым горем броня становилась крепче, а горя в жизни Элинор было предостаточно.

Один из чернокурточников рассмеялся её словам, и даже по лицу Мегги скользнула тень улыбки. Элинор обняла Терезу за плечи и притянула к себе.

— Ты только посмотри на свою дочь! — сказала она. — Храбрая, как… как…

Она хотела сравнить Мегги с отважным героем какой-нибудь книжки, но все они были мужчины и к тому же, на её взгляд, не так храбры, как эта девочка, смотревшая с помоста на подручных Каприкорна, гордо подняв голову и упрямо выставив подбородок.

Сорока привела с собой, кроме Мегги, какого-то старика. «Наверное, — подумала Элинор, — это тот самый человек, по вине которого все мы тут оказались. Фенолио, придумавший Каприкорна, Басту и всю прочую мерзость, включая чудовище, которое убьёт меня

сегодня ночью». Элинор всегда любила книги, а не писателей и не слишком доброжелательно глядела на старика, которого Плосконос вёл мимо её клетки. Для него был приготовлен стул в нескольких шагах от кресла Каприкорна. Элинор спросила себя, не означает ли это, что у Каприкорна появился новый друг, но, когда за спиной у старика с мрачным видом вырос Плосконос, она пришла к выводу, что это, скорее, новый узник.

Когда старик уселся, Каприкорн поднялся со своего места. Он молча обвёл взглядом длинные ряды своих молодцов, медленно, словно вспоминая при виде каждого, что хорошего и плохого тот сделал у него на службе. В наступившей тишине чувствовался страх. Ни смешка, ни шёпота не слышно было со скамей.

— Большинству из вас, — громко произнёс Каприкорн, — не нужно объяснять, в чём вина трёх узников, которых вы перед собой видите. Остальным же достаточно будет сказать, что речь идёт о предательстве, болтливости и глупости. Конечно, можно спорить о том, является ли глупость преступлением, заслуживающим смертной казни. Я полагаю, что является, поскольку может иметь те же последствия, что и предательство.

При последних его словах на скамьях поднялось смятение. Элинор сперва подумала, что оно вызвано речью Каприкорна, но тут и до неё донёсся колокол. Даже Баста поднял голову на его гулкий звон в ночи. По знаку Каприкорна Плосконос подозвал пятерых товарищей и удалился с ними. Оставшиеся тревожно зашептались, сдвинув головы, некоторые даже вскочили, глядя вверх, на деревню. Но Каприкорн поднял руку, усмиряя поднявшийся ропот.

— Ничего не случилось! — выкрикнул он так громко и резко, что на скамьях мгновенно снова стало тихо. — Просто пожар. Мы ведь знакомы с пожарами, правда?

В рядах слушателей раздался смех, и всё же некоторые, как женщины, так и мужчины, продолжали встревоженно оборачиваться в сторону деревни.

Всё-таки они это сделали. Элинор до боли прикусила губу. Мортимер с мальчиком решились на поджог. Дым пока не поднялся над крышами, и вскоре все снова успокоенно повернулись к Каприкорну, разглагольствовавшему о предательстве, двуличии, дисциплине и преступной халатности. Элинор слушала его вполуха.

Она все оборачивалась на деревню, хотя и понимала, что делать этого не следует.

— Но довольно о присутствующих здесь узниках! — воскликнул Каприкорн. — Перейдём к тем, которым удалось улизнуть.

Кокерель поднял лежавший за креслом Каприкорна мешок и протянул хозяину. Каприкорн, улыбаясь, сунул руку внутрь и достал какой-то предмет. Когда он расправил его перед присутствующими, это оказался рваный, окровавленный лоскут рубашки.

— Они мертвы! — торжественно провозгласил Каприкорн. — Конечно, я предпочёл бы увидеть их здесь, но, к сожалению, их пришлось пристрелить при попытке к бегству. Впрочем, предателя Огнеглота, которого многие из вас знали, не жалко, а после Волшебного Языка, к счастью, осталась дочь, унаследовавшая его дар.

Тереза посмотрела на Элинор, в глазах у неё застыл ужас.

— Он лжёт! — шепнула ей Элинор, хотя и сама не могла оторвать глаз от окровавленных лохмотьев. — Он воспользовался моей выдумкой! Это не кровь, это краска, обыкновенная краска…

Но она видела, что племянница ей не верит. Она верила кровавым лоскутам, как и её дочь. Элинор поняла это по лицу Мегги. Ей очень хотелось крикнуть девочке, что Каприкорн лжёт, но пока нужно было, чтобы он продолжал верить в то, что все мертвы и никто не придёт испортить ему праздник.

— Жалкий поджигатель, хвастайся теперь своей кровавой тряпкой! — закричала она ему сквозь решётку. — Вот уж правда есть чем гордиться. Зачем тебе ещё чудовище? Вы все чудовища! Все, кто здесь сидит! Истребители книг, похитители детей!

Никто не обращал на неё внимания. Два-три чернокурточника захохотали, а Тереза подошла к решётке, обхватила пальцами тонкую проволоку и поглядела на Мегги.

Каприкорн повесил окровавленную ткань на ручку своего кресла. «Этот лоскут я уже видела! — с вызовом сказала про себя Элинор. — Они не погибли! Иначе кто же совершил поджог?» — «Пожиратель Спичек», — шепнул ей внутренний голос, но она не поддалась ему. Нет, у этой истории будет хороший конец! Иначе просто быть не может. Она никогда не любила историй с плохим концом.

ПРИЗРАК

Моё небо из меди
Земля — из стали
Луна моя — глины комок
Чума — моё солнце
Палящее в полдень
И дыхание смерти
В ночи.

У. Блейк. Вторая элегия Эниона

В книгах часто говорится о горячей ненависти. Но на празднике Каприкорна Мегги узнала, что она холодная, как ледяная рука, сдавливающая сердце и притискивающая его к рёбрам, будто сжатый кулак. Её знобило от ненависти, хотя ночь была тёплая и воздух ласкался к ней, словно желая сказать, что мир по-прежнему прекрасен, несмотря на кровавую тряпку под унизанной кольцами рукой Каприкорна.

— Что ж, об этом сказано довольно, — объявил он. — Перейдём к тому, ради чего, собственно, мы здесь собрались. Мы хотим сегодня не только наказать нескольких предателей, но и отпраздновать свидание со старым другом. Некоторые их вас, наверное, его помнят, а остальные, обещаю, никогда уже не забудут его, когда раз увидят.

Худое лицо Кокереля исказилось болезненной улыбкой. Он явно не слишком радовался предстоящему свиданию. На некоторых лицах при словах Каприкорна отразился страх.

— Что ж, довольно речей. Послушаем чтение.

Каприкорн откинулся в кресле и кивнул Сороке.

Мортола хлопнула в ладоши, и по площадке к ней заспешил Дариус. В руках у него была та самая шкатулка из комнаты Сороки. Он явно знал, что в ней находится. Лицо у него заострилось больше обычного; он открыл шкатулку и, смиренно опустив голову, подал Сороке. Змеи, видимо, дремали, потому что Мортола достала их, не надевая перчатку. Она даже повесила их себе на плечо, пока вынимала

книгу из шкатулки. Потом осторожно, как дорогое ожерелье, положила змей на место, закрыла крышку и снова отдала шкатулку Дариусу. Он остался стоять на помосте, лицо у него было несчастное. Мегги поймала его сочувственный взгляд, когда Сорока усадила её на стул и положила ей на колени книгу.

Вот он снова перед ней, злосчастный томик в ярком бумажном наряде. Интересно, какого он цвета под суперобложкой? Мегги пальцем тихонько приподняла её и увидела тёмно-красную ткань переплёта, красную, как пламя вокруг чёрного сердца. Все несчастья начались со страниц этой книги, и только от её автора оставалось теперь ждать спасения. Мегги погладила переплёт, как делала всегда, прежде чем открыть книгу. Этот жест она переняла у Мо. Она помнит его с самого раннего детства — как отец берёт в руки книгу, ласково проводит рукой по переплёту и открывает её, словно сундук, до краёв полный невиданных сокровищ. Конечно, случалось, что за переплётом не оказывалось ожидаемых чудес.

Такую книгу закрывали, досадуя на неисполненное обещание. Но к «Чернильному сердцу» это не относилось. Плохие книги не оживают. Из них не выудишь ни Сажерука, ни даже Басты.

— Я должна сказать тебе кое-что!

Платье Сороки пахло лавандой. Запах повеял на Мегги как угроза.

— Если ты не исполнишь того, зачем ты здесь, если ты вздумаешь нарочно оговориться или так исказить слова, что гость, которого ждёт Каприкорн, не придёт, тогда Кокерель, — Мортола пригнулась к Мегги так близко, что девочка почувствовала на щеке её дыхание, — перережет глотку тому старику. Может быть, Каприкорн не отдаст такого приказа, потому что верит вздорным басням старика, но я им не верю, и Кокерель выполнит мой приказ. Поняла, детка?

Она ущипнула Мегги костлявыми пальцами за щеку. Мегги оттолкнула её руку и посмотрела на Кокереля. Он встал за спиной Фенолио, улыбнулся ей и провёл пальцем по горлу старика.

Фенолио оттолкнул его и поглядел на Мегги, стараясь вложить в этот взгляд все: ободрение, утешение и немую насмешку над всеми окружавшими их ужасами. Сработает ли их план, зависело от него, только от него и от слов, которые он написал. Мегги чувствовала, как царапает ей кожу спрятанный в рукаве листок. Листая книгу, она чувствовала, что руки у неё как чужие. То место, откуда ей следовало

начать, было отмечено на сей раз не загнутым уголком. Там лежала закладка, чёрная, как уголь.

«Откинь волосы со лба! — сказал ей Фенолио. — Это будет знак для меня».

Но только она приподняла левую руку, на скамьях снова началось волнение.

Это вернулся Плосконос. Лицо у него было всё в саже. Он торопливо подошёл к Каприкорну и что-то прошептал ему на ухо. Каприкорн нахмурился и обернулся к деревне. Мегги увидела два столба дыма, бледными клубами взвивавшиеся в небо рядом с колокольней.

Каприкорн снова поднялся с кресла. Он старался придать своему голосу выражение спокойной насмешки, как у взрослого, посмеивающегося над проделкой детей. Но лицо его говорило другое.

— Сожалею, что мне придётся испортить праздник некоторым из вас, но сегодня и у нас закричал красный петух. Он совсем заморыш, этот петушок, но всё же нужно свернуть ему шею. Плосконос, возьми ещё десятерых на подмогу!

Плосконос увёл новую команду. Ряды сидящих заметно поредели.

— И пусть ни один не возвращается, пока вы не отыщете поджигателя! — крикнул им вслед Каприкорн. — Мы сегодня же, здесь же проучим его — будет знать, как поджигать жилище самого дьявола!

Кто-то рассмеялся. Но большинство тревожно оборачивались на деревню. Несколько служанок даже поднялись с мест, но Сорока прикрикнула на них, называя каждую по имени, и они поспешно сели обратно, как школьницы, получившие нагоняй от учителя. И всё же публика волновалась. На Мегги никто уже не смотрел, почти все отвернулись от неё, показывали пальцами на столбы дыма, перешёптывались. По колокольне подымались багряные отсветы, а над крышами стелился серый дым.

— В чём дело? Что вы так уставились на струйку дыма? — В голосе Каприкорна звучала неприкрытая злость. — Немного дыма, два-три языка огня… Ну и что? Неужели мы позволим испортить нам праздник? Огонь — наш лучший друг. Вы что, не знаете?

Мегги увидела, как лица собравшихся медленно и неохотно вновь поворачиваются к ней. И тут она услышала имя. Сажерук. Его

выкрикнул женский голос.

— Это ещё что? — Голос Каприкорна прозвучал так резко, что Дариус чуть не выронил шкатулку со змеями. — Сажерука больше нет. Он лежит где-то среди холмов, во рту у него земля, а на груди — его куница. Я не желаю больше слышать это имя. Он забыт, будто его и не было никогда.

— Неправда! — Голос Мегги раздался над площадкой так громко, что она сама испугалась. — Он здесь! — Она подняла книгу над головой. — Что бы вы с ним ни сделали. Каждый, кто прочтёт эту книгу, увидит его, услышит его голос и смех и его огненные представления.

На футбольном поле настала мёртвая тишина. Её нарушало только беспокойное шарканье ног по песку. И вдруг Мегги услышала у себя за спиной странный звук. Там что-то тикало, как часы, — но у часов звук другой. Похоже было, что кто-то цокает языком, изображая часы: тик-так, тик-так, тик-так. Звук доносился от машин, стоявших за проволочной сеткой. Мегги не выдержала и оглянулась, несмотря на Сороку и все недоверчиво направленные на неё взгляды. Фары слепили глаза. Она готова была сама себя побить за глупость. Что, если и другие заметили тонкую фигурку, на секунду выглянувшую из-за машины и тут же исчезнувшую снова? Но, похоже, никто ничего не заметил, в том числе и тиканья.

— Красивая речь, — медленно произнёс Каприкорн. — Но ты здесь не для того, чтобы поминать погибших предателей. Твоё дело читать. Говорю в последний раз.

Мегги заставила себя взглянуть ему в лицо. Главное — не оборачиваться на машины. Что, если это и правда был Фарид? Что, если тиканье ей не послышалось?

Сорока недоверчиво поглядела на неё. Может быть, и она слышала этот тихий, безобидный звук, просто цоканье языка о верхние зубы. Какое это может иметь значение? Конечно, если знать историю капитана Крюка, который боялся крокодила с будильником в желудке… Сорока её уж точно не знала. Зато Мо не сомневался, что Мегги поймёт его знак. Сколько раз он будил её, тикая в самое ухо так, что ей становилось щекотно: «Мегги, вставай! Крокодил уже здесь!»

Поэтому Мо мог твёрдо рассчитывать, что Мегги узнает тиканье, с которым Питер Пэн пробрался на корабль Крюка, чтобы спасти

Венди. Лучше знака он не мог придумать.

«Венди! — подумала Мегги. — Что там с ней было дальше?» На мгновение она чуть не забыла, где находится. Но Сорока напомнила ей об этом. Ладонью она стукнула девочку по затылку.

— Да начинай же наконец, маленькая ведьма! — прошипела она.

Мегги повиновалась.

Она поспешно вынула чёрную закладку. Нужно торопиться, нужно читать, пока Мо не наделал глупостей. Он же не знает, что задумали они с Фенолио.

— Я начинаю и прошу, чтобы мне никто не мешал! — крикнула она. — Никто! Ясно? — «Пожалуйста, — думала она про себя, — пожалуйста, ничего не предпринимай».

Некоторые из оставшихся людей Каприкорна засмеялись. Но Каприкорн откинулся в кресле и скрестил руки в ожидании.

— Обратите внимание на то, что сказала малышка! — произнёс он. — Кто будет ей мешать, первым пойдёт на угощение Призраку!

Мегги просунула два пальца в рукав. Они тут, слова Фенолио. Она посмотрела на Сороку.

— Вот кто мне мешает! — сказала она. — Я не могу читать, когда она стоит у меня над душой.

Каприкорн нетерпеливо кивнул Сороке. Мортола сделала такое лицо, будто её заставили откусить кусок мыла, но всё же отступила на три шага. Пожалуй, этого достаточно.

Мегги подняла руку и отвела волосы со лба.

Знак для Фенолио.

Он тут же начал представление.

— Нет! Нет! Она не будет читать! — закричал он и шагнул к Каприкорну, прежде чем Кокерель успел его удержать. — Я этого не допущу! Я автор этой книги, и я написал её не для того, чтобы её использовали для убийств и издевательств!

Кокерель попытался зажать ему рот, но Фенолио укусил его за пальцы и вывернулся с такой ловкостью, какую Мегги и предполагать не могла у старика.

— Я тебя выдумал! — кричал он, пока Кокерель гонялся за ним вокруг кресла Каприкорна. — И жалею об этом, ты, воняющий серой подонок! — И он бросился бежать по площадке.

Кокерель поймал его уже у клетки с узниками. На скамейках потешались над Хромоногим, и за это он так заломил Фенолио руку за спину, что старик закричал от боли. И всё же, когда Кокерель тащил его обратно к Каприкорну, вид у него был довольный, очень довольный, потому что он знал, что дал Мегги достаточно времени. Они много раз репетировали эту сцену. У неё дрожали пальцы, когда она доставала листок, но никто не заметил, как она всунула его между страницами — даже Сорока.

— Ну и враль этот старик! — воскликнул Каприкорн. — Неужели похоже, что меня выдумала такая рожа?

Снова раздался смех. О дыме над деревней все, похоже, забыли. Кокерель зажал ладонью рот Фенолио.

— Повторяю — надеюсь, в последний раз, — громко обратился Каприкорн к Мегги. — Начинай! Узники уже заждались палача!

Снова настала тишина, отдающая страхом.

Мегги склонилась над лежащей на коленях книгой. Буквы плясали у неё перед глазами.

«Появись! — думала Мегги. — Появись и спаси нас. Спаси нас всех: Элинор и мою маму, Мо и Фарида. Спаси Сажерука, если он ещё здесь, а по мне, так даже Басту».

Собственный язык казался ей зверьком, который случайно забежал ей в рот и теперь бьётся головой об ограду зубов.

— «У Каприкорна было много подручных, — начала она, — и каждого боялись по всей округе. Они пахли остывшим дымом, серой и горючим. Завидев кого-нибудь из них в полях или на деревенской улице, люди запирали двери и прятали детей. Они называли их поджигателями или легавыми. У молодцов Каприкорна было много прозвищ. Они внушали страх днём, они проникали отравой в ночные сны. И только одного боялись больше, чем молодцов Каприкорна. — Мегги казалось, что её голос увеличивается с каждым словом. Он рос, пока не заполонил собой все. — Его называли Призраком».

Ещё две строки, потом перевернуть страницу. Там ждали буквы, написанные Фенолио.

«Ты только взгляни, Мегги! — прошептал он, показывая ей листок. — Ну разве я не художник? Разве есть на свете что-нибудь прекраснее букв? Волшебные знаки, голоса умерших, строительные

камни чудесных миров… И более того: знаки-утешители, избавители от одиночества. Хранители тайн, провозвестники истины…»

«Пробуй на язык каждое слово, Мегги, — зазвучал в её памяти голос Мо, — пусть оно тает у тебя во рту. Чувствуешь краски? Ветер и ночь? Страх и радость? И любовь? Почувствуй их, Мегги, и все оживёт».

— «Его называли Призраком. Он появлялся только по зову Каприкорна. — Как взрывалось П у неё на губах, какой угрозой раскатывалось Р. — Иногда он бывал красным, как огонь, иногда серым, как пепел, в который огонь превращает всё, что попадается ему на пути. Он пробивался из земли, как пламя из хвороста. Смерть была в его пальцах и даже в его дыхании. Он вырастал у ног своего повелителя, безголосый и безликий, принюхиваясь, как собака, идущая по следу, и ожидая, чтобы хозяин указал ему его жертву. Говорили, будто Каприкорн велел кому-то из кобольдов или гномов, умельцев во всём, что касается огня и дыма, создать Призрак из пепла его жертв. Наверняка никто ничего не знал, потому что Каприкорн, по слухам, велел умертвить создателей Призрака. Но все знали одно: что он бессмертен, и неуязвим, и не знает жалости, как и его хозяин».

Голос Мегги смолк, словно ветер унёс его с её губ.

Из гравия, покрывавшего площадку, что-то поднялось и стало вытягиваться в высоту, распрямляя пепельно-серые члены. В ночи запахло серой. Этот запах ел Мегги глаза так сильно, что буквы стали расплываться, но нужно было читать, не останавливаясь, пока чудовище росло всё выше и выше, словно хотело дотянуться до неба серными пальцами.

— «Но однажды тёплой звёздной ночью Призрак явился не на зов Каприкорна, а на девичий голос. Когда девочка произнесла его имя, к нему вернулась память. Он вспомнил всех, из чьего пепла он был создан, всю боль и горе…»

Сорока схватила Мегги за плечо.

— Что ты читаешь?

Но Мегги вскочила на ноги и увернулась. Старуха не успела выхватить у неё листок.

— «К нему вернулась память, — продолжала она громко, — и он решил отомстить. Отомстить тем, кто виноват в великой беде, кто отравил мир своей жестокостью…»

— Остановите её!

Голос Каприкорна? Мегги чуть не свалилась с помоста, уворачиваясь от Сороки. Дариус стоял рядом со шкатулкой в руках и ошалело смотрел на неё.

И вдруг медленно, осторожно, как будто времени у него было сколько угодно, он поставил шкатулку наземь и обхватил Сороку сзади своими худыми руками. Она ругалась и брыкалась, но он не выпускал её. А Мегги читала дальше, не спуская глаз с Призрака, который стоял и смотрел на неё. У него и вправду не было лица, но были глаза — страшные, красные, как полыхавший между домами огонь, как жар скрытого пламени.

— Отберите у неё книгу! — крикнул Каприкорн. Он стоял перед креслом, пригнувшись, не в силах ступить ни шагу навстречу тени. — Отберите, скорее!

Но никто не шевельнулся — ни среди мужчин, ни среди женщин, ни среди мальчишек. Все замерли, глядя на Призрака, а он стоял неподвижно, вслушиваясь в голос Мегги, как будто она рассказывает ему давно забытую историю.

— «Да, он решил отомстить, — читала Мегги. Зачем же голос у неё так дрожит? Но убивать нелегко, даже если это сделает за тебя другой. — И тогда Призрак подошёл к своему хозяину, протянул к нему бледные, как пепел, руки…»

Как беззвучно двигалась эта гигантская, чудовищная фигура!

Мегги глядела на следующую фразу Фенолио: «И Каприкорн пал ниц, и чёрное сердце его остановилось…»

Она не могла выговорить эти слова.

Всё было напрасно.

Вдруг кто-то встал у неё за спиной — она и не заметила, как он поднялся на помост. Рядом с ним стоял мальчик с ружьём, угрожающе направив дуло на скамьи. Но там никто не шевельнулся. Никто не шевельнул пальцем, чтобы спасти Каприкорна. Мо взял книгу из рук Мегги, пробежал глазами строки на листке и твёрдым голосом дочитал до конца написанное стариком:

— «И Каприкорн пал ниц, и чёрное сердце его остановилось, и все, кто жёг, грабил и убивал вместе с ним, исчезли, как пепел, развеянный ветром».

ВСЕГО ЛИШЬ ЗАБРОШЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

В книгах встречаю я мёртвых живыми, в книгах вижу я грядущие времена. Со временем все портится и проходит; все славное было бы предано забвению, когда бы Господь не дал в помощь смертным книги.

Р. де Бери

(цитируется по А. Мангелю)

Так погиб Каприкорн, в точности так, как написал Фенолио. И Кокерель исчез в то же мгновение, как упал мёртвым его хозяин, а с ним вместе — большая часть бандитов, сидевших на скамьях. Остальные бросились прочь, все побежали прочь, женщины и мальчишки. Навстречу им шли те, кого Каприкорн послал тушить огонь и ловить поджигателя. На их запачканных сажей лицах был ужас. Не из-за огня, пожравшего дом Каприкорна, нет — огонь они потушили. На их глазах испарился в воздухе Плосконос и ещё несколько подручных Каприкорна. Они исчезли, словно их поглотила тьма, словно они и не существовали никогда. А может быть, так оно и было. Человек, создавший их, теперь их уничтожил, стёр, как лишнюю черту на рисунке, как пятна с белой бумаги. Они исчезли, а остальные, родившиеся не из слов Фенолио, побежали назад, доложить Каприкорну об ужасе, творящемся тут. Но Каприкорн лежал ниц, на его красный костюм налипла щебёнка. Никто никогда уже не придёт доложить ему об огне и дыме, о страхе и смерти. Больше никогда.

И только Призрак всё ещё стоял там, огромный, видный издалека, серый на фоне чёрного ночного неба, с глазами как две пылающие звёзды, так что они забыли, о чём собирались доложить, и бросились вниз, к автостоянке, к машинам. Прочь, скорее прочь отсюда, пока это существо, которое позвали сюда, как собаку, не сожрало их всех!

Когда Мегги пришла в себя, никого из них уже не было. Она спрятала голову под мышкой у Мо, как всегда, когда не хотела больше глядеть на мир. А Мо спрятал книгу под куртку, в которой он и вправду выглядел как один из молодцов Каприкорна, и держал дочь в объятиях, пока все вокруг них бежало и вопило, и только Призрак стоял тихо, так тихо, как будто убийство хозяина вконец обессилило его.

Она не знала, сколько прошло времени, когда услышала голос Мо:

— Фарид, ты сумеешь открыть эту клетку? Тут только она высунулась из-под руки Мо и увидела, что Сорока по-прежнему здесь. Почему она не исчезла? Дариус всё ещё держал её, словно боялся отпустить. Но она уже не отбивалась. Она только смотрела на Каприкорна, и слёзы текли по её острому лицу, по маленькому, мягкому подбородку и капали ей на платье, как дождик.

Фарид соскочил с помоста легко, как Гвин, и подбежал к клетке, по-прежнему не спуская глаз с Призрака. Но тот не двигался, он просто тихо стоял тут, как будто никогда-никогда больше не сдвинется с места.

— Мегги, — прошептал Мо ей на ухо, — подойдём к узникам, ты не против? У бедной Элинор усталый вид, а кроме того, я хочу познакомить тебя кое с кем.

Фарид уже возился с дверью клетки, а обе женщины смотрели на них.

— Меня не нужно с ней знакомить, — сказала Мегги, сжимая его руку. — Я знаю, кто это. Я давно это знаю, мне очень хотелось тебе рассказать, но тебя же не было. Но мы должны ещё кое-что прочитать. Последние слова. — Она вытащила книгу из-под куртки Мо и перелистывала страницы, пока не нашла вложенный листок. — Они на обороте, потому что не поместились, — сказала она. — Фенолио просто не умеет писать мелко.

Фенолио…

Она опустила листок и начала оглядываться по сторонам, но его нигде не было видно. Уж не увели ли его с собой люди Каприкорна или…

— Мо, его нет! — сказала она испуганно.

— Сейчас я его поищу, — успокоил её Мо. — Но сперва читай, скорее! Или, хочешь, я прочту?

— Нет!

Призрак задвигался, он сделал шаг к трупу Каприкорна, шатнулся назад, повернулся неуклюже, как танцующий медведь. Мегги послышался стон. Фарид присел у клетки, когда красные глаза посмотрели в его сторону. Элинор и мать Мегги тоже отпрянули. Но Мегги уверенно прочла:

— «Призрак стоял неподвижно, и воспоминания причиняли ему такую боль, что, казалось, она разорвёт его на куски. В ушах у него звучали все крики и стоны, он чувствовал слёзы на своей серой коже. Страх, пережитый людьми, ел ему глаза, как дым. Но вдруг он почувствовал в себе что-то новое. Он поник, опустился на колени, его огромная, чудовищная фигура распалась, и вдруг все те, из чьего пепла он был создан, воскресли: женщины, мужчины, дети, собаки, кошки, кобольды, феи и ещё много разных существ».

Мегги увидела, как на пустом футбольном поле стало тесно. Воскресшие растерянно оглядывались, словно разбуженные ото сна, и Мегги прочла последнюю фразу, написанную Фенолио:

— «Они словно проснулись после дурного сна, и все наконец стало хорошо».

— Его нет! — сказала Мегги, когда Мо взял у неё из рук листок Фенолио и вложил обратно в книгу. — Мо, он исчез! Он в книге. Я знаю.

Мо посмотрел на книгу и спрятал её обратно под куртку.

— Да, ты, наверное, права, — сказал он. — Но, раз так, мы пока ничего поделать не можем.

И он потянул Мегги за собой с помоста, сквозь толкучку людей и странных существ, высыпавших на площадку Каприкорна, будто они всегда тут жили. Дариус пошёл за ними. Он наконец выпустил Сороку, она стояла у стула, на котором раньше сидела Мегги. Опершись о его спинку костлявыми руками, старуха плакала беззвучно, с неподвижным лицом, как будто собираясь без остатка изойти слезами.

Когда Мегги вместе с Мо подходила к клетке, в волосы ей залетела фея — крошечное, синекожее создание, рассыпавшееся в многоречивых извинениях. Потом Мегги споткнулась о косматое существо, казавшееся получеловеком, полузверем, и, наконец, едва не

наступила на человечка, который, судя по всему, целиком состоял из стекла. Странных обитателей получила деревня Каприкорна.

Фарид всё ещё возился с замком, когда они подошли к клетке. Он мрачно крутил его во все стороны, бормоча, что все делает точно, как показывал Сажерук, но это какой-то особенный замок.

— Отлично! — насмешливо сказала Элинор, прижимаясь лицом к решётке. — Призрак не съел нас на ужин, зато сами мы умрём с голоду в этой клетке. Ну как тебе нравится твоя дочь, Мо? До чего же храбрая! Я бы на её месте не смогла прочитать ни слова, ни словечка! Господи, у меня чуть сердце не остановилось, когда эта старуха стала вырывать у неё книгу.

Мо обнял Мегги на плечи и улыбнулся, но смотрел он не на неё. Девять лет — большой, очень большой срок.

— Ура! Получилось! — закричал Фарид и распахнул дверь клетки.

Но не успели женщины подойти к ней, как из дальнего угла поднялась тёмная фигура и бросилась на первого человека, стоявшего у него на пути, — на мать Мегги.

— Стой! — зашипел Баста. — Стой, не торопись! Куда ты собралась, Реза? Назад к семье? Ты думаешь, я не понял, о чём вы шептались в склепе? Я отлично все понял.

— Пусти её! — закричала Мегги. — Пусти! Почему она не обратила внимания на тёмный свёрток, неподвижно лежавший в углу? Почему она решила, что Баста непременно погиб вместе с Каприкорном? Но как вышло, что он не погиб? Почему он не исчез, как Плосконос, как Кокерель и все остальные?

— Пусти её, Баста! — Мо говорил тихо, как будто кричать у него уже не было сил. — Ты отсюда не выйдешь — ни один, ни с ней. Никто не придёт тебе на помощь, они все исчезли.

— Нет, я отсюда выйду, — ответил Баста язвительно. — Я её придушу, если ты меня не выпустишь. Сломаю ей тоненькую шейку. Ты знаешь, что она не говорит? Она не может произнести ни звука, потому что её вычитывал этот халтурщик Дариус. Она немая, как рыба, хорошенькая немая рыбка. Но ты ведь, насколько я тебя знаю, возьмёшь её обратно и такую?

Мо ничего не ответил, и Баста засмеялся.

— Почему ты жив? — выкрикнула Элинор. — Почему ты не упал мёртвым, как твой хозяин, или не растворился в воздухе? Признавайся!

Баста пожал плечами.

— Почём я знаю? — буркнул он, не выпуская шею Резы.

Она попыталась ударить его ногой, но он сильнее сдавил ей горло.

— Сорока ведь тоже никуда не делась — наверное, потому, что всегда посылала других делать грязную работу. Что до меня — может быть, меня причислили к хорошим, потому что я был заперт в клетку? А может быть, я здесь, потому что давно уже ничего не поджигал и никогда не получал удовольствия от убийства, как Плосконос? Все может быть… Как бы то ни было, я здесь… А теперь пропусти-ка меня, книголюбка!

Но Элинор не тронулась с места.

— Нет! — сказал она. — Ты выйдешь отсюда, только когда отпустишь её. Я не могла поверить, что у этой истории будет хороший конец, но он всё же настал. И ты, ублюдок, не испортишь его в последний момент, не будь я Элинор Лоредан! — Она решительно загородила своим телом дверь клетки. — На этот раз ножа у тебя нет, — сказала она угрожающе тихо. — У тебя есть только твой поганый язык, но от него тебе толку не будет, можешь мне поверить. Ткни его в глаз, Тереза! Пни его под коленку, укуси его за пальцы, мерзавца!

Но Тереза не успела послушаться — Баста вдруг оттолкнул её так, что она налетела на Элинор и схватилась за неё, за неё и за Мо, бросившегося на помощь обеим.

А Баста кинулся к двери клетки, отпихнул в сторону остолбеневших Фарида и Мегги и побежал прочь, расталкивая воскресших, все ещё бродивших как во сне по праздничной площадке Каприкорна. Не успели Фарид и Мо броситься вдогонку, как он уже исчез.

— Замечательно! — пробормотала Элинор, выходя с Терезой из клетки. — Теперь этот тип будет меня преследовать во сне, и каждый раз, как я ночью услышу у себя в саду малейший шорох, мне будет казаться, что его нож упирается мне в горло.

Но исчез не только Баста, Сорока тоже бесследно пропала той же ночью. Когда они наконец побрели, измученные, к автостоянке, в

надежде найти машину, чтобы уехать из деревни Каприкорна, ни одной машины там не было. Автостоянка была совершенно пуста.

— Нет, скажите мне, что это неправда! — простонала Элинор. — Неужели нам снова придётся идти пешком по всем этим проклятым колючкам?

— Разве что у тебя найдётся телефон, — сказал Мо.

Он ни на шаг не отходил от Терезы с того мгновения, как убежал Баста. Он озабоченно осмотрел её шею — на ней остались красные пятна от пальцев Басты; он пропустил сквозь пальцы прядку её волос и сказал, что тёмные нравятся ему даже больше. Но девять лет и вправду большой срок, и Мегги наблюдала, как осторожно, медленно идут навстречу друг другу её родители, словно по узкому мосту через безбрежную пустоту.

Конечно, телефона у Элинор не было. Каприкорн приказал его отобрать. Фарид тут же вызвался поискать его в обгоревшем доме Каприкорна, но ничего не нашёл.

Тогда они решили остаться в деревне ещё на одну, последнюю, ночь, вместе со всеми, кого воскресил Фенолио. Ночь была тёплая и ясная, ничто не мешало расположиться на ночлег под открытым небом.

Мегги и Мо принесли одеяла, их хватало во вновь заброшенной деревне Каприкорна. Только из дома Каприкорна они не стали ничего брать. Мегги ни за что не хотела вновь переступить его порог — не из-за запаха гари, которым все ещё тянуло из окон, не из-за обугленных дверей, а из-за воспоминаний, бросавшихся на неё при одном его виде, как хищные звери.

Сидя между Мо и матерью под старым дубом недалеко от автостоянки, она на мгновение вспомнила про Сажерука. Уж не сказал ли Каприкорн в этом случае правду? Не лежит ли он мёртвым где-то на этих холмах? «Я, наверное, никогда не узнаю, что с ним сталось», — подумала Мегги; над ней с растерянным лицом раскачивалась на ветке одна из синих фей.

Деревня казалась заколдованной в эту ночь. Воздух был полон странных голосов, а проходившие по автостоянке существа выглядели так, словно вышли из детских снов, а не из слов старика. Об этом Мегги тоже снова и снова думала в эту ночь. Где сейчас Фенолио и нравится ли ему в собственной книге? Ей очень хотелось, чтобы

нравилось. Но она знала, что он будет скучать по внукам, игравшим в прятки в его шкафу.

Прежде чем провалиться в сон, Мегги увидела, как Элинор движется в окружении кобольдов и фей с таким блаженным лицом, какого она никогда у неё не видела. А по сторонам от Мегги сидели её родители, и мать писала — на листьях дуба, на ткани платья, на песке. Столько слов рвалось, чтобы их написали…

ТОСКА ПО ДОМУ

Но всё же Бастиан знал, что не сможет уйти без этой книги. Теперь ему стало ясно: он и попал-то сюда из-за неё — это она приманила его каким-то таинственным образом, потому что хотела быть у него, да и всегда, в сущности, была его книгой!

М. Энде. История, конца которой нет

(перевод А. Исаевой и Л. Лунгиной)

Сажерук тоже все видел — с крыши, находившейся от праздничной площадки Каприкорна как раз на таком расстоянии, чтобы чувствовать себя в безопасности от Призрака и в то же время не упустить ни одной подробности, — благодаря биноклю, найденному в доме Басты. Сперва он хотел остаться в своём укрытии. Слишком часто случалось ему видеть, как убивает Призрак. И всё же его повлекло на праздник Каприкорна странное чувство, неразумное, как вера Басты в амулеты, чувство, что само его присутствие поможет сохранить книгу. А когда он выскользнул в переулок, он ощутил в себе ещё кое-что, в чём ему не хотелось сознаваться самому себе: он хотел увидеть гибель Басты в тот самый бинокль, через который Баста так часто рассматривал своих будущих жертв.

И вот он сидел на дырявой крыше, прислоняясь спиной к холодной печной трубе, с лицом, зачернённым углём (потому что светлое лицо может выдать человека в темноте), и смотрел, как подымается в небо дым над домом Каприкорна. Он видел, как Плосконос отправился с небольшим отрядом тушить пожар. Он видел, как вырос над землёй Призрак, как на лице старика выразилось бесконечное изумление — и вдруг он исчез; видел, как погиб Каприкорн им же самим вызванной смертью. Баста, к сожалению, не погиб, и это было досадно. Сажерук видел, как тот убежал. Видел он и то, что Сорока последовала за ним.

Он все видел, Сажерук — не участник, а зритель.

Он уже не раз бывал лишь зрителем, и это была не его история. Какое дело было ему до них до всех, до Волшебного Языка и его дочери, до Любительницы Книг и до женщины, которая снова принадлежала другому! Она могла бы бежать с ним, но осталась в склепе со своей дочерью — и он изгнал её из своего сердца, как делал всегда, когда кто-то вдруг обосновывался там слишком прочно. Он был рад, что она не досталась Призраку, но ему не было больше до неё дела. Отныне свои чудесные истории, прогоняющие одиночество, развеивающие тоску по дому и страх, Реза будет рассказывать Волшебному Языку. Что ему до этого?

А феи и кобольды, заполонившие вдруг футбольное поле в деревне Каприкорна? Они так же мало принадлежали этому миру, как и он; из-за них он не забудет о том, ради чего всё ещё находится здесь. Ему нужна была книга, только книга, и, увидев, как Волшебный Язык запихивает её под куртку, он твёрдо решил её заполучить. Ему достанется хотя бы книга, это будет справедливо. Он будет гладить страницы, закрывая глаза, и ему будет казаться, что он снова дома.

Старик с морщинистым лицом теперь там. С ума сойти! «Да, ты трус, Сажерук! — подумал он с горечью. — Трусом ты был, трусом и остался. Почему не ты стоял рядом с Каприкорном? Почему ты не решился явиться на праздник? Тогда, может быть, исчез бы ты, а не старик».

Фея с крыльями бабочки и молочно-белой кожей полетела за ним. Тщеславная малютка. Увидев своё отражение в оконном стекле, она всегда останавливалась перед ним с самозабвенной улыбкой, крутилась и вертелась в воздухе, приглаживала руками волосы и смотрела на себя так, словно каждый раз заново поражалась собственной красоте. Феи, к которым он привык, особым тщеславием не отличались, наоборот, они обожали измазать себе лицо тиной или цветочной пыльцой и, хохоча, просить, чтобы он угадал, чья именно мордочка скрывается под этой раскраской.

«Надо было всё же поймать себе одну! — подумал Сажерук. — Они могли бы сделать меня невидимкой. Здорово было бы снова побыть иногда невидимкой. Или кобольда — я мог бы с ним выступать. Все бы думали, что это просто карлик в меховом костюмчике. Никто не может простоять на голове дольше кобольда,

никто не умеет строить такие смешные рожи. А их потешные степенные танцы!.. Почему бы и нет?»

Луна прошла уже половину пути, а Сажерук всё ещё сидел на крыше. Фея с крыльями бабочки стала проявлять нетерпение. Она порхала вокруг его головы с пронзительным гневным звоном. Чего она хотела? Чтобы он вернул её туда, откуда она пришла, где у всех фей крылья как у бабочек и где понимают её язык?

— Ты не к тому обратилась, — сказал он ей тихо. — Видишь там внизу девочку и мужчину, который сидит рядом с белокурой женщиной? Вот с ними поговори! Но сразу предупреждаю: они мастера выманить тебя в свой мир, а вот отправить обратно — это они не больно-то умеют. Но всё-таки попытайся! Может, тебе больше повезёт, чем мне!

Фея повернулась, поглядела вниз, бросила на него последний обиженный взгляд и упорхнула прочь. Сажерук видел, как её свечение смешалось со свечением других фей, как они порхали вместе и гонялись друг за другом в ветвях деревьев. Они такие забывчивые. Никакое огорчение не задерживалось в их крошечных головках дольше одного дня, и, может быть, овеваемые тёплым ночным воздухом, они давно забыли, что это не их история.

Уже брезжил рассвет, когда внизу наконец все заснули. Только мальчик остался на часах. Мальчик был недоверчив, всегда на страже, всегда бдителен — если только не заиграется с огнём. Сажерук невольно улыбнулся, вспомнив его старательное лицо и как он обжёг себе губы, потихоньку стащив факелы из его рюкзака. С мальчиком проблем не будет. Конечно. Никаких проблем.

Волшебный Язык и Реза уснули под деревом, между ними блаженно спала Мегги, как птенчик в тёплом гнезде. В двух шагах от них спала Элинор и улыбалась во сне. Сажерук ещё никогда не видал её такой счастливой. На груди у неё, свернувшись калачиком, спала фея. Элинор прикрывала её ладонью. Лицо феи было чуть больше подушечки её мизинца. Сквозь крупные пальцы Элинор пробивалось свечение, словно она поймала звезду.

Завидев Сажерука, Фарид мигом вскочил на ноги. В руках у него было ружьё — оно, конечно, принадлежало раньше кому-то из людей Каприкорна.

— Ты… ты не погиб? — недоверчиво выдохнул он. Мальчишка по-прежнему был босиком. Конечно!

Он без конца спотыкался о шнурки, а завязывать их бантиком было для него почти непосильной задачей.

— Нет, не погиб. — Сажерук остановился возле Волшебного Языка и посмотрел на него. На него и на Резу. — Где Гвин? — спросил он мальчика. — Надеюсь, ты хорошо за ним присматривал?

— Он убежал, когда они в нас стреляли, но потом вернулся. — В голосе мальчика звучала нескрываемая гордость.

— Вот как! — Сажерук присел на корточки рядом с Волшебным Языком.

Да, он всегда знал, когда удирать, — весь в хозяина.

— Прошлой ночью мы оставили его в укрытии наверху, там, у сгоревшего дома, потому что знали, что тут будет опасно, — продолжал мальчик. — Но я собирался за ним сходить, когда кончится моё дежурство.

— Я сам за ним схожу. Не волнуйся, с ним, конечно, всё в порядке. Эта куница никуда не денется.

Сажерук просунул руку под куртку Волшебного Языка.

— Что ты делаешь? — Мальчик заволновался.

— Беру то, что принадлежит мне по праву, — ответил Сажерук.

Волшебный Язык не шевельнулся, когда он вытягивал у него из-под куртки книгу. Он спал спокойно и крепко. А что же ему теперь не спать? Он получил всё, к чему стремился.

— Она не твоя!

— Моя.

Сажерук поднялся и поглядел вверх, на дерево. Там спали сразу три феи. Он никогда не мог понять, как они умудряются спать на деревьях и не падать. Он осторожно стянул двух с тоненькой ветки, легко подул им в лицо, когда они, зевая, открыли было глаза, и сунул их в карман.

— Если на них подуть, они засыпают, — объяснил он мальчику. — Полезно знать на всякий случай — вдруг тебе придётся иметь с ними дело. Но, кажется, это относится только к синекожим.

Будить кобольда он не стал. Кобольды — народ упрямый, убеждать его придётся долго, а за это время может проснуться Волшебный Язык.

— Возьми меня с собой! — Мальчик загородил ему дорогу. — У меня твой рюкзак.

Он приподнял его, словно хотел выторговать себе право уйти с Сажеруком.

— Нет! — Сажерук взял у него из рук рюкзак, закинул за плечо и повернулся уходить.

— Возьми! — Мальчик побежал вслед за ним. — Ты должен взять меня с собой. А то что я скажу Волшебному Языку, когда он заметит, что книга пропала?

— Скажи, что ты уснул.

— Прошу тебя! Сажерук остановился.

— А она? — Он показал на Мегги. — Девочка ведь тебе нравится. Почему бы тебе не остаться с ней?

Мальчик покраснел. Он долго смотрел на Мегги, будто хотел получше запомнить, как она выглядит. Потом снова повернулся к Сажеруку.

— Я им чужой.

— Мне ты тоже чужой.

Сажерук снова пошёл от него прочь. Когда он миновал автостоянку и на много шагов углубился в холмы, мальчик всё ещё шёл за ним следом. Он старался ступать так тихо, чтобы Сажерук его не слышал, и, когда тот обернулся, Фарид застыл на месте, как будто его поймали с поличным.

— Ну что тебе? Я ведь всё равно не долго тут задержусь, — сердито сказал Сажерук. — Теперь, когда книга у меня, я найду кого-нибудь, кто сможет вчитать меня обратно, пусть это будет хоть заика вроде Дариуса, который отправит меня домой хромоногим или с расплющенным лицом. А ты тогда что будешь делать? Ты же останешься совсем один.

Мальчик пожал плечами и посмотрел на него своими угольно-чёрными глазами.

— Я научился отлично выплёвывать огонь, — сказал он. — Я без тебя много упражнялся. А вот глотать ещё не очень получается.

— Потому что это труднее. Ты слишком торопишься. Я тебе тысячу раз говорил.

Гвина они нашли у стен обгорелого дома, сонного, с налипшими на мордочку перьями. Он, похоже, обрадовался, увидав Сажерука, и

даже лизнул ему руку, но дальше везде бегал за мальчиком. Они шли весь день, пока не стемнело, продвигаясь к югу, в направлении моря. Потом сделали привал, подкрепившись запасами из буфета Басты: немного острой красной колбасы, кусок сыра, хлеб и оливковое масло. Хлеб уже немного зачерствел, но они макали его в оливковое масло, а поев, молча посидели немного на траве и пошли дальше. Под деревьями цвёл голубой и бледно-розовый шалфей. В кармане у Сажерука трепыхались феи, а за ним шёл мальчик, будто вторая тень.

ДОМОЙ

И поплыл он домой, плыл почти целый год, и много недель, и ещё один день в свою комнату, где стояла ночь и ждала еда, не успев остыть.

М. Сендак. Там, где дикие живут

Когда утром Мо заметил, что книга пропала, Мегги сперва подумала, что её выкрал Баста. Ей стало дурно от страха при мысли, что он бродил тут вокруг них, пока они спали. Но у Мо возникло другое подозрение.

— Фарида тоже нет, Мегги, — сказал он. — Ты думаешь, он ушёл бы с Бастой?

Нет, этого она не думала. Фарид мог уйти только с одним человеком. Мегги живо представила себе, как из темноты возник Сажерук, в точности как в ту ночь, с которой всё началось.

— А как же Фенолио? — сказала она. Мо только вздохнул.

— Даже не знаю, стал ли бы я пытаться вычитать его, Мегги, — сказал он. — Из этой книги вышло уже столько несчастий, а я не писатель, который может сам написать слова, которые хочет прочитать. Я для книг только что-то вроде врача. Я могу сделать им новый переплёт, извести книжного червя, не дать им с возрастом потерять страницы, как люди теряют волосы. Но продолжить историю, заполнить пустые страницы нужными словами — этого я не умею. Это другая, совсем другая профессия. Один знаменитый писатель сказал однажды: «Писателя можно рассматривать трояким образом: как рассказчика историй, как учителя или как чародея… Но главный из трёх — чародей, волшебник». Мне всегда казалось, что он прав.

Мегги не знала, что на это ответить. Она знала только, что скучает по Фенолио.

— А Динь-Динь? — спросила она. — Что будет с ней? Неужели ей тоже придётся остаться здесь?

Когда Мегги проснулась, фея лежала рядом с ней на траве. Сейчас она порхала вокруг вместе с другими феями. Если не приглядываться, их можно было принять за стаю мошек. Мегги никак не могла понять,

как фее удалось вырваться от Басты. Он же хотел засадить её в кувшин.

— Насколько я помню, Питер Пэн со временем все равно забыл о её существовании, — сказал Мо. — Верно?

Да, Мегги тоже это помнила.

— И всё-таки, — пробормотала она, — бедняга Фенолио!

Но Тереза, услышав эти слова, энергично закачала головой. Мо стал рыться в карманах в поисках бумаги и нашёл квитанцию автозаправки и фломастер. Тереза с улыбкой взяла их у него. Мегги присела рядом с ней на траву и прочла за её рукой:

— «Его не надо жалеть. Он попал в очень хорошую книгу». А Каприкорн по-прежнему там? А ты с ним там когда-нибудь встречалась? — спросила Мегги.

Они с Мо так часто задавали друг другу этот вопрос. Ведь в «Чернильном сердце» по-прежнему говорилось о нём. Но, может быть, и за печатными страницами что-то скрывается, целый мир, меняющийся, как и этот, с каждым днём.

«Я о нём только слышала, — писала её мама. — Говорили, будто он уехал. Но там были и другие, не лучше его. В этом мире много ужасного и прекрасного и… — это она написала так мелко, что Мегги с трудом разбирала буквы, — я отлично понимаю Сажерука с его тоской по дому».

Последняя фраза вселила в Мегги беспокойство. Она с тревогой посмотрела на мать, но та рассмеялась и потянула к себе её руку. «По вас я всегда тосковала больше», — написала она на ладони дочери, и Мегги зажала эти слова в кулачке, словно желая удержать их. Она не раз перечитывала их на долгом пути к дому Элинор. Прошло много дней, прежде чем они стёрлись.

Элинор не могла примириться с тем, что ей придётся снова пешком перебираться через холмы среди колючек и змей.

— Что я, с ума сошла? — ворчала она. — У меня при одной мысли об этом ноги начинают болеть.

Поэтому они с Мегги снова принялись искать телефон. Странно было снова бродить по этой теперь и вправду заброшенной деревне, мимо покрытого чёрной копотью дома Каприкорна и полусгоревших дверей церкви. На площади перед ними стояла вода. В ней отражалось

голубое небо. Казалось, площадь за ночь превратилась в озеро. Шланги, которыми люди Каприкорна тушили дом хозяина, извивались в воде, как гигантские змеи. Выгорел только нижний этаж, но Мегги так и не решалась войти в этот дом. Наконец, после того как они безуспешно обшарили десяток других домов, Элинор в одиночку прошла в обугленную дверь. Мегги объяснила ей, как найти комнату Сороки, и Элинор прихватила с собой ружьё — на случай, если старуха вернулась за награбленными разбойником сыном сокровищами. Но Сорока исчезла бесследно, как и Баста, а Элинор вскоре вернулась с торжествующей улыбкой на губах и телефоном в руке.

Она вызвала такси. Нелегко было объяснить водителю, что он должен проигнорировать заграждение, которое встретится ему на дороге. К счастью, он хотя бы не верил в истории про дьявола, живущего в этой деревне. Мо и Элинор встречали такси на дороге, чтобы водитель не увидел фей и кобольдов. Оставив Мегги с матерью в деревне, они вдвоём доехали до ближайшего городка и вскоре вернулись на двух взятых напрокат микроавтобусах. Дело в том, что Элинор решила поселить у себя все странные существа, которые занесло в их мир. «Предоставить убежище, — называла она это. — Ведь наш мир никогда не проявлял терпения и понимания к тем, кто отличается от других. Чего уж ждать тем, у кого синяя кожа и крылья?»

Чтобы разъяснить предложение Элинор всем, к кому оно относилось, потребовалось немало времени. Конечно, она пригласила и людей, но большинство из них решили остаться в деревне Каприкорна. Деревня, очевидно, напоминала им родные края, почти изгладившиеся из их памяти в смертном сне. Тогда Мегги рассказала детям о сокровищах, хранящихся в подвалах Каприкорна. Их, наверное, хватит, чтобы прокормить всех обитателей деревни до конца их дней. Птицы, собаки и кошки, возвращённые к жизни Призраком, давно уже разбежались по окрестным холмам. Несколько фей и двое стеклянных человечков тоже решили остаться в прежде проклятой деревне — так очаровали их цветы дрока, аромат розмарина и узкие улочки, где каждый камешек нашёптывал им старые истории.

Тем не менее в автобусы в конце концов впорхнуло и расположилось на спинках обитых серым сидений целых сорок три

феи. Каприкорн, видимо, прихлопывал фей не глядя, как мошек. Динь-Динь не поехала с ними, что не особенно огорчило Мегги, поскольку девочка успела заметить, что фея Питера Пэна — очень вредная особа. Кроме того, её звон действительно действовал на нервы, а звенела Динь-Динь почти непрерывно, особенно если не получала, чего хотела.

Кроме того, в автобусы к Элинор сели четыре кобольда, тринадцать стеклянных человечков обоего пола и Дариус, незадачливый чтец. Его ничто больше не удерживало в покинутой и вновь заселённой деревне. Для него она была полна слишком мучительных воспоминаний. Он предложил Элинор свою помощь в восстановлении библиотеки, и она согласилась (Мегги про себя заподозрила, что втайне она мечтает попросить Дариуса как-нибудь почитать ей вслух, в надежде, что в отсутствие грозного Каприкорна он не будет запинаться).

Мегги долго ещё глядела назад, когда они отъезжали от деревни Каприкорна. Она знала, что никогда её не забудет, как не забываются иные книги, хотя читать их было страшно, — а может быть, именно поэтому.

Мо ещё раз спросил дочь с некоторой тревогой, не против ли она, что они едут сперва к Элинор. Она была совсем не против. Как ни странно, она больше соскучилась по дому Элинор, чем по старому хутору, где они с Мо прожили последние годы.

На лужайке за домом все ещё виднелось выжженное пятно на том месте, где молодцы Каприкорна устроили костёр из книг, но пепел был уже убран. Прежде чем его убрали, Элинор наполнила мягкой серой пылью банку из-под варенья и поставила её на ночной столик у своей кровати.

Те книги, которые поджигатели просто посбрасывали с полок, уже стояли на своих местах, а некоторые ждали починки на рабочем столе Мо. Но полки в библиотеке всё же выглядели совсем пустыми, и, когда Мегги с Элинор подошли к ним, девочка заметила слёзы на глазах у тётушки, хотя та постаралась смахнуть их незаметно.

Следующие недели Элинор провела за покупками. Она покупала книги. Она ездила за ними по всей Европе, всегда в сопровождении Дариуса. Иногда к ним присоединялся и Мо. А Мегги оставалась в

большом доме вдвоём с матерью. Они вместе садились у окна и глядели, как феи вьют в саду гнёзда — круглые сооружения, висевшие на деревьях, как футбольные мячи. Стеклянные человечки облюбовали для жилья чердак Элинор, а кобольды вырыли себе норы у корней больших, старых деревьев, которых было много в саду Элинор. Она настойчиво предупреждала их об опасностях, подстерегающих за садовой изгородью, но вскоре феи уже летали по ночам к озеру, кобольды пробирались в спящие деревни по его берегу, а стеклянные человечки исчезали в высокой траве, покрывавшей склоны соседних гор.

— Да не беспокойся ты так! — говорил Мо, когда Элинор в очередной раз принималась причитать об их безрассудстве. — Тот мир, откуда они пришли, тоже был совсем не безопасным!

— Но он был другим! — вздыхала бедная Элинор. — Там не было машин. А если феи залетят в высоковольтные провода? И охотников с ружьями, которые стреляют просто так во всё, что движется, там тоже не было.

Элинор знала теперь все о мире «Чернильного сердца». Мать Мегги истратила много бумаги на свои воспоминания. Каждый вечер Мегги просила её рассказать что-нибудь ещё, они садились рядом, Тереза писала, а Мегги читала и иногда пыталась нарисовать то, что описывала мать.

Проходили дни, и полки Элинор заполнялись новыми чудесными книгами. Многие были в плачевном состоянии, и Дариус, который начал составлять опись печатных сокровищ Элинор, часто прерывал работу, чтобы посмотреть, как работает Мо. Во все глаза глядел он на то, как Мо вынимает зачитанную книжку из истрепавшейся обложки, сшивает наново рассыпавшиеся страницы, наклеивает корешок и делает всё прочее, что нужно, чтобы книга прожила ещё много-много лет.

Позднее Мегги не могла вспомнить, когда они решили остаться насовсем в доме Элинор. Может быть, только через много недель, а может быть, они это поняли уже в первый день. Мегги получила в своё распоряжение комнату со слишком большой кроватью, под которой стоял её сундук с книгами. Она с удовольствием почитала бы матери вслух свои любимые книжки, но теперь ей было понятно, почему Мо по-прежнему делает это крайне редко. И в один прекрасный день,

когда она снова не могла уснуть ночью, потому что ей мерещилось за окном лицо Басты, она села за стол и начала писать, поглядывая в сад, где светились феи и копошились в кустах кобольды.

Да, таков был план Мегги: она решила научиться сочинять истории, как Фенолио. Она хотела научиться отыскивать слова, которые она могла бы прочесть своей матери, не опасаясь, что перед ней появится неизвестное существо с глазами, полными тоски по дому. Только слова могли вернуть домой тех, кто создан из букв, и поэтому Мегги решила, что слова должны стать её профессией. А где можно освоить её лучше, чем в доме, где феи строили гнёзда в саду, а книги шептались по ночам на полках библиотеки?

Как сказал Мо, писать книги — это, кроме прочего, волшебство.

---

notes

Примечания

1

Персонажи англосаксонского героического эпоса.

2

Персонаж повести «Паутинка Шарлотты» американского детского писателя Э. Б. Уайта.

3

Герой романов из цикла «Король Артур» английского мастера фэнтези Т. Х. Уайта.

4

«БДВ, или Большой и Добрый великан» английского классика Р. Даля.

5

Персонаж серии книг французского писателя Ж. Де Брюнофа.

6

Книга американского писателя и художника-иллюстратора М. Сендака.

7

Перевод Н. Чуковского.

8

Р. Киплинг. Книга джунглей.

9

У. Шекспир. Венецианский купец (перевод Т. Щепкиной-Куперник).

10

Герой сказок немецкого писателя М. Энде.

11

Здесь и далее «Питер Пэн» цитируется в переводе И. Токмаковой.

12

Р. Киплинг. Кошка, гулявшая сама по себе (перевод К. Чуковского).